

СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ

№ 2 • 2020

ISSN: 2310-8681
Издается с 2013 г.

Учредители:

Мащевич И. М., Орлов В. Н., Антонян Е. А., Зайцев О. А., Издательство «Прспект»

Издатель:

Издательство «Прспект»

Главный редактор:

Мащевич Игорь Михайлович, доктор юридических наук, профессор, президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Заместители главного редактора:

Овчинский Владимир Семенович, доктор юридических наук, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Эминов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный юрист Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Зайцев Олег Александрович, доктор юридических наук, профессор, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, заслуженный деятель науки Российской Федерации, почетный работник высшего профессионального образования РФ (Россия, г. Москва)

Звягинцев Александр Григорьевич, вице-президент Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Редакционный совет:

Блажеев Виктор Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, ректор Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, заслуженный юрист РФ, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Буянов Владимир Петрович, доктор экономических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Гордиенко Владимир Васильевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Москва)

Клемешев Андрей Павлович, доктор политических наук, ректор Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Калининград)

Максимцев Игорь Анатольевич, доктор экономических наук, профессор, ректор Санкт-Петербургского государственного экономического университета, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Россия, г. Санкт-Петербург)

Сарсенбаев Талгат Есиналиевич, доктор юридических наук, профессор, почетный профессор Союза криминалистов и криминологов (Республика Казахстан, г. Нур-Султан)

Редакционная коллегия:

Абишлага Георгий Валерьянович, доктор юридических наук, профессор, адвокат, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Уральскому федеральному округу, почетный адвокат России (Россия, г. Екатеринбург)

Аветисян Сержик Сергеевич, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Армения, Уголовная палата кассационного суда Республики Армения, профессор Российско-Армянского (Славянского) университета (Армения, г. Ереван)

Антонян Елена Александровна, доктор юридических наук, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Баранов Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор Нижегородской академии МВД РФ, заслуженный деятель науки РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Барков Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, профессор департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ, профессор (Россия, г. Москва)

Болдов Николай Филиппович, кандидат юридических наук, доцент кафедры судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Велев Исмахан Вейсал-оглы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Азербайджане (Азербайджанская Республика, г. Баку)

Гришко Александр Яковлевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Центральному федеральному округу (Россия, г. Рязань)

Жалаири Омрали Шакарпұлы, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Казахстан, ректор Евразийской юридической академии имени Д. А. Кунаева, академик высшей школы Казахстана, заслуженный деятель Казахстана (Республика Казахстан, г. Алматы)

Ильяшенко Алексей Николаевич, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Южному федеральному округу, профессор кафедры уголовного права и криминологии Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Кубанский государственный университет» (ФГБОУ ВО «КБГУ»), (Россия, г. Краснодар)

Кадников Николай Григорьевич, доктор юридических наук, профессор, профес-

сор кафедры уголовного права Московского университета МВД имени В. Я. Кикотя, (Россия, г. Москва)

Казак Бронислав Брониславович, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Северо-Западному федеральному округу, заведующий кафедрой организации правоохранительной и правозащитной деятельности Псковского государственного университета, (Россия, г. Псков)

Лукьянов Владимир Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Санкт-Петербургу, советник ректора Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург)

Маркарян Рубен Валерьевич, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Москве, профессор Российской академии адвокатуры и нотариата (Россия, г. Москва)

Номоконов Виталий Анатольевич, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВПО «Дальневосточный федеральный университет» (Россия, г. Владивосток)

Петрянин Алексей Владимирович, доктор юридических наук, доцент, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Нижнем Новгороде, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Нижегородской академии МВД РФ (Россия, г. Нижний Новгород)

Рарог Алексей Иванович, доктор юридических наук, профессор, научный руководитель кафедры уголовного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Редникова Татьяна Владимировна, кандидат юридических наук, научный сотрудник Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Институт государства и права Российской академии наук» (ИГП РАН) (Россия, г. Москва)

Росинская Елена Рафаиловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой судебной экспертизы ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)», (Россия, г. Москва)

Саламова Себила Якубовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права ФГБОУ ВПО «Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА)» (Россия, г. Москва)

Селиверстов Вячеслав Иванович, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Россия, г. Москва)

Халилов Рафик Нурулович, кандидат юридических наук, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Приволжскому федеральному округу, доцент кафедры уголовного права КФУ, почетный работник МВД РФ (Россия, г. Казань)

Хельманн Уве, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, dr. jur. habil., профессор (Германия, г. Потсдам)

Хуньянь Лю, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором экологического права Института права Китайской академии общественных наук (Китай, г. Пекин)

Шамурзаев Таалайбек Турсунович, доктор юридических наук, профессор, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Кыргызской Республике, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Кыргызско-Российского Славянского университета (Кыргызская Республика, г. Бишкек)

Шевелева Светлана Викторовна, доктор юридических наук, руководитель филиала Союза криминалистов и криминологов в Курске, профессор кафедры уголовного права юридического факультета Юго-западного университета (Россия, г. Курск)

Шидловский Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, председатель представительства Союза криминалистов и криминологов в Республике Беларусь, заместитель декана юридического факультета Белорусского государственного университета (Республика Беларусь, г. Минск)

Шинко Ирина Викторовна, доктор юридических наук, профессор, председатель Отделения Союза криминалистов и криминологов по Сибирскому федеральному округу, директор Юридического института Сибирского федерального университета, почетный работник высшего профессионального образования (Россия, г. Красноярск)

Научный редактор:

Редникова Татьяна Владимировна

Помощник выпускающего редактора:

Приходько Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры правоведения Российского государственного аграрного университета МСХА им. К. А. Тимирязева

Почта журнала
crimescience.skk@yandex.ru

Переводчики:

Рудаковская Елена, Терзисян Саргис, Сторей Джессика, Штате Диана

Адрес: 105005, г. Москва, Лефортовский пер, д. 12/50, корп. 1

Тел.: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

http://crimescience.ru; http://criminology.ru

Союз криминалистов и криминологов: периодическое печатное издание, журнал. — 2020. — № 2

М.: ООО «Издательство Проспект», 2020. — 208 с.

Публикуются работы в сфере наук криминального цикла и уголовной политики. Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЕЛИ № ФИ77-72228 от 01 февраля 2018 г.

Подписано в печать 13.08.2020 г. Формат 60×90 1/8. Бумага офсетная. 26 п. л. Тираж 500. Цена свободная.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-2-208

VERBAND DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

№ 2 • 2020

ISSN: 2310-8681
Wird seit 2013 veröffentlicht

Gründer:

Mazkevich I. M., Orlov V. N., Antonian E. A., Zaitsev O. E.

Verleger: GmbH "Verlag Prospekt"

Der Chefredakteur:

Mazkevich Igor Michailovich, Präsident des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Stellvertreter des Chefredakteurs:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Eminov Vladimir Evgenievich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Verdienter Arbeiter der hohen Berufsbildung der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Zvyagitsev Aleksandr Grigorjevich, stellvertretender Vorsitzender des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Redaktionsbeirat:

Blazhev Viktor Vladimirovich, Rektor der Moskauer Staatlichen Kutafin-Universität für Rechtswissenschaften (MSAL), Kandidat der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Jurist der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Moskau, Russland)

Klimeshev Andrej Pavlovich, Rektor der Baltischen Föderalen Universität Immanuel Kant, Doktor der Politikwissenschaften, Verdienter Arbeiter der Hochschule der Russischen Föderation, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Kaliningrad, Russland)

Maksimov Igor Anatolyevich, Doktor der Wirtschaft, Professor, Rektor der Staatlichen Universität für Wirtschaft in St. Petersburg, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Russland, St. Petersburg)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Honorarprofessor des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes (Nur-Sultan, Republik Kasachstan)

Redaktionskollegium:

Abshilava Georgij Valerianovich, Rechtsanwalt, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Föderalen Bezirk Ural Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Vereidigter Rechtsanwalt Russlands (Jekaterinburg, Russland)

Avetisyan Sergik Sergeevich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Armenien, der Strafkammer des Kassationsgerichts der Republik Armenien, Professor der Russisch-armenischen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Erevan, Armenien)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professorin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktorin der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Professor an der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Nyzhny Novgorod, Russland)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor der Abteilung für gesetzliche Regulierung der Wirtschaftstätigkeit der Finanzuniversität unter der Regierung der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Dozent am Lehrstuhl für forensische Untersuchung an der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Veliev Isakhan Weysale-ogly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Aserbaidschan, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Baku, Republik Aserbaidschan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Zentral Föderalen Bezirk Russlands, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Rjasan, Russland)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kasachstan, Rektor der Eurasische Kunaw Akademie für Jurisprudenz, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademienmitglied der kasachischen Oberschule, Verdienter Arbeiter Kasachstans (Almaty, Republik Kasachstan)

Hellmann Uwe, Leiter des Lehrstuhls für Straf- und Wirtschaftsstrafrecht an der Fakultät für Jura der Universität Potsdam, Dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Deutschland)

Hongyan Liu, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter des Sektors Umweltrecht des Instituts für Recht der Chinesischen Akademie der Sozialwissenschaften (China, Peking)

Ijaschenko Aleksej Nikolajevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im südlichen Föderalen Bezirk Russlands, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kuban Staatlichen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Krasnodar, Russland)

Kadnikov Nikolai Grigorjevich, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und Kriminologie der Kikot Universität Moskau des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Moskau, Russland)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Nordwestlichen Föderalen Bezirk Russlands, Leiter der Organisation der Strafverfolgung und der Menschenrechte Aktivitäten Vorsitzender der Pskov State University, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Pskov, Russland)

Khalilov Rafik Nurulovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Privolzhskij Föderalen Bezirk Russlands, Dozent des Lehrstuhls für Strafrecht der Kazan Federal University, Kandidat der Rechtswissenschaften, Verdienter Arbeiter des Ministeriums für Innere Angelegenheiten der Russischen Föderation (Kasan, Russland)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Sankt Petersburg, Berater des Rektors der Russischen Staatlichen Pädagogischen Universität, benannt nach A. I. Herzen (Sankt Petersburg, Russland)

Markarjan Ruben Valerjevich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Moskau, Professor der Russischen Akademie für Anwaltschaft und Notariat, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Nomokonov Vitalij Analoljevich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Fernöstlichen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor (Wladiwostok, Russland)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Nyzhny Novgorod, Professor am Lehrstuhl für Straf- und Strafvollzugsrecht der Nyzhny Novgorod Akademie des Innenministeriums der Russischen Föderation, Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent (Nyzhny Novgorod, Russland)

Rarog Alexey Ivanovich, wissenschaftliche Leiter des Lehrstuhls für Strafrecht der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Forscherin am Institut für Staat und Recht der Russischen Akademie der Wissenschaften, Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Leiter des Lehrstuhls für forensische Untersuchung der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin (Moskau, Russland)

Salamova Sebila Jakobovna, Dozentin am Lehrstuhl für Kriminologie und Strafvollzugsrecht der Moskauer staatliche juristische O. E. Kutafin Universität (Moskauer staatliche juristische Akademie), Kandidat der Rechtswissenschaften (Moskau, Russland)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht und Kriminologie der Moskauer Staatlichen Lomonosow-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation (Moskau, Russland)

Shamurzaev Taalaibek Tursunovich, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Leiter der Vertretung der Union der Kriminalisten und Kriminologen in der Kirgisischen Republik, Leiter der Abteilung für Strafverfahren und Kriminalistik der Kirgisischen Russischen Slawischen Universität (Kirgisische Republik, Bischkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Leiterin der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in Kursk, Professor am Lehrstuhl für Strafrecht der Juristische Fakultät der Süd-West-Universität, Doktor der Rechtswissenschaften (Kursk, Russland)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Leiter der Repräsentanz des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes in der Republik Belarus, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Prodekan der Rechtsfakultät der Belorussischen Staatsuniversität (Minsk, Republik Weißrussland)

Shishko Irina Viktorovna, Leiter der Vertretung des Kriminalisten- und Kriminologen Verbandes im Sibirischen Föderalen Bezirk Russlands, Direktor des Instituts für Rechtswissenschaften des Sibirischen Föderalen Universität, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Arbeiter der Hochschulbildung (Krasnojarsk, Russland)

Wissenschaftlicher Redakteur:

Redikova Tatiana Vladimirovna

Redakteur Assistent

Prikhodko Natalya Yuryevna, Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozentin der Rechtsabteilung der K. A. Timiryazev Russischen Staatlichen Agraruniversität

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Dolmetscher:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Adresse: 105005, Russland, Moskau, Lefortovskij Pereulok, 12/50, Gebäude 1.

Telefon: 8 (495) 651-62-62 E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

Verband der Kriminalisten und Kriminologen: periodischen Druckschrift, Zeitschrift. — 2020. — Nr. 2
Moskau: GmbH "Verlag Prospekt", 2020. — 208 Seiten.

Es werden Arbeiten auf dem Gebiet der kriminellen Funktion sowie Kriminalpolitik veröffentlicht.

die Zeitschrift ist im Föderalen Dienst für Aufsicht im Bereich der Kommunikation,

Informationstechnologie und Massenkommunikation (Roskomnadsor)

registriert. Eintragungsbekanntmachung der Massenmedien PI Nr. FS77-72228 vom 01. Februar 2018.

Am 13.08.2020 in Druck gegeben, Format 60×90 1/8. Offsetdruck Papier. Druckliste 26. Auflage 500 Exemplare. Der Preis ist frei.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-2-208

THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS

№ 2 • 2020

ISSN: 2310-8681
Published since 2013

Founders:

Matskevich I. M., Orlov V. N., Antonian E. A., Zaitsev O. E.

Publisher: LLC "Publisher Prospekt"

The Editor-in-Chief:

Matskevich Igor Mikhailovich, President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Executive Editors-in-Chief:

Ovchinsky Vladimir Semenovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Eminov Vladimir Evgenievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored lawyer of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zaytsev Oleg Aleksandrovich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Worker of High Professional Education of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Zvyagintsev Aleksandr Grigorievich, Vice-President of the Union of Criminalists and Criminologists (Moscow, Russia)

Editorial Collegium:

Blazhnev Viktor Vladimirovich, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Buyanov Vladimir Petrovich, Doctor of Economic Sciences, Professor, Honored, Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Gordienko Vladimir Vasilievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Moscow, Russia)

Klemeshev Andrey Pavlovich, Rector of the Immanuel Kant Baltic Federal University, Doctor of Political Sciences, Honored Worker of High School of the Russian Federation, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Kaliningrad, Russia)

Maksimov Igor Anatolyevich, Doctor of Economics, Professor, Rector of St. Petersburg State University of Economics, Honorary Professor of the Union of Criminalists and Criminologists (St. Petersburg, Russia)

Sarsenbaev Talgat Esinalievich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Professor of the Union of Criminalists and Criminologist (Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Editorial Board:

Abshilava Georgiy Valerianovich, Attorney, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Ural Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Attorney of Russia (Ekaterinburg, Russia)

Avetisian Sergik Sergeevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Armenia, The Criminal Chamber of the Court of Cassation of the Republic of Armenia, Professor of the Russian-Armenian University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Yerevan, Armenia)

Antonyan Elena Aleksandrovna, Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Baranov Vladimir Mikhailovich, Professor of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Honored scientist of the Russian Federation (Nizhny Novgorod, Russia)

Barkov Aleksey Vladimirovich, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activity of the Financial University under the Russian Federation Government, Doctor of Law, Professor (Moscow, Russia)

Bodrov Nikolai Fillipovich, Assistant Professor of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Veliev Isakhan Veysale-ogly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Azerbaijan, Doctor of Legal Sciences, Professor (Baku, Republic of Azerbaijan)

Grishko Aleksandr Jakovlevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Central Federal District of Russia, Doctor of Legal Sciences, Professor (Ryazan, Russia)

Jalairi Omrali Shakarapuly, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in Kazakhstan, Rector of the Kunaev Eurasian Law Academy, Doctor of Legal Sciences, Professor, Academician of the Higher School of Kazakhstan, Honored Worker of Kazakhstan (Almaty, Republic of Kazakhstan)

Hellmann Uwe, Head of Criminal and Economical Criminal Law Chair of Law Faculty of the Potsdam University, dr. jur. habil., Professor (Potsdam, Germany)

Hongyan Liu, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Environmental Law Department of the Law Institute of the Chinese Academy of Social Sciences (Beijing, China)

Ilyashenko Aleksey Nikolaevich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Southern Federal District of Russia, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kuban State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Krasnodar, Russia)

Kadnikov Nikolai Grigorievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Kikot' Moscow University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Kazak Bronislav Bronislavovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the North-Western Federal District of Russia, Head of the Organization of law enforcement and human rights activities Chair of the Pskov State University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Pskov, Russia)

Khalilov Rafik Nurulovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Privolzhskiy Federal District of Russia, Assistant Professor of the Criminal Law Chair of Kazan Federal University, Candidate of Legal Sciences, Honored Worker of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Kazan, Russia)

Lukyanov Vladimir Viktorovich, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Sankt Petersburg, Advisor to the Rector of the Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen (Sankt Petersburg, Russia)

Markarjan Ruben Valerievich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Moscow, Professor of the Russian Academy of Advocacy and Notaries, Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Nomokonov Vitaly Anatolievich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Far-Eastern Federal University, Doctor of Legal Sciences, Professor (Vladivostok, Russia)

Petryanin Alexey Vladimirovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Nizhny Novgorod, Professor of the Criminal and Criminal-Executive Law Chair of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor (Nizhny Novgorod, Russia)

Rarog Alexey Ivanovich, Research supervisor of Criminal Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Rednikova Tatiana Vladimirovna, Researcher at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Candidate of Legal Sciences, (Moscow, Russia)

Rossinskaya Elena Rafailovna, Head of Forensic Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Legal Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Salamova Sebila Jakubovna, Assistant Professor of the Criminology and Criminal Executive Law Chair of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Candidate of Legal Sciences (Moscow, Russia)

Seliverstov Vyacheslav Ivanovich, Professor of the Criminal Law and Criminology Chair of the Lomonosov Moscow State University, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Shamurzaev Taalibek Tursunovich, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Representative Office of the Union of Criminalists and Criminologists in the Kyrgyz Republic, Head of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics of the Kyrgyz Russian Slavic University (Kyrgyz Republic, Bishkek)

Sheveleva Svetlana Viktorovna, Doctor of Legal Sciences, Head of the Union of Criminalists and Criminologists department in Kursk, Professor of Criminal Law Department of the Law Faculty of the South-Western University (Kursk, Russia)

Shidlovsky Andrei Viktorovich, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Republic of Belorussia, Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Vice Dean of the Law Faculty of the Belorussian State University (Minsk, Republic of Belorussia)

Shishko Irina Viktorovna, Head of the Union of Criminalists and Criminologists representative office in the Siberian Federal District of Russia, Director of the Siberian Federal University Law Institute, Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of High Professional Education (Krasnoyarsk, Russia)

Scientific Editor:

Rednikova Tatiana Vladimirovna

Editor's assistant:

Prikhodko Natalya Yuryevna, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Law at the Russian State Agrarian University Moscow Agricultural Academy named after K. A. Timiryazev

E-mail

crimescience.skk@yandex.ru

Interpreters:

Rudakowskaya Elena, Terzikyan Sargis, Storey Jessica, Diana Stage

Address: Building 1, Lefortovskiy Pereulok, Moscow, 105005, Russia

Telephone: 8 (495) 651-62-62; E-mail: crimescience.pro@yandex.ru

The Union of Criminalists and Criminologists: periodical printed edition, bulletin. — 2020. — No. 2

Moscow: LLC "Publisher Prospekt", 2020. — 208 p.

The bulletin is registered at the Federal Service on Communication, Informational Technologies and Mass Media (Roscomnadzor).

Registration Certificate of Mass Media PE No. FC77-72228 issued on February 1, 2018.

Works in Sphere of criminal sciences and criminal politics art; published.

Signed for publishing 13.08.2020. Format 60×90 1/8. Offset paper. Pr. Sheets 26. Circulation 500. Openprice.

Journal DOI 10.31085/2310-8681 Issue DOI 10.31085/2310-8681-2020-2-208

СОДЕРЖАНИЕ

Трибуна ВУЗА МОСКОВСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ МВД РОССИИ ИМЕНИ В.Я. КИКОТЯ

Калиниченко И.А.
Инновационное образование в Московском
университете МВД России имени В.Я. Кикотя.....7

Кадников Н.Г.
Современные проблемы категоризации преступлений
в зависимости от их тяжести.....13

Качалов В.В.
Получение взятки криптовалютой: вопросы
квалификации.....19

Жилкин М.Г., Земцова А.В.
Значение бенефициарных связей в механизме
противодействия криминальным банкротствам:
вопросы правоприменения и совершенствования
законодательства.....26

Чулахов В.Н.
О системе криминалистической техники как раздела
криминалистики.....31

Шкабин Г.С.
Уголовно-правовые фикции в оперативно-разыском
законодательстве.....38

Азаренкова Е.А., Приходько Н.Ю.
Квалифицированные виды «контрабандных»
преступлений в уголовном законодательстве
Российской Федерации45

Пузырева Ю.В.
К вопросу о статусе сотрудников частных военных
и охранных компаний в вооруженных конфликтах51

Мудров Н.М.
Миротворческая деятельность Организации
Объединенных Наций как эффективный инструмент
поддержания международного мира и безопасности58

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дубовик О.Л.
Уголовно-правовое понятие «загрязнение окружающей
среды»: состав преступления, деяние, способ или
последствия его совершения.....65

Коняхин В.П., Князькина А.К., Гигинейшвили М.Т.
Международный опыт криминализации незаконной
миграции и пределы (объем) его имплементации
в Уголовном кодексе РФ.....71

КРИМИНОЛОГИЯ

Печегин Д.А.
Теоретические аспекты обособления валютной
преступности.....78

Стешич Е.С.
Критерии оценки уровня убийств (гомицида)
в международной практике82

Овчинникова Е.О.
Психологическая и лингвистическая обусловленность
пропаганды экстремизма.....87

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

Скиба А.П., Родионов А.В., Малолеткина Н.С.
Средства исправления осужденных и их
индивидуальные особенности: некоторые
теоретические и правовые проблемы взаимосвязи95

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

Зайцев О.А., Мацкевич И.М., Лебедев М.В.
К юбилею ученого, государственного и общественного
деятеля Игоря Ивановича Рогова.....102

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Чучаев А.И., Грачева Ю.В., Маликов С.В.
Руководящие начала по уголовному праву:
предыстория разработки, прообраз Общей части
первого УК РСФСР, значение (к 100-летию принятия)106

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

Скуртул А.А.
Обеспечение экономической безопасности
государства органами внутренних дел
Российской Федерации122

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

Воробьева М.С.
Криминологическая характеристика мошенничества в
сфере компьютерной информации130

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

Антонян Ю.М.
Объяснение гитлеризма139

СТЕНОГРАММА

Скиба А.П., Нистратова И.С., Карханина Л.В.
Актуальные проблемы предупреждения
правонарушений среди несовершеннолетних (круглый
стол).....151

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ180

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN182

ABOUT THE AUTHORS.....184

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER.....186

ANNOTATIONS AND KEYWORDS.....197

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА
«СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ».....206

INHALT

DER MOSKAUER UNIVERSITÄT DES INNENMINISTERIUMS RUSSLANDS NAMENS V.YA. KIKOT'

Kalinichenko I.A.
Innovative Ausbildung an der Moskauer V.Ya. Kikot'
Universität des Innenministeriums Russlands7

Kadnikov N.G.
Moderne Probleme der Kategorisierung von Verbrechen
nach ihrer Schwere13

Kachalov V.V.
Bestechung durch Kryptowährung:
Qualifikationsprobleme19

Zhilkin M.G., Zemtsova A.V.
Der Wert der begünstigten Beziehungen im
Mechanismus zur Bekämpfung krimineller Insolvenz:
Fragen der Rechtsdurchsetzung und der Verbesserung
der Gesetzgebung26

Chulakhov V.N.
Über das System der forensischen Technologie als Teil
der forensischen Wissenschaft31

Shkabin G.S.
Strafrechtliche Fiktionen in der Gesetzgebung zur
operativen Suche38

Asarenkova E.A., Prikhodko N.Yu.
Qualifizierte Arten von „Schmuggelverbrechen“ im
Strafrecht der Russischen Föderation45

Puzyreva Yu.V.
Zum Status von Mitarbeitern privater Militär- und
Sicherheitsunternehmen in bewaffneten Konflikten51

Mudrov N.M.
Friedenssicherung der Vereinten Nationen als wirksames
Instrument zur Wahrung des internationalen Friedens
und der internationalen Sicherheit58

STRAFSRECHT

Dubovik O.L.
Das strafrechtliche Konzept der "Umweltverschmutzung":
die Zusammensetzung des Verbrechens, die Handlung,
die Art und Weise oder die Folgen seiner Begehung65

Konyakhin V.P., Knyazkina A.K., Giginayshvili M.T.
Internationale Erfahrung bei der Kriminalisierung der
illegalen Einwanderung und die Grenzen (Umfang)
seiner Umsetzung im Strafgesetzbuch der Russischen
Föderation71

KRIMINOLOGIE

Pechegin D.A.
Theoretische Aspekte der Währungskriminalität als eine
eigenständige Straftatengruppe78

Steshich E.S.
Kriterien für die Bewertung der Mordrate (Homizid) in
der internationalen Praxis82

Ovchinnikova E.O.
Psychologische und linguistische Bedingtheit der
extremistischen Propaganda87

STRAFVOLLZUGSRECHT

Skiba A.P., Rodionov A.V., Maloletkina N.S.
Mittel zur Korrektur von Verurteilten und ihre
individuellen Merkmale: einige theoretische und
rechtliche Probleme der Wechselbeziehung95

AUSLÄNDISCHE REPRÄSENTANZ DES VERBANDES DER KRIMINALISTEN UND KRIMINOLOGEN

Zaitsev O.A., Matskevich I.M., Lebedev M.V.
Zum Jubiläum des Wissenschaftlers, Staatsmannes und
Persönlichkeit des öffentlichen Lebens, Igor Ivanovich
Rogov102

DIE THEORIE UND DIE GESCHICHTE DES RECHTES UND DES STAATES

Chuchayev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.
Leitlinien für das Strafrecht: Hintergrund der
Entwicklung, der Prototyp des Allgemeinen Teils des
ersten Strafgesetzbuches der RSFSR, der Wert (zum
100-Jahr-Jubiläum der Verabschiedung)106

SICHERHEIT DER PERSON, DER GESELLSCHAFT, DES STAATES UND DER INTERNATIONALEN GEMEINSCHAFT

Skurtul A.A.
Die Gewährleistung der wirtschaftlichen Sicherheit des
Staates durch die Behörden für inneren Angelegenheiten
der Russischen Föderation122

MOSKAUER KRIMINOLOGISCHE PRAXIS

Vorobyeva M.S.
Die kriminologische Eigenschaft des Betrugs im Bereich
der Computerinformationen130

SCHRIFTSTELLER-PUBLIZIST-KRIMINALIST- KRIMINOLOGE

Antonyan Yu.M.
Die Erklärung des Hitlerismus139

BERICHT

Skiba A.P., Nistratova I.S., Karhanina L.V.
Aktuelle Probleme der Vorbeugung von
Jugendkriminalität (der Runde Tisch)151

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN182

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER186

EINLEITUNG FÜR DIE GESTALTUNG
VON WISSENSCHAFTLICHEN ARTIKELN
UND MATERIALIEN FÜR DIE ZEITSCHRIFT
VERBAND DER KRIMINALISTEN
UND KRIMINOLOGEN206

CONTENTS

UNIVERSITY TRIBUNE

MOSCOW UNIVERSITY OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA NAMED AFTER V.YA. KIKOT'

Kalinichenko I.A.

Innovative education at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot' ...7

Kadnikov N.G.

Modern problems of categorization of crimes depending on their severity13

Kachalov V.V.

Cryptocurrency Bribe Taking: Qualification Issues.....19

Zhilkin M.G., Zemtsova A.V.

The value of beneficial relationships in the mechanism of counteraction criminal bankruptcies: enforcement issues and improvement of the legislation.....26

Chulakhov V.N.

On the system of Forensic technology as a section of Forensic science31

Shkabin G.S.

Criminal law fictions in the operational-search legislation....38

Azarenkova E.A., Prikhodko N.Yu.

Qualified types of "smuggling" crimes in the criminal legislation of the Russian Federation45

Puzyreva Yu.V.

On the status of employees of private military and security companies in armed conflicts.....51

Mudrov N.M.

United Nations peacekeeping as an effective instrument for maintaining international peace and security.....58

CRIMINAL LAW

Dubovik O.L.

The criminal law concept of "environmental pollution": the composition of the crime, the act, the method or consequences of its commission.....65

Konyakhin V.P., Knyazkina A.K., Giginayshvili M.T.

International practice of criminalization of illegal migration and scope of its implementation into the Criminal Code of the Russian Federation71

CRIMINOLOGY

Pechegin D.A.

Theoretical aspects of currency crime allocation78

Steshich E.S.

Criteria for assessing the homicide rate (homicide) in international practice.....82

Ovchinnikova E.O.

Psychological and Linguistic Conditionality of Extremist Propaganda.....87

PENAL LAW

Skiba A.P., Rodionov A.V., Maloletkina N.S.

Means of convicts' correction and their individual features: some theoretical and legal problems of interrelation.....95

FOREIGN REPRESENTATIVE OFFICE OF THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Zaitsev O.A., Matskevich I.M., Lebedev M.V.

To the anniversary of the scientist, statesman and public figure Igor Ivanovich Rogov.....102

THE THEORY AND HISTORY OF LAW AND THE STATE

Chuchaev A.I., Gracheva Yu.V., Malikov S.V.

The Guiding principles for Criminal law: the background of the development, the prototype of the General part first Criminal code of the RSFR, meaning (for the 100th anniversary of adoption)106

SECURITY OF THE PERSON, SOCIETY, THE STATE AND THE INTERNATIONAL COMMUNITY

Skurtul A.A.

Ensuring of state economic security by internal affairs bodies of the Russian Federation.....122

MOSCOW CRIMINOLOGICAL PRACTICE

Vorobyeva M.S.

Criminological characteristics of fraud in the sphere of computer data.....130

WRITER-PUBLICIST-CRIMINALIST-CRIMINOLOGIST

Antonyan Yu.M.

The Explanation of Hitlerism139

REPORT

Skiba A.P., Nistratova I.S., Karkhanina L.V.

Topical issues on prevention of juvenile delinquency (the Round Table).....151

ABOUT THE AUTHORS184

ANNOTATIONS AND KEYWORDS197

GUIDELINES FOR PRESENTING THE SCIENTIFIC ARTICLES AND MATERIALS FOR PUBLISHING IN THE MAGAZINE "THE UNION OF CRIMINALISTS AND CRIMINOLOGISTS".....206

Трибуна вуза Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя

Инновационное образование в Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя

Калиниченко Игорь Александрович

В статье рассмотрены информационно-образовательная среда и инновационное образовательное пространство Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, их интеграция, модернизация и совершенствование как элементов, составляющих образовательный комплекс университета и обеспечивающих инновационное образование. Рассматривается сущность инновационного образования, а также предлагается авторская дефиниция данного понятия.

Ключевые слова: информационно-образовательная среда, инновационное образовательное пространство, интеграция, инновационное образование, обучающийся, высшее образование.

Вопросам, касающимся модернизации и развития в Российской Федерации образования в целом и высшей школы в частности, руководством страны сегодня уделяется повышенное внимание. Эти вопросы находятся и под личным контролем главы государства. Неоднократно в своих выступлениях Президент Российской Федерации подчеркивал исключительную значимость повышения качества образования не только для интеллектуального и морально-нравственного роста и развития страны, но и для ее стремительного социально-экономического преобразования. В ежегодном Послании Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 марта 2018 г. В.В. Путин отметил необходимость, опираясь на лучшие практики и опыт, в короткие сроки провести модернизацию системы профессионального образования, добиться качественных изменений в подготовке студентов, а также организовать центры опережающей профессиональной переподготовки и повышения квалификации (*Российская газета. 2 марта 2018 г.*).

В Послании Федеральному Собранию от 20 февраля 2019 г. глава государства отдельно подчеркнул, что в настоящее время перед российской

высшей школой стоит задача совершенствования образовательных программ и подготовки специалистов нового поколения, способных обеспечить и поддержать научно-технологический прорыв (*Российская газета. 21 февраля 2019 г.*).

Обращаясь с ежегодным Посланием к парламентариям в январе 2020 г., Президент В.В. Путин указал на необходимость уже в 2021 г. обеспечить в образовательных организациях высокоскоростной Интернет, что позволит в полном объеме при-

ступить к цифровой трансформации отечественного образования, в том числе высшей школы (*Российская газета*. 16 января 2020 г.).

В целях осуществления прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации глава государства определил приоритеты на ближайшие годы и поставил целый комплекс задач, которые нашли свое отражение в Указе Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» (*СЗ РФ*. 2018. № 20. Ст. 2817).

В частности, в сфере образования и науки выделены следующие основные задачи:

- создание современной и безопасной цифровой образовательной среды, обеспечивающей высокое качество и доступность образования всех видов и уровней;

- модернизация профессионального образования, в том числе посредством внедрения адаптивных, практико-ориентированных и гибких образовательных программ;

- создание передовой инфраструктуры научных исследований и разработок, инновационной деятельности;

- формирование целостной системы подготовки и профессионального роста научных и научно-педагогических кадров, обеспечивающей условия для осуществления молодыми учеными научных исследований и разработок, создания научных лабораторий и конкурентоспособных коллективов.

Чтобы быть конкурентоспособным на мировой арене, идти в ногу со временем или даже опережать общемировые темпы развития, необходимо формировать новый – инновационный подход к образованию, предполагающий инновационные изменения приемов и методов освоения образовательных программ, эволюцию технологий обучения, формирование универсального стиля мышления у обучающихся.

Представляется, что инновации сегодня должны быть нормой для образовательных учреждений всех уровней, поскольку обучение, основанное на инновационном подходе, способствует качественному формированию новой личности человека, а значит, оказывает благотворное влияние и на социокультурную среду.

Считаем необходимым выделить следующие особенности, присущие инновационному образованию:

- характер обучения нацелен на развитие поисковых и логических возможностей студента (ученика);

- модель обучения ориентирована на формирование критического, креативного мышления, а также раскрытие творческого потенциала студента (ученика);

- цель обучения заключается в достижении студентом (учеником) продвинутых навыков самообучения, самообразования, самонаблюдения и самодисциплины, поскольку в условиях, когда информационное поле всегда подвижно, а новые знания быстро устаревают, важно, чтобы педагоги развивали у обучающихся компетенции, позволяющие самостоятельно приобретать знания и эффективно работать с поступающим потоком информации.

Вместе с тем, инновационное образование должно быть практико-ориентированным и стремиться к достижению синергетического эффекта в результате интеграции фундаментальной науки, учебного процесса и производства.

На основании изложенного полагаем, что под инновационным образованием следует понимать модель образования, предполагающую включение в образовательный процесс передовых педагогических и научно-технических разработок и достижений, ориентированную на всемерное развитие творческих способностей у обучающегося и формирование у него сильных установок к саморазвитию, а также позволяющую готовить специалистов, способных в дальнейшем самостоятельно осуществлять инновации, самостоятельно осваивать и передавать другим обновленные методики творческой созидательной деятельности.

Необходимо отметить, что Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя (далее – Университет) во исполнение задач, поставленных Президентом Российской Федерации, государственной стратегии в сфере образования и науки, а также Перспективного плана развития Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя на период 2017–2021 гг. реализует широкий спектр мероприятий, направленных на инновационную образовательную деятельность.

В первую очередь, следует сказать об электронной информационно-образовательной среде Университета, постоянное совершенствование которой позволяет переходить на новые форматы электронного обучения и дистанционные образовательные технологии, использовать созданный электронный образовательный портал в целях интеграции электронных образовательных ресурсов и современных информационных сервисов, обеспечивать полноценную и качественную подготовку выпускников, соответствующих требованиям, предъявляемым Министерством внутренних дел Российской Феде-

рации, и обладающих всеми необходимыми профессиональными компетенциями.

Реализация и развитие данного направления в Университете осуществляется в том числе в соответствии со Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг., утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 (СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901).

Основными направлениями совершенствования электронной информационно-образовательной среды Университета являются:

- развитие ресурсно-технологического потенциала;
- обеспечение эффективной коммуникации;
- повышение качества университетской среды.

Реализация названных направлений создает новые возможности для коммуникации сотрудников и обучающихся, обеспечивает доступ к информации и современным информационным технологиям, позволяет определить новые перспективные направления для развития Университета в сфере информатизации.

Основой ресурсно-технологического потенциала Университета сегодня является его материально-техническая база, включающая в себя почти 3 тыс. персональных компьютеров с установленным на них новейшим программным обеспечением, более 100 мультимедийных аудиторий, лабораторий и компьютерных классов. При этом все площадки и филиалы Университета объединены в единую сеть и имеют возможность получить доступ ко всем необходимым информационным ресурсам, основными из которых являются:

Официальный сайт Университета (www.mosu.mvd.rf), разделы и сервисы которого подробно представлены как на русском, так и на английском языках.

Образовательный портал Университета (<http://mosu.portal/>), позволяющий хранить, накапливать, систематизировать и использовать различные учебно-методические ресурсы. Кроме того, авторизованным пользователям портал предоставляет сервис электронного документооборота, организованного по типу «Живой ленты» и «Центра сообщений», позволяющего быстро обмениваться информацией и различными данными.

Портфолио обучающегося – представляет собой комплект документов, содержащих сведения о результатах его учебной деятельности за весь период обучения в Университете.

Электронная библиотека – информационная система, позволяющая организовывать, упорядочивать и хранить фонд электронных объектов.

Система дистанционного обучения и электронной поддержки учебных курсов на базе программного обеспечения «Stellus» и «Moodle», предназначенная для накопления, систематизации, хранения и использования электронных образовательных ресурсов.

«Антиплагиат.ВУЗ» (www.mosu.ap.mvd.rf) – сервис, позволяющий проверить любые учебные и научные работы на предмет обнаружения недобросовестных заимствований.

Единая система информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (ИСОД МВД России) (<https://it.mvd.ru/>), предназначенная для повышения уровня информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России.

Интернет-газета «Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя» (www.mosumvd.com) – сетевое издание, зарегистрированное Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных техно-логий и массовых коммуникаций (свидетельство о регистрации Эл № ФС77-61402 от 10 апреля 2015 г.).

Правовые и информационно-справочные системы, а также иные компоненты, предназначенные для обеспечения и организации учебного процесса [1, с. 364, 365].

Вместе с тем, в Университете ведется постоянная и планомерная работа по совершенствованию и модернизации информационно-образовательной среды. Перспективными направлениями такого развития представляются:

- использование уже в ближайшем будущем «облачных» сервисов для хранения на них и предоставления различной информации с образовательных и информационно-справочных ресурсов Университета;

- разработка приложения для мобильных устройств, позволяющая в допустимом объеме пользоваться соответствующими информационными ресурсами;

- отказ (там, где это целесообразно) от бумажного варианта учебно-методических материалов на кафедрах;

- создание центра поддержки преподавателей, основной деятельностью которого станет консультирование и оказание помощи педагогам по вопросам применения информационных технологий и электронного обучения в учебном процессе, а также создания электронных учебно-методических материалов;

- организация постоянно действующей системы повышения квалификации преподавателей в сфере использования информационно-комму-

никационных технологий в учебном процессе [1, с. 366].

Еще одним ключевым направлением развития Университета является расширение и усовершенствование инновационного образовательного пространства.

Так, к 15-летию юбилею Университета 30 мая 2017 г. в рамках реализации Плана долгосрочного развития учебно-материальной базы Университета введен в эксплуатацию Центр современных образовательных технологий. Данное образовательное пространство, включающее в себя выставочный зал, зал методического совета и зал дистанционного обучения, соединило различные направления учебной и методической работы для повышения эффективности учебной деятельности и стимулирования творческой активности всего профессорско-преподавательского состава.

Возможности Центра позволяют внедрять в учебный процесс современные образовательные технологии, проводить мастер-классы и показательные занятия, увидеть достижения педагогов по профильным направлениям деятельности вуза, выделить специфику полигонно-лабораторной базы институтов и факультетов, осуществлять дистанционное обучение.

18 сентября 2017 г. открыл свои двери Типовой центр психологической работы, концепция которого разработана в рамках реализации функций учебно-научного центра по реализации приоритетного профиля подготовки «Деятельность подразделений психологического обеспечения органов внутренних дел».

Возможности Типового центра психологической работы на базе лабораторий, кабинетов и классов, оснащенных необходимым оборудованием, позволяют, наряду с организацией образовательного процесса, реализовать задачи практических психологов по повышению эффективности профессионального психологического отбора кандидатов на службу и психологического сопровождения сотрудников.

1 декабря 2017 г. в рамках реализации проекта «Издательский центр Университета» введен в эксплуатацию современный Полиграфический комплекс, оснащенный новейшим типографским и полиграфическим оборудованием с безопасными и комфортными условиями труда, позволяющий изготовить полиграфическую продукцию, необходимую вузу, без обращения в коммерческие организации (визитки, буклеты, календари, рекламно-справочная продукция и т. д.), а также издавать книги в твердом переплете, что позволит

Университету улучшить обеспечение собственных научно-образовательных процессов.

В 2018 г. с опережением сроков создан и введен в эксплуатацию учебный полигон подготовки сотрудников для подразделений по вопросам миграции. Полигон состоит из нескольких секторов, имитирующих автоматизированные рабочие места сотрудников подразделений по вопросам миграции.

Также в 2018 г. приступили к работе криминалистические полигоны Института подготовки сотрудников для органов предварительного расследования, имитирующие места совершения преступлений на территории летнего кафе, около станции метро, во дворе жилого дома. К уже имеющейся полигонной базе 16 октября 2019 г. добавился новый криминалистический комплекс в крытом помещении – ангаре «Фрагмент города», имитирующий аптеку, магазин, сберегательный банк, квартиру, склад и проезжую часть.

Кроме того, Университет приступил к реализации проекта по созданию Центра подготовки оперативных сотрудников полиции, который включит в себя современную полигонную базу, позволяющую отрабатывать умения и навыки деятельности оперативных сотрудников по выявлению и раскрытию преступлений с использованием современных технических средств.

В 2019 г. модернизирована учебно-полигонная база учебно-научного комплекса информационных технологий. Создан комплекс категоризованных помещений общей площадью более 380 м² в соответствии с требованиями по защите информации, оборудованный персональными компьютерами с программным обеспечением VipNet, мультимедийно-проекционным и сетевым оборудованием, а также программно-аппаратным комплексом VipNet Coordinator HW 1000. Данный комплекс включил в себя аудиторию по системному администрированию операционных систем Linux, Astra Linux Special, аудиторию по изучению единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности ИСОД МВД России и АПК «Безопасный город», а также аудиторию программно-аппаратной защиты информации при использовании сервисов ИСОД МВД России.

На этапе реализации находится создание альтернативной измерительной площадки учебно-научного комплекса информационных технологий Университета по отработке обучающимися навыков противодействия техническим разведкам – определение оценки защищенности информации от утечки за счет побочных электромагнитных из-

лучений и наводок, определение утечки информации за счет акустоэлектрических преобразований.

В 2020 г. планируется создать и ввести в эксплуатацию новые полигоны обратного проектирования и компьютерной разведки, а также лабораторию безопасности сетей ЭВМ и лабораторию защищенных автоматизированных систем.

30 сентября 2019 г. в составе Центра современных образовательных технологий создан Комплекс ситуационного обучения для повышения эффективности оперативно-служебной деятельности, реализации системного подхода к подготовке высококвалифицированных кадров для органов внутренних дел, организации повышения квалификации и профессиональной переподготовки руководящих кадров территориальных органов МВД России.

Комплекс ситуационного обучения включает в себя полигон ситуационного обучения и зал деловых игр и учений, которые позволяют использовать новые технологии и интерактивные формы обучения в учебном процессе, а также отрабатывать элементы управления комплексом безопасности в реальных условиях:

- в сфере обеспечения правопорядка;
- при проведении массовых мероприятий;
- в области информационного противоборства;
- в системе мобилизационной подготовки и гражданской обороны.

Дальнейшая модернизация Комплекса ситуационного обучения позволит осуществлять организацию и координацию деятельности в рамках учебных и представительских мероприятий, проводимых в Университете; проведение командно-штабных учений с использованием видеоконференцсвязи с другими аудиториями, площадками и полигонами; проведение межфакультетских тактико-специальных учений; организацию центра взаимодействия и контроля прохождения заключительного этапа конкурса профессионального мастерства среди переменного состава «Лучший по профессии» – первенства «Вулкан»; координацию проведения конкурсов профессионального мастерства среди сотрудников правоохранительных органов; контроль за прохождением Государственной итоговой аттестации слушателей, адъюнктов очной и заочной форм обучения, а также за прохождением вступительных испытаний кандидатов на обучение, в том числе проводимых с использованием элементов системы дистанционных образовательных технологий [2, с. 406].

Оснащение Ситуационного центра всеми видами средств видеоконференцсвязи, используемой в настоящее время в органах внутренних дел, по-

зволяет осуществлять проведение дистанционных видео-семинаров, круглых столов, конференций в режимах «Диалог» и «Конференция», а также оперативных совещаний и видеоконференций с объектами Университета, Филиалами, образовательными учреждениями и другими подразделениями МВД России [2, с. 407].

Отдельно хотелось бы отметить, что в 2020 г. во исполнение целей и задач, определенных в постановлении Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2015 г. № 1493 «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» (СЗ РФ. 2016. № 2. Ст. 368), планируется завершение работы по созданию Центра патриотического воспитания Университета, оснащенного самым современным мультимедийным оборудованием и способного обеспечить проведение тематических мероприятий патриотической направленности с переменным и постоянным составом подразделений Университета в полном объеме.

В экспозиции Центра войдут:

- Музей истории Университета;
- Зал славы;
- Зал истории российской полиции;
- Зал истории оружия.

Центр патриотического воспитания Университета станет инновационным комплексом воспитательной работы, в котором будет отведено место коллекциям, историческим стендам, фактам и знаменательным событиям в жизни нашего государства, ведомства и Университета.

Ресурсами Центра будут: медиафонды (фото- и видеоматериалы, облачное хранилище медиатеки, экспозиционные виртуальные ресурсы), библиотечный ресурс патриотической направленности (материалы научно-практических конференций, учебные пособия, периодические издания, монографии).

Таким образом, Университет сегодня реализует широкий спектр мероприятий, направленных на преобразование и совершенствование информационно-образовательной среды, а также расширение и модернизацию инновационного образовательного пространства, что в совокупности позволяет планомерно достигать значительного положительного эффекта и новых уровней инновации в образовании.

Особенно отрадно отметить, что достигнутые Университетом результаты высоко оценил Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин во время официального визита в Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя. Глава государства ознакомился с об-

разовательным комплексом Университета, историей вуза, его структурой, материально-технической и ресурсно-технологической базой, а также основными направлениями подготовки кадров для правоохранительных органов. При этом, наряду с достижениями в сфере внедрения инноваций в образование, Владимир Владимирович дал высокую оценку в целом той работе, которую проделывает вуз, а также отметил высокий профессионализм сотрудников Университета.

В заключение можно констатировать, что потенциал инновационного образовательного пространства определяется в его предназначении как современной формы взаимодействия образования

и науки для решения различных педагогических задач в процессе обучения, воспитания и развития обучающихся, профессиональной подготовки и переподготовки профессиональных кадров, предоставления образовательных услуг. Как представляется, дальнейшая работа в рамках перечисленных в настоящей статье направлений деятельности Университета будет способствовать эффективному применению и распространению новых современных технологий и моделей обучения, обеспечению доступности информационных систем и ресурсов, что позволит поднять на более высокий уровень профессиональное и нравственное развитие обучающихся.

Литература

1. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Ярмак К. В. Совершенствование электронной информационно-образовательной среды Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 364–366.
2. Калиниченко И. А., Зиборов О. В., Ярмак К. В. Инновационное образовательное пространство университета как перспективная форма организации учебной и учебно-методической работы // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 406–407.

References

1. Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Yarmak K. V. Sovershenstvovanie elektronnoi informatsionnoi i obrasovatelnoi sredhi Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Y. Kikotj [Improving the electronic information and educational environment of the Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot']. Vestnik ekonomicheskoi besopasnosti [Bulletin of economic security]. 2019, no. 3, pp. 364–366. (In Russian, abstract in English)
2. Kalinichenko I. A., Ziborov O. V., Yarmak K. V. Innovatsionnoe obrasovatelnoe protransntvo universiteta kak perspektivnaj forma organisatsii uchebnoi i uchebno-metodicheskoi rabothi. [Innovative educational space of the University as a promising form of organization of educational and methodical work]. Vestnik ekonomicheskoi besopasnosti [Bulletin of economic security]. 2019, no. 4, pp. 406–407. (In Russian, abstract in English).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ИХ ТЯЖЕСТИ

Кадников Николай Григорьевич

Цель: проанализировать изменения в уголовно-правовом институте категоризации преступлений с точки зрения доктрины уголовного права и законодательных новелл. Обратит внимание на несоответствие новелл уголовного законодательства принципу системности и дифференциации ответственности.

Методология: диалектика, анализ, дедуция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Категоризация преступлений является одним из важнейших институтов современного уголовного права Российской Федерации. Она позволяет построить многие институты Общей части уголовного права в строгом соответствии с научными критериями. Однако в последние годы заметна тенденция отхода законодателя от использования категоризации преступлений и дополнения уголовного закона нормами, не связанными с разграничением преступлений на категории в зависимости от их тяжести.

Дополнение ст. 15 УК РФ частью шестой, в соответствии с которой с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при соблюдении указанных в законе условий, не соответствует доктрине уголовного права и ставит решения суда выше позиций законодателя.

Этапы изменения категории преступлений средней тяжести в отношении санкций за неосторожные преступления показывают, что новеллы приняты без надлежащего обсуждения и фактически уравнивают преступления средней тяжести и тяжкие. Изменения уголовно-правового института категоризации преступлений коснулись многих институтов уголовного права.

Включение неосторожных преступлений в категорию тяжких, а в отдельных случаях и категорию особо тяжких преступлений, нарушают принцип дифференциации ответственности на законодательном уровне.

Следует признать, что хоть и в институт категоризации были внесены существенные изменения, принятые законодательные решения не оказали большого значения. Среди законодателей возобладало мнение о том, что ужесточение наказания за неосторожные преступления, повлекшие гибель людей, позволит переломить ситуацию. Однако ужесточение наказания не всегда способствует улучшению положений в противодействии преступности.

В Общей части УК такие изменения в институте категоризации пока никак не отражены. Это относится к таким важным статьям, как ст. 69 УК РФ (Назначение наказания по совокупности преступлений), ст. 73 УК РФ (Условное осуждение) и др. Не учтены изменения в категории тяжких преступлений применительно для ст. 58 (Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения), 79 (Условно-досрочное освобождение от наказания) и 80 (Замена наказания более мягким) УК РФ.

Тем не менее, институт категоризации преступлений продолжает оставаться одним из важнейших правовых инструментов для построения других норм и институтов уголовного права.

Наиболее важная проблема, которая уже обсуждается в Государственной Думе РФ – включение в категоризацию преступлений такой категории деяний, как уголовный проступок.

Научная и практическая значимость. *Значимость научной статьи заключается не только в определении важности норм уголовного закона, определяющих категории преступлений в зависимости от их тяжести и их уголовно-правовое значение, но и в негативном восприятии непродуманных решений по изменению уголовного закона.*

Ключевые слова: *УК РФ, категории преступлений в зависимости от их тяжести, системность уголовного права.*

Категоризация преступлений является одним из важнейших институтов современного уголовного права Российской Федерации. Она позволяет построить многие институты Общей части уголовного права в строгом соответствии с научными критериями. Речь идет в первую очередь о таких уголовно-правовых институтах, как «Преступление», «Назначение наказания», «Освобождение от уголовной ответственности и от наказания». Категории преступлений учитываются в нормах об уголовной ответственности несовершеннолетних, а также и в ряде норм Особенной части уголовного права [1, 2].

Категоризация преступлений оказала влияние на формулирование институтов УПК РФ (подсудность, подследственность, выбор мер пресечения и т.п.), УИК РФ, Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ст.8), Федерального закона от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ст. 23), организацию деятельности различных служб органов внутренних дел и других силовых структур, в том числе и войск национальной гвардии (например, ст. 21 Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 226-ФЗ «О войсках национальной гвардии Российской Федерации»).

Однако в последние годы заметна тенденция отхода законодателя от использования категоризации преступлений и дополнения уголовного закона нормами, не связанными с разграничением преступлений на категории в зависимости от их тяжести.

По количеству выделенных категорий и их названию в науке уголовного права существовали разные точки зрения, но поддержку большинства получила позиция о выделении 4 категорий преступных деяний. При этом законодатель не поддержал предложения многих ученых и практиков о выделении такой категории преступных деяний как уголовный проступок. По мнению многих специалистов, отсутствие такой категории нарушает основную задачу данного вида классификации преступлений — более точная дифференциация уголовной ответственности на законодательном уровне. Работа над этой проблемой после принятия УК РФ в 1996 г. практически не велась, но в 2017 г. по инициативе Председателя Верховного

Суда РФ вновь возобновились дискуссии по поводу включения в категоризацию такой категории деяний как уголовные проступки (в частности, Председатель Верховного суда РФ Вячеслав Лебедев заявил, что принятая недавно либерализация уголовного права была недостаточной. Лебедев заявил, что в числе поправок предполагается обсудить введение категории уголовного проступка в качестве самостоятельного вида правонарушения. По его мнению, применять критерии уголовного проступка можно не только к нетяжким преступлениям, но и к некоторым преступлениям средней тяжести // URL.: <http://tass.ru/Общество/7733393> (дата обращения: 20.02.2020)). Верховный суд РФ направил законопроект о введении в УК РФ категорию уголовных проступков. Однако Государственная Дума РФ пока не спешит с принятием такого важного закона (Проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с введением понятия уголовного проступка», внесенного в Государственную Думу РФ Пленумом Верховного Суда РФ // СПС «КонсультантПлюс»).

Приоритет определения категории совершенного преступления с момента принятия УК РФ принадлежал исключительно законодателю. То есть преступление будет относиться к законодательно названной категории и в том случае, если суд с учетом исключительных обстоятельств, в соответствии со ст. 64 УК РФ может назначить наказание ниже пределов, установленных для данной категории. Например, если за совершение преступления средней тяжести суд назначает наказание в виде лишения свободы менее двух лет, преступление все равно останется преступлением средней тяжести. Ряд авторов высказывали мнение, в соответствии с которым при наличии нескольких смягчающих обстоятельств, особых признаков личности виновного, предотвращения тяжких последствий, добровольной явке с повинной, суду может быть предоставлено право своим решением изменить категорию тяжести в сторону улучшения положения виновного. В этом случае они предлагали при назначении, исполнении наказаний или освобождения от него соблюдать правила, установленные для той категории пре-

ступлений, которую определил суд. Другие ученые высказали по данному поводу негативное мнение. Они полагали, что в случае передачи права суду определять категорию совершенного преступления, может быть допущен субъективизм судей, который повлияет на вынесение справедливого приговора [3].

Законодатель, учитывая дискуссии в науке уголовного права, принял решение в пользу тех, кто предлагал разрешить суду определять категорию совершенного преступления. Но законодательное решение также отличалось своеобразием. В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ ст. 15 УК РФ была дополнена частью шестой, в соответствии с которой с учетом фактических обстоятельств преступления и степени его общественной опасности суд вправе при наличии смягчающих наказание обстоятельств и при отсутствии отягчающих наказание обстоятельств изменить категорию преступления на менее тяжкую, но не более чем на одну категорию преступления при соблюдении указанных в законе условий.

Данная новелла настолько важна, что Пленум Верховного Суда РФ посвятил ей целое постановление от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации». Как указывает Пленум Верховного Суда РФ, изменение категории преступления на менее тяжкую в соответствии с частью 6 статьи 15 УК РФ позволяет обеспечить индивидуализацию ответственности осужденного за содеянное и является реализацией закрепленных в статьях 6 и 7 УК РФ принципов справедливости и гуманизма. Подобное изменение, по мнению авторов постановления, улучшает правовое положение осужденного, поскольку влияет, в частности, на назначение осужденному к лишению свободы вида исправительного учреждения; назначение наказания по совокупности преступлений; назначение условного осуждения; отмену или сохранение условного осуждения; возможность освобождения от отбывания наказания в связи с деятельным раскаянием, примирением с потерпевшим, истечением срока давности уголовного преследования или исполнения обвинительного приговора суда, изменением обстановки или вследствие акта об амнистии, применением к несовершеннолетнему принудительных мер воспитательного воздействия; исчисление срока наказания, после фактического отбытия которого возможны применение условно-досрочного освобождения от отбывания наказания или замена неотбытой

части наказания более мягким видом наказания; исчисление срока погашения судимости.

На первый взгляд, это предложение заслуживает особого внимания, так как является отражением гуманизации уголовного законодательства. Однако существует опасность необоснованного субъективного подхода со стороны суда, что нарушит строгую систему построения других уголовно-правовых институтов Общей части УК и в конечном итоге затруднит практику применения закона. Полагаем, что суд не должен иметь право изменять своим решением категорию преступлений, определенную законодателем [4, с. 127]. Право назначать наказание ниже низшего предела, как нам представляется, является достаточным для осуществления четкой индивидуализации наказания.

Также общепризнанно, что серьезную опасность представляют неосторожные преступления, повлекшие тяжкие последствия (речь идет о транспортных, экологических и иных преступлениях, связанных с нарушением правил безопасности). В связи с чем некоторые авторы предлагали выделить еще одну категорию – тяжкие неосторожные преступления, за которые в законе будет установлена ответственность в виде лишения свободы на срок свыше 8 лет. Однако многие ученые отстаивали мнение о том, что неосторожные деяния не могут признаваться тяжкими преступлениями. Данная позиция в конечном итоге была воспринята законодателем и в соответствии с принятием Федерального закона от 9 марта 2001 г. № 25-ФЗ тяжкими преступлениями стали признаваться только умышленные деяния. Аналогичную позицию занимали и высшие судебные инстанции, разъясняя, что неосторожные преступления, даже при условии наступления тяжких последствий, не могут признаваться тяжкими преступлениями (*Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 6; 1988. № 1.*) [5, с. 156].

Однако сложная обстановка с безопасностью дорожного движения, немалое количество жертв и травмированных участников дорожного движения заставили законодателя обратить особое внимание на имеющиеся проблемы, в том числе и с учетом норм уголовного законодательства. В соответствии с Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ было ужесточено наказание за неосторожное преступление средней тяжести (было закреплено положение, в соответствии с которым за неосторожное преступление средней тяжести возможно назначение наказания свыше трех лет лишения свободы, но верхний предел законодателем определен не был). По

ч. 2 ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, предусматривалось наказание в виде принудительных работ на срок до трех лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет либо лишения свободы на срок до четырех лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет. По ч. 4 ст. 264 УК РФ за аналогичное нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть человека, было предусмотрено лишение свободы на срок до семи лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет. По ч. 6 данной статьи за аналогичное нарушение правил дорожного движения, совершенное лицом, находящимся в состоянии опьянения, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, законодатель предусмотрел наказание в виде принудительных работ на срок до пяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет либо лишения свободы на срок до девяти лет с лишением права управлять транспортным средством на срок до трех лет. Данные изменения затронули и санкции, предусмотренные за преступления, ответственность за которое установлена в УК РФ ст.ст. 263, 266, 268 и др.

Таким образом, на законодательном уровне неосторожное преступление средней тяжести фактически было уравнено с тяжкими умышленными преступлениями. С позиций общественного резонанса это может показаться справедливым, но с позиций доктрины уголовного права у специалистов возникли вопросы. На наш взгляд, можно было бы найти иной путь для выделения особой опасности подобных преступлений [6].

Следует признать, что хоть и в институт категоризации были внесены существенные изменения, принятые законодательные решения не оказали большого значения. Но эти решения были не последние. Среди законодателей возобладало мнение о том, что ужесточение наказания за неосторожные преступления, повлекшие гибель людей, позволит переломить ситуацию. Были приняты решения, которые фактически подрывают основы института категоризации и не позволяют осуществить тщательную дифференциацию на законодательном уровне, что не отвечает принципу справедливости и законности.

В соответствии с Федеральным законом от 17 июня 2019 г. № 146-ФЗ в институт категори-

зации преступлений были внесены, по сути, революционные изменения. Так, преступлениями средней тяжести отныне признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы. Тяжкими преступлениями по воле законодателя теперь признаются умышленные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает десяти лет лишения свободы, и неосторожные деяния, за совершение которых максимальное наказание не превышает пятнадцати лет лишения свободы. Таким образом, неосторожные преступления представлены не только в категории преступлений средней тяжести, но де-юре также перешли в разряд тяжких (хотя по санкции соответствуют особо тяжким преступлениям).

Законодатель отказался от своих же предыдущих решений, в соответствии с которыми тяжкими и особо тяжкими преступлениями признавались исключительно умышленные деяния. Принятые решения, на наш взгляд, нарушают системность уголовного права, где институты взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние на осуществление в целом уголовно-правового регулирования общественных отношений. К примеру, как сейчас будет развиваться судебная и следственная практика — не совсем ясно.

В Общей части УК такие изменения в институте категоризации пока никак не отражены. Так, в соответствии со ст. 69 УК РФ назначение наказания по совокупности преступлений не учитывает включение неосторожных преступлений в категорию тяжких преступлений, в ст. 73 УК РФ законодательное запрещение назначения условного осуждения лицам, совершившим тяжкое или особо тяжкое преступление в течение испытательного срока при условном осуждении, назначенном за совершение умышленного преступления, либо в течение неотбытой части наказания, назначенного за совершение умышленного преступления, не сделано никаких исключений для неосторожных тяжких преступлений. Не учтены изменения в категории тяжких преступлений применительно для ст. 58 (Назначение осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения), 79 (Условно-досрочное освобождение от наказания) и 80 (Замена наказания более мягким) УК РФ.

Как представляется, законодатель изменения в институте категоризации преступлений пред-

усмотрены в основном для того, чтобы иметь правовые основания для ужесточения наказания за преступления в сфере безопасности движения и эксплуатации железнодорожного, воздушного, морского и внутреннего водного транспорта и метрополитена, а также безопасности дорожного движения, повлекшие гибель людей (ст. 263 и 264 УК РФ). В частности, по ч. 4 ст. 264 УК РФ за нарушение правил дорожного движения, повлекшее по неосторожности смерть человека, если оно совершено лицом, находящимся в состоянии опьянения или сопряжено с оставлением места его совершения установлено наказание в виде лишения свободы на срок от пяти до двенадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В случае аналогичного деяния, повлекшего по неосторожности смерть двух или более лиц (ч. 6 ст. 264 УК), может быть назначено наказание в виде лишения свободы на срок от восьми до пятнадцати лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет. В последнем случае законодатель фактически уравнивал неосторожное деяние с убийством (по ч. 1 ст. 105 УК РФ за убийство предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет). Таким образом нивелировано значение категоризации преступлений для дифференциации уголовной

ответственности, сведены на нет критерии разграничения тяжких умышленных преступлений и неосторожных деяний, не учтены изменения в системе норм и институтов Общей части уголовного права. Как представляется, такая практика может быть принята к другим неосторожным преступлениям, повлекшим гибель людей, что в конечном итоге может привести к потере значимости уголовно-правового института вины.

Тем не менее, институт категоризации преступлений продолжает оставаться одним из важнейших правовых инструментов для построения других норм и институтов уголовного права. Реформы, коснувшиеся данного уголовно-правового института, на наш взгляд, не пошли ему на пользу, но не смогли в целом исключить его важное значение для современного уголовного права. В качестве нужного реформирования можно было бы предложить дополнительную индексацию умышленных тяжких и особо тяжких преступлений, которая в качестве главного критерия их разграничения использовала бы насильственный способ совершения общественно опасного деяния.

Полагаем, что дополнительная индексация умышленных тяжких и особо тяжких преступлений позволит сузить сферу судейского усмотрения при назначении размера наказания, тщательнее индивидуализировать ответственность.

Литература

1. Кадников Н.Г. Категоризация преступлений в зависимости от их тяжести как основа построения многих институтов Общей части уголовного права // Уголовное право. 2017. № 4. С. 59–61.
2. Щепельков В.Ф. Проблемы применения уголовного закона в связи с изменениями ст. 15 УК РФ // КриминалистЪ. 2012. № 1(10) С. 12–15.
3. Анашкин Г.З., Бородин С.В., Гальперин И.М., Загородников Н.И., и др.; Уголовный закон. Опыт теоретического моделирования / отв. ред. С.Г. Келина, В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1987. 368 с.
4. Кадников Н.Г. Классификация преступлений по уголовному праву России: монография. М.: Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2018. 188 с.
5. Курс уголовного права: Учение о преступлении. Общая часть: учебник. / под ред. Н.Ф. Кузнецова, И.М. Тяжкова. Т. 1. М.: Зерцало, 1999. 322 с.
6. Кадников Н.Г. И вновь к вопросу о понятии транспортного убийства // Союз криминалистов и криминологов. 2014. № 2. С. 75–80.

References

1. Kadnikov N.G. Kategorizatsiya prestuplenii v zavisimosti ot ikh tyazhesti kak osnova postroeniya mnogikh institutov Obshchei chasti ugovornogo prava [Categorization of crimes depending on their severity as the basis for building many institutions of the General part of criminal law]. Ugolovnoe parvo [Criminal Law], 2017, no. 4, pp. 59–61. (In Russian, abstract in English)

2. Shchepel'kov V.F. Problemy primeneniya ugolovnogo zakona v svyazi s izmeneniyami st. 15 UK RF [Problems of application of the criminal law in connection with changes in article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Kriminalist* [Criminalist], 2012, no. 1(10), pp. 12–15. (In Russian, abstract in English)
3. Anashkin G.Z., Borodin S.V., Gal'perin I.M., Zagorodnikov N.I. and other. *Ugolovnyi zakon. Opyt teoreticheskogo modelirovaniya* [Criminal law. Experience of theoretical modeling]. Ed. S.G. Kelina, V.N. Kudryavtsev. Moscow: Nauka Publ., 1987. 368 p. (In Russian)
4. Kadnikov N.G. *Klassifikatsiya prestuplenii po ugolovnomu pravu Rossii* [Classification of crimes under the criminal law of Russia]. Moscow, 2018. 188 с. (In Russian)
5. *Kurs ugolovnogo prava: Uchenie o prestuplenii. Obshchaya chast': Uchebnik. T. 1* / Pod red.: Kuznetsov N.F., Tyazhkova I.M. M.: Zertsalo, 1999. 322 с. (In Russian)
6. Kadnikov N.G. I vnov' k voprosu o ponyatii transportnogo ubiistva [And again to the question of the concept of transport murder]. *Soyuz kriminalistov i kriminologov* [Union of Criminalists and Criminologists], 2014, no. 2, pp. 75–80. (In Russian, abstract in English)

ПОЛУЧЕНИЕ ВЗЯТКИ КРИПТОВАЛЮТОЙ: ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Качалов Владислав Викторович

Цель: проанализировать возможность признания криптовалюты предметом взяточничества.

Методология: исторический, формально-юридический методы, сравнительный анализ, дедукция.

Выводы. В современных условиях криптовалюты широко используются при совершении различных преступлений. Не вызывает сомнений возможность использования криптовалют и при даче либо получении взятки. Действующее уголовное законодательство уже сейчас, без каких-либо изменений и дополнений, позволяет относить к предмету взятки криптовалюту и привлекать лиц, ее берущих либо дающих, за получение либо дачу взятки. С позиции квалификации предмета взятки криптовалюту можно относить к иному имуществу. Получение в качестве взятки криптовалюты следует признавать окончанным преступлением с момента, когда у должностного лица появилась принципиальная возможность этой криптовалютой воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению.

Научная и практическая значимость. Предложенный подход к оценке криптовалют в качестве предмета взятки может быть использован и применительно к предмету иных преступлений. Представленные рекомендации могут способствовать совершенствованию правоприменительной практики.

Ключевые слова: биткоин, криптовалюта, предмет взятки, взяточничество, иное имущество, имущественные права, цифровые права.

Современная преступность, особенно организованная, которая просто немислима без коррупционных связей, зачастую не только технически оснащена лучше, чем правоохранительные органы, но и технологически более продвинута. Преступления, совершаемые с использованием новейших информационно-телекоммуникационных технологий, стали одной из основных угроз безопасности нашего общества. Преступники, не ограниченные перманентно не успевающими за развитием современных технологий законодательными нормами, находятся на острие научно-технического прогресса. Пока национальные правительства думают, как относиться к децентрализованной криптовалюте – биткоину, преступники освоили его активное использование для совершения незаконных сделок в Даркнете – теневом интернете (доступном через браузер TOR – The Onion Router).

Датой рождения биткоина можно считать 31 октября 2008 г., когда некто называющий себя Сатоши Накомото разослал нескольким сотням

экспертов и энтузиастов в области криптографии электронное письмо, описывающее новую пиринговую систему электронной наличности, которую он назвал биткоин [2]. С тех пор прошло чуть более десяти лет, за которые биткоин испытал взлеты и падения, приобрел широкую известность и стал нарицательным понятием. Появление биткоина фактически открыло дверь в новый мир криптовалют и блокчейна. Специалисты называют биткоин «отцом всех криптовалют» [1, р. 214], так как множество других криптовалют были созданы вслед за ним. Их рынок переживает настоящий бум. Относительная анонимность финансовых транзакций с использованием криптовалют, трудность доказывания фактической принадлежности криптокошелька конкретному человеку позволяют использовать цифровую наличность и для дачи взяток.

Преступники не ждут, пока законодатель урегулирует оборот криптовалют. Они их уже используют в противоправных целях, в том числе

и для подкупа должностных лиц. И такие случаи должны получать уголовно-правовую оценку.

Как отмечают исследователи: «классическая взятка уходит в прошлое. Коррупция приобрела формы оффшорных транзакций и операций с криптовалютами, конфликта интересов и трудоустройства родственников в коммерческие структуры» [9, с. 95].

В научной литературе вопросы уголовно-правового значения криптовалюты поднимаются все чаще. Прежде всего, анализируется возможность ее признания предметом преступлений против собственности, реже — предметом коррупционных преступлений. Так, отдельные исследователи считают, что «криптовалюта, принятая должностным лицом как вознаграждение за действия (бездействие) по службе, соответствует уголовно-правовому понятию услуги имущественного характера» [13, с. 48], другие — склоняются к выводу, что криптовалюту все же лучше рассматривать в качестве имущественного права [3, с. 48], третьи — относят ее к иному имуществу [8, с. 14]. Правоприменители зачастую вообще стараются дистанцироваться от этой проблемы. Так, бывший прокурор Тульской области на IV открытом антикоррупционном форуме заявил, что взятку в криптовалюте как взятку идентифицировать мы не можем, максимум — как покушение, приготовление к даче взятки, потому что даем фикцию, вот секс-услуги, к примеру, являются взяткой, а биткойн — нет (*Цит. по: Тульский прокурор Козлов: «Биткойн взяткой не является, а секс-услуги — да» [Электронный ресурс]: // <https://myslo.ru>: Тульский городской портал MySlo.ru URL: <https://myslo.ru/news/tula/2017-12-12-tul-skij-prokuror-kozlov-bitkoin-vzyatkoj-ne-yavlyaetsya-a-seks-uslugi-da> (дата обращения: 06.07.2019).*

Отметим, что даже с позиции гражданских отношений отнесение криптовалют к конкретным объектам российского права крайне затруднительно. Длительное время в юридическом сообществе господствовало мнение, что криптовалюта с точки зрения отечественного права не является объектом гражданских прав [5, с. 156]. Но несмотря на формальное непризнание криптовалют, в реальности они используются все чаще и чаще и требуется каким-либо образом принимать решения по возникающим на практике спорам. Как пишут исследователи, «однозначной практики по обороту криптоактивов еще не сложилось, и выводы судов часто противоречат друг другу вне зависимости от того, рассматривалось ли дело в суде общей юрисдикции или в арбитражном суде, в первой инстанции, в апелляции или в кассации» [15, с. 120].

В средствах массовой информации часто мелькали сообщения о непризнании криптовалют имуществом в процессе гражданского судебного разбирательства, что, конечно, представляется неоправданным. Особо следует упомянуть аргументы, высказываемые за это: из-за отсутствия законодательного регулирования криптовалют невозможно однозначно определить, к какой категории относятся цифровые валюты — к «активам», «информации» или «денежным суррогатам»; криптовалюта представляет собой «некоторый набор символов знаков, содержащийся в информационной системе», доступ к которой «осуществляется с помощью информационно-телекоммуникационной сети с использованием специального программного обеспечения»; принципиальным отличием криптовалюты от реальных денег в цифровом виде является то, что во втором случае требуется внести на определенный счет или в электронный кошелек обычные деньги, а криптовалюты появляются сразу в электронном виде (*Суд впервые признал криптовалюту имуществом [Электронный ресурс]: // <https://www.rbc.ru/>: РБК. URL: <https://www.rbc.ru/finances/07/05/2018/5af0280d9a7947165a6e8c22> (дата обращения: 25.01.2020).* У специалистов в сфере информационных технологий такая юридическая схоластика способна вызвать лишь улыбку.

Но ситуация меняется, не так давно в постановлении Девятого арбитражного апелляционного суда криптовалюта впервые была признана имуществом: «поскольку... действующее гражданское законодательство не содержит понятия «иное имущество», упомянутого в статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, с учетом современных экономических реалий и уровня развития информационных технологий допустимо максимально широкое его толкование» (*Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 [Электронный ресурс]: // <http://kad.arbitr.ru/>: Картоотека арбитражных дел. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af_451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacion_noj_instancii.pdf (дата обращения: 25.01.2020).*) Такое решение представляется полностью обоснованным.

Как пояснил суд, «материалами дела подтверждается, что Царьков И. Е. по своему усмотрению вправе владеть, пользоваться и распоряжаться содержимым указанного криптокошелька как своим собственным имуществом, совершать в отношении его любые действия, не противо-

речащие закону и иным правовым актам и не нарушающие права и охраняемые законом интересы других лиц, т. е. осуществляет полномочия, близкие к полномочиям собственника, предусмотренным ч. 2 ст. 35 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ» (*Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 [Электронный ресурс]: // <http://kad.arbitr.ru/>: Карпотека арбитражных дел. URL: http://kad.arbitr.ru/PdfDocument/3e155cd1-6bce-478a-bb76-1146d2e61a4a/58af_451a-bfa3-4723-ab0d-d149aafecd88/A40-124668-2017_20180515_Postanovlenie_apelljacion_noj_instancii.pdf (дата обращения: 25.01.2020)*).

В одном из законопроектов (*О внесении изменений в части первую, вторую и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: // <http://sozd.parliament.gov.ru/>: Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/download/B7426962-F95A-4427-8EE5-4CC48E6ССА65> (дата обращения: 28.01.2020)*) криптовалюты, как и иные цифровые права, прямо назывались иным имуществом.

В итоге Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 112⁴ части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (*Российская газета. 20.03.2019. № 60*) вел в ГК РФ понятие «цифровые права» (статья 141¹), отнеся их к категории иного имущества.

Данный Федеральный закон стал одновременно и революционным (потребовалось даже отложить его вступление в силу до 1 октября 2019 г., чтобы лучше осмыслить суть внесенных изменений и подготовиться к их применению), и компромиссным, так как термин криптовалюта так и не появился в ГК РФ.

Тем не менее дискуссии по правовой природе криптовалют и возможности их отнесения к объектам гражданских прав продолжаются.

Например, И. М. Конобеевская считает, что «собственно криптовалюты и токены принципиально новыми объектами прав не являются. По сути, они представляют собой записи в децентрализованном реестре, построенном с использованием блокчейн-технологий. Сами по себе они не являются ни имуществом и ни имущественными правами, а представляют собой технологически новый способ записи об имущественных правах» [10, с. 330], обосновывая при этом ошибочность отнесения и цифровых прав к объектам гражданских прав. Л. Ю. Василевская, напротив, рассматривает токен, который может выполнять разные функции, в том числе выступать и как

средство платежа, в качестве цифрового права [4, с. 111–119]. М. А. Егорова и Л. Г. Ефимова, анализируя указанные новеллы ГК РФ, отмечают, что «под цифровыми правами понимается право на объект, в том числе право на криптовалюты» [7, с. 140].

По нашему мнению, несмотря на то, что термин «криптовалюта» так и не появился в ГК РФ, по смыслу закона их можно относить к разновидности цифровых прав и, следовательно, признавать иным имуществом.

Пункт 9 новой редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» (*В редакции Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 59 «О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 года № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» и от 16 октября 2009 года № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Российская газета. 31.12.2019. № 296*) (далее – Постановление по делам о взяточничестве) упоминает о цифровых правах, раскрывая содержание имущественных прав – «в тех случаях, когда предметом взятки являются имущественные права, у должностного лица, получившего такое незаконное вознаграждение, возникает возможность вступить во владение или распорядиться чужим имуществом как своим собственным, требовать от должника исполнения в свою пользу имущественных обязательств, получать доходы от использования бездокументарных ценных бумаг или цифровых прав и др.». Обратим внимание, что в приведенном примере Пленум говорит не о передаче (переходе) цифровых прав взяткополучателю, а именно о получении дохода от использования цифровых прав. Представляется, что получение должностным лицом цифровых прав должно квалифицироваться как получение взятки по признаку «иное имущество» и лишь в том случае, когда сами права не переходят к взяткополучателю, а он приобретает лишь возможность получения дохода от их использования, можно говорить о получении взятки по признаку «предоставление имущественных прав».

В соответствии с п. 10 Постановления по делам о взяточничестве «получение и дача взятки... считаются оконченными с момента принятия должностным лицом... хотя бы части передаваем-

мым ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на указанный им счет, «электронный кошелек»). При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению. Как оконченное преступление следует квалифицировать получение и дачу взятки в случае, когда, согласно предварительной договоренности, взяткодатель помещает ценности в условленное место, к которому у взяткополучателя имеется доступ либо доступ обеспечивается взяткодателем или иным лицом после помещения ценностей».

Таким образом, получение в качестве взятки криптовалюты следует признавать окончанным преступлением с момента, когда у должностного лица появилась принципиальная возможность этой криптовалютой воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению: поступление криптовалюты в кошелек должностного лица, передача должностному лицу физического носителя с холодным криптокошельком, передача в любой форме (на носителях, посредством QR-кода, NFC-метки и пр.) реквизитов доступа к горячему криптокошельку и т. п. Соответственно, нет необходимости ждать, когда должностное лицо конвертирует криптовалюту в фиатные деньги или приобретет на нее какие-либо товары, оплатит работы или услуги.

В соответствии с п. 9 Постановления по делам о взяточничестве «переданное в качестве взятки... имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе, при необходимости, с учетом заключения специалиста или эксперта». У криптовалют нет какого-либо официального курса, и они отличаются большой волатильностью. Представляется, что именно заключение специалиста или эксперта будет играть основную роль при определении конкретного размера взятки криптовалютой. В свою очередь, указанные лица могут руководствоваться, например, усредненными курсами различных криптобирж на момент совершения преступления.

Точное установление суммы взятки важно не только для правильной квалификации взяточничества, но и для назначения наказания, так как санкции соответствующих статей УК РФ предусматривают возможность назначения кратных штрафов.

По мнению эксперта – адвоката и бывшего следователя, «в последнее время силу набирает тренд, когда взятки дают в криптовалютах, прежде всего, в биткойнах. Ведь благодаря им довольно крупные суммы можно проводить быстро, а отследить их очень сложно» (*Взятка в России переживает эволюцию [Электронный ресурс] // <https://www.kommersant.ru/>: Издательский дом КоммерсантЪ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3536188> (дата обращения: 28.02.2019)*).

В настоящий момент нам не известны случаи привлечения должностных лиц к уголовной ответственности за получение криптовалют в качестве взятки, но, несомненно, факты передачи криптовалют должностным лицам в преступных целях существуют. Просто латентность таких взяток еще выше, чем взяток с использованием иных предметов. Связано это и с проблемами понимания фактической и юридической сущности криптовалют (как было показано выше), и со специфической механизма передачи такой взятки, что ведет к объективным трудностям при раскрытии и расследовании подобных преступлений.

Отсутствие правового регулирования криптовалют в нашей стране, их нахождение вне правового поля не может служить препятствием для признания их предметом получения взятки.

Уже существует судебная практика, признающая сделки с криптовалютой, полученной преступным путем, легализацией (отмыванием) денежных средств или иного имущества (статьи 174, 174¹ УК РФ). Согласимся с мнением, что тем самым суды пусть косвенно, но уже признают криптовалюту иным имуществом [11, с. 91].

26 февраля 2019 г. были внесены изменения в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем». В них, в частности, отмечается: «Исходя из положений статьи 1 Конвенции Совета Европы об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма от 16 мая 2005 г. и с учетом Рекомендации 15 ФАТФ предметом преступлений, предусмотренных статьями 174 и 174¹ УК РФ, могут выступать в том числе и денежные средства, преобразованные из виртуальных активов (криптовалюты), приобретенных в результате совершения преступления» (*Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2019 г. № 1 «О внесении из-*

менений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 года № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» // *Российская газета*. 07.03.2019. № 51). Тем самым Верховный Суд Российской Федерации признал, что виртуальные активы можно рассматривать как предмет самых разнообразных преступлений.

Департамент налоговой и таможенной политики Министерства финансов Российской Федерации в своем письме от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061 «Об отражении доходов российской организации от операций с криптовалютой» (*Письмо Департамента налоговой и таможенной политики Минфина России от 9 февраля 2018 г. № 03-03-06/1/8061 «Об отражении доходов российской организации от операций с криптовалютой» [Электронный ресурс]: // <https://www.garant.ru/>: Законодательство — законы и кодексы Российской Федерации. Полные тексты документов в последней редакции. Аналитические профессиональные материалы. Новости законодательства РФ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71795052/> (дата обращения: 12.03.2020)*) отметил, что хотя криптовалюта не является официальной валютой, а следовательно, и платежным средством, при получении криптовалюты в результате расчетов (мены) при выполнении работ, от продажи товаров и при оказании услуг для целей налогообложения следует учитывать положения Налогового кодекса Российской Федерации.

Преступники уже давно оценили те возможности, которые дает использование криптовалют

в качестве платежного средства при совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств или психотропных веществ. Этой проблеме уделяется широкое внимание в научных работах [14, с. 3–7; 12, с. 8–13; 6, с. 19–22]. Первые сообщения в СМИ о задержании лиц, получавших взятки в криптовалюте уже появились. Так, 17 апреля 2019 г. были задержаны два сотрудника ФСБ, которые обвиняются в вымогательстве взятки в сумме 65 миллионов рублей, взятка должна была передаваться в биткоинах, первые транши на сумму 3 миллиона рублей им уже были переданы (*Задержаны офицеры ФСБ, вымогавшие крупную взятку биткоинами [Электронный ресурс]: // <https://coinspot.io/>: Биткоин, финтех-тренды, р2р-технологии и инновации мира финансов. URL: https://coinspot.io/law/russia_sng/zaderzhany-oficery-fsb-vymogavshie-kрупnuyu-vzyatku-bitcoinami/ (дата обращения: 06.07.2019)*). Представляется, что подобные преступления распространены намного более широко. Само по себе латентное взяточничество становится еще более скрытым при использовании криптовалют.

В целом отметим, что действующее уголовное законодательство уже сейчас, без каких-либо изменений и дополнений, позволяет относить к предмету взятки криптовалюту и привлекать лиц, ее берущих либо дающих, за получение либо дачу взятки. С позиции квалификации предмета взятки криптовалюту можно относить к иному имуществу. Получение в качестве взятки криптовалюты следует признавать оконченным преступлением с момента, когда у должностного лица появилась принципиальная возможность этой криптовалютой воспользоваться или распорядиться по своему усмотрению.

Литература

1. Takal Bataille A., Favier J. Bitcoin, la monnaie acéphale. Paris: CNRS Éditions, 2017. P. 214.
2. Vigna P., Casey M. J. The age of cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain Are Challenging the Global Economic Order. N.Y., 2015.
3. Антонов Т. Г. Некоторые проблемы квалификации преступлений, предусмотренных статьями 290–291.2 УК РФ, по предмету преступления // Уголовно-исполнительная система: педагогика, психология и право. Материалы Всероссийской научно-практической конференции: в 2 ч. / под общ. ред. В. А. Уткина. Томск, 2018. С. 48.
4. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). С. 111–119.
5. Грачева Ю. В., Коробеев А. И., Маликов С. В., Чучаев А. И. Уголовно-правовые риски в сфере цифровых технологий: проблемы и предложения // Lex Russica. 2020. Том 73 № 1 (158). С. 145–159.
6. Дворянкин О. А., Ключкова Е. Н. Криптовалюта — новый инструмент наркобизнеса // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 19–22.
7. Егорова М. А., Ефимова Л. Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica. 2019. № 7 (152). С. 130–140.

8. Жилкин М. Г., Качалов В. В., Кузьмин Н. А., Никонорова Ю. В., Пантюхин К. Ю., Раненкова Е. А., Чикова Я. Н., Якушина Е. С. Квалификация взяточничества (по материалам судебной практики): научно-практическое пособие. Москва, 2019. 116 с.

9. Калашникова О. Д., Меркулов М. А., Шапошников Е. Л. Роль органов внутренних дел, институтов гражданского общества, граждан, средств массовой информации в предупреждении коррупции на современном этапе // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики. Материалы XXII международной научно-практической конференции (4–5 апреля 2019 г.): в 2 ч. / под ред. Н. Н. Цуканова. Красноярск: СибЮИ МВД России, 2019. Ч. 1. С. 95.

10. Конобеевская И. М. Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. Вып. 3. С. 330–334.

11. Ляскало А. Н. Криптовалюта как предмет и средство преступления // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 91.

12. Сидоренко Э. Л. Наркотики и криптовалюта: мировые криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 8–13.

13. Шарапов Р. Д., Минин Р. В., Капаева Е. О. Криптовалюта: уголовно-правовой аспект // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 2 (44). С. 42–49.

14. Шиян В. И. Состояние и тенденции преступлений в сфере незаконного оборота наркотиков // Наркоконтроль. 2018. № 2. С. 3–7.

15. Янковский Р. М., Ильин С. В. Судебная практика по делам с использованием криптоактивов // Закон. 2019. № 4. С. 120–129.

References

1. Takkal Bataille A., Favier J. Bitcoin, la monnaie acéphale. Paris: CNRS Éditions, 2017. P. 214.

2. Vigna P., Casey M. J. The age of cryptocurrency: How Bitcoin and the Blockchain Are Challenging the Global Economic Order. N.Y., 2015.

3. Antonov T.G. Nekotorye problemy kvalifikatsii prestuplenii, predusmotrennykh stat'yami 290–291² UK RF, po predmetu prestupleniya [Some problems of qualification of crimes provided for in articles 290–291² of the criminal code of the Russian Federation, on the subject of the crime]. In Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pedagogika, psikhologiya i pravo Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. V 2-kh chastyakh [Criminal Executive system: pedagogy, psychology and law. Materials of the all-Russian scientific and practical conference. In 2 parts.]. Ed. V. A. Utkin. Tomsk, 2018, p. 48. (In Russian)

4. Vasilevskaya L. Yu. Token kak novyi ob'ekt grazhdanskikh prav: problemy yuridicheskoi kvalifikatsii tsifrovogo prava [Token as a new object of civil rights: problems of legal qualification of digital law]. Aktual'nye problemy rossiiskogo prava [Actual problems of Russian law], 2019, no. 5 (102), pp. 111–119. (In Russian, abstract in English)

5. Gracheva Yu.V., Korobeev A.I., Malikov S.V., Chuchayev A.I. Ugolovno-pravovye riski v sfere tsifrovyykh tekhnologii: problemy i predlozheniya [Criminal and legal risks in the sphere of digital technologies: problems and proposals]. Lex Russica, 2020, Vol. 73, no. 1 (158), pp. 145–159. (In Russian, abstract in English)

6. Dvoryankin O. A., Klochkova E. N. Kriptovalyuta – novyi instrument narkobiznesa [Cryptocurrency – a new tool of drug business]. Narkokontrol' [Drug Control], 2018, no. 4, pp. 19–22. (In Russian, abstract in English)

7. Egorova M.A., Efimova L.G. Ponyatie kriptovalyut v kontekste sovershenstvovaniya rossiiskogo zakonodatel'stva [The Concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation]. Lex Russica, 2019, no. 7 (152), pp. 130–140. (In Russian, abstract in English)

8. Zhilkin M.G., Kachalov V.V., Kuz'min N.A., Nikonorova Yu.V., Pantyukhin K. Yu., Ranenkova E. A., Chikova Ya. N., Yakushina E. S. Kvalifikatsiya vzyatochnichstva (po materialam sudebnoi praktiki): nauchno-prakticheskoe posobie [Qualification of bribery (based on the materials of judicial practice): a scientific and practical guide]. Moscow, 2019. 116 p. (In Russian)

9. Kalashnikova O. D., Merkulov M. A., Shaposhnikov E. L. Rol' organov vnutrennikh del, institutov grazhdanskogo obshchestva, grazhdan, sredstv massovoi informatsii v preduprezhdenii korruptsii na sovremennom etape [The Role of internal Affairs bodies, civil society institutions, citizens, mass media in

preventing corruption at the present stage]. In Aktual'nye problemy bor'by s prestupnost'yu: voprosy teorii i praktiki. Materialy XXII mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (4–5 aprelya 2019 g.). [Actual problems of fighting crime: issues of theory and practice. Materials of the XXII international scientific and practical conference (April 4–5, 2019)] Ed. N. N. Tsukanova. Krasnoyarsk: SibYuI MVD Rossii Publ., 2019. Part. 1. p. 95. (In Russian)

10. Konobeevskaya I. M. Tsifrovye prava kak novyi ob"ekt grazhdanskikh prav [Digital rights as a new object of civil rights]. Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya Ekonomika. Upravlenie. Pravo [Bulletin of Saratov University. New series. The Economic Series. Management. Law], 2019, Vol. 19, Issue 3, pp. 330–334. (In Russian, abstract in English)

11. Lyaskalo A.N. Kriptoalyuta kak predmet i sredstvo prestupleniya [Cryptocurrency as an object and means of crime]. In Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii [Criminal law: strategy of development in the XXI century: materials of the XVI International scientific and practical conference]. Moscow: RG-Press Publ., 2019. p. 91. (In Russian)

12. Sidorenko E. L. Narkotiki i kriptoalyuta: mirovye kriminologicheskie trendy [Drugs and cryptocurrency: global criminological trends]. Narkokontrol' [Drug Control], 2018, no. 2, pp. 8–13. (In Russian, abstract in English)

13. Sharapov R. D., Minin R. V., Kapaeva E.O. Kriptoalyuta: ugolovno-pravovoi aspekt [Cryptocurrency: criminal-legal aspect]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Legal science and law enforcement practice], 2018, no. 2 (44), pp. 42–49. (In Russian, abstract in English)

14. Shiyan V.I. Sostoyanie i tendentsii prestuplenii v sfere nezakonnogo oborota narkotikov [State and trends of crimes in the sphere of illicit drug trafficking]. Narkokontrol' [Drug Control], 2018, no. 2, pp. 3–7. (In Russian, abstract in English)

15. Yankovskii R. M., Il'in S.V. Sudebnaya praktika po delam s ispol'zovaniem kriptoaktivov [Judicial practice in cases involving the use of crypto assets]. Zakon [Law], 2019, no. 4, pp. 120–129 (In Russian, abstract in English).

ЗНАЧЕНИЕ БЕНЕФИЦИАРНЫХ СВЯЗЕЙ В МЕХАНИЗМЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КРИМИНАЛЬНЫМ БАНКРОТСТВАМ: ВОПРОСЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Жилкин Максим Геннадьевич
Земцова Анна Васильевна

Цель: совершенствование механизма привлечения к уголовной ответственности лиц, являющихся бенефициарными владельцами компаний, участвующих в криминальных банкротствах.

Методология: диалектический метод, формально-логический метод, методы анализа, синтеза.

Выводы. В контексте совершенствования уголовно-правовых норм об ответственности за преступления в сфере банкротства важнейшее значение имеет установление бенефициарных связей и их влияния на достижение преступного результата. В этой связи предлагается дополнить уголовное законодательство нормой, предусматривающей возможность освобождения от уголовной ответственности лица, впервые совершившего преступление в сфере предпринимательской деятельности, в случае, если оно способствовало выявлению лица, фактически выполнявшего управленческие функции в организации либо лица, в интересах которого осуществлялась ее деятельность, а также раскрыло информацию об их имуществе (доходах), объем которого позволяет обеспечить реальное возмещение причиненного преступлением ущерба.

Научная и практическая значимость. Выводы и предложения, изложенные в статье, могут быть использованы как в нормотворческой, так и в правоприменительной деятельности правоохранительных органов с целью совершенствования уголовно-правового механизма противодействия криминальным банкротствам и иным преступлениям в сфере предпринимательской деятельности, в которых задействованы бенефициарные связи.

Ключевые слова: бенефициар, криминализация, криминальные банкротства, налоговые преступления, освобождение от уголовной ответственности, предпринимательская деятельность, ущерб.

На сегодняшний день бенефициарный характер отношений в сфере предпринимательской деятельности все чаще становится фактором, дестабилизирующим поступательное развитие России. В условиях нацеленности на максимальные преступные доходы недобросовестные представители бизнеса, организующие совершение «финансовых» преступлений, зачастую прибегают к сложным конструкциям использования фирм-однодневок и номинальных руководителей (подставных лиц), что позволяет бенефициарам, оставаясь ни юридически, ни фактически незаметными, управлять сетью юридических лиц, контролировать активы, рас-

поряжаться ими и в конечном итоге получать огромную прибыль.

Так, например, выглядит типичная схема по созданию фиктивной задолженности должника-банкрота, когда он является акционером, единственным участником, руководителем должника и поручителем, исполнившим обязательство должника по кредитному договору:

Г. обратился с заявлением об установлении своего требования в деле о банкротстве общества, ссылаясь на то, что, будучи поручителем, исполнил обязательство общества. Однако суд установил, что Г. одновременно участвовал в капиталах общества-должника и кредитора по ос-

новному обязательству. Являясь бенефициаром обоих юридических лиц и лицом, влиявшим на их решения, Г. свободно перемещал активы из одного лица (общества-должника) в другое (кредитора по основному обязательству) в собственных целях без учета интересов подконтрольных организаций и их кредиторов. Г. путем взаимокредитования подконтрольных ему юридических лиц искусственно наращивал задолженность общества в ущерб независимым кредиторам. Поручительство же использовалось в качестве инструмента, позволявшего Г. при банкротстве общества занять место залогового кредитора, гарантированно претендовать на значительную часть стоимости ликвидного имущества должника, по существу сохранив его за собой (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23 июля 2018 г. № 310-ЭС17-20671 по делу № А68-2070/2016).

Соккрытие истинных владельцев бизнеса – бенефициаров, способствует легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, создает дополнительные риски в кредитно-финансовой и бюджетной сферах, подпитывает коррупцию и продуцирует новые преступления. Не случайно Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации в своем Постановлении от 23 декабря 2019 г. № 665-СФ «О реализации Концепции развития национальной системы противодействия легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» рекомендовал Министерству внутренних дел Российской Федерации, Федеральной службе безопасности Российской Федерации, Следственному комитету Российской Федерации продолжить практику привлечения к уголовной ответственности лиц, являющихся бенефициарными владельцами компаний, участвующих в противоправной деятельности.

В таких условиях вполне закономерно, что государство не только заинтересовано в раскрытии реальных владельцев бизнеса в целях обеспечения надлежащего контроля за предпринимательской средой, но и готово внедрять новые правовые механизмы, стимулирующие, как часто говорится в бизнес-среде, «снятие корпоративной вуали».

В числе таких относительно новационных мер следует отметить введение Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 266-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях субсидиарной ответ-

ственности контролирующего должника лица, которое для целей Закона о банкротстве определено как физическое или юридическое лицо, имеющее либо имевшее не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий (пункт 1 статьи 61.10 Закона о банкротстве).

При этом в п. 1 ст. 61.11 Закона о банкротстве прямо предусмотрено, что если полное погашение требований кредиторов невозможно вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица, такое лицо несет субсидиарную ответственность по обязательствам должника.

Таким образом, следует признать, что сегодня в стране задан вектор на привлечение к финансовой ответственности не номинальных директоров и собственников компаний, а конечных бенефициаров, то есть лиц, которые реально управляют бизнесом и принимают стратегически важные для него решения [5].

Вместе с тем, рассматривая споры о привлечении должников к субсидиарной ответственности, суды, как правило, требуют, чтобы вменяемый субъекту контроль над должником должен быть подтвержден лишь прямыми доказательствами – исходящими от бенефициара документами, в которых содержатся явные указания, адресованные должнику, относительно его деятельности. Однако конечный бенефициар, не имеющий соответствующих формальных полномочий, не заинтересован в раскрытии своего статуса контролирующего лица. Наоборот, он обычно скрывает наличие возможности оказания влияния на должника. Его отношения с подконтрольным обществом не регламентированы какими-либо нормативными или локальными актами, которые бы устанавливали соответствующие правила, стандарты поведения (Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 15 февраля 2018 г. № 302-ЭС14-1472(4,5,7) по делу № А33-1677/2013). В таких условиях только мерами гражданско-правового характера рассматриваемую проблему решить достаточно сложно.

В контексте уголовной ответственности значение бенефициарных связей напрямую увязано с определением номинального руководителя юридического лица в качестве надлежащего субъекта преступления.

Применительно к преступлениям в сфере банкротства и налоговым преступлениям, для совершения которых использование бенефициарных связей является характерным признаком, наиболее типичной является квалификация деяний по статьям 173¹, 173², 174, 174¹, 195, 196, 199 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ).

Анализ положений указанных статей уголовного закона во взаимосвязи с разъяснениями Пленума Верховного Суда Российской Федерации позволяет констатировать, что привлечение к уголовной ответственности не зависит от юридического оформления статуса лица.

Так, например, абзац 3 п. 6, пп. 7 и 13 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 «О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления» ориентируют правоприменителя на возможность привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления лиц, фактически осуществляющих свою предпринимательскую деятельность через подставное лицо (например, безработного, который формально был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя) или фактически руководивших несколькими организациями.

Также в указанных положениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации обращено внимание на необходимость учета специфики уголовно-правовой оценки деяний, совершаемых в соучастии.

Данные предписания восприняты правоприменителями, что подтверждается судебными решениями.

В частности, приговором Мещанского районного суда г. Москвы В. осужден по пункту «б» ч. 2 ст. 199 УК РФ (уклонение от уплаты налогов с организации).

Как указал суд, В. «фактически выполняя обязанности генерального директора общества, организуя работу и взаимодействие сотрудников организации, контролируя денежные операции по счетам компании, в период 2008–2010 гг. осуществлял предпринимательскую деятельность». «Осознавая, что действующим законодательством предусмотрен широкий круг обязанностей руководителя организации-налогоплательщика, желая избежать возможного привлечения к ответственности в случаях выявления нарушений контролирующими органами, осуществлял предпринимательскую деятельность через подчиненных ему и нанятых им же на должность генерального директора лиц, которым он давал обязательные

к исполнению указания по управлению финансово-хозяйственной деятельностью. При этом решения о назначении и увольнении генерального директора и главного бухгалтера организации, а также иные управленческие решения В., являясь единственным участником и фактическим руководителем Общества, принимал единолично» (Приговор Мещанского районного суда города Москвы от 24 марта 2015 г. № 1-172/2015).

Таким образом, даже при наличии реально действующего (не номинального) генерального директора виновность В. была доказана в установленном порядке.

Также исследователи приводят примеры привлечения к уголовной ответственности за налоговые преступления бенефициаров, прибегающих к сокрытию фактического владения путем так называемого «дробления бизнеса» [3].

Однако следует признать, что, несмотря на наличие комплекса мер уголовной ответственности, в правоприменительной практике распространены случаи привлечения к уголовной ответственности номинальных руководителей, в то время как реальные бенефициары тщательно «спрятаны» за сетью фирм-однодневок и подставных лиц.

Не исключая общественную опасность действий номинальных руководителей в криминальном секторе экономики, необходимо отметить, что с точки зрения приоритетности возмещения ущерба и восстановления интересов потерпевших первостепенное значение приобретает выявление реальных бенефициаров преступного бизнеса и вовлечение их в орбиту уголовно-процессуальных отношений до момента вывода активов, в том числе в иностранные юрисдикции.

В этой связи, по нашему мнению, представляется возможным рассмотреть вопрос о криминализации деяний, указывающих на подготовку к совершению преступлений, организуемых бенефициаром (к числу таких деяний могут быть отнесены, например, непредставление информации о бенефициарах юридического лица, руководство деятельностью юридических лиц, образованных через подставных лиц и т. д.).

Аналогичный правовой подход, заключающийся в криминализации, по сути, подготовительных к совершению преступления деяний, использован законодателем при установлении уголовной ответственности за деяния, предшествующие образованию юридических лиц через подставных лиц (статьи 173¹ и 173² УК РФ).

В частности, в соответствии с частью первой статьи 173² УК РФ уголовно наказуемым является факт предоставления документа, удостоверя-

ющего личность, или выдачи доверенности, если эти действия совершены для внесения в единый государственный реестр юридических лиц сведений о подставном лице. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, названные правовые нормы имеют значительный правоприменительный потенциал. Так, за период 2016–2018 гг. и первое полугодие 2019 г. количество осужденных по части первой статьи 173¹ УК РФ составило – 221, по части второй статьи 173¹ УК РФ – 246, по части первой статьи 173² УК РФ – 2 725, по части второй статьи 173² УК РФ – 35.

Однако реализации данного предложения законодательного характера должна предшествовать регламентация правового статуса бенефициара для целей противодействия преступности (по аналогии, к примеру, с федеральными законами от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции»). В последующем, на основе данного отраслевого нормативного правового акта, возможно определить наиболее значимые для целей предупреждения преступлений обязанности бенефициара, соблюдение которых следует обеспечить посредством введения уголовной ответственности. При этом следует учитывать, что, на сегодняшний день в отраслевых федеральных законах отсутствует единство в определении содержания приведенной терминологии, вольно оно используется и в судебной практике. К примеру, Г. А. Есаков и Ф. Ф. Мамедова, опираясь на анализируемую ими практику Верховного Суда Российской Федерации, заключают, что суд, требует устанавливать наличие бенефициара дачи взятки [1]. В связи с этим мы не исключаем специальной регламентации понятия «бенефициар» для целей противодействия преступности [2].

Вовлечение бенефициаров в орбиту уголовно-процессуальных отношений, не дожидаясь возникновения признаков банкротства у подконтрольных юридических лиц и вывода всех активов за рубеж, позволит арестовывать их имущество, что, несомненно, положительно отразится на результатах возмещения ущерба и взыскания штрафов.

В контексте своевременного выявления бенефициаров преступного бизнеса сопутствующей является проблема установления умысла последних на достижение преступного результата. Не имея формальных связей с предпринимательской деятельностью организации, такие субъек-

ты ссылаются на то, что они не являлись лицами, ответственными за организацию бухгалтерского учета, не принимали участие в сделках, которые повлекли причинение вреда имущественным правам кредиторов и т. п.

Эффективное установление данных обстоятельств, представляется возможным лишь при активном содействии органам предварительного расследования со стороны номинальных руководителей и подставных лиц.

Возможность такого сотрудничества может основываться на предоставлении лицу, содействовавшему раскрытию и расследованию преступлений, четких правовых гарантий от дальнейшего уголовного преследования и, что не менее важно, от возложения на него полной имущественной ответственности при предъявлении гражданского иска в рамках уголовного судопроизводства. Так, П. М. Морхат описывает ситуацию, когда номинальный директор помог установить структуру управления и бенефициара группы компаний, в которую входил должник. В результате бенефициара привлекли к уголовной ответственности за мошенничество, а номинального директора суд освободил от субсидиарной ответственности, так как он фактически не оказывал определяющего влияния на деятельность должника и помог установить фактически контролировавшее должника лицо [4].

Полагаем, что в данном аспекте при совершенствовании уголовно-правовых норм может быть использован опыт Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», предусматривающий возможность восстановления нарушенных прав кредиторов посредством привлечения к субсидиарной ответственности, контролирующих должника лиц.

В частности, представляется перспективным рассмотрение вопроса о закреплении в УК РФ поощрительной нормы, позволяющей освобождать от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в сфере предпринимательской деятельности (например, налоговое преступление или преступление в сфере банкротства), но в последующем проявивших деятельное раскаяние, повлекшее следующие правовые последствия:

выявление лица, фактически выполнявшего управленческие функции в организации либо лица, в интересах которого осуществлялась ее деятельность (бенефициара);

раскрытие информации об их имуществе (доходах) указанных лиц, объем которого позволяет обеспечить реальное возмещение причиненного преступлением ущерба.

Реализация данного предложения законодательного характера может создать новый гарантированный законодателем стимул к освобождению от уголовной ответственности и одновременному раскрытию реальных бенефициаров преступного бизнеса, что в конечном итоге будет способствовать повышению эффективности возмещения ущерба.

В заключение необходимо констатировать, что масштабы проблем правоприменительной прак-

тики, связанные с выявлением и раскрытием преступлений в сфере банкротства, требуют не только совершенствования законодательства, в том числе в обозначенных выше направлениях, но и координации совместной работы правоохранительных органов, налоговых органов, Государственной корпорации «Агентство по страхованию вкладов», представителей бизнеса, заинтересованных в повышении эффективности процедур банкротства.

Литература

1. Есаков Г.А., Мамедова Ф.Ф. «В пользу взяткодателя или представляемых им лиц» как признак взяточничества // Уголовное право. 2019. № 2. С. 42–47.
2. Жилкин М.Г. Юридико-технические проблемы отражения бенефициарных связей в российском законодательстве // Союз криминалистов и криминологов. 2020. № 1. С. 33–40.
3. Лебедева О.А. Дробление бизнеса в условиях 2018 года: уклонение от уплаты налогов или целесообразность? // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2018. № 11. С. 83–92.
4. Морхат П.М. Субсидиарная ответственность номинальных директоров: анализ практики арбитражных судов // Судья. 2019. № 3. С. 43–50.
5. Невзорова Ю. Подводные камни иностранного бизнеса в России // ЭЖ-Юрист. 2017. № 45. С. 4.

References

1. Esakov G.A., Mamedova F.F. «V pol'zu vzyatkodatelya ili predstavlyaemy'x im licz» kak priznak vzyatochnichestva [“In favor of the bribe-giver or persons represented by him” as a sign of bribery] Uголовное право [Criminal law], 2019, no. 2, pp. 42 – 47. (In Russian, abstract in English)
2. Zhilkin M.G. Yuridiko-texnicheskie problemy` otrazheniya benefitsiarny'x svyazey v rossijskom zakonodatel'stve [Legal and technical problems of reflecting beneficial ties in Russian legislation]. Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists], 2020, no. 1, pp. 33–40. (In Russian, abstract in English)
3. Lebedeva O.A. Droblenie biznesa v usloviyax 2018 goda: uklo-nenie ot uplaty` nalogov ili celesoobraznost`? [Business fragmentation in 2018: tax evasion or expediency?]. Imushhestvenny'e otnosheniya v Rossijskoj Federacii [Property relations in the Russian Federation], 2018, no. 11, pp. 83–92. (In Russian, abstract in English)
4. Morxat P.M. Subsidiarnaya otvetstvennost` nominal'ny'x direktorov: analiz praktiki arbitrazhny'x sudov [Subsidiary liability of nominee Directors: analysis of the practice of arbitration courts]. Sud`ya [Judge], 2019, no. 3, pp. 43–50. (In Russian, abstract in English)
5. Nevzorova Yu. Podvodny'e kamni inostrannogo biznesa v Rossii [Pitfalls of foreign business in Russia]. E`Zh-Yurist [EZh-Lawyer], 2017, no.45, p. 4. (In Russian)

О СИСТЕМЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ КАК РАЗДЕЛА КРИМИНАЛИСТИКИ

Чулахов Владислав Николаевич

Цель: рассмотреть систему криминалистической техники как одного из разделов криминалистики. Проанализировать ее содержание с точки зрения современного состояния криминалистической науки и практики, в частности, криминалистического учения о навыках и привычках человека.

Методология: диалектика, анализ, дедукция, системно-структурный подход, системно-правовой метод.

Выводы. Видоизменение преступности, а вместе с этим появление новых средств и методов борьбы с ней, способствуют формированию новых криминалистических знаний, требующих своего упорядочения и распределения. Сегодня в структуре криминалистической техники сформировано несколько отраслей, посвященных исследованию следов преступлений, образуемых в результате проявления человеком своих навыков: письма (судебное почерковедение), письменной речи (судебное автороведение) и устной речи (судебная фоноскопия). Отображения некоторых навыков рассматриваются в иных отраслях криминалистической техники вместе с другими следами, в частности, следы походки в трасологии, преступные навыки в криминалистической регистрации. Данная система строилась в зависимости от вида и особенностей следов, образующихся в процессе совершения преступлений, а также методов их исследования, а не от слеодообразующих свойств человека, что привело к тому, что отображения разных навыков изучаются отдельно, вне связи друг с другом. Выявление и уяснение закономерностей влияния навыков человека на развитие преступления, использование данных о них в процессе расследования может быть успешным лишь при выделении этих свойств личности в качестве самостоятельного объекта исследования, что приводит к необходимости обособления, консолидации всех теоретических и фактических знаний в этой области в рамках одного раздела криминалистической техники, который предлагается назвать «Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений». Системную основу этому составляет то, что все навыки, какими бы они ни были и в каком бы виде деятельности ни сформировались, имеют одну и ту же психофизиологическую природу, что обуславливает комплексность исследования этих свойств человека вместе с их отображениями.

Научная и практическая значимость. Значимость научной статьи заключается в обосновании предложения сформировать в системе криминалистической техники раздел «Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений», объединив в нем все имеющиеся на сегодняшний день криминалистические знания о навыках человека и рекомендации по сборанию и исследованию данных о них в раскрытии и расследовании преступлений. Предлагается структура нового раздела.

Ключевые слова: криминалистика, общая теория, криминалистическая систематика, структура, криминалистическая техника, навыки, расследование, преступление, системообразующие связи, раздел, отрасль.

Содержание криминалистики, как и другой любой отрасли научного знания, нуждается в определенном упорядочении, распределении по тем или иным разделам, отраслям, т.е. в систематизации накопленного материала. Это необходимо, во-

первых, как для самой теории криминалистики, так и для облегчения и удобства использования криминалистических знаний практикой. Взгляд на криминалистическую науку как на единое целое, как систему, обладающую внутренним един-

ством составляющих ее частей, позволяет познать содержание этого целого через связи, которые существуют между элементами этой системы.

По мнению Р.С. Белкина, содержание криминалистической систематики составляют различные криминалистические системы как форма организации научного знания высокого уровня и криминалистические классификации как средство накопленных и особым образом систематизированных научных криминалистических знаний для практики борьбы с преступностью. Основу криминалистической систематики ученый видел в системно-структурном подходе к изучению явлений действительности, в числе основных положений которого он выделил следующие:

1. Исходным принципом системного исследования служит представление о целостности изучаемой системы.

В этой связи криминалистика представляет собой единую систему научных знаний, средств и методов, нацеленных на раскрытие, расследование и предотвращение преступлений.

2. Каждая система может расчленяться самыми различными способами, поэтому элемент в ее структуре в соответствующих случаях рассматривается как нечто обособленное, например, как подсистема. В свою очередь, система как нечто целое может рассматриваться как подсистема по отношению к системе более высокого уровня.

Так, методика расследования убийств выступает подсистемой криминалистической методики как раздела криминалистики, в то же время она является объединяющей для методик расследования отдельных видов убийств: по найму, по неосторожности, прошлых лет и т.д.

3. Представление о целостности системы конкретизируется через понятие связи. В системах особое место занимают связи, которые могут быть выявлены лишь на системном уровне рассмотрения объекта. Такие связи являются системообразующими. Совокупность связей и их типологическая характеристика приводит к понятию структуры системы.

Такие системообразующие связи отмечаются между разделами криминалистики, внутри самих разделов между их элементами и частями. Необходимо отметить, что сложившаяся системная структура криминалистики во многом обусловлена опытом раскрытия и расследования преступлений и является ее прямым отображением.

4. Структура системы (или ее организация) может строиться как по «горизонтали» (связь между однопорядковыми компонентами системы), так и по «вертикали» (связь между разнопорядко-

выми компонентами в зависимости от уровней систем). «Вертикальная» структура позволяет говорить о понятии уровней системы и их иерархии [1, с. 250–251].

В криминалистике это проявляется между ее однопорядковыми элементами – разделами и отраслями, а также между ее разнопорядковыми элементами внутри этих разделов и отраслей.

В свое время системно-структурный подход в полной мере был использован Р.С. Белкиным при формировании представления о системе криминалистической науки и структурах ее подсистем – общей теории, криминалистической техники, криминалистической тактики и криминалистической методики. Системно-структурный метод и сейчас продолжают использовать как основной при совершенствовании системы криминалистики.

Видоизменение преступности, а вместе с этим появление новых средств и методов борьбы с ней способствуют формированию новых криминалистических знаний, требующих своего упорядочения и распределения, например, в области криминалистической фоноскопии, цифровых технологий, ДНК-исследований и др. Есть также области, которые требуют нового переосмысления. В частности, речь пойдет о системе такого раздела криминалистики как криминалистическая техника, которая изучает следы преступления и разрабатывает технические средства, приемы и методы собирания и исследования доказательств в целях раскрытия, расследования и предупреждения преступлений.

Исторически сложилось так, что в структуре криминалистической техники было сформировано несколько отраслей, посвященных исследованию следов преступлений, образуемых в результате проявления человеком своих навыков: письма (судебное почерковедение), письменной речи (судебное автороведение) и устной речи (судебная фоноскопия). Отображения некоторых навыков рассматриваются в иных отраслях криминалистической техники вместе с другими следами, в частности, следы походки в трасологии, преступные навыки в криминалистической регистрации. Данная система строилась в зависимости от вида и особенностей следов, образующихся в процессе совершения преступлений, а также методов их исследования, а не от следообразующих свойств человека, что привело к тому, что отображения разных навыков изучаются отдельно, вне связи друг с другом.

Выявление и уяснение закономерностей влияния навыков человека на развитие преступле-

ния, использование данных о них в процессе расследования может быть успешным лишь при выделении этих свойств личности в качестве самостоятельного объекта исследования, что приводит к необходимости обособления, консолидации всех теоретических и фактических знаний в этой области в рамках одного раздела криминалистической техники, который предлагается назвать «Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений». Системную основу этому составляет то, что все навыки, какими бы они ни были и в каком бы виде деятельности ни сформировались, имеют одну и ту же психофизиологическую природу, что обуславливает комплексность исследования этих свойств человека вместе с их отображениями.

Именно такое целостное представление о навыках как криминалистически значимых свойствах человека является существенной предпосылкой дальнейшего развития криминалистики, поскольку обеспечивает более углубленный подход при рассмотрении существующих теоретических концепций и практических положений, способствуя появлению новых нетрадиционных подходов в криминалистических исследованиях. Структурное выделение в системе криминалистической техники данного раздела следует рассматривать как отражение логики развития криминалистической науки, как проявление интеграции научных знаний, которая обеспечивает совершенствование и развитие их на более высоком уровне.

Систему криминалистического исследования навыков человека и их отображений логично построить из общей и особенной частей. В общей части рассматриваются общенаучные положения, имеющие значение для всех видов и форм проявления навыков. В ее содержание входят: предмет, объект, понятие, задачи, система раздела, его место в системе научного знания и, прежде всего, в системе криминалистики. К общим положениям криминалистического исследования навыков человека и их отображений относятся также понятия этих личностных качеств в криминалистическом аспекте, их классификация и свойства, значение и основные направления исследования.

Рассмотрим вкратце содержание общей части.

Объектом криминалистического исследования навыков человека и их отображений является практика собирания, исследования, оценки и использования данных об этих свойствах личности дознавателем, следователем, специалистом, экспертом и судом, а также сами навыки лиц-участников преступного события, значимые для раскрытия, расследования и предотвращения

преступлений, и их материально фиксированные и идеальные отображения в следах преступления и памяти потерпевших и свидетелей.

Предметом криминалистического исследования навыков человека и их отображений является группа объективных закономерностей, определяющих сущность, содержание и механизм проявления данных свойств личности при совершении преступлений, формирования и реализации соответствующей доказательственной и диагностической информации в процессе раскрытия и расследования преступлений.

Задачами криминалистического исследования навыков человека и их отображений являются: 1) исследование криминалистически значимых навыков человека, проявляющихся при совершении преступлений; 2) исследование признаков, свойств и связей навыков как свойств личности, обуславливающих получение доказательственной информации по преступлениям; 3) разработка новых и совершенствование имеющихся криминалистических средств и методов исследования навыков и их отображений.

Содержание предмета, объекта и задач криминалистического исследования навыков человека и их отображений позволяет сформулировать определение этого раздела криминалистической техники.

Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений — это раздел криминалистической техники, изучающий закономерности формирования и проявления навыков человека при совершении преступлений, обусловленные ими признаки деятельности участников преступного события, закономерности собирания, исследования, оценки и использования криминалистически значимой информации о данных свойствах личности и разрабатывающий на основе познания этих закономерностей практические рекомендации, специальные методы и средства раскрытия, расследования и предотвращения преступлений.

Данный раздел криминалистической техники рассматривается как следующая ступень в исследовании значимых для следствия и суда свойств человека вслед за изучаемыми в криминалистике анатомическими, физическими, морфологическими и биологическими особенностями личности. Значение раздела состоит в том, что он расширяет традиционные границы криминалистических исследований психофизиологических свойств человека, выдвигая новые аспекты и специфические направления изучения навыков и их отображений, позволяет выявить наиболее эффективные пути исследования. Вскрываемые закономерности

и разрабатываемые методы непосредственно реализуются в практической правоохранительной деятельности.

Навыки – универсальное свойство человека. Они образуются постоянно и неизбежно в любом виде деятельности – производственной, бытовой, спортивной и т.д. Это объясняется приспособляемостью организма к выполняемой работе по пути рационального расхода затраченной энергии, что является объективной закономерностью его функционирования. Не составляет исключения в этом смысле совершение преступлений – специфический вид деятельности, охватывающий различные стороны человеческого бытия. Поэтому многие из навыков являются непреходящими атрибутами противоправных действий. Если это не профессиональные или преступные, то в любом случае функциональные, мыслительные, или поведенческие навыки, присущие каждому человеку.

С учетом процессов психической и высшей нервной деятельности человека, лежащих в основе формирования и проявления навыков человека, а также закономерностей использования данных о них при расследовании преступлений, можно сформулировать определение навыка в криминалистическом аспекте следующим образом. Навык – это приобретенное свойство человека, представляющее собой автоматизированный, относительно устойчивый и индивидуальный компонент его деятельности, образующийся в результате многократного повторения и обусловленный закономерностями формирования соответствующего динамического стереотипа [2, с. 98].

Доступность навыков для криминалистического изучения связана со свойством нервной деятельности человека проявляться в движениях скелетно-мышечной системы, поддающихся зрительному восприятию. В качестве конечной формы внешнего выражения выступают движения рук, ног, корпуса человека, органов речи и т.д. Эта способность навыков является основой для возникновения различных форм материальной и идеальной фиксации их особенностей, которые служат источниками судебной информации о навыковых свойствах личности.

Возникновение навыков обусловлено материальными процессами, происходящими в сфере высшей нервной деятельности человека. В их основе лежит образование динамического стереотипа – устойчивой и слаженной системы условных рефлексов, которая формируется в результате многократного повторения условных раздражений в заданной последовательности и через определенные промежутки времени. Условный реф-

лекс имеет определенный анатомический субстрат в виде рефлекторной дуги, центральным звеном которой является временная связь. Ее замыкание представляет собой внутренний механизм образования условного рефлекса, заключающийся в совокупности физиологических и морфологических превращений. Какое бы движение ни совершал человек, в его центральную нервную систему поступают потоки афферентных импульсов, исходящих как от самого двигательного аппарата (суставов, связок, мышц), так и многочисленных рецепторов, которые обеспечивают восприятие нервной системой результатов движения. Благодаря временной связи между ними происходит объединенная деятельность ранее разобщенных корковых центров, которая выражается в автоматизированности действий.

Длительное удержание временных связей основано на молекулярных, пластических изменениях, происходящих в синапсах или даже в самих нервных клетках коры больших полушарий. О том, что образование навыков связано со стойкими микроструктурными перестройками в нервных клетках, свидетельствуют многие факты исключительно продолжительного сохранения в мозге человека следов (энграмм) однажды выработанных действий. Так, при внушении взрослому человеку в состоянии гипноза, что он находится в детском возрасте, его почерк и речь изменяются в соответствии с внушаемым определенным периодом детства.

Использование результатов криминалистического исследования навыков в качестве источников судебной информации стало возможным благодаря их свойствам, обусловленным психофизиологическими закономерностями образования и проявления навыка. Все свойства навыков можно разделить на две группы. Первую группу составляют свойства, присущие навыкам как объектам криминалистического исследования, значимые для идентификации и получения диагностической информации по их отображениям. К таким свойствам относятся индивидуальность, устойчивость, отражаемость и информативность. Во вторую группу входят свойства, выражающие внутреннюю природу и организацию навыков и отличающие их от других качеств личности. Это универсальность, автоматизированность, вариантность, относительная наглядность и склонность к повторному воспроизведению.

Универсальность. Образование навыков носит универсальный характер и обусловлено приспособительной функцией организма к новой деятельности путем сокращения мышечных усилий

и напряжения нервной системы, что является общей закономерностью функционирования человека. Другими словами, навык — это процесс приспособления и соответствующего изменения физиологических функций человеческого организма для наиболее эффективного выполнения конкретной работы. Это выражается в отработке целесообразной внутренней психофизиологической структуры действий, которая обеспечивает рациональные способы выполнения движений, снижение энергетических затрат, изменение динамики утомления, рост работоспособности.

В связи с этим универсальность как характерное свойство навыков означает, что они образуются в любом виде повторяющейся деятельности даже независимо от желания и воли человека. Даже относительно новая для человека деятельность опирается на уже сложившиеся навыки и строится с их учетом по закону переноса. Поэтому навыки с неизбежностью проявляются преступником при совершении любого преступления независимо от того, осуществляется оно впервые или повторно. Остается только определить, какие навыки, судя по обстановке и механизму преступления, должны были проявиться у преступника, и суметь выявить их отображения.

Автоматизированность — основная отличительная черта навыков, под которой понимается машинное осуществление человеком привычных действий. Сущность автоматизации навыка заключается в том, что у человека появляется возможность отключения динамического (сознательного) контроля от каких-то деталей или параметров действия. То есть человек приобретает способность производить выработанные и привычные действия без направленного на них внимания. Автоматизация тех или иных компонентов действия лишь смещает объект сознательной регуляции, выдвигая в круг сознания общие цели действия, условия его выполнения, контроль и оценку его результатов.

Вариантность (видоизменяемость) — это образование устойчивых вариантов навыка соответственно изменяющимся обстоятельствам и задачам деятельности в стереотипно повторяющихся условиях. Вариативный характер может проявляться как в разных элементах навыка одного и того же лица, так и в пределах системы движений в целом. В первом случае речь идет о вариантности признака навыка. Во втором случае имеется в виду образование нового варианта навыка в целом, который чаще всего связан с профессиональной деятельностью лица. Таковы варианты морских, рыбацких и альпинистских узлов, варианты почерка

врачей, чертежников, библиотекарей, учителей начальных классов, вариант спортивной ходьбы.

Вариантность навыка (как отдельных признаков, так и в целом) должна обязательно учитываться при проведении криминалистических исследований, особенно при сравнении их разновидностей, различных по своему целевому назначению и содержанию. Осматривая место происшествия, необходимо обращать внимание на условия проявления навыков и точно описывать их в протоколе осмотра. При назначении экспертиз и исследований такую информацию нужно доводить до сведения эксперта, указывая ее среди других обстоятельств дела в постановлении. В противном случае эксперту придется иметь дело с признаками неизвестного варианта навыка, что может стать причиной ошибочного вывода.

Относительная наглядность. В отличие от анатомических особенностей человека потрогать, измерить и непосредственно исследовать навыки невозможно. Их можно установить только опосредованно в процессе наблюдения за человеческими действиями. Поэтому у преступника появляется возможность скрывать свои навыки, не проявляя их во время следствия. Однако такие попытки оказываются безрезультатными, ввиду склонности навыков к повторному воспроизведению, а также из-за множества улик, свидетельствующих об их наличии, которые с неизбежностью образуются самим процессом формирования и проявления данных свойств личности.

Склонность к повторному проявлению. Навыки имеют склонность к повторному проявлению, они как бы изнутри заставляют человека поступать тем или иным образом. Однажды укрепившись, навыки при благоприятных факторах проявляются вновь под воздействием начального раздражителя. В качестве последнего могут выступать цель или привычные условия деятельности. Оказавшись в «привычной» обстановке, человек из всего арсенала выработанных действий изберет те, которые ранее в подобной ситуации приводили к положительному результату. Тем более что по-другому он поступать не научился. Изменить же сформировавшийся стереотип за короткое время невозможно, да и его ломка сопровождается значительными нервными затратами.

Перечисленные свойства навыков не являются обособленными, а переплетаются между собой, оказывая друг на друга взаимное воздействие. В результате каждый вид выработанных действий приобретает неповторимую совокупность этих свойств, характерную только для данного вида навыков.

Классификационное подразделение навыков осуществляется по различным основаниям. Выделяют две группы классификаций. Первую группу составляют психофизиологические классификации, важные с идентификационной и диагностической точек зрения как раскрывающие сущность навыков действий и объясняющие характер и механизм их формирования и проявления. Например, в зависимости от преобладания тех или иных физиологических механизмов и психических процессов в формировании навыков среди них выделяют двигательные, умственные и сенсорные; по степени обобщенности навыки могут быть общедеятельностными (общетрудовыми) и специальными (узкопрофессиональными); по степени автоматизированности – мало-, средне- и высокоавтоматизированными; степени сформированности – несформировавшимися и сформировавшимися, степени изменчивости – лабильными и косными, по степени сложности – простыми и сложными; по мере появления у людей со временем – новыми и устаревшими и др.

Ко второй группе относятся криминалистические классификации, способствующие получению розыскной и ориентирующей информации о человеке, обладающем тем или иным навыком. В качестве классификационных признаков в них выступают объективные или субъективные обстоятельства формирования навыков, что косвенно может указывать на криминалистически значимые характеристики личности, такие, как профессия, пол, род занятий, место работы и жительства, национальность и др. Например, по роду или виду деятельности, в процессе которых навыки сформировались, они подразделяются на функциональные (речевые, письменные, ходьбы, бега), трудовые (профессиональные), спортивные, преступные, поведенческие, бытовые; в зависимости от группы и субкультуры общества, в которых навыки сформировались, среди них можно выделить этнические, этнографические, национальные, конфессиональные, профессиональные, возрастные и коллективные и т.д.

Криминалистическое исследование навыков позволяет получить идентификационную, диагностическую, ориентирующую и прогностическую информацию о личности, интересующей следствие, которую можно использовать в доказательственных, розыскных и тактических целях. Перспективность криминалистического исследования навыков определяется во многом возможностями в решении ряда принципиальных задач, возникающих при расследовании преступлений,

а именно: при выдвижении розыскных и следственных версий; определении и сужении круга подозреваемых по делу лиц; идентификации личности; выявлении серии преступлений, совершаемых одним лицом (лицами); определении вероятности совершения преступником аналогичных преступлений в будущем и др.

Особенная часть криминалистического исследования навыков человека и их отображений состоит из разделов и отраслей, посвященных исследованию соответственно отдельных родов и видов навыков, значимых с точки зрения раскрытия и расследования преступлений:

Криминалистическое исследование функциональных навыков:

- криминалистическое исследование навыка письма (судебное почерковедение);
- криминалистическое исследование навыка письменной речи (судебное автороведение);
- криминалистическое исследование навыка устной речи (судебная фоноскопия);
- криминалистическое исследование навыка ходьбы (походки).

Криминалистическое исследование преступных навыков:

- криминалистическое исследование мошеннических навыков;
- криминалистическое исследование воровских навыков;
- криминалистическое исследование насильственных навыков.

Криминалистическое исследование трудовых (профессиональных) навыков.

Криминалистическое исследование поведенческих и бытовых навыков.

Криминалистическое исследование привычек (как особого вида навыков).

На сегодняшний день перечисленные разделы особенной части неравнозначны по степени разработанности для целей расследования. Первые три из них являются наиболее изученными как в теоретическом, так и в практическом отношении и представляют собой самостоятельные отрасли криминалистической техники. Остальные же менее исследованы и требуют основательного криминалистического разрешения. По мере развития отрасли и вовлечения в область уголовного судебного исследования все более новых видов навыков система особенной части, безусловно, будет усложняться, что может в дальнейшем привести к выделению новых самостоятельных элементов.

Перспективными направлениями дальнейшего развития криминалистического исследования

навыков человека и их отображений являются следующие:

– разработка отдельных родов (видов) навыков, значимых в криминалистическом отношении, которые на сегодняшний день являются малоисследованными: преступные, бытовые, поведенческие и другие;

– разработка отдельных направлений использования данных о навыках лиц-участников преступного события, например, в тактических целях (при проведении допроса, обыска, опознания); методике расследования отдельных видов преступлений (например, серийных преступлений), при выдвижении и проверке следственных версий, розыске скрывшегося преступника, составлении его «психологического портрета» и др.

В заключение хотелось вновь привести слова Р.С. Белкина: «Система не является самоцелью, она выступает средством решения каких-то задач; в науке она строится с несколькими целями: 1) достигнутые результаты познания выявить во всей полноте; 2) использовать полученное знание для движения к новым результатам» [1, с. 257]. Сказанное полностью относится к системе криминалистических знаний о навыках, в которых должно найти

свое отражение все то, что накопила теория науки, а также результаты этого познания – рекомендуемые наукой средства, приемы и методы раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, в которых проявились навыки свойства личности.

Именно такая система криминалистической техники и выделение в ней раздела «Криминалистическое исследование навыков человека и их отображений» отражает, как нам кажется, максимально адекватно предмет криминалистики. Структура предлагаемого раздела «выдерживает» проверку и с позиций системно-структурного подхода, о котором говорилось в начале статьи:

– указанная система образует единое целое, поскольку представляет собой единую область научных знаний, однородную по своей природе;

– свойства и функции каждого элемента системы взаимопределены свойствами и функциями всей системы в целом;

– все элементы данной системы неразрывно связаны друг с другом;

– каждый из элементов системы в свою очередь может рассматриваться как нечто сложное, как подсистема, причем подсистемы состоят из элементов и образуют своеобразные множества.

Литература

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2001. 323 с.
2. Чулахов В.Н. Криминалистическое учение о навыках и привычках человека. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2007. 288 с.

References

1. Belkin R.S. Kurs kriminalistiki [Forensics course]. Moscow: Yuniti-Dana; Zakon i pravo Publ., 2001. 323 p. (In Russian)
2. Chulakhov V.N. Kriminalisticheskoe uchenie o navykakh i privychkakh cheloveka [Forensic doctrine of human skills and habits]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2007. 288 p. (In Russian)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ФИКЦИИ В ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Шкабин Геннадий Сергеевич

Цель: рассмотреть нормы и понятия уголовно-правового характера, получившие свое закрепление в оперативно-разыскном законодательстве и науке оперативно-разыскной деятельности; внести предложения по устранению существующих проблем и совершенствованию межотраслевых связей уголовного права и оперативно-разыскной деятельности.

Методология: общенаучные методы – системный анализ и диалектический метод; специально-научные методы – правовое сравнение, формально-логический, социологический. Перечисленные методы в своем единстве позволили провести комплексный анализ уголовно-правовых фикций в оперативно-разыскной деятельности.

Выводы. Оперативно-разыскное законодательство и наука оперативно-разыскной деятельности используют нормы и понятия, которые по своему характеру являются уголовно-правовыми. Однако в силу отраслевого несоответствия они не получают реализации в правоприменительной деятельности, а также вносят деструктивность в характер межотраслевых связей уголовного права и оперативно-разыскной деятельности. Проведенный анализ и сделанные предложения позволяют определить основные направления совершенствования этих связей.

Научная и практическая значимость. Теоретическая значимость состоит в том, что выявленные проблемы и предложенные варианты их решения расширяют сферы познания двух наук; они развивают представления о законодательной технике и научном понятийном аппарате. Практическая значимость выражается в возможности использования сделанных предложений в законотворчестве и управленческой деятельности органов внутренних дел.

Ключевые слова: фикция, уголовное право, оперативно-разыскная деятельность, межотраслевые связи, правомерное причинение вреда, обстоятельства, исключаящие преступность деяния, освобождение от уголовной ответственности.

Современное состояние противодействия преступности характеризуется постоянным повышением уровня ее регламентации. Это выражается не только в изменении и дополнении действующих правовых актов, но и появлении новых законов и даже отраслей законодательства. В таких случаях, естественным образом, возникает необходимость согласованности положений различных нормативных актов. На данном этапе нередко бывает, что какой-либо вид деятельности нуждается в регулировании нормативным правовым актом иной отраслевой принадлежности. Такие ситуации не всегда находят свое логическое разрешение, что приводит к расхождению между

формальным правом и правовой реальностью. Наиболее очевидным результатом рассогласованности являются фикции. Под ними понимается провозглашение в нормативном акте существования факта или обстоятельства, в действительности не имеющих места [2, с. 113–118]. Другими словами, это искусственно созданное правоположение, которое не соответствует реальности. Фактически норма-фикция не отражает существующее в действительности положение вещей.

Одним из примеров данной проблемы является дисгармония между уголовным правом и оперативно-разыскным законодательством. Это сводится к существованию в Федеральном законе «Об

оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД», или Закон) норм, имеющих по своему характеру уголовно-правовое значение. Рассмотрим их подробнее.

Во-первых, это ч. 4 ст. 16 Закона, согласно которой «при защите жизни и здоровья граждан, их конституционных прав и законных интересов, а также для обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств допускается вынужденное причинение вреда правоохраняемым интересам должностным лицом органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, либо лицом, оказывающим ему содействие, совершаемое при правомерном выполнении указанным лицом своего служебного или общественного долга». Дело в том, что при проведении практически любого оперативно-розыскного мероприятия возможно причинение вреда объектам, охраняемым уголовным законом. Это может произойти как при опросе или наведении справок, когда собираются сведения, которые могут составлять личную или семейную тайну, так и проведении оперативного эксперимента или оперативного внедрения. В последнем случае лицо, участвующее в проведении мероприятия порой вынуждено совершать действия, которые имеют внешнее сходство с преступлением. Поэтому, рассматриваемая норма, фактически является новым обстоятельством, исключающим преступность деяния.

Вместе с тем ст. 1 УК РФ не позволяет признавать оперативно-розыскное законодательство в качестве источника уголовного права. Это одна из причин, по которой ч. 4 ст. 16 ФЗ «Об ОРД» почти не применяется. В периоды с 2001 по 2004 гг. и с 2009 по 2017 гг. в общей сложности нами были изучены материалы 262 уголовных дел, рассмотренных судами Владимирской, Московской, Рязанской, Тамбовской, Тульской, Тюменской областей и города Москвы, в которых использовались рассекреченные результаты ОРД. При этом удалось установить только один (!) случай применения этой нормы.

Так, в 2011 году Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ вынесла кассационное определение (*Кассационное определение Верховного Суда РФ от 23 августа 2011 г. № 48-О11-81. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL : <http://www.vsrif.ru> (дата обращения: 15.03.2020)*) на приговор Челябинского областного суда, по которому был осужден Лаврентьев за получение взятки в крупном размере (п. «г» ч. 4 ст. 290 УК РФ). При выявлении данного преступления проводилось оперативно-розыскное мероприятие – оперативное внедрение. Внедренным

лицом являлся сотрудник милиции Л., представлявший организацию, от которой Лаврентьев пытался получить взятку. В ходе проведения оперативного внедрения Л., по поручению Лаврентьева, вносил ложные сведения в договоры, подписывал фиктивные заявки на участие в открытых конкурсах от имени компании. Представители защиты поставили перед судом вопрос о правовой оценке незаконных действий внедренного лица. На это Судебная коллегия в своем определении ответила, что «Л. при проведении оперативно-розыскного мероприятия выполнял указания и рекомендации Лаврентьева, в том числе по составлению необходимых документов задним числом. Данные действия допустимы частью 4 статьи 16 Закона «Об оперативно-розыскной деятельности». Иными словами, была признана законность поведения внедренного лица, причинившего вред правоохраняемым интересам.

Фактически Верховный Суд применил аналогию закона, которая, как известно, запрещена. Суд при возникновении уголовно-правовых отношений ввиду отсутствия в уголовном законодательстве соответствующей правовой конструкции применил норму другой отрасли права. Устранение подобной фиктивности видится в изменении двух законов. По нашему мнению, подобные ситуации должны быть регламентированы в Уголовном кодексе. Полагаем правильным исключить из ст. 16 Закона часть 4, а УК РФ добавить статьей 39¹ «Причинение вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия» следующего содержания:

«1. Не является преступлением вынужденное причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам при проведении оперативно-розыскного мероприятия уполномоченным лицом, которое действует в целях предотвращения, пресечения или раскрытия преступления, если при этом не было допущено превышения пределов причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия.

2. Превышением пределов причинения вреда при проведении оперативно-розыскного мероприятия признается умышленное причинение смерти или тяжкого вреда здоровью другого человека, либо нарушение половой неприкосновенности или половой свободы личности, либо умышленное причинение иного вреда, явно не соответствующего характеру и степени общественной опасности предотвращаемого, пресекаемого или раскрываемого преступления» [12, с. 56–64].

Однако с данным выводом согласны не все ученые-криминалисты. Так, В.И. Михайлов,

в целом поддерживая идею уголовно-правового регулирования правомерного причинения вреда при осуществлении правоохранительной деятельности, считает предлагаемую нами норму излишне абстрактной. Полагая, что порядок причинения вреда в таких случаях должен предусматриваться ФЗ «Об ОРД», а уголовно-правовым основанием правомерности могла бы служить предлагаемая им ст. 41¹ «Выполнение профессиональных (должностных) функций» [6, с. 55–69]. При этом ученый рассматривает в качестве равнозначных ситуации причинения правомерного вреда, предусмотренные в гл. 8 УК РФ и в иных нормативных актах Российской Федерации [5, с. 91–101].

Не разделяя в полной мере позицию В.И. Михайлова, отметим, что выполнение профессиональных функций, как обстоятельство, исключающее преступность деяния, обладает еще большей абстракцией, по сравнению с нашим вариантом. Отраслевую же принадлежность в таких случаях следует определять исходя из объекта причинения вреда, а следовательно, и предмета правового регулирования. Если вред причиняется объектам уголовно-правовой охраны, то, очевидно, логичным является то, что и исключение преступности таких деяний должно определяться также Уголовным кодексом РФ. Аналогичного мнения придерживаются и другие исследователи проблемы [10, с. 28; 4, с. 39–54; 8, с. 74–81; 7, с. 194–200]. Наше предложение согласуется и с правовой позицией Конституционного Суда РФ.

Так, в его постановлении от 29 июня 2004 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы» подтверждается конституционность приоритета норм Уголовно-процессуального кодекса РФ над нормами конкурирующих с ним иных федеральных законов и подзаконных актов. Такое решение основано на предусмотренном п. «о» ст. 71, ч. 1 ст. 76 Конституции РФ критерии построения российского законодательства, которым является предмет правового регулирования. Суд заключает, что «независимо от времени принятия приоритетными признаются нормы того закона, который специально предназначен для регулирования соответствующих отношений». Считаем, что данное правило применимо ко всем отраслям права, в том числе и к уголовному.

Второй фикцией уголовно-правового характера в оперативно-разыском законодательстве является ч. 4 ст. 18 ФЗ «Об ОРД». В ней закрепляется,

что лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности.

Данная норма, также, как и предыдущая, имеет уголовно-правовой характер. Соответственно предусмотрена она должна быть в Уголовном кодексе. Пожалуй, это одна из основных причин, по которой она не встречается в правоприменительной практике. По результатам нашего исследования ч. 4 ст. 18 Закона ни разу не применялась.

Однако само существование рассматриваемого оперативно-разыскного вида освобождения от уголовной ответственности демонстрирует потребность в уголовно-правовом регулировании описанных в ней случаев. Это является единственным положительным моментом в этой норме [9, с. 158–163]. По этой причине мы предлагаем дополнить главу 11 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности» статьей 75¹ следующего содержания:

«Статья 75¹. Освобождение от уголовной ответственности в связи с участием в проведении оперативно-разыскного мероприятия.

Лицо, совершившее преступление в составе группы лиц по предварительному сговору, организованной группы или преступного сообщества, может быть освобождено от уголовной ответственности, если приняло участие в проведении оперативно-разыскного мероприятия и способствовало раскрытию преступления, возместило ущерб, причиненный в результате его совершения, или иным образом загладило причиненный вред».

В ч. 4 ст. 18 Закона следует указать, что лицо, совершившее преступление и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность, может быть освобождено от уголовной ответственности в случаях, предусмотренных Уголовным кодексом Российской Федерации. Соответствующего изменения потребует и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Помимо законодательства о сыске уголовно-правовые фикции встречаются и в должностных инструкциях и доктрине оперативно-разыскной деятельности. Ярким примером является использование термина «замышляемое преступление». До недавнего времени оно встречалось в подзаконных нормативных актах. Одним из таких источников была Инструкция по профилактике

правонарушений среди лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы, утвержденная приказом Минюста России от 20 ноября 2006 № 333 (утратила силу в 2013 г.). В настоящее время нередко встречается в локальных документах, регулирующих деятельность сотрудников оперативных подразделений полиции и учреждений, исполняющих наказание.

В науке оперативно-разыскной деятельности периодически высказываются предложения о включении в перечень задач, предусмотренных ст. 2 Закона, выявление и предупреждение «замышляемых преступлений» [1, с. 29–30; 11, с. 97–100]. Данный термин в специальной литературе встречается достаточно часто. Нередко подчеркивается, что речь идет именно о «замышляемом», а не «подготавливаемом» преступлении. При этом его содержание не раскрывается, как и не проводится отграничение от смежных понятий.

Если исходить из буквального понимания «замышляемого преступления», то получается, что речь идет о каком-то новом виде преступления, до этого неизвестном уголовному праву. Естественно, такое недопустимо. И только исходя из контекста можно догадаться, что на самом деле имеется виду вовсе не преступление, а лишь намерение лица его совершить. В уголовном праве такое намерение получило название обнаружение умысла или «голый» умысел. Именно в этом значении, исходя из контекста публикаций, и употребляется рассматриваемая формулировка.

Кроме того, понятие «преступление» неразрывно связано с уголовной ответственностью, которая наступает в результате его совершения. С лингвистических позиций сам по себе замысел — это мысли наперед, загодя, то есть некий прогноз на будущее. Соответственно «замышляемое преступление», следуя логике, это представление субъекта о своих предполагаемых деяниях и средствах достижения результата. Другими словами, речь идет об обнаружении умысла, за который должна быть установлена уголовная ответственность. Как следствие, такие законодательные изменения могут возродить идею об «опасном состоянии личности», что также недопустимо.

По этому поводу в свое время И.И. Карпец указывал, что в этом случае юридические понятия строятся не на законе, а на предположениях. Известный криминалист задавал весьма резонный вопрос: «Разве можно говорить об общественной опасности лица, основываясь... не на фактах объективной действительности, а на предположениях, что оно в будущем может совершить преступление?» [3, с. 99]. Ответ представляется очевидным —

нет, нельзя. В связи с этим следует присоединиться к мнению о том, что понятие общественной опасности лица следует рассматривать лишь как вспомогательное при определении общественной опасности преступного деяния и индивидуализации ответственности.

По нашему мнению, установление характера и степени общественной опасности личности, обращенных в некое отдаленное будущее, недопустимо в принципе. У нас уже существовал негативный законодательный опыт в этом направлении и соответствующая практика. Так, в УК РСФСР 1922 г. была предусмотрена возможность применения ссылки и высылки в отношении не только тех, кто совершил преступление, но и лиц, признанных общественно опасными «по связи с преступной средой в этой местности». В свою очередь, Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. (ст. 7) предусматривал возможность привлечения к ответственности лиц, «представляющих опасность по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности», то есть не совершивших преступление.

Судя по всему, именно в этих нормах и лежали истоки знаменитого уголовно-правового маркера «враг народа». Это псевдоюридическое клише известно очень давно, еще со времен римской юриспруденции и значительно позже из практики Французской революции. Данное словосочетание широко использовалось и в общественно-политической жизни СССР. Справедливости ради стоит отметить, что в уголовном законодательстве (УК РСФСР 1926 г.) была предпринята попытка юридической легализации этого понятия. В санкциях отдельных статей «враг народа» был заменен на «враг трудящихся». Так, в ст. 58² УК РСФСР, предусматривающей ответственность за вооруженное восстание в контрреволюционных целях, устанавливалось наказание в виде высшей меры социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся. То же самое предусматривалось и в санкции ст. 58⁴ УК РСФСР за оказание помощи международной буржуазии, а также в ст. 59⁶ УК РСФСР — за шпионаж. Следует обратить внимание на чрезвычайную суровость такого наказания, поскольку объявление врагом трудящихся юридически представляло собой альтернативу расстрела.

Подобные законодательные установления являлись результатом научных воззрений социологической школы уголовного права. В начале XX века представители этого направления преобразовали положения римской юриспруденции и создали теорию «опасного состояния личности».

В соответствии с этой идеей априорно предполагается, что в социуме всегда есть люди, образ жизни которых, их физические и психические особенности потенциально опасны для человеческого сообщества. Такая опасность может быть и не связана с совершением конкретного преступления. Однако их в превентивных целях необходимо изолировать, чтобы обеспечивать защиту социума от возможных вредоносных действий. В нашем случае под такую опасную категорию вполне попадают граждане, которые якобы могут совершать «замышляемые преступления».

Мы не случайно провели этот экскурс в историю законодательства и в теорию уголовного права, поскольку считаем предложение о «замышляемом преступлении» не мелкой юридической погрешностью, а принципиальным положением. В данном случае хотелось бы подчеркнуть главную мысль: попытки введения в научный оборот, а в дальнейшем и в законодательную практику общебытовых, клишированных, социально доступных понятий и определений (то есть «ясных всем») могут повлечь за собой социально-негативные последствия. История юриспруденции это показывает.

Вместе с тем замысел приобретает совершенно иное уголовно-правовое значение, когда лицо начинает его реализовывать в конкретном деянии. Любые формы поведения виновного, начиная от приискания соучастников (отыскание помощников, разумеется, с обязательным обменом информацией) и заканчивая сговором на совершение преступления (предварительное распределение ролей, разработка планов и т. п.), а также иное умышленное создание условий для совершения

преступления (отключение охранной сигнализации, предоставление транспорта и т. п.) становятся тем, что в уголовном законе названо приготовлением к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК РФ). В этих ситуациях никакого замысла уже нет, поскольку он перерос в приготавливаемое (готовящееся, подготавливаемое) преступное деяние. Именно эта граница — начало деяния по осуществлению замысла с обязательным активным вербальным общением и служит барьером между «голым умыслом» (его обнаружением) и приготовлением к преступлению.

На первый взгляд приведенная ситуация может показаться несущественной, состоящей в игре слов и не заслуживающей внимания. На наш взгляд это совсем не так. В купе с описанными выше уголовно-правовыми фикциями в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности» приобретает более четкие очертания проблема гораздо большего масштаба, чем недостатки юридической техники и научной терминологии. Ее суть состоит в отсутствии достаточной системности в межотраслевых связях уголовного права и оперативно-розыскной деятельности как отраслей законодательства, так и правовых наук.

Эту крупную проблему не разрешить точечным изменением законов. Она требует пересмотра характера взаимоотношения двух наук и специалистов, их представляющих. Прежде всего потребуются устранение разобщенности между учеными разных научных специальностей; комплексного подхода к разрешению межотраслевых проблем; исключение стереотипных взглядов на развитие доктрины и отраслей права.

Литература

1. Аتماжитов В.М., Бобров В.Г. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. 2004. № 11. С. 29–30.
2. Горшенев В.М. Нетипичные нормативные предписания в праве // Советское государство и право. 1978. № 3. С. 113–118.
3. Карпец И.И. Проблемы преступности. М., 1969. С. 99.
4. Милюков С.Ф., Побегайло Э.Ф. Актуальные проблемы применения оружия сотрудниками правоохранительных органов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2006. № 11. С. 39–54.
5. Михайлов В.И. Защита интересов личности, общества и государства от преступных посягательств и иных угроз: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2015. № 2. С. 91–101.
6. Михайлов В.И. Отдельные вопросы совершенствования правового регулирования борьбы с организованной преступностью и иными современными вызовами и угрозами // Уголовное и оперативно-розыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы IV межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 30 ноября 2018 г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. М., 2019. С. 55–69.
7. Никуленко А.В. Вопросы юридической природы и возможностей практической реализации норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния // Уголовное и оперативно-розыскное

законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы IV межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 30 ноября 2018 г.) / отв. ред. В.П. Кувалдин. М., 2019. С. 194–200.

8. Пархоменко С.В. Юридическая характеристика нормативной основы деяний, преступность которых исключается // Сибирский юридический вестник. 2013. № 1. С. 74–81.

9. Плешаков А.М. Освобождение от уголовной ответственности лица, привлеченного к сотрудничеству с правоохранительными органами // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы межведомственной научно-практической конференции (Рязань, 20 октября 2017 г.) / под ред. Е.Н. Билоуса, Г.В. Ищука, А.В. Ковалева, Г.С. Шкабина. М., 2017. С. 158–163.

10. Ткаченко В. Принуждение к повинности и выполнение профессиональной обязанности // Советская юстиция. 1990. № 3. 28 с.

11. Чайковский А.А. Деятельность оперативных подразделений следственных изоляторов ФСИН России по предотвращению замышляемых и подготавливаемых преступлений, пресечению преступлений на стадии покушения // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2016. № 2. С. 97–100.

12. Шкабин Г.С. Уголовно-правовая норма (de lege ferenda) о причинении вреда при проведении оперативно-разыскного мероприятия // Государство и право. 2017. № 4. С. 56–64.

References

1. Atmazhitov V.M., Bobrov V.G. K voprosu o zakonodatel'nom regulirovanii operativno-rozysknoi deyatel'nosti [To the question of legislative regulation of operational investigative activities]. Gosudarstvo i pravo [State and Law], 2004, no. 11, pp. 29–30 (In Russian).

2. Gorshenev V.M. Netipichnye normativnye predpisaniya vprave [Atypical regulations are entitled]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet State and Law], 1978, no. 3, pp. 113–118. (In Russian).

3. Karpets I.I. Problemy prestupnosti [Crime problems]. Moscow, 1969. 99 p. (In Russian).

4. Milyukov S.F., Pobegailo E.F. Aktual'nye problemy primeneniya oruzhiya sotrudnikami pravookhranitel'nykh organov [Actual problems of the use of weapons by law enforcement officers]. Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika [Laws of Russia: experience, analysis, practice], 2006, no. 11, pp. 39–54. (In Russian).

5. Mikhailov V.I. Zashchita interesov lichnosti, obshchestva i gosudarstva ot prestupnykh posyagatel'stv i inykh ugroz: problemy pravoprimeneniya [Protection of the interests of individuals, society and the state from criminal encroachments and other threats: problems of law enforcement]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law], 2015, no. 2, pp. 91–101. (In Russian, abstract in English).

6. Mikhailov V.I. Otdel'nye voprosy sovershenstvovaniya pravogo regulirovaniya bor'by s organizovannoi prestupnost'yu i inymi sovremennymi vyzovami i ugrozami [Some issues of improving the legal regulation of the fight against organized crime and other modern challenges and threats]. In Ugolovnoe i operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazey i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy IV mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ryazan', 30 noyabrya 2018 g.) [Criminal and operational-search legislation: problems of intersectoral relations and prospects for improvement: materials of the IV interdepartmental scientific and practical conference (Ryazan, November 30, 2018)]. Ed. V.P. Kuvaldin. Moscow, 2019, pp. 55–69. (In Russian).

7. Nikulenko A.V. Voprosy yuridicheskoi prirody i vozmozhnostei prakticheskoi realizatsii norm ob obstoyatel'stvakh, isklyuchayushchikh prestupnost' deyaniya [Issues of a legal nature and possibilities for the practical implementation of norms on circumstances precluding criminal acts]. In Ugolovnoe i operativno-rozysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazey i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy IV mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Ryazan', 30 noyabrya 2018 g.) [Criminal and operational-search legislation: problems of intersectoral relations and prospects for improvement: materials of the IV interdepartmental scientific and practical conference (Ryazan, November 30, 2018)]. Ed. V.P. Kuvaldin. Moscow, 2019, pp. 194–200. (In Russian).

8. Parkhomenko S.V. Yuridicheskaya kharakteristika normativnoi osnovy deyaniy, prestupnost' kotorykh isklyuchaetsya [The legal characteristic of the normative basis of acts whose criminality is excluded]. Sibirskii yuridicheskii vestnik [Siberian legal Bulletin], 2013, no. 1, pp. 74–81. (In Russian).

9. Pleshakov A.M. Osvobozhdenie ot ugovnoyi otvetstvennosti litsa, privlechenogo k sotrudnichestvu s pravookhranitel'nymi organami [Exemption from criminal liability of a person involved in cooperation with law enforcement agencies]. In *Ugovnoe i operativno-razysknoe zakonodatel'stvo: problemy mezhotraslevykh svyazi i perspektivy sovershenstvovaniya: materialy mezhvedomstvennoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* (Ryazan', 20 oktyabrya 2017 g.) [Criminal and operational-search legislation: problems of intersectoral relations and prospects for improvement: materials of the interdepartmental scientific and practical conference (Ryazan, October 20, 2017)]. Ed. E.N. Bilous, G.V. Ishchuk, A.V. Kovalev, G.S. Shkabin. Moscow, 2017, pp. 158–163. (In Russian).
10. Tkachenko V. Prinuzhdenie k povinoveniyu i vypolnenie professional'noi obyazannosti [Compulsion to obedience and the fulfillment of professional duties]. *Sovetskaya yustitsiya* [Soviet Justice], 1990, no. 3, 28 p. (In Russian).
11. Chaikovskii A.A. Deyatel'nost' operativnykh podrazdelenii sledstvennykh izolyatorov FSIN Rossii po predotvrashcheniyu zamyshlyaemykh i podgotavlivaemykh prestuplenii, presecheniyu prestuplenii na stadii pokusheniya [The activities of the operational units of the pre-trial detention centers of the Federal Penitentiary Service of Russia for the prevention of plotted and prepared crimes, the suppression of crimes at the stage of attempt]. *Penitentsiarnoe pravo: yuridicheskaya teoriya i pravoprimeritel'naya praktika* [Penitentiary Law: legal theory and law enforcement practice], 2016, no. 2, pp. 97–100. (In Russian).
12. Shkabin G.S. Ugolovno-pravovaya norma (de lege ferenda) o prichinenii vreda pri provedenii operativno-razysknogo meropriyatiya [The criminal law norm (de lege ferenda) on causing harm during an operational-search measure]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2017, no. 4, pp. 56–64. (In Russian, abstract in English).

КВАЛИФИЦИРОВАННЫЕ ВИДЫ «КОНТРАБАНДНЫХ» ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Азаренкова Елена Андреевна
Приходько Наталья Юрьевна

Цель: рассмотреть и обосновать предложения по изменению и дополнению некоторых квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков «контрабандных» преступлений (ст. 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ).

Методология: авторами использовались общенаучные методы: анализ и синтез, диалектический метод; также специально-научные методы: историко-правовой метод, метод правового сравнения.

Выводы. Авторы в своем исследовании попытались обосновать предложенные изменения в нормы Уголовного кодекса Российской Федерации, устанавливающие ответственность за контрабанду. Необходимо установить:

квалифицирующие признаки контрабанды: совершение преступления «группой лиц по предварительному сговору», «должностным лицом» или «с использованием служебного положения», «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль»;

особо квалифицирующий признак — совершение контрабанды организованной группой.

Предложенные изменения и дополнения основаны на теоретическом анализе научных исследований и судебной практики по делам о контрабанде, что позволяет высказать мысль об унификации отечественного законодательства в этой области.

Научная и практическая значимость. Предложенное исследование было направлено на изучение некоторых проблем квалификации преступлений, предусмотренных ст. 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ. Полученные теоретические выводы подкреплены практическими примерами, что позволяет устранить некоторые пробелы в законодательстве РФ и обуславливает практическую и научную значимость исследования. Полученные в работе результаты могут стать основой для новых исследований.

Ключевые слова: квалификация преступлений, контрабанда, должностное лицо, служебное положение, Евразийский экономический союз, группа лиц, предварительный сговор, таможенный контроль, квалифицирующий признак.

Достаточно сложно сохранить баланс и предельно широко включить все возможные способы и меры уголовно-правового предупреждения в нормы Закона. Современное состояние уголовного законодательства об ответственности за контрабанду свидетельствует о том, что оно находится в стадии становления. В настоящий момент существуют недостатки регламентации ответственности за «контрабандные» преступления — ст. 200¹, 200², 226¹ и 229¹ УК РФ. Данные недостатки вызывают проблемы квалификации рассматриваемых

преступлений. Настоящим исследованием авторы пытаются устранить некоторые пробелы, прибегая к исследованию теории и практики квалифицированных видов контрабанды.

В ч. 2 ст. 200², ч. 2 ст. 229¹ УК РФ предусмотрено совершение контрабанды группой лиц по предварительному сговору. Некоторые авторы признают, что законодатель необоснованно упустил в ст. 200¹ и 226¹ УК РФ такой квалифицирующий признак (данный квалифицирующий признак отсутствовал в ранее действующей ст. 188 УК РФ) [1, с. 164].

Можно также сослаться и на мнения других ученых, например, Прохоров В.Г. и Майорова Е.И. в своей работе отмечают, что квалифицирующий признак «группа лиц по предварительному сговору», широко применяется в других статьях Особенной части УК РФ, его отсутствие в ст. 200¹ и 226¹ УК РФ является пробелом в законодательстве и ослабляет борьбу с данным преступлением [2, с. 1960–1967]. Совершение контрабанды группой лиц по предварительному сговору облегчает выполнение объективной стороны преступления и повышает степень ее общественной опасности. В связи с чем, необходимо дополнить пунктом «в» ч. 2 ст. 226¹, п. «б» ч. 2 ст. 200¹ УК РФ словами «... по предварительному сговору».

В ст. 200¹ УК РФ законодатель установил квалифицирующий признак контрабанды – совершение преступления группой лиц. Крайне затруднительным представляется совершение контрабанды двумя соисполнителями, между которыми отсутствует предварительная договоренность. Однако в 2017 и 2018 гг. в правоприменительной практике выявлены первые случаи, имеющие судебные решения, где содеянное квалифицировалось по п. «б» ч. 2 ст. 200¹ УК РФ (*Постановление Южно-Курильского районного суда Сахалинской области от 17.04.2017 г. по делу N 1-19/2017; Апелляционное постановление Сахалинского областного суда от 22.05.2018 г. по делу N 22-600/2018; Приговор Донецкого городского суда Ростовской области от 15.08.2018 г. N 1-40/2018. [Электронный ресурс] – Режим доступа: URL: <https://online3.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=card&page=splus&splusFind=%EA%EE%ED%F2%F0%E0%E1%E0%ED%E4%E0&ts=186880302903510883780352463&rnd=C9839A4286F1957185AFE309FDE99E10> (дата обращения: 20.03.20)).*

В п. «б» ч. 2 ст. 200², п. «а» ч. 2 ст. 226¹, п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ установлен такой квалифицирующий признак – совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения.

Многие исследователи обращают внимание на тот факт, что в УК РФ приведены различные варианты редакции анализируемого квалифицирующего признака: в одних составах он сформулирован как «совершение деяния лицом с использованием своего служебного положения»; в других «...должностным лицом с использованием своего служебного положения». Абубакиров Ф.М. считает обоснованным существование в УК РФ различных формулировок анализируемых квалифицирующих признаков. Как отмечает автор, законодатель усиливает ответственность тех лиц, которые действуют вопреки интересам государственной

службы. Данные признаки включают различный объем прав и обязанностей. Квалифицирующий признак «... лицом с использованием своего служебного положения» толкуется шире признака «... должностным лицом с использованием своего служебного положения», функции должностного лица охватываются первым [3, с. 5–9].

Но только в трех из норм, устанавливающих ответственность за контрабанду, предусмотрен квалифицирующий признак «совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения» (п. «б» ч. 2 ст. 200², п. «а» ч. 2 ст. 226¹, п. «б» ч. 2 ст. 229¹). Полагаем, что необходимо дополнить ст. 200¹ УК РФ квалифицирующим признаком «...должностным лицом с использованием своего служебного положения», что было высказано автором ранее [4, с. 10].

Можно утверждать, что субъектом рассматриваемого нами вида контрабанды признаются следующие должностные лица:

- 1) сотрудники таможенных органов РФ;
- 2) лица, которые в силу своих должностных полномочий могли способствовать незаконному перемещению товара (например, должностные лица пограничного контроля);
- 3) сотрудники, которым предоставлено право находиться в зонах контроля (например, декларанты, брокеры);
- 4) освобожденные от определенных форм таможенного контроля (например, агенты).
- 5) В соответствии со ст. 321 Таможенного кодекса ЕАЭС, таможенному контролю не подлежат личные вещи глав государств-участников Таможенного союза, главы Правительства РФ, членов правительства РФ, председателя Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, депутатов Государственной Думы и др. (в случае пересечения границы вышеуказанными лицами по служебным вопросам) (*Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.eaeunion.org/>, 12.04.2017(дата обращения: 13.03.20)).* Полагаем, что действия таких лиц в случае совершения контрабандного перемещения предметов через соответствующую границу и при осознании того факта, что их багаж не подлежит досмотру, должны квалифицироваться по признаку «должностным лицом с использованием своего служебного положения», поскольку именно его положение способно облегчить совершение преступления.

Данное мнение исследователей было основано на позиции Верховного Суда РФ, который в своем постановлении от 27 мая 2008 г. № 6 «О судебной практике по делам о контрабанде» (утратило силу)

(РГ РФ. 2008. № 123) дал соответствующие разъяснения. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 апреля 2017 г. № 12 «О судебной практике по делам о контрабанде» (РГ РФ. 2017. № 99) не обозначено, кого признавать специальным субъектом контрабанды.

К специальным субъектам контрабанды Муркшитис М.И. относит должностных лиц таможенных органов, должностных лиц пограничных органов ФСБ России, поскольку в обязанности этих лиц входит обеспечение безопасного перемещения определенных предметов через границу РФ [5].

Коземаслов Д.В. подразделяет должностных лиц, которые могут признаваться специальным субъектом контрабанды, на две категории: 1) осуществляют таможенный контроль; 2) освобождены от определенных форм таможенного контроля.

Так, в поселке Внуково предполагаемый контрабандист передал черную сумку с особо охраняемыми в РФ птицами – соколами-кречетами двум мужчинам в форменной одежде. С контрабандным грузом они проехали в аэропорт Внуково и загрузили сумку на борт самолета, вылетающего в Дубай. Содействие контрабандистам оказали таможенные инспектора Внуковской таможни (переместили предметы контрабанды без таможенного контроля) (*Таможенники выявили пособников контрабандистов [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: URL: http://customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20112:2014-11-05-11-31-24&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2094&Itemid=1835 (дата обращения: 29.02.20)). Еще один пример, когда содействие в совершении контрабанды оказал начальник отдела таможенного поста Аэропорта Баландино. Используя свое служебное положение, он незаконно пронес помимо таможенного контроля в так называемую «чистую зону» аэропорта сумку с соколами-балобанами (*Таможенники выявили в своих рядах еще одного пособника контрабандистов [Электронный ресурс]*. – Режим доступа: URL: http://www.customs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=20323:2014-12-25-13-17-38&catid=40:2011-01-24-15-02-45&Itemid=2055 (дата обращения 29.02.2020)). В обоих случаях лица использовали свое служебное положение для облегчения перемещения предметов контрабанды без прохождения таможенного контроля.

Таким образом, к должностным лицам, ответственность для которых предусмотрена п. «б» ч. 2 ст. 200², п. «а» ч. 2 ст. 226¹, п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ, следует относить как должностных лиц таможенных органов, так и других должностных лиц,

чье служебное положение каким-либо образом может облегчить совершение преступления.

Интересным представляется исследование Скачко А.В., которая сравнивает санкции п. «а» ч. 2 ст. 226¹ и п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ с санкцией ст. 285 УК РФ и задается вопросом, что в случае, если санкция общей нормы более строгая, чем санкция специальной нормы, или они равны, может ли менее тяжкое преступление поглотить более тяжкое? Автор приходит к выводу о необходимости квалификации контрабанды, совершенной должностным лицом с использованием своего служебного положения в совокупности со злоупотреблением должностными полномочиями, ведь вред причиняется и государственной власти, поскольку субъект преступления специальный [6, с. 163].

Коллектив авторов Лебедев В.М., Бриллиантов А.В., Галахова А.В., Давыдов В.А. считают, что, если должностное лицо, не выполняя объективную сторону контрабанды, оказывает содействие в ее совершении другим лицам, его действия (бездействие) подлежат квалификации по соответствующим частям ст. 33 и ст. 200², 226¹ или 229¹ УК РФ по совокупности с соответствующими статьями гл. 30 УК РФ, если в содеянном усматриваются все признаки состава какого-либо преступления, предусмотренного этой главой. В таком случае п. «б» ч. 2 ст. 200², п. «а» ч. 2 ст. 226¹, п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ не подлежат вменению указанным лицам [7, с. 192–193]. Схожего мнения придерживаются и другие авторы, отмечая, что, если должностное лицо выполнило определенные действия (бездействие), в силу чего контрабандисты смогли беспрепятственно пронести предметы контрабанды через зону таможенного контроля, необходима дополнительная квалификация по статьям главы 30 УК РФ [8, с. 442].

Можно полагать, что, если служебное положение облегчало совершение контрабанды, действия должностного лица, выполняющего объективную сторону контрабанды, должны квалифицироваться по п. «б» ч. 2 ст. 200² или п. «а» ч. 2 ст. 226¹ или п. «б» ч. 2 ст. 229¹ УК РФ, дополнительная квалификация по ст. 285 УК РФ не требуется. Если должностное лицо, используя свои служебные полномочия, наряду с преступлением в сфере таможенной деятельности совершило другие незаконные действия, злоупотребляя предоставленными ему должностными полномочиями из корыстной или иной личной заинтересованности, имеет место совокупность должностного преступления и противоправного деяния в сфере таможенной деятельности.

Следующий квалифицирующий признак – совершение контрабанды с применением насилия

к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, в ст. 226¹ УК РФ указан в п. «б» ч. 2, а в статьях 200¹ и 200² УК РФ – вообще не предусмотрен. В ст. 229¹ УК РФ он содержится в п. «в» ч. 4, то есть является особо квалифицирующим. Здесь можно согласиться с мнением Мешковой В.С и Сучкова Ю.И., которые считают, что законодатель необоснованно оценил как более опасное деяние применение насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, при перемещении наркотических средств, психотропных веществ и т.д. [9, с. 12], чем при совершении контрабанды взрывчатых, радиоактивных веществ, радиационных источников, ядерных материалов, огнестрельного оружия, оружия массового поражения, средств его доставки, иного вооружения, иной военной техники, и т.д.

Стоит определить, кто будет признаваться потерпевшим. В соответствии с Таможенным кодексом ЕАЭС, от имени таможенных органов таможенный контроль осуществляют их должностные лица, уполномоченные на проведение таможенного контроля в соответствии со своими должностными (функциональными) обязанностями. Таможенные органы вправе привлекать специалистов и экспертов из других государственных органов государств-членов для оказания содействия в проведении таможенного контроля. То есть последние могут быть признаны потерпевшими от действий субъекта контрабанды, совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль [9, с. 13].

В соответствии с Федеральным законом от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности» (*СЗ РФ. 1995. № 1 15. Ст. 1269*), охрана Государственной границы осуществляется пограничными органами, входящими в состав Федеральной службы безопасности, Вооруженными Силами Российской Федерации и другими силами (органами) обеспечения безопасности Российской Федерации.

Кочубей М.А. отмечает, что отсутствие в формулировке квалифицированного вида контрабанды указания на угрозу его применения, свидетельствует о том, что законодатель имел ввиду лишь физическое насилие [10, с. 102].

Васильчиков И.С. полагает, что угроза насиле- ем, не воплощенная в действии, не дает основания для квалификации контрабанды как совершенной с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный контроль [11, с. 154]. Аналогичной точки зрения придерживается Родина Л.Ю., которая считает, что уголовно-правовое значение для данного квалифицированного вида контрабанды

имеет лишь физическое насилие [12, с. 155]. Савчишкина О.Г. считает, что угроза применения насилия к указанной категории лиц, необоснованно упущена законодателем при формулировании особо квалифицирующего признака контрабанды [13, с. 62].

В научной литературе отсутствует единое мнение и по вопросу тяжести последствий от насилия, примененного к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль [9, с. 13]. Профессором Кочубей М.А. в 2005 г. был проведен сравнительный анализ санкций в следующих статьях Уголовного кодекса: 115, 116, 112, ч. 1 и 2 ст. 111, а также ч. 3 ст. 111 и 105. В результате проведенного исследования она пришла к выводу, что лишь нанесение побоев, а также причинение легкого или средней тяжести вреда здоровью не требует дополнительной квалификации по совокупности с преступлениями против жизни и здоровья [10, с. 102]. Авторы приходят к выводу, что, при всем многообразии мнений, следует признать: если лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль, умышленно причинен тяжкий вред здоровью или смерть, содеянное следует квалифицировать по совокупности со статьями главы 16 УК РФ.

Еще один, более тяжкий, особо квалифицированный вид преступных деяний – совершение контрабанды организованной группой, предусмотрен в ч. 3 ст. 200², ч. 3 ст. 226¹, п. «а» ч. 4 ст. 229¹ УК РФ. В соответствии с ч. 3 ст. 35 УК РФ, преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. По правилам квалификации, действия всех участников организованной группы, а не только тех, кто непосредственно перемещал товары или иные предметы контрабанды через таможенную границу Российской Федерации, квалифицируются как совершение контрабанды организованной группой (без ссылки на ст. 33 УК РФ) [9, с. 14].

В итоге можно сказать, что предложения по изменению и унификации квалифицированных видов «контрабандных» преступлений (ст. 200¹, 200², 226¹, 229¹ УК РФ) в своих исследованиях предлагали и иные ученые, например, Грачева Ю.В. и Чу- чаев А.И. [15, с. 45–54]. Хочется думать, что на законодательном уровне в скором будущем прислушаются к предложениям ученых, тем самым устранят пробелы и сложности при квалификации рассматриваемых преступлений правоприменительными органами.

Литература

1. Грязнов А.В. Контрабанда (ст. 188 УК РФ): историко-правовое, социологическое, уголовно-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. 223 с.
2. Прохоров В.Г., Майорова Е.И. Контрабанда образцов дикой природы: квалифицирующие признаки // Право и политика. 2010. № 11. С. 1960–1967.
3. Абубакиров Ф.М. Преступления в сфере таможенной деятельности, совершаемые должностным лицом с использованием своего служебного положения // Служебные преступления: вопросы теории и практики правоприменения: сб. материалов Международной научно-практической конференции. М.: Юрист, 2018. 343 с.
4. Приходько Н.Ю. Предупреждение органами внутренних дел контрабанды на железнодорожном транспорте: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. 23 с.
5. Муркштис М.И. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту оружия. М.: Статут, 2019. 238 с.
6. Скачко А.В. Совершение контрабанды должностным лицом с использованием своего служебного положения (п. «а» ч. 2 ст. 226.1 и п. «б» ч. 2 ст. 229.1 УК РФ): вопросы квалификации в аспекте конкуренции общей и специальной нормы // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 6–7. С. 163.
7. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: в 4 т. (постатейный) / А.В. Бриллиантов, А.В. Галахова, В.А. Давыдов и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. Т. 3: Особенная часть. Раздел IX. 298 с.
8. Уголовное право России: учебник в 2 т. Т. 2: Особенная часть / под ред. Н.Г. Кадникова. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. 836 с.
9. Азаренкова Е.А. Уголовная ответственность за контрабанду, посягающую на общественную безопасность: ст. 226¹ УК РФ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016. 20 с.
10. Кочубей М.А. Безопасность в сфере таможенной деятельности: (Уголовно-правовой и криминологический аспект). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. 253 с.
11. Васильчиков И.С. Преступления в сфере экономики. Ростов-на-Дону: Феникс, 2007. 220 с.
12. Родина Л.Ю. Ответственность за контрабанду: социально-экономический, криминологический и уголовно-правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1998. 174 с.
13. Савчишкина (Степанова) О.Г. Контрабанда наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или аналогов, растений либо их частей, содержащих наркотические средства, психотропные вещества или их прекурсоры: уголовно-правовое и криминологическое исследование: монография. Уфа: УЮИ МВД России, 2013. 124 с.
14. Памятники римского права: Законы XII таблиц. Институции Гая. Дигесты Юстиниана: Книга первая. Титул 1: О правосудии и праве. М.: Зерцало, 1997. 608 с.
15. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Контрабанда и «контрабандные» преступления: сходство и различия // Союз криминалистов и криминологов. 2019. № 1. С. 45–54.

References

1. Gryaznov A.V. Kontrabanda (st. 188 UK RF): Istoriko-pravovoe, sociologicheskoe, ugovolno-pravovoe issledovanie. Dis. ... kand. yurid. nauk. [Smuggling (article 188 of the Criminal code of the Russian Federation): Historical and legal, sociological, criminal and legal research]. Moscow, 2003. 223 p. (In Russian)
2. Prohorov V.G., Majorova E.I. Kontrabanda obrazcov dikoj prirody: kvalificiruyushchie priznaki [Smuggling of wild nature samples: qualifying signs]. Pravo i politika [Law and Politics], 2010, no. 11, pp. 1960–1967. (In Russian, abstract in English)
3. Abubakirov F.M. Prestupleniya v sfere tamozhennoj deyatel'nosti, sovershaemye dolzhnostnym licom s ispol'zovaniem svoego sluzhebnoego polozheniya [Crimes in the sphere of customs activity committed by an official using his official position]. In Sluzhebnye prestupleniya: voprosy teorii i praktiki pravoprimeneniya: sbornik materialov Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii [Official crimes: questions of theory and practice of law enforcement: collection of materials of the International scientific and practical conference]. Moscow: Yurist Publ., 2018. 343 p. (In Russian)

4. Prihod'ko N.Yu. Preduprezhdenie organami vnutrennih del kontrabandy na zheleznodorozhnom transporte: avtoref. dis.... kand. jurid. nauk [Prevention by internal Affairs bodies of contraband on railway transport]. Moscow, 2015. 23 p. (In Russian)
5. Murkshtis M.I. Ugolovno-pravovoe protivodejstvie nezakonnomu oborotu oruzhiya [Criminal-legal counteraction to illegal circulation of weapons]. Moscow: Statut Publ., 2019. 238 p. (In Russian)
6. Skachko A.V. Sovershenie kontrabandy dolzhnostnym licom s ispol'zovaniem svoego sluzhebnoego polozheniya (p. «a» ch. 2 st. 226.1 i p. «b» ch. 2 st. 229.1 UK RF): voprosy kvalifikacii v aspekte konkurencii obshchej i special'noj normy [Commission of contraband by an official using his official position (p. “ a “part 2 of article 226.1 and p.” b “ part 2 of article 229.1 of the criminal code of the Russian Federation): questions of qualification in the aspect of competition of the General and special norms]. Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki [Humanities, socio-economic and social Sciences], 2017, no. 6–7), p. 163. (In Russian)
7. Brilliantov A.V., Galahova A.V., Davydov V.A. and other. Kommentarij k Ugolovnomu kodeksu Rossijskoj Federacii: v 4 t. (postatejnyj) [Commentary to the Criminal code of the Russian Federation: in 4 vols. (article by article)]. Ed. V.M. Lebedev. Moscow: Yurajt Publ., 2017. Vol. 3: The Special Part. Section IX. 298 p. (In Russian)
8. Ugolovnoe pravo Rossii: uchebnik v 2 t. T. 2: Osobennaya chast' [Russian Criminal law: textbook in 2 vol. T. 2: Special part]. Ed. N.G. Kadnikov. Moscow: Yuisprudenciya Publ., 2018. 836 p. (In Russian)
9. Azarenkova E.A. Ugolvnaya otvetstvennost' za kontrabandu, posyagayushchuyu na obshchestvennyu bezopasnost' : st. 226¹ UK RF: avtoref. dis. ... kandidata yuridicheskikh nauk [Criminal liability for smuggling, encroaching on public safety: article 226¹ of the criminal code of the Russian Federation]. Moscow, 2016. 20 p. (In Russian).
10. Kochubej M.A. Bezopasnost' v sfere tamozhennoj deyatel'nosti: (Ugolovno-pravovoj i kriminologicheskij aspekt) [Security in the field of customs activity: (Criminal law and criminological aspect)]. Moscow: Yuniti-Dana Publ. 2005. 253 p. (In Russian)
11. Vasil'chikov I.S. Prestupleniya v sfere ekonomiki [Crimes in the sphere of economy.]. Rostov on Don: Feniks Publ. 2007. 220 p. (In Russian)
12. Rodina L.Yu. Otvetstvennost' za kontrabandu: social'no-ekonomicheskij, kriminologicheskij i ugolovno-pravovoj aspekty. Dis. ... kand. jurid. nauk [Responsibility for smuggling: socio-economic, criminological and criminal-legal aspects]. Moscow, 1998. 174 p. (In Russian)
13. Savchishkina (Stepanova) O.G. Kontrabanda narkoticheskikh sredstv, psihotropnyh veshchestv, ih prekursorov ili analogov, rastenij libo ih chastej, soderzhashchih narkoticheskie sredstva, psihotropnye veshchestva ili ih pekursory: ugolovno-pravovoe i kriminologicheskoe issledovanie [Smuggling of narcotic drugs, psychotropic substances, their precursors or analogues, plants or their parts containing narcotic drugs, psychotropic substances or their precursors: criminal law and criminological research]. Ufa: UYUI MVD Rossii Publ., 2013. 124 p. (In Russian)
14. Pamyatniki rimskogo prava: Zakony XII tablic. Institucii Gaya. Digesty Yustiniana: Kniga pervaya. Titul 1: O pravosudii i prave [Monuments of Roman law: Laws of the XII tables. Gaia Institutions. Digests of Justinian: Book one. Title 1: on justice and law.]. Moscow: Zercalo Publ., 1997. 608 p. (In Russian)
15. Gracheva Yu.V., Chuchaev A.I. Kontrabanda i «kontrabandnye» prestupleniya: skhodstvo i razlichiya [Contraband and “contraband “ crimes: similarities and differences]. Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of Criminalists and Criminologists], 2019, no. 1, pp. 45–54. (In Russian, abstract in English)

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ СОТРУДНИКОВ ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ В ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТАХ

Пузырева Юлия Владимировна

Цель: мировые события конца XX – начала XXI века сформировали новые вызовы и угрозы современной системе безопасности и в значительной степени изменили характер вооруженных конфликтов. Тенденции приватизации и гибридности войны определили устойчивое формирование системы новых акторов в виде частных военных и охранных компаний (ЧВОК), ставших неотъемлемой частью многих военных операций. Их услуги разнообразны и, бесспорно, носят обширный характер, начиная от технических, охранных и логистических, заканчивая военным консультированием, сбором разведанных и непосредственным вовлечением в военные действия. В настоящее время услуги таких компаний доступны всем государствам и международным организациям, негосударственным объединениям, коммерческим структурам, гуманитарным организациям и даже отдельным частным лицам, включая криминальные структуры и террористические организации.

Тем не менее, при столь широком использовании ЧВОК в вооруженных конфликтах неопределенность их международно-правового статуса и неконтролируемое использование таких акторов разнообразными субъектами, включая негосударственные формирования, порождает целый ряд проблем, разрешением которых приоритетно следует заниматься непосредственно государствам и международным организациям. В статье изучены неоспоримые факты причастности ЧВОК к современным вооруженным конфликтам и правовые коллизии, связанные с отсутствием прямого регулирования их статуса действующими нормами международного гуманитарного права.

Методология: диалектический метод, анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. В настоящее время совершенно четко определилась тенденция присутствия ЧВОК в зонах вооруженных конфликтов и постконфликтного миростроительства, сопровождаемая отсутствием правового регулирования статуса таких субъектов как общими нормами международного гуманитарного права, так и специальными актами, регулирующими вопросы деятельности таких организаций и определяющими легитимность их привлечения для оказания широкого спектра услуг, включая военную сферу.

С целями искоренения нарушений прав человека и обеспечения безопасности в ситуациях широкомасштабного и неконтрольного участия ЧВОК в вооруженных конфликтах, реализации института индивидуальной уголовной ответственности и корпоративной ответственности за противоправную деятельность, а также с целями регулирования, мониторинга и контроля функционирования ЧВОК государствам, как никогда ранее, необходимо объединить усилия и прийти к компромиссу в вопросе принятия Международной конвенции по регулированию деятельности ЧВОК. Оставлять эту актуальную сферу современного миропорядка на правах саморегуляции более не представляется возможным.

Научная и практическая значимость. Изучение международно-правового регулирования деятельности ЧВОК в вооруженных конфликтах позволило выявить правовые коллизии и пробелы в регламентации статуса сотрудников таких компаний в соответствии с нормами международного гуманитарного права. С практической точки зрения разрешение выявленных правовых пробелов обеспечит легитимность и надлежащее регулирование деятельности ЧВОК.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании, вооруженные конфликты, международное гуманитарное право, участники военных действий, наемники, комбатанты, гражданские лица, права человека, регулирование деятельности.

Активное использование многими государствами, международными межправительственными и неправительственными организациями частных военных и охранных компаний (далее ЧВОК) в современных вооруженных конфликтах порождает ряд актуальных вопросов, связанных с их правовым статусом и непосредственной деятельностью.

Ряд ученых, исследующих данную тему, отмечают, что в зависимости от конкретной ситуации сотрудники ЧВОК могут рассматриваться в качестве комбатантов, гражданских лиц, следующих за вооруженными силами, и даже наемников [7, с. 27–28; 10, с. 145–160]. Дискуссионность данной концепции связана с фактом отсутствия в действующих источниках международного гуманитарного права норм, регламентирующих статус ЧВОК как участников военных действий. При этом во всех документах профильных структур Совета по правам человека, в частности документах Рабочей группы ООН по вопросу об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение (далее Рабочая группа ООН) отмечается обязательство неукоснительного соблюдения ЧВОК и их сотрудниками, привлекаемыми к оказанию услуг в зоны вооруженных конфликтов, норм международного гуманитарного права и стандартов в сфере прав человека. Аналогичный подход нашел закрепление в двух международных инициативах по регулированию статуса ЧВОК – Документе Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта 2008 г. и Международном кодексе поведения частных охранных компаний 2010 г.

Вместе с тем характер деятельности большинства современных ЧВОК (Executive Outcomes, Academi, Blackwater, DynCorp и др.) перечень предоставляемых ими услуг («военные провайдеры», «структуры военной поддержки», «военные консультанты» и др.) [3, с. 141–143; 13], определяющих прямое предназначение таких организаций для оказания военной помощи и военного поддержки сторонам вооруженного конфликта, а также практическое использование ЧВОК в современных локальных войнах на территориях Ирака, Афганистана, Сирии, Украины, большинства

африканских государств) определили возможность и необходимость изучения международно-правового регулирования статуса сотрудников таких компаний.

Анализ вопроса следует начать с общей трактовки источников международного гуманитарного права как актов, «эксплицитно возлагающих обязательства на все стороны конфликта» [11, с. 71]. Такой подход позволяет нам с уверенностью утверждать о прямом влиянии законов и обычаев войны на ЧВОК, участвующие в международных конфликтах и гражданских войнах.

Значительная доля ученых придерживается того мнения, что сотрудники ЧВОК могут быть причислены к категории наемников [4, с. 118; 2, с. 63–95]. Основным обоснованием данной точки зрения представляется получение сотрудниками ЧВОК вознаграждений за свою деятельность, значительно превышающих плату за деятельность комбатантов, принимающих участие в военных действиях на законных основаниях. Помимо прочего, отмечено, что комбатанты принимают участие в вооруженных действиях, исходя из мотивов профессионального долга, в то время как сотрудники ЧВОК руководствуются прежде всего мотивом получения личной материальной выгоды [4, с. 119].

Данные доводы позволяют рассмотреть научный тезис с позиции международно-правовой регламентации вопроса: сотрудник ЧВОК-наемник?

Дефиниция термина «наемник» нашла регламентацию в двух международных договорах: в ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 года к Женевским Конвенциям 1949 г. и нормах Международной конвенции о запрещении вербовки, использования, финансирования и обучения наемников 1989 г. Закрепленные определения позволяют выделить ключевые признаки, квалифицирующие лицо в качестве наемника – незаконного участника вооруженных конфликтов – с последующей реализацией института уголовной ответственности за противоправную деятельность. К таковым признакам относятся: *вербовка; фактическое участие в военных действиях; личная выгода; иностранное гражданство; непричастность к личному составу вооруженных сил сторон конфликта.*

Юридически значимое определение термина ЧВОК, к сожалению, отсутствует. Потенциально оно может найти правовое закрепление в случае одобрения и принятия государствами Проекта Конвенции о частных военных и охранных

компаниях (ЧВОК) (*Доклад Рабочей группы по использованию наемников как средства нарушения прав человека и противодействию осуществлению права народов на самоопределение. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 5 июля 2010 г. A/HRC/15/25. [Электронный ресурс]: URL: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/HRC/24/45> (дата обращения: 05.05.2020)*). Вместе с тем для сравнительного анализа статуса сотрудника ЧВОК и наемника представляется объективно возможным использовать в исследовании устоявшийся подход к пониманию ЧВОК, выработанный Рабочей группой, согласно которому такие компании представляют собой корпоративные образования, предоставляющие на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами. При использовании этого термина Рабочая группа преследовала цель — охватить наибольшее количество самых разнообразных структур, в том числе транснациональные компании, действующие на международном уровне, и национальные фирмы; ряд крупных компаний и многочисленные малые и средние предприятия; компании по охране частной собственности, предприятий и частных лиц; компании, предоставляющие военные услуги, например, в сфере стратегического планирования и сбора разведывательных данных в зонах конфликта. Такой расширительный подход допускает возможность включения сотрудников служб внутренней безопасности, интегрированных в штат коммерческой структуры, или сотрудников государственных сил безопасности, нанятых по частному контракту для обеспечения безопасности.

Сравнивая статус сотрудника ЧВОК и наемника по критерию «вербовка», следует отметить следующие моменты. Вербовка наемника носит исключительно нелегальный характер. В то время как привлечение сотрудников ЧВОК и непосредственно самих компаний в зоны ведения вооруженных конфликтов носит правовую контрактную основу между таковыми компаниями и «нанимателями»: государствами, международными неправительственными и неправительственными организациями.

ЧВОК предлагают услуги, аналогичные полиции или военным силам безопасности, но в меньших масштабах. Они могут варьироваться от подготовки вооруженных сил развивающихся стран до обеспечения вооруженной безопасности в поддержку правительственных учреждений или частных лиц. По мере того, как за последнее десятилетие сектор ЧВОК расширялся, крупные компании расширили предложение услуг, включив в них разведыватель-

ную и материально-техническую поддержку, исследования и разработки в области новых военных технологий и другие области функциональной поддержки, которыми национальные правительства и/или международные организации занимаются, но не в состоянии выполнить в полном объеме за счет своих сил и ресурсов.

Как правило, такие контракты являются договорами закрытого характера с целями обеспечения национальной безопасности государств и сохранения информации о внутренних стратегиях и процедурах деятельности отдельных ЧВОК. Вместе с тем, договоры, как и любые соглашения, закрепляют участников, предмет регулирования, права и обязанности сторон. С позиции данных элементов контрактная основа деятельности ЧВОК не позволяет трактовать ее как незаконную основу вербовки ЧВОК. Кроме того, легитимность ЧВОК как субъекта контрактной основы подтверждается активным привлечением таких организаций к операциям Организации Объединенных Наций и Европейского Союза в сфере поддержания международного мира и безопасности [9, с. 17–18]. Следует также отметить, что статус ЧВОК всегда определен как законное коммерческое образование с точки зрения национального законодательства государства, в чьей юрисдикции оно было зарегистрировано и получило лицензию на осуществление отдельных видов деятельности.

Фактическое участие в военных действиях. Несмотря на фактологическую подверженность причастности отдельных ЧВОК к военным операциям, ни одна компания в рамках своих официальных стратегий открыто не заявляет о таких услугах и возможностях.

Кроме того сложность применения данного критерия в отношении деятельности сотрудников ЧВОК осложняется отсутствием нормативного закрепления понятия «непосредственное участие в военных действиях» в источниках международного гуманитарного права и его толкованием, исходя из обычного права.

Большую работу в изучение данного вопроса внес Международный комитет Красного Креста, который после шести лет экспертных дискуссий и исследований опубликовал в 2010 г. «Руководство по толкованию понятия прямого участия в военных действиях в соответствии с международным гуманитарным правом», целью которого является разъяснение значения и последствий прямого участия в военных действиях в соответствии с международным гуманитарным правом [12]. В зависимости от вклада в успех военной деятельности и военные преимущества индивидуаль-

ное участие лица может быть охарактеризовано как «непосредственное» или «косвенное». Примерами непосредственного участия сотрудников ЧВОК в военных действиях может быть охрана военных баз от нападений противника, сбор тактической военно-разведывательной информации и использование систем вооружений в боевых действиях; снаряжение, обучение и транспортировка персонала; сбор разведывательной информации; подготовка, перевозка и развертывание вооружений и техники [12, с. 51, 82]. При этом косвенным вкладом могут считаться научные исследования и проектирование, а также производство и транспортировка оружия или снаряжения, за исключением случаев, когда это является составной частью конкретной военной операции, предназначенной для нанесения неприятелю вреда [12, с. 51–52].

Примечательно, что все обозначенные в Руководстве направления деятельности, приравненные к состоянию «фактического участия в военных действиях», как правило, реализуются в рамках легитимной деятельности ЧВОК. Таковы тенденции XXI века, характеризующиеся отказом монополии государств на применение силы и приватизацией функций обеспечения безопасности, т.е. передачи государством частным субъектам задач по обеспечению безопасности, которые оно более не в состоянии или не желает решать. В результате в мире произошли важные изменения, когда государство перестает быть основным поставщиком услуг по обеспечению безопасности и когда ключевые охранные функции выполняют формальные и неформальные негосударственные субъекты. Как следствие задачи, которые ранее входили в компетенцию сил государственной безопасности, теперь решаются целым рядом поставщиков услуг, которые также выполняют и дополнительные функции, ранее никогда не относившиеся к сфере ответственности сил безопасности государства.

Личная выгода. Данный критерий может быть рассмотрен в контексте извлечения прибыли сотрудниками ЧВОК за оказываемые услуги. Однако с учетом выводов, обоснованных нами ранее в отношении законности контрактов, заключаемых государствами, международными организациями и иными акторами с военными и охранными компаниями, коммерческая основа их деятельности не противоречит нормам права. Этот довод подразумевает законность материального вознаграждения сотрудников ЧВОК за оказываемые услуги, в отличие от прибыли наемников, не оформленной легально и не подлежащей налогообложению и иному фискальному контролю со стороны ор-

ганов государственной власти. В то же время, как справедливо отмечает Небольсина М.А., «распространенной политико-экономической претензией к ЧВОК является указание на регистрацию многих ЧВОК в офшорных зонах» [8, с. 50].

Иностранное гражданство. Анализ практики функционирования ЧВОК и нормативных основ их деятельности позволяет утверждать, что среди критериев, предъявляемых для отбора и подготовки сотрудников таких организаций и оснований для выдачи лицензии организации признак гражданства по месту регистрации ЧВОК не нашел закрепления. Этот факт сформировал тенденцию возможности привлечения иностранных граждан к деятельности в рамках ЧВОК. Ранее отсутствие гражданства государства, в котором происходит конфликт, или же постоянного места жительства в нем вызывало ряд трудностей в отношении оформления разрешительных документов на въезд на территорию страны и как следствие ставило под сомнение законность пребывания таких лиц на территории государства, то на данный момент вышеперечисленные аспекты нельзя считать основанием для отказа в найме сотрудников ЧВОК. Однако в последние годы ЧВОК все чаще привлекают в свои ряды новых сотрудников из числа местных жителей, которых используют для реализации конкретной задачи или осуществления услуги. Такой подход к подбору сотрудников компаний позволяет избегать технических и организационных сложностей при перемещении иностранных граждан между государством своей гражданской принадлежности, государством регистрации ЧВОК и государством оказания услуг.

Непричастность к личному составу вооруженных сил сторон конфликта. Данный критерий в полной мере применим и к наемникам, и к сотрудникам ЧВОК. Его трактовка исходит из правовой регламентации лиц, «вооруженных сил» [5, с. 45–49].

В соответствии с ч. 1 ст. 43 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.: «Вооруженные силы стороны, находящейся в конфликте, состоят из всех организованных вооруженных сил, групп и подразделений, находящихся под командованием лица, ответственного перед этой стороной за поведение своих подчиненных, даже если эта сторона представлена правительством или властью, не признанными противной стороной. Такие вооруженные силы подчиняются внутренней дисциплинарной системе, которая среди прочего обеспечивает соблюдение норм международного права, применяемых в период вооруженных конфликтов» (такие лица (кроме медицинского и духов-

ного персонала) являются комбатантами, т.е. они имеют право принимать непосредственное участие в военных действиях).

Кроме того в соответствии с ч. 3 ст. 43 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.: «Всякий раз, когда сторона, находящаяся в конфликте, включает в свои вооруженные силы полувоенную организацию или вооруженную организацию, обеспечивающую охрану порядка, она уведомляет об этом другие стороны, находящиеся в конфликте».

Любой комбатант, который попадает во власть противной стороны, является военнопленным (ч. 1 ст. 44 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г.).

Исходя из представленных правовых закреплений, положения источников международного гуманитарного права в отношении статуса, признаков и критериев «вооруженных сил» конфликтующих сторон к сотрудникам ЧВОК не применимы. Ни внешние атрибуты формы, ни соподчинение и внешнее командование, ни открытое ношения оружие и стремление принимать непосредственное участие в военных действиях с соблюдением норм и принципов ведения войны не коррелируют со статусом сотрудников ЧВОК. Кроме того, не следует забывать, что сама ЧВОК представляет собой юридическое лицо, получившее лицензирование своей деятельности на территории иностранного государства, нежели государства оказания услуг. Поэтому остается абсолютно неразрешимым вопрос о включении на законных основаниях сотрудников ЧВОК в Вооруженные силы государств.

Практика привлечения ЧВОК к непосредственному участию в вооруженных конфликтах отражает факт наличия таких внеправовых ситуаций и отсутствие афиширования данной деятельности в свете необходимой легитимизации на территории принимающего государства.

Исходя из вышесказанного, следует прийти к выводу, что положения ст. 47 Дополнительного протокола I 1977 г. к Женевским Конвенциям 1949 г. в полной мере невозможно применить в отношении сотрудников ЧВОК. Аналогично, применить к сотрудникам частных военных и охранных компаний положения Международной конвенции по борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников 1989 г. не представляется возможным, поскольку данный документ содержит идентичные критерии выделения понятия «наемник».

Непричастность сотрудников ЧВОК к категории комбатантов и невозможность квалификации

их статуса с позиции незаконных участников вооруженных конфликтов — наемников, приводит к мысли о категорировании данных лиц как гражданское население. Однако и данный подход дискуссионен и неоднозначен. С позиции статей 50 и 51 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 г. гражданскими лицами является все те лица, которые не относятся к участникам военных действий и не принимают непосредственного участия в вооруженных конфликтах. Характер задач, решаемых сотрудниками ЧВОК в зоне конфликта, не позволяет рассматривать их как мирных население, претендующее на уязвимость и специальную защиту.

В результате проведенного исследования мы приходим к объективному выводу об отсутствии четкой регламентации статуса ЧВОК и их сотрудников в период вооруженных конфликтов, а также отсутствии правовой возможности предоставлять таким лицам защиту в соответствии с нормами международного гуманитарного права. Немаловажной проблемой является вопрос реализации ответственности в отношении таких компаний и их сотрудников. Последний аспект особенно важен с учетом того, что в настоящее время зарегистрировано значительное количество заявлений о серьезных нарушениях прав человека со стороны ЧВОК, в том числе о широко распространенном сексуальном насилии и торговле людьми в целях сексуальной эксплуатации. Большинство сообщений, изученных Рабочей группой ООН, относятся к конфликтным и постконфликтным ситуациям и миротворческой деятельности.

Нарушения прав человека, законов и обычаев войны со стороны ЧВОК совершаются в условиях практически полной безнаказанности, поскольку компании и их сотрудники редко привлекаются к ответственности. Связано это с тем, что многие факторы как в государствах территориальной юрисдикции, так и в государствах происхождения мешают усилиям по привлечению к уголовной ответственности, в том числе отсутствие ясности в отношении сферы ответственности и юрисдикции. При этом, как представляется, государствам, лицензирующим деятельность ЧВОК, следует помнить, что они не освобождаются от своих обязательств в области реализации международных стандартов по правам человека и защиты жертв войны в соответствии с нормами международного гуманитарного права.

С целями искоренения нарушений прав человека и обеспечения безопасности в ситуациях широко-масштабного и неконтролируемого участия ЧВОК в вооруженных конфликтах, реализации института

индивидуальной уголовной ответственности и корпоративной ответственности за противоправную деятельность, а также с целями регулирования, мониторинга и контроля функционирования ЧВОК государствам, как никогда ранее необходимо объединить усилия и прийти к компромиссу в вопросе принятия Международной конвенции по регулированию деятельности ЧВОК. Оставлять это актуальное сферу современного миропорядка на правах саморегуляции более не представляется возможным.

Литература

1. Волеводз А.Г. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных и охранных предприятий (ЧВОП): современный этап международного правотворчества // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 1. С. 233–251.
2. Камерон Л. Частные военные компании: их статус по международному гуманитарному праву и воздействие МГП на регулирование их деятельности // Журнал Международного Комитета Красного Креста. 2016. Т. 88. Номер 863. С. 63–95.
3. Королькова Е.Е. К вопросу о понятии «частные военные и охранные компании» и видах оказываемых ими услуг в вооруженных конфликтах // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 141–145.
4. Королькова Е.Е. Международно-правовое регулирование деятельности частных военных охранных компаний: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 212 с.
5. Котляров И.И. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов (основные теоретические проблемы и практика): монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 504 с.
6. Котляров И.И., Пузырева Ю.В. Негосударственные вооруженные группы и международное гуманитарное право // Московский журнал международного права. 2013. № 2. С. 3–22.
7. Кулебякин В.Н., Королькова Е.Е. Статус сотрудников частных военных и охранных компаний по международному гуманитарному праву // Московский журнал международного права. 2015. № 4. С. 27–42.
8. Небольсина М.А. Регулирование деятельности частных военных и охранных компаний. Сравнительный анализ политики международных организаций и мировых держав: монография. М.: ИД «Международные отношения», 2018. 238 с.
9. Небольсина М.А. Сотрудничество ООН с ЧВОК в миротворческих миссиях и в операциях по постконфликтному восстановлению // Дискурс, политика, управление. Материалы IX Конвента РАМИ (Москва, 27–28 октября 2015 г.) / под ред. А.В. Мальгина / МГИМО МИД России, РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 17–27.
10. Никитин А.И., Небольсина М.А. Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний // Вестник МГИМО – Университета. 2016. № 2 (47). С. 145–160.
11. Русинова В.Н. Права человека в вооруженных конфликтах. Проблемы соотношения норм международного гуманитарного права и международного права прав человека: монография. М.: Статут, 2015. 384 с.
12. Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. Geneva, Switzerland: International Committee of the Red Cross, 2009. 92 p.
13. Tonkin H. State Control Over Private Military and Security Companies in Armed Conflict. Cambridge, Cambridge University Press. 2011. 340 p.

References

1. Volevodz A.G. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh predpriyatii (ChVOP): sovremenniy etap mezhdunarodnogo pravotvorchestva [International legal regulation of private military and security enterprises (PMSCs): the modern stage of international law-making]. Biblioteka kriminalista. Nauchnyi zhurnal [Library of criminalist. Scientific journal], 2012, no. 1, pp. 233–251 (In Russian, abstract in English).
2. Kameron L. Chastnye voennye kompanii: ikh status po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu i vozdeistvie MGP na regulirovanie ikh deyatel'nosti [Private military companies: their status under international humanitarian law and the impact of IHL on the regulation of their activities]. Zhurnal Mezhdunarodnogo

Komiteta Krasnogo Kresta [Journal of the International Committee of the Red Cross], 2016, vol. 88, no. 863, pp. 63–95. (In Russian, abstract in English).

3. Korol'kova E.E. K voprosu o ponyatii «chastnye voennye i okhrannye kompanii» i vidakh okazyvaemykh imi uslug v vooruzhennykh konfliktakh [On the concept of “private military and security companies” and the types of services they provide in armed conflicts]. Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo [Bulletin of the Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2018, no. 2, pp. 141–145. (In Russian, abstract in English).

4. Korol'kova E.E. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh okhrannykh kompanii. Dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kand. yurid. nauk [International legal regulation of activities of private military and security companies]. Moscow, 2019. 212 p. (In Russian)

5. Kotlyarov I.I. Mezhdunarodno-pravovoe regulirovanie vooruzhennykh konfliktov (osnovnye teoreticheskie problemy i praktika): monografiya [International legal regulation of armed conflicts (main theoretical problems and practice): monograph]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 504 p. (In Russian)

6. Kotlyarov I.I., Puzyreva Yu.V. Negosudarstvennye vooruzhennye gruppy i mezhdunarodnoe gumanitarnoe pravo [non-State armed groups and international humanitarian law]. Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law], 2013, no. 2, pp. 3–22. (In Russian, abstract in English).

7. Kulebyakin V.N., Korol'kova E.E. Status sotrudnikov chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii po mezhdunarodnomu gumanitarnomu pravu [Status of employees of private military and security companies in international humanitarian law]. Moskovskii zhurnal mezhdunarodnogo prava [Moscow journal of international law], 2015, no. 4, pp. 27–42. (In Russian, abstract in English).

8. Nebol'sina M.A. Regulirovanie deyatel'nosti chastnykh voennykh i okhrannykh kompanii. Sravnitel'nyi analiz politiki mezhdunarodnykh organizatsii i mirovykh derzhav: monografiya [Regulation of private military and security companies. Comparative analysis of the policy of international organizations and world powers: monograph]. Moscow: ID «Mezhdunarodnye otnosheniya» Publ., 2018. 238 p. (In Russian)

9. Nebol'sina M.A. Sotrudnichestvo OON s ChVOK v mirotvorcheskikh missiyakh i v operatsiyakh po postkonfliktnomu vosstanovleniyu [Cooperation of the UN with PMSCs in peacekeeping missions and in post-conflict reconstruction operations]. In Diskurs, politika, upravlenie. Materialy IX Konventa RAMI (Moskva, 27–28 oktyabrya 2015 g.) [Discourse, politics, management. Materials of the IX Rami Convention (Moscow, October 27–28, 2015)]. Ed. A.V. Mal'gin. Moscow: MGIMO-Universitet Publ., 2016, pp. 17–27. (In Russian)

10. Nikitin A.I., Nebol'sina M.A. Perspektivy mezhdunarodnogo regulirovaniya deyatel'nosti chastnykh voennykh kompanii [Prospects for international regulation of private military companies]. Vestnik MGIMO – Universiteta [Bulletin of MGIMO University], 2016, no. 2 (47), pp. 145–160. (In Russian, abstract in English).

11. Rusinova V.N. Prava cheloveka v vooruzhennykh konfliktakh. Problemy sootnosheniya norm mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava i mezhdunarodnogo prava prav cheloveka: monografiya [Human Rights in armed conflicts. Problems of correlation of norms of international humanitarian law and international human rights law: monograph]. Moscow: Statut Publ., 2015. 384 p.

12. Melzer N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law. Geneva, Switzerland: International Committee of the Red Cross, 2009. 92 p.

13. Tonkin H. State Control Over Private Military and Security Companies in Armed Conflict. Cambridge, Cambridge University Press. 2011. 340 p.

МИРОТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ ПОДДЕРЖАНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО МИРА И БЕЗОПАСНОСТИ

Мудров Никита Максимович
Научный руководитель:
Пузырева Юлия Владимировна

***Цель:** в статье рассматриваются актуальные вопросы международной миротворческой деятельности в современных условиях на всех уровнях: региональном, межрегиональном и универсальном. Миротворческий процесс — это основа дипломатического диалога между государствами, а также различными международными и политическими объединениями. Главной организацией, осуществляющей миротворческую деятельность, является Организация Объединенных Наций (далее ООН), которая в XXI веке продолжает содействовать установлению справедливого и разумного международного политического и экономического порядка, определяя международно-правовые критерии и юридические нормы сохранения и поддержания международного мира и порядка, обеспечивая верный путь к прочному миру и всеобщей безопасности. Становление практики миротворчества ООН происходило в контексте реализации военных задач по прекращению огня, восстановлению правопорядка в зонах конфликтов и формированию условий для перехода на мирные средства урегулированию военных споров. Следует отметить, что и в XXI в. динамичное развитие миротворческой деятельности ООН продолжает эволюционировать в контексте новых реформ и перспектив, преследующих повышение эффективности методов работы миссий по поддержанию мира. Вклад Российской Федерации в поддержание международного мира и безопасности посредством участия в миротворческой деятельности ООН важен и выражается в глобальном финансировании «миротворческих проектов», ежегодном направлении в состав миссий высококвалифицированных сотрудников, а также постоянном обучении кандидатов для участия в миротворческих миссиях от иностранных государств на базе ВИПК МВД России.*

***Методология:** анализ, синтез, индукция, дедукция, формально-юридический метод, системный метод, обобщение.*

***Выводы.** Современный мир диктует ООН необходимость изменения подходов в поддержании правопорядка. В силу этого участие в миротворческих миссиях сотрудников полиции из разных стран стало неотъемлемым компонентом деятельности Организации.*

***Научная и практическая значимость.** Исследование в данной статье состоит в изучении концептуальных и практических вопросов международной миротворческой деятельности, актуальность которых является очевидной. Охарактеризованы понятие и принципы миротворчества. Проанализирован полицейский компонент в составе миротворческих миссий ООН. Определена роль и место сотрудников полиции в институте миротворчества на современном этапе. С практической точки зрения раскрыта важность гендерных аспектов, роль и вклад женщин в миротворческих миссиях ООН. Также рассмотрены рекомендации и предложения для анализа и возможного учета при проведении реформ, с целью обеспечения более эффективного развертывания миссий международной миротворческой деятельности и устранения растущего диссонанса между ожиданиями Совета Безопасности и тем, что миротворчество может реально достичь.*

Ключевые слова: миротворческая деятельность, миротворческие операции, миротворческая миссия, полиция, гендерный аспект, конфликт, роль женщин, правовая основа, ООН, международные отношения, политические столкновения, вооруженные столкновения.

Одной из особенностей международной жизни в настоящее время считается большое количество вооруженных конфликтов и локальных войн, происходящих в разных странах и на разных континентах. Реалии сегодняшнего дня – политические, территориальные, этнические вооруженные столкновения международного и локального характера.

В силу этого мировое сообщество заинтересовано в поддержании и укреплении правопорядка, направляя все субъекты международных отношений на его соблюдение. Ключевой инструмент в урегулировании конфликтных ситуаций – международная миротворческая деятельность, реализуемая Организацией Объединенных Наций (далее ООН, Организация).

К настоящему времени под ее эгидой проведено более 70 операций по поддержанию мира (*История миротворческих операций // Операции ООН по поддержанию правопорядка // [Электронный ресурс]: URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/our-history> (дата обращения: 15.02.2020)*).

Существуют различные основные характеристики и принципы, которые исторически характеризовали развертывание и функционирование миротворческих сил ООН:

- согласие принимающего государства или воюющих группировок;
- нейтралитет, независимость и беспристрастность;
- применение силы исключительно в случаях самообороны или защиты мандата операции.

Отметим, что, несмотря на наличие международных актов, отчасти «кодифицировавших» основные начала проведения миротворчества, по данному вопросу ведутся активные научные дискуссии. Интерес представляет авторская позиция И.П. Чернобровкина, который выделил такие принципы современного миротворчества, как гуманитарное и военное вмешательство, ограниченное нарушение государственного суверенитета, гуманитарный реализм.

По справедливому замечанию ряда исследователей, приведенные автором принципы, непосредственно связанные с интервенцией, не могут являться принципами миротворческой деятельности [1, с. 116]. Это способы достижения целей конфликтного разрешения, что не соответствует истинному миротворчеству.

Необходимо отметить, что миротворчество не только эффективный, легитимный и универ-

сальный механизм поддержания правопорядка, но и экономически сбалансированный. Так, например, утвержденный бюджет операций ООН по поддержанию мира на финансовый год с 1 июля 2019 г. по 30 июня 2020 г. 6,5 млрд долл. США. Для сравнения: эта сумма составляет менее 0,5 процентов мировых военных расходов. Миротворческие операции менее затратны, чем другие формы международного вмешательства для урегулирования конфликтных ситуаций, угрожающих миру, и их расходы распределяются более справедливо среди государств-членов ООН (*Общие принципы, лежащие в основе финансирования операций по поддержанию мира, отражены в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН A/RES/55/235 от 23 декабря 2000 г.*)

В отечественной политологической литературе исследователи акцентируют внимание на пяти основных видах миротворческой деятельности: превентивная дипломатия, установление мира, посредничество, операции по принуждению к миру; отдельные операции по поддержанию мира. Ученые, изучающие отдельные исторические вопросы миротворчества с позиции эволюции, выделяют такие виды операций, как миротворческие (*peacekeeping*), операции по обеспечению мира (*peace-enforcement*) и операции по строительству мира (*peace-building*) [2].

Как видно из приведенных позиций ученых и практиков, единства во мнениях относительно видов современного миротворчества нет.

Так, миротворческие миссии ООН в нескольких постконфликтных государствах, включая Непал, Афганистан, Бурунди, Кот-д'Ивуар, Гаити, Ирак, Либерия, ДРК, Судан и Тимор-Лешти, население которых составляет более 120 миллионов человек, дали возможность 57 миллионам человек реализовать свои политические права и выразить право голоса в отношении становления нового демократического правительства своих государств.

Таким образом, можно утверждать о наличии трех сформированных на практике ключевых форматов проведения миротворчества под эгидой ООН:

- традиционные миротворческие операции;
- комплексные операции по поддержанию мира;
- миссии по созданию и реализации функций переходной администрации или временного правительства [3].

Эти операции включают в себя множество направлений и форм деятельности.

Современный мир диктует ООН необходимость изменения подходов в поддержании правопорядка. В силу этого участие в миротворческих миссиях сотрудников полиции из разных стран за последнее десятилетие стало неотъемлемым компонентом деятельности Организации.

Каждый день порядка 9 тыс. полицейских ООН из 78 стран выполняют важные для всего мирового сообщества задачи (*United Nations Police // Операции ООН по поддержанию правопорядка // [Электронный ресурс]: URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/un-police> (дата обращения: 15.02.2020)*). К ним относятся: укрепление и восстановление безопасности, патрулирование общин, консультирование национальных полицейских служб, обеспечение соблюдения международных норм в области прав человека, контроль за укреплением охраны общественного порядка и верховенства права [4, с. 111].

Правительства государств, на чьих территориях проводятся миротворческие миссии, все чаще обращаются к «голубым беретам» за помощью в расследовании серьезных преступлений и в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Например, в Западной Африке и Сахеле маршруты нелегальной торговли людьми, оружием и наркотиками проходят по территориям, находящимся под контролем террористов, и контрабандистам приходится платить за право воспользоваться ими. В Нигерии террористическая группировка «Боко харам» занимается контрабандой людей, наркотиков и природных ресурсов. Полицейский контингент, входящий в миротворческие операции ООН, развернутые на территориях Центральноафриканской Республики, в Демократической Республике Конго и в Мали, среди прочих, помогают местным коллегам создать систему оперативно-разыскной деятельности и осваивать новые технологии с целью предотвращения и расследования серьезных преступлений и действий организованных преступных групп. Не менее успешны результаты деятельности полицейского контингента в операциях ООН в Боснии, Сальвадоре, Руанде и Сьерра-Леоне (*Текущие операции ООН // Операции ООН по поддержанию правопорядка // [Электронный ресурс]: URL: <https://peacekeeping.un.org/ru/where-we-operate> (дата обращения: 15.02.2020)*).

Следует отметить, что вопросами реформирования полицейской компоненты с учетом ее растущей роли в миротворческом процессе, занимаются Совет Безопасности и Генеральный секретарь ООН (*Security Council resolution 2382 on United Nations policing (2017), Security Council*

resolution 2185 on United Nations policing (2018), Report of the Secretary-General on United Nations policing (S/2016/952)). Именно под эгидой Генерального секретаря ООН в 2013 г. были разработаны Стратегические руководящие принципы для международного полицейского поддержания мира и Многолетняя стратегия развития полиции ООН до 2020 г. Именно эти документы заложили основы для повышения эффективности полицейской деятельности ООН. С учетом современных условий, при которых приходится развертывать миссии ООН, качественная подготовка полицейских будет служить предпосылкой для успешного урегулирования конфликтных ситуаций.

Эволюция миротворческой деятельности в сторону более широкого применения гуманитарного подхода сопровождалась увеличением численности женщин в рядах миротворцев. Первым международным актом, связавшим опыт женщин в конфликтах с международной повесткой дня в области мира и безопасности, явилась резолюция Совета Безопасности ООН от 31 октября 2000 г. «Женщины, мир и безопасность» (S/RES/1325). В резолюции были заложены основы расширения участия женщин в целях «гендерного равенства и представительства» в отношении миротворческих миссий, также определены тенденции участия женщин на всех уровнях, в том числе при назначении на высокие звания и должности в полиции, военной сфере, политике (*Резолюция Совета Безопасности ООН «Женщины, мир и безопасность» (S/RES/1325) от 31 октября 2000 г. // Официальный сайт ООН. [Электронный ресурс]: URL: <https://www.un.org/ru/events/women/sc/> (дата обращения: 12.02.2020)*).

Первой миссией, в которой были реализованы идеи гендерного соотношения, стала Группа ООН по оказанию помощи в переходный период в Намибии и Анголе (2007 г.). Данная операция и в наши дни признается одной из самых успешных многоаспектных миротворческих операций, в которой среди международного гражданского персонала присутствовало 60 процентов женщин. Работа женщин-миротворцев в Африке была высоко оценена. Оказывая помощь нуждающимся, осуществляя психологическое консультирование, они показали свою компетентность в эффективном владении межличностными и коммуникативными навыками, в умение лучше понимать скрытые аспекты конфликта, проявлять гибкость и находить подход к людям разного возраста, а также в слаженной и мобильной организации работы на закрепленных участках.

В целом, вклад женщин в миссии по поддержанию мира свидетельствует о многих положительных результатах:

— присутствие женщин в миротворческих миссиях особенно полезно для культур, где женщинам запрещено разговаривать с мужчинами и где имеется запрет на публичный физический контакт между противоположными полами;

— размещение большего числа женщин в униформе может помочь ООН в борьбе с сексуальной эксплуатацией и сексуальными надругательствами и в итоге повысит осведомленность о нарушениях, совершаемых в отношении женщин и детей.

Последний аспект особенно остро стоит на повестке дня современного миротворчества. Для адекватного и долгосрочного решения этой проблемы членство женщин-миротворцев в миссиях с учетом гендерной проблематики во всех сферах миротворческой деятельности является объективной необходимостью. К 2018 г. женщины составляли уже 40 процентов полицейского контингента.

Таким образом, укрепление гендерной проблематики в международных миротворческих операциях является актуальным направлением реформирования современной системы миротворчества:

— очевидно, что подавляющее большинство жертв в войнах составляют женщины и дети, поэтому членство женщин-миротворцев необходимо увеличивать, а также расширять их возможности в рамках инициатив в области развития и деятельности миротворческих миссий. Их участие будет иметь неопределимое значение в установлении устойчивого мира и безопасности;

— подготовка по гендерным вопросам является одной из ключевых стратегий повышения уровня знаний миротворцев. Существует необходимость в согласованном и всеобъемлющем подходе к решению этого вопроса.

За 25-летний период около 600 российских полицейских приняли участие в миротворческих миссиях в Центральноафриканской Республике, в Демократической Республике Конго и в Мали, Республиках Гаити, Южный Судан, Колумбия, Кипр, Либерия, Демократической Республике Восточный Тимор, Киргизской Республике, Грузии и в бывшей Республике Югославия, помогли местным коллегам сформировать систему оперативно-розыскной деятельности, освоить новые технологии для предотвращения и расследования серьезных преступлений [5, с. 31–32].

Российские полицейские, участвуя в различных миротворческих миссиях ООН, зарекомендовали себя как отличные специалисты, умеющие

решать задачи укрепления и поддержания мирового правопорядка, содействия стабилизации в конфликтных регионах. Они помогают военным урегулировать конфликт на любой стадии. В случае затяжных противостояний роль полиции содержится в создании условий для жизни мирного населения и обеспечения прав человека.

Сотрудников полиции России, пожелавших стать миротворцами ООН, «выгодно отличает языковая подготовка и профессионализм» [5, с. 28]. Важно упомянуть, что с мая 2000 г. на базе Всероссийского института повышения квалификации МВД России (ВИПК МВД России) осуществляет эффективную деятельность Центр подготовки миротворцев. В 2008 г. Центр получил международный сертификат, подтверждающий успешность его деятельности. Он стал одним из пяти институтов с отличной репутацией, признанных мировым сообществом. Все учебные программы подготовки миротворцев проходят сертификацию Генеральным секретариатом ООН.

ООН неоднократно подчеркивала, что рассчитывает на углубление сотрудничества с Россией в области миротворческих полицейских операций и подготовки специалистов для них.

Российская Федерация как постоянный член Совета Безопасности участвует в ежегодном финансировании миротворчества, входя в 10 ведущих по уровню взносов государств-членов ООН.

В вопросе укрепления гендерной проблематики в международных миротворческих операциях Российская Федерация может служить примером для других стран: в соответствии с решением Министра внутренних дел РФ В.А. Колокольцева, в целях обеспечения гендерного равноправия в 2017 г. впервые был проведен специализированный курс повышения квалификации для женщин-полицейских, с которого началась политика реализации гендерного баланса при направлении российских миротворцев в миссии.

В настоящее время существует строгий порядок участия российского контингента, установленный федеральным законодательством и подзаконными нормативными правовыми актами.

Основополагающим источником в данной области является Федеральный закон от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности», который определяет порядок предоставления военного и гражданского персонала, организацию его подготовки и обеспечение для участия в соответствующей деятельности

в рамках миротворческих миссий. Данный закон делит миротворческий контингент на 2 группы: военный персонал, гражданский персонал. При этом не закрепляя отдельно статус *сотрудников полиции*.

При детальном изучении нормативно-правового акта можно заметить пояснение, согласно которому к гражданскому персоналу относятся отдельные представители различных федеральных органов исполнительной власти, а потому можно было бы предположить, что данный закон распространяется и на лиц, отправляемых для работы в рамках миротворчества.

Однако после внесения последних изменений в Федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации» в отдельный элемент была выделена государственная служба иных видов (к которым мы относим и правоохранительную). Возникла коллизия при соотношении двух указанных нормативных правовых актов.

Для отправления военного контингента необходимо не только решение Президента Российской Федерации, но и соответствующее Постановление Совета Федерации. Вопрос о направлении гражданского персонала решается Правительством Российской Федерации, в состав которого входит и министр внутренних дел генерал полиции В.А. Колокольцев.

До 2014 г. направление сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации для несения службы в составах миссий ООН производилось на основании только распоряжения Президента России. Такая практика была отменена в связи с явным противоречием положениям вышеуказанного федерального закона. Однако коллизия так и не была устранена в полной мере, поскольку теперь аналогичные решения принимает не Правительство России, а МВД по согласованию с МИД России (*Распоряжение Президента Российской Федерации от 5 декабря 2014 г. № 385-рп «О направлении сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в состав миссий ООН»*).

Конкретизирует данные положения в отношении сотрудников органов внутренних дел приказ МВД России от 30 августа 2000 г. № 914 «Об организации участия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в миротворческих миссиях». Однако и данный подзаконный акт не лишен недостатков, при этом изменения в него не вносились до 2015 г. Последние изменения были внесены 30 декабря 2016 г. после создания Федеральной службы войск национальной гвардии Российской Федерации.

Таким образом, в целях реформирования правового регулирования участия органов внутренних дел России в миротворческих операциях необходимо внести ряд изменений в текущие нормативные правовые акты Российской Федерации, регламентирующие вопросы полицейского миротворчества.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы и рассмотреть рекомендации и предложения для анализа при проведении реформировании современного миротворчества с целью обеспечения более эффективного развертывания миссий и реализации международной миротворческой деятельности.

1. Несмотря на специфичность конфликтных ситуаций, возникающих повсеместно в современном мире, новые вызовы и угрозы, связанные с ними, международная миротворческая деятельность ООН выступает надежным, важным и эффективным инструментом Организации в деле содействия установлению и поддержания международного мира и безопасности. Следует утверждать о наличии трех сформированных на практике ключевых форматов проведения миротворчества под эгидой ООН. Эти операции включают в себя множество направлений и форм деятельности (поддержание мира, принуждение к миру, контроль за прекращением огня, миростроительство, предупреждение конфликтных ситуаций и др.).

2. Современный мир диктует ООН необходимость изменения подходов в поддержании правопорядка. В силу этого участие в миротворческих миссиях сотрудников полиции из разных стран за последнее десятилетие стало неотъемлемым компонентом деятельности Организации. Правительства государств, на чьих территориях проводятся миротворческие миссии, все чаще обращаются к «голубым беретам» за помощью в расследований серьезных преступлений и в борьбе с транснациональной организованной преступностью. Деятельность полицейских оказывает важную роль в укреплении верховенства закона в государствах, переживших конфликт.

3. По-прежнему сохраняются значительные пробелы в эффективном осуществлении международных механизмов и в предоставлении поддержки наиболее уязвимым в условиях конфликта, включая женщин. Последствия актуализации гендерной проблематики до сих пор ограничены. Инклюзивное участие в любой миссии или в составе всего контингента женщин имеет неоценимое значение в установлении устойчивого мира и безопасности.

Для преодоления недостатков, связанных с актуализацией гендерной проблематики, необходи-

ма комплексная рамочная программа действий. Практика учета гендерной проблематики должна учитывать как институциональные, так и структурные барьеры, с которыми сталкиваются различные группы женщин и мужчин в условиях конфликтов. Поэтому гендерный анализ должен служить основой для всех мер по актуализации этой проблематики и других мероприятий в области мира и безопасности. С этой целью эксперты по гендерным вопросам должны принимать активное участие в разработке, осуществлении и мониторинге программ и стратегий учета гендерной проблематики для получения достоверного и актуального анализа.

4. С целью реформирования правового регулирования участия органов внутренних дел России в миротворческих операциях необходимо внести целый ряд изменений в текущие нормативные

правовые акты в целях устранения существующих правовых коллизий:

– указать порядок предоставления полицейского контингента в Федеральном законе «О порядке предоставления Российской Федерацией военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности» от 23 июня 1995 г. № 93-ФЗ, в котором указаны лишь военный и гражданский персонал;

– привести в соответствие с федеральными законами приказ МВД России от 30 августа 2000 г. № 914 «Об организации участия сотрудников органов внутренних дел РФ в миротворческих миссиях», противоречащий в части правового основания для прикомандирования сотрудников полиции России в миротворческие миссии.

Литература

1. Шамаров П.В. Международная миротворческая деятельность России: о концептуальных аспектах // Академическая мысль. 2019. № 1(6). С. 116–119.
2. Лямзин А.В., Еланцева Н.С., Николаев Ю.В. Миротворческие операции ООН: основные направления эволюции // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2019. № 1. С. 37–46.
3. Пузырева Ю.В., Шалягин Д.Д. Организационное и правовое обеспечение участия сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации в миротворческих операциях: учебно-практическое пособие. М.: МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя, 2019. 103 с.
4. Тишков С.А., Лабин Д.К. Институционализация полицейского миротворчества ООН // Вестник МГИМО Университета. 2019. № 1(64). С. 107–128.
5. Жуковский М.В. Участие сотрудников МВД России в международных миротворческих операциях // Право и безопасность. 2012. № 1. С. 27–33.
6. Степаненко В.В., Гавриш А.П., Долгошеин П.С. и др. Международная миротворческая деятельность МВД России: курс лекций. Домодедово: ВИПК МВД России, 2018. 173 с. С. 29–31.
7. Заемский В.Ф. ООН и миротворчество: курс лекций. М.: Международные отношения, 2012. 328 с.
8. Зверев П.Г. Применимость международного гуманитарного права во время миротворческих операции Организации Объединенных Наций: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрлитинформ, 2018. 525 с.
9. Земсков Ю.В. Международно-правовые проблемы организации и деятельности российских полицейских-наблюдателей в операциях ООН по поддержанию мира: монография. М.: МосУ МВД России, 2005. 179 с.

References

1. Shamarov P.V. Mezhdunarodnaya mirotvorcheskaya deyatel'nost' Rossii: o konceptual'nyh aspektah [International peacekeeping of Russia: on conceptual aspects]. Akademicheskaya mysl' [Academic Thought], 2019, no. 1(6), pp. 116–119. (In Russian, abstract in English)
2. Lyamzin A.V., Elanceva N.S., Nikolaev Yu.V. Mirotvorcheskie operacii OON: osnovnye napravleniya evolyucii [UN peacekeeping operations: the main directions of evolution]. Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu [Electronic supplement to the Russian Journal of Law], 2019, no. 1, pp. 37–46 (In Russian, abstract in English)
3. Puzyreva Yu.V., Shalyagin D.D. Organizacionnoe i pravovoe obespechenie uchastiya sotrudnikov organov vnutrennih del Rossijskoj Federacii v mirotvorcheskih operacijah. Uchebno-prakticheskoe posobie [Organizational and legal support for the participation of employees of the internal affairs bodies of the Russian

Federation in peacekeeping operations. Training manual]. Moscow: MosU MVD Rossii imeni V.YA. Kikotya Publ., 2019. 103 p. (In Russian)

4. Tishkov S.A., Labin D.K. Institucionalizaciya policejskogo mirotvorchestva OON [The institutionalization of UN police peacekeeping]. Vestnik MGIMO Universiteta [Bulletin of MGIMO University], 2019, no. 1(64), pp. 107–128. (In Russian, abstract in English)

5. Zhukovskij M.V. Uchastie sotrudnikov MVD Rossii v mezhdunarodnyh mirotvorcheskih operacijah [The participation of employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia in international peacekeeping operations]. Pravo i bezopasnost' [Law and Security], 2012, no. 1, pp. 27–33. (In Russian, abstract in English)

6. Stepanenko V.V., Gavrish A. P., Dolgoshein P.S. and others. Mezhdunarodnaya mirotvorcheskaya deyatel'nost' MVD Rossii: kurs lekcij [International Peacekeeping Activities of the Ministry of Internal Affairs of Russia: Lecture Course]. Domodedovo, VIPK MVD Rossii Publ., 2018. 173 p. (In Russian)

7. Zaemskij V.F. OON i mirotvorchestvo: kurs lekcij [UN and peacekeeping: lecture course]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2012. 328 p. (In Russian)

8. Zverev P.G. Primenimost' mezhdunarodnogo gumanitarnogo prava vo vremya mirotvorcheskih operacij Organizacii Ob"edinennyh Nacij: monografiya [Applicability of international humanitarian law during United Nations peacekeeping operations: monograph]. 2-nd ed. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 525 p. (In Russian)

9. Zemskov Yu.V. Mezhdunarodno-pravovye problemy organizacii i deyatel'nosti rossijskih policejskih-nablyudatelej v operacijah OON po podderzhaniyu mira: monografiya [International legal problems of the organization and activities of Russian police observers in UN peacekeeping operations: a monograph.]. Moscow: MosU MVD Rossii Publ., 2005. 179 p. (In Russian)

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПОНЯТИЕ «ЗАГРЯЗНЕНИЕ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ»: СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ДЕЯНИЕ, СПОСОБ ИЛИ ПОСЛЕДСТВИЯ ЕГО СОВЕРШЕНИЯ

Дубовик Ольга Леонидовна

Цель: анализ содержания и значения понятия «загрязнения» в нормах главы 26 УК РФ «Экологические преступления».

Методология: анализ, толкование, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Понятие «загрязнение» используется в тексте уголовного закона для обозначения составов преступлений, посягающих на комплексные объекты — окружающую среду и ее компоненты, а также для указания на признаки объективной стороны — способ совершения преступления и его последствия.

Загрязнение представляет собой и процесс внесения в окружающую среду (водные объекты, атмосферу, почву) вредных веществ, материалов, отходов, оказания иного вредного воздействия (теплового, радиационного) и его результат, то есть наличие в воздухе, водах, почве, растениях превышающих установленные нормативы химических веществ либо не свойственных им веществ и материалов, изменяющих привычные показатели состояния компонентов окружающей среды.

Научная и практическая значимость. Применение норм статей 246–252, 261 УК РФ требуют уяснения различий в содержании понятия «загрязнения»; учета требований экологического законодательства, использования технически сложных приемов сбора и закрепления доказательств.

Толкование понятия «загрязнения» способствует решению вопроса конкуренции общих и специальных уголовно-правовых запретов, повышению эффективности общепреventивного действия уголовного закона.

Ключевые слова: загрязнение, ответственность, экологическая преступность, ущерб.

Введение в проблему. Российское уголовное законодательство сориентировано на максимально полную защиту окружающей среды. В главе 26 УК РФ «Экологические преступления» предусматривается ответственность за разнообразный спектр посягательств на окружающую среду, ее элементы и объекты, за причинение вреда не только экологическим ценностям, но и здоровью и жизни людей. В целом уголовно-правовое регулирование соответствует провозглашенным целям охраны природы, международным обязательствам Российской Федерации и практике законодательного регулирования других стран.

Оно, наряду с иными средствами, в первую очередь мерами административной, гражданско-правовой и дисциплинарной ответственности,

в достаточной степени гарантирует реализацию экологической политики Российского государства в современный период обострения эколого-правовых конфликтов, возникновения новых и усугубления старых кризисов, связанных с антропологическими воздействиями на окружающую среду.

Сказанное не означает, что отечественное (равно как и зарубежное) уголовно-экологическое законодательство лишено недостатков, не нуждается в дальнейшем совершенствовании, тщательном согласовании с положениями законодательных иных отраслей права. Несмотря на объемы изданных к настоящему времени комментариев к УК РФ в целом и к отдельным его главам, в том числе к главе 26, учебников по уголовному и экологи-

ческому праву, монографий, статей и проведенных за четверть века с момента принятия Кодекса диссертационных исследований многие вопросы остаются спорными, проанализированными недостаточно полно. Кроме того, существует проблема применения уголовного закона. Некоторые специалисты полагают, что запреты, содержащиеся в главе 26 УК РФ, «не работают». Они ссылаются на незначительное количество приговоров, многочисленные отказы в возбуждении уголовных дел и передаче их в суды. При этом не вызывает сомнений высокая латентность экологических преступлений (в период действия УК РСФСР криминологи указывали, что регистрируется не более 2% совершенных преступлений против окружающей среды). Определенную роль играют и трудности объективного и субъективного характера: чтобы квалифицировать преступные посягательства такого рода, надо хорошо ориентироваться не только в экологическом, природоресурсном, санитарном и ином смежном законодательстве, но и в экологических проблемах в целом, в ситуации, сложившейся в конкретном регионе, обращаться к специальной информации, содержащейся в других областях знания — химии, биологии, физике и т.п. Непросто собирать доказательства и определять размеры ущерба, устанавливая вину в случаях загрязнения морской среды, атмосферы и многих других. Разъяснения, данные в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ и предлагаемые авторами комментариев к УК РФ, лишь частично облегчают работу практиков. В связи с этим, на мой взгляд, требуется дополнительно обсудить несколько вопросов, а именно:

а) содержание и значение отдельных терминов и понятий, используемых в тексте уголовного закона, потребность приведения их в согласование с понятийным аппаратом экологического законодательства и международно-правовых документов, необходимость модернизации;

б) разграничение уголовной и административной ответственности за нарушение правил и требований в области охраны окружающей среды и использования природных ресурсов;

в) последствия экологических преступлений в том числе создание угрозы причинения вреда охраняемым интересам граждан, общества, государства, безопасности, а также отдаленные последствия, нарушающие интересы будущих поколений (например, в связи с изменениями климата);

г) целесообразность более широкого использования составов поставления в опасность и замены материальных составов формальными;

д) специфика форм вины и, более того, потребность в адаптации классического подхода, развитого в учении о вине, к предвидению и желанию наступления преступных последствий для окружающей среды и ее объектов.

Для начала в рамках данной статьи — предварительный анализ одного из базовых терминов.

Уголовно-правовая охрана окружающей среды от загрязнения. В Уголовном кодексе РФ широко используется термин «загрязнение» применительно к отдельным компонентам и объектам окружающей среды. Так, установлена ответственность за загрязнение вод (ст. 250 УК РФ), загрязнение атмосферы (ст. 251 УК РФ) [1], загрязнение морской среды (ст. 252 УК РФ). Кроме того, в ст. 254 УК РФ «Порча земли» предусмотрена ответственность за отравление, *загрязнение* или иную порчу земли, в ст. 261 УК РФ — за уничтожение или повреждение лесных насаждений в результате *загрязнения* (ч. 2), в ст. 247 УК РФ — за нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов в случае *загрязнения*, отравления или заражения окружающей среды.

Из приведенного перечня видно, что объекты уголовно-правовой охраны различаются по ряду характеристик: речь идет о компонентах окружающей среды (воды, атмосфера, земля, морская среда, лесные насаждения) либо об окружающей среде в целом.

При этом указанные объекты уголовно-правовой охраны являются, как правило, комплексными. Например, морская среда понимается не только как водное пространство, акватория, но и как место обитания водных биологических ресурсов, а также включает зоны отдыха.

Понятие «загрязнение»: общая характеристика. На первый взгляд оно обозначает именно состав преступления, по крайней мере когда речь идет о загрязнении вод, атмосферы и морской среды. Это понятие использовано в названии соответствующих статей. Но обращение к текстам этих статей показывает, что смысл термина «загрязнение» этим не исчерпывается, а используется также для обозначения совершаемого действия, раскрывая признаки объективной стороны, наряду с такими терминами как «засорение», «отравление», «порча» и другими, перечень которых зачастую является открытым. Показательна в этом случае ст. 250 УК РФ «Загрязнение вод». В ней сказано: «Загрязнение, засорение, истощение поверхностных или подземных вод, источников питьевого водоснабжения либо иное изменение их природных свойств, если эти деяния повлекли причинение суще-

ственного вреда животному или растительному миру, рыбным запасам, лесному или сельскому хозяйству...». Как деяние законодатель трактует и загрязнение морской среды. Но в ст. 254 УК РФ говорится об отравлении, загрязнении или иной порче земли вследствие нарушения правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений, ядохимикатами и иными опасными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке, повлекшие причинение вреда здоровью человека или окружающей среде. Здесь, с одной стороны, загрязнение является действием, повлекшим причинение вреда, с другой – результатом нарушения правил, последствием.

Особенности русского языка предопределяют двойственное значение слова «загрязнение». Оно означает и процесс, и его результат. Это, безусловно, создает определенные трудности при толковании и применении уголовного закона, требует обращения к экологическому и природоресурсному законодательству, которое также не всегда однозначно определяет используемые в тексте УК РФ термины. Так, в ст. 1 Федерального закона от 10 января 2002 г. №7-ФЗ «Об охране окружающей среды» «Основные понятия» термин «загрязнение окружающей среды» расшифровывается следующим образом: это... поступление в окружающую среду веществ и (или) энергии, свойства, местоположение или количество которых оказывает негативное воздействие на окружающую среду» [2, с. 42]. Данное разъяснение не снимает проблему, так как законодатель вновь употребляет слово, обозначающее и действие/процесс, и его результат – «поступление». В ст. 1 указанного Закона разъясняется также термин «вред окружающей среде» как негативное изменение окружающей среды в результате ее загрязнения, повлекшее за собой деградацию естественных экологических систем и источников природных ресурсов [2, с. 46]. И это разъяснение недостаточно. Загрязнение в данном случае выступает как деяние (действие или бездействие), в результате которого наступили определенные последствия, либо может пониматься как способ изменения (негативного) окружающей среды.

Загрязнение как способ совершения преступления. Именно таким образом следует трактовать термин «загрязнение» при разъяснении содержания запрета по ч. 3 ст. 261, в которой сказано: «Уничтожение или повреждение лесных насаждений путем поджога, иным общеопасным способом либо в результате загрязнения или иного негативного воздействия...».

Н.А. Лопашенко, разъясняя содержание понятия статьи 261 УК РФ, считает, что загрязнение лесных или иных насаждений способом их уничтожения или повреждений, который «представляет собой ухудшение качественного состояния насаждений в результате использования виновным экологически опасных веществ и материалов или нарушения правил обращения с ними». Но при этом она здесь утверждает, что: «Если уничтожение или повреждение лесных или иных насаждений последовало в результате нарушения правил обращения экологически опасных веществ и отходов, применению подлежит ст. 247 УК РФ» [3, с. 448]. С этим выводом нельзя согласиться. При очевидном наличии конкуренции норм п. 3 ст. 261 и ч. 2 ст. 247 УК РФ следует исходить из того, что запрет загрязнения лесных или иных насаждений экологически опасными веществами и отходами является специальной нормой по отношению к общей норме ст. 247. Иначе следует привлекать к уголовной ответственности по ч. 3 ст. 261 за загрязнение этих охраняемых ею объектов экологически неопасными либо незначительно опасными веществами и отходами, и тогда возникает проблема разграничения с административными правонарушениями. В специальной норме ч. 3 ст. 261 предусмотрены и более суровые санкции. Далее, трактовка понятия загрязнения как *ухудшения* качественного состояния фактически означает, что оно является последствием, а не способом совершения преступления.

Загрязнение как последствия совершения преступления. Применительно к ст. 250 УК РФ именно так данное понятие разъясняется доктриной и Верховным Судом РФ.

Э.Н. Жевлаков полагает, что загрязнение водных объектов как элемент объективной стороны состава преступления (ст. 250 УК РФ) – это сброс или поступление иным способом, а также образование в них вредных веществ, которые ухудшают качество поверхностных и подземных вод, ограничивают их использование либо негативно влияют на состояние дна и берегов водных объектов [4, с. 700]. Не указывая прямо, является ли загрязнение в этом случае способом или последствием деяния, он далее подробно анализирует именно последствия – существенный вред и виды причиняемого вреда [4, с. 700–702]. При комментировании ст. 251 УК РФ Э.Н. Жевлаков вслед за законодателем четко обозначает, что загрязнение атмосферы представляет собой последствия преступления – поступление в воздух или образование в нем загрязняющих веществ (сажи,

пыли, газов, кислот, иных химических веществ), в концентрациях, превышающих установленные санитарным и экологическим законодательством гигиенические и экологические нормативы качества атмосферного воздуха [4, с. 704]. Разумеется, аналогично анализирует последствия – загрязнение атмосферы и другие авторы, отмечая, что они могут выражаться в концентрациях загрязняющих (не только химических, но и биологических) веществ в концентрациях, превышающих качество и уровни естественного содержания [5, с. 277], либо более детально разъясняя в чем именно нарушаются гигиенические и экологические нормативы [3, с. 468].

Таким образом, благодаря использованию при формулировании данного уголовно-правового запрета бланкетной диспозиции «нарушение правил» в отношении загрязнения атмосферы ясно, что это состав преступления (судя по названию статьи) и одновременно одно из последствий его совершения, что указано в тексте ч. 1 ст. 251. Действия и способы нарушения правил могут быть самыми различными. Соответствующие правила установлены законодательными и иными нормативными правовыми актами в отношении всех установок, сооружений, оборудования, подавляющего большинства химических и биологических веществ, различных видов производственной деятельности.

Сложнее обстоит дело при определении значения термина «загрязнения» в ст. 250 УК РФ. И здесь загрязнение вод представляет собой, несомненно, состав преступления. Законодатель перечисляет последствия и в ч. 1 и в ч. 2 данной статьи. Отсюда следует вывод, что в ст. 250 УК РФ уголовно-правовое понятие «загрязнение» описывает деяние.

Иначе, то есть как последствия совершения преступления – порчи земли, поскольку в ст. 254 УК РФ деяние определено как нарушение правил обращения с удобрениями, стимуляторами роста растений или ядохимикатами и иными химическими или биологическими веществами при их хранении, использовании и транспортировке. В качестве последствий указано причинение вреда человеку или окружающей среде (ч. 1).

Загрязнение как деяние. На первый взгляд, это очевидно, поскольку в частях вторых и третьих статей, устанавливающих ответственность за загрязнение окружающей среды или ее компонентов использовались формулы «те же деяния», «деяния, предусмотренные частью первой или второй». Тем не менее, в некоторых случаях деяние сопрягается с его последствиями.

Так, статья 254 «Загрязнение морской среды» выделяет два вреда: загрязнение морской среды из находящихся на суше источников и загрязнение морской среды вследствие нарушения правил захоронения или сброса с транспортных средств или возведенных в море искусственных островов, установок или сооружений веществ и материалов, вредных для здоровья человека и водных биологических ресурсов либо препятствующих правомерному использованию морской среды. В первом случае термин «загрязнение» обозначает и деяние, и его последствия, во втором – последствия [6, с. 145].

Пленум Верховного Суда РФ в постановлении «О практике применения судами законодательства об ответственности за экологические правонарушения» от 5 ноября 1998 г. № 14 фактически трактует загрязнение вод как *последствие* совершения преступного деяния (действия или бездействия), состоящее в эксплуатации промышленных, сельскохозяйственных, коммунальных и других объектов с неисправными очистными сооружениями или устройствами, их отключении, нарушении правил транспортировки, хранения, использования минеральных удобрений и препаратов, совершении иных действий, повлекших загрязнение водоемов и водных источников и *причинивших* существенный вред животному и растительному миру, рыбным запасам или сельскому хозяйству (п. 9).

Уголовно-правовое понятие загрязнения в зарубежном законодательстве. В Уголовном кодексе Республики Польша от 6 июня 1992 г. ответственность за загрязнение окружающей среды установлена в ст. 182 раздела XXII «Преступление против окружающей среды». В ней сказано: «кто загрязняет воду, воздух или поверхность земли веществами или ионизирующим излучением в таком количестве или в такой форме, что это может угрожать жизни людей, здоровью человека либо существенное снижение качества воды, атмосферы или поверхности земли либо уничтожение растительного или животного мира в значительных размерах» (§ 1). Следовательно, здесь загрязнение – деяние. Это подтверждается и в данной статье: «Если деяние, указанное в § 1..., и в § 4: «Если субъект деяния, указанного в § 3...».

Нельзя упрекать российского законодателя за существующие трудности толкования термина «загрязнение». Так или иначе вопрос решается и доктриной в многочисленных комментариях, учебниках и монографических работах, и практикой при применении норм главы 26 УК РФ.

Но следует указать на несомненный пробел уголовного закона: статья 255 УК РФ «Нарушение правил охраны и использования недр» ограничена формулировкой общего состава преступления и не выделяет загрязнение недр в качестве, например, способа или последствия преступления, как отягчающее обстоятельство (соответствующие предложения неоднократно высказывались специалистами). Таким образом, из всех ресурсов недр специальной охране от загрязнения по прямому тексту закона подлежат лишь подземные воды (по ст. 250 УК РФ). Конечно, нарушение правил включает и загрязнение недр, к примеру, путем незаконного размещения в них отходов (в этом случае может возникнуть конкуренция со ст. 247 УК РФ).

Речь не идет об отказе от традиций, сложившихся при пользовании языком уголовного закона, а только о том, чтобы специалисты внимательно относились к тексту уголовно-правовых запретов, текстам смежного законодательства и их разъяс-

нениям в комментариях, а также о том, что для понимания сути того или иного преступления — загрязнения окружающей среды, ее компонента они стремились использовать и зарубежный опыт.

Например, в статье 182 УК Республики Польша сказано: «1. Кто загрязняет воду, воздух, либо поверхность земли веществами или ионизирующим излучением в таком количестве либо в таком виде, что может создать угрозу жизни или здоровью человека или причинить существенное снижение качества воды, воздуха или поверхности земли либо уничтожение в животном и растительном мире в крупных размерах...» [7, с. 65]. Здесь загрязнение — процесс, действие.

Примеры формулировок, содержащихся в уголовных кодексах различных стран, можно продолжить. Несомненно, что и борьба с загрязнением окружающей среды — сложная задача, стоящая перед человечеством, и использование для ее решения такого средства как уголовный закон — тоже достаточно сложно.

Литература

1. Бринчук М.М., Дубовик О.Л., Куделькин Н.С., Кузнецова О.Н., Никишин В.В., Редникова Т.В., Сосновский В.В. Комментарий к Федеральному закону от 4 мая 1999 года № 96 «Об охране атмосферного воздуха» (постатейный) / под ред. М.М. Бринчука, О.Н. Кузнецовой // СПС «КонсультантПлюс», 2013.
2. Бринчук М.М., Бажайкин А.Л., Вершило Н.Д., Вершило Т.А., Дубовик О.Л. и др. Комментарий к Федеральному закону «Об охране окружающей среды» / под общ. ред. О.Л. Дубовик. (2-е изд., перераб. и доп.). М., 2013. 560 с.
3. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. I.IV «Преступления против общественной безопасности». СПб: Изд. Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2008. 949 с.
4. Особенная часть Уголовного кодекса Российской Федерации: комментарий, судебная практика, статистика / под ред. В.М. Лебедева, отв. ред. А.В. Галахова. М.: Городец, 2009. 1167 с.
5. Дубовик О.Л. Комментарий к ст. 251 // Учебно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Э. Жалинского. 2-е изд. М.: Эксмо, 2006. 1086 с.
6. Куделькин Н.С. Юридическая ответственность за загрязнение морской среды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ИГП РАН, 2009. 270 с.
7. Kodeks Karny. 45 wyd. Warszawa: C.H. Beck, 2016. 1708 s.

References

1. Brinchuk M.M., Dubovik O.L., Kudel'kin N.S., Kuznetsova O.N., Nikishin V.V., Rednikova T.V., Sosnovskii V.V. Kommentarii k Federal'nomu zakonu ot 4 maya 1999 goda № 96 «Ob okhrane atmosfernogo vozdukh» (postateinyi) [the Commentary to Federal law No. 96 of 4 may 1999 “on the protection of atmospheric air” (article-by-article)]. Ed. M.M. Brinchuk, O.N. Kuznetsova. Moscow: Konsul'tant Plyus Publ., 2013. (In Russian)
2. Brinchuk M.M., Bazhaikin A.L., Vershilo N.D., Vershilo T.A., Dubovik O.L., Zozulya V.V., Kalenchenko M.M., Kalinichenko V.T., Kudel'kin N.S., Kuznetsova O.N., Misnik G.A., Rednikova T.V., Semenikhina V.A., Sosnovskii V.V., Stepanenko V.S., Choltyan L.N. Kommentarii k Federal'nomu zakonu «Ob okhrane okruzhayushchei sredy» [Commentary to the Federal law “On environmental protection”]. Ed O.L. Dubovik. 2-nd edition. Moscow, 2013. 560 p. (In Russian)

3. Polnyi kurs ugolovnogo prava. I.IV «Prestupleniya protiv obshchestvennoi bezopasnosti» [Full course of criminal law. I. IV “Crimes against public safety”]. Ed. A.I. Korobeev. In 5 vol. Sankt Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press Publ., 2008. 949 p. (In Russian)
4. Osobennaya chast' Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii: kommentarii, sudebnaya praktika, statistika [Special part of the Criminal code of the Russian Federation: commentary, judicial practice, statistics]. Ed. V.M. Lebedev, A.V. Galakhova. Moscow: Gorodets, 2009. 1167 p. (In Russian)
5. Dubovik O.L. Kommentarii k st. 251 [Commentary to the article 251] In Uchebno-prakticheskii kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii [Educational and practical commentary on the Criminal code of the Russian Federation]. Ed. A.E. Zhalinskiyi. 2-nd ed. Moscow: Eksmo Publ., 2006. 1086 p. (In Russian)
6. Kudel'kin N.S. Yuridicheskaya otvetstvennost' za zagryaznenie morskoi sredy. Diss. ... kand. yurid. nauk [Legal liability for marine pollution]. Moscow: IGP RAN Publ., 2009. 270 p. (In Russian)
7. Kodeks Karny. 45 wyd. Warczawa: C.H. Beck, 2016. 1708 s. (In Polish)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ КРИМИНАЛИЗАЦИИ НЕЗАКОННОЙ МИГРАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ (ОБЪЕМ) ЕГО ИМПЛЕМЕНТАЦИИ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ РФ

Коняхин Владимир Павлович,
Князькина Анастасия Константиновна,
Гигинейшвили Мария Теймуразовна

Цель: разработка теоретически обоснованных предложений, направленных на оптимизацию механизма имплементации международного опыта криминализации незаконной миграции в Уголовный кодекс РФ.

Методология: общенаучный диалектический, а также частно-научные методы познания – формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой и конкретно-социологический.

Выводы: выявлены случаи рассогласованности норм международного и российского уголовного права, которые устанавливают ответственность за преступления, связанные с незаконной миграцией. Предложены конкретные меры по гармонизации этих норм друг с другом за счет более четкого формулирования корреспондирующих норм на международном уровне и максимально адекватного им отражения на внутригосударственном уровне.

Научная и практическая значимость. Полученные результаты углубляют и конкретизируют теоретические представления о соотношении международного и российского уголовного права, а также о механизме имплементации международных договоров в Уголовный кодекс РФ.

Прикладная ценность полученных выводов заключается в возможности их использования в законотворческой и правоприменительной деятельности, а также в учебном процессе юридических вузов страны при преподавании уголовного и международного уголовного права.

Ключевые слова: миграция, незаконная миграция, криминализация, ввоз мигрантов, пределы, имплементация, Уголовный кодекс, международный договор, транснациональная преступность, организованная преступность, беженцы.

Преступления, связанные с незаконной миграцией, в последнее время становятся все масштабнее, поскольку количество лиц, незаконно пересекающих границы государств, с каждым годом увеличивается. Миграция, будучи естественным социальным процессом, вызывается рядом как объективных, так и субъективных причин [1, с. 169]. И, в первую очередь, она порождается желанием людей покинуть неблагоприятную зону ведения боевых действий, а поскольку в современный период прослеживается тенденция роста числа происходящих в мире вооруженных столкновений, неизбежно увеличивается число мигрантов, в том числе незаконных. Только за 2015 г. на территорию Европы проникли более

1 млн. незаконных мигрантов, что почти в 5 раз больше, чем в 2014 г. (*Report: Migrant smuggling in EU. February 2016* // URL: <https://www.europol.europa.eu/publications-documents/migrant-smuggling-in-eu> (дата обращения: 20.11.2019)). Примерный оборот от указанной деятельности составил 3–6 млрд евро только на территории Евросоюза. И эта негативная тенденция явно прогрессирует. Причем существуют определенные маршруты, по которым идут массовые потоки мигрантов из Азии и Африки. По данным Интерпола по состоянию на 2011 г., самое дорогое «путешествие» незаконного мигранта «под ключ» из Азии в Европу обходилось в 12–18 тыс. евро, переправа из Западной Африки на Канарские острова стоила около 900 евро (*The*

Role of Organized Crime in the smuggling of migrants from West Africa to the European Union // URL: https://www.unodc.org/documents/human-trafficking/Migrant-Smuggling/Report_SOM_West_Africa_EU.pdf (дата обращения: 20.11.2019).

По данным ООН, в 2017 г. общее количество мигрантов достигло 258 млн, что на 14 млн больше, чем в 2015 г. (*URL: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/migration/> (дата обращения: 20.11.2019)*). Однако поскольку данные о миграции собираются различными организациями и учреждениями, представить комплексную картину о ней достаточно сложно. В целях унификации и консолидации информации в исследуемой области центр Международной организации миграции по анализу глобальных данных о миграции поддерживает Портал глобальных данных о миграции (*Портал глобальных данных о миграции // URL: <https://migrationdataportal.org/> (дата обращения: 20.11.2019)*), который служит уникальным источником исчерпывающих и актуальных данных в сфере миграции.

Как отмечается в Нью-Йоркской декларации ООН от 19 сентября 2016 г., «люди перемещаются с места на место с незапамятных времен. Одни перемещаются в поисках новых экономических возможностей и перспектив. Другие бегут от жизни в условиях вооруженных конфликтов, нищеты, отсутствия продовольственной безопасности, преследований, терроризма или нарушения и ущемления прав человека. Третьи — с целью избежать неблагоприятных последствий изменения климата или стихийных бедствий (некоторые из них могут быть связаны с изменением климата) или в силу других экологических факторов. Перемещение многих людей, в действительности, вызвано сочетанием этих причин» (*URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/70/302> (дата обращения: 20.11.2019)*).

Таким образом, перемещения больших групп беженцев и мигрантов имеют трансграничные политические, экономические, социальные и гуманитарные последствия, а также последствия для процесса развития прав человека [2, с. 59]. Это явление носит глобальный характер, что требует применения фундаментальных подходов и принятия радикальных решений. Ни одно государство не может справиться с такими перемещениями самостоятельно. Они очень существенно затрагивают интересы соседних стран или стран транзита, которыми являются, главным образом, развивающиеся страны [3, с. 188]. Во многих случаях возможности последних задействованы до предела, что влияет на социально-экономическое единство и развитие самих этих стран. Кроме того, теперь стали обычным явлением затяжные

кризисы беженцев, имеющие долгосрочные последствия для самих беженцев, а также для принимающих их стран и сообществ. Для оказания помощи принимающим странам и сообществам необходимо расширять международное сотрудничество (п. 7 Нью-Йоркской декларации ООН от 19 сентября 2016 г.).

В настоящее время основным международным актом, запрещающим незаконную миграцию, является Протокол против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху, дополняющий Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности, от 15 ноября 2000 г. (*Наряду с этим сохраняют свою силу положения не подписанной и не ратифицированной РФ Конвенции № 143 Международной организации труда от 24 июня 1975 г. «О злоупотреблениях в области миграции и об обеспечении трудящимся-мигрантам равенства возможностей и обращения», в соответствии со ст. 3 которой государства должны пресекать тайное миграционное движение и незаконный наем мигрантов, а также организационные действия для незаконного или тайного передвижения мигрантов, ищущих работу, независимо от того, начинается ли это движение с его территории, проходит ли через эту территорию или прибывает на нее, а также против тех, кто нанимает трудящихся, иммигрировавших в незаконных условиях*) (далее для краткости — Протокол).

Примечательно, что Протокол направлен на борьбу с незаконным ввозом мигрантов, а не самой миграцией. Он дополняет Конвенцию ООН против транснациональной организованной преступности. Следовательно, его основная цель — создать механизм противодействия организованным преступным группировкам, а не отдельным мигрантам. Как сообщает Европол, более 40 тыс. человек причастны к совершению незаконного ввоза мигрантов на территорию Европейского союза. В основном виновные лица являются членами преступных организаций.

В Протоколе не идет речь о привлечении к уголовной ответственности самих мигрантов (ст. 5). В то же время ничто не препятствует Государству-участнику принимать меры в отношении какого-либо лица, деяние которого является уголовно наказуемым согласно его внутреннему законодательству (п. 4 ст. 6).

В этой связи уместно также заметить, что названную Конвенцию дополняет еще Протокол о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее. Торговля людьми и незаконная миграция тесно связанные, но не тождественные понятия. Общей

чертой является получение прибыли от незаконного перемещения людей через государственную границу. Отличие состоит в круге жертв. В случае торговли людьми преступники вербуют потерпевших или овладевают ими с помощью принуждения, обмана или жестокого обращения, а прибыль получают после перемещения потерпевших в результате эксплуатации, заставляя заниматься их проституцией или подневольным трудом (*Руководство для законодательных органов по осуществлению Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху* // URL: http://www.unodc.org/pdf/crime/legislative_guides/04%20Russian%20Legislative%20guide_Smuggling%20of%20Migrants%20Protocol.pdf (дата обращения: 20.11.2019)). В случае с незаконными мигрантами они набираются добровольно и фактически сами становятся соучастниками преступления.

В соответствии с п. 1 и 2 ст. 6 Протокола против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху в качестве уголовно наказуемых признаются следующие виды деяний, когда они совершаются умышленно и с целью получить, прямо или косвенно, какой-либо финансовую или иную материальную выгоду:

- незаконный ввоз мигрантов;
- изготовление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности в целях создания условий для незаконного ввоза мигрантов;
- приобретение или предоставление такого документа или владение им в целях создания условий для незаконного ввоза мигрантов;
- предоставление какому-либо лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на его территории, возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований для законного пребывания в нем путем изготовления поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности, приобретения или предоставления такого документа или владение им, или любых других незаконных средств;
- покушение на совершение какого-либо из перечисленных преступлений;
- участие в совершении такого преступления в роли сообщника.

Согласно п. 3 ст. 6 данного Протокола в качестве отягчающих вышеназванные преступления признаются обстоятельства:

- а) которые ставят или могут поставить под угрозу жизнь или безопасность соответствующих мигрантов; или
- б) которые связаны с бесчеловечным или унижающим достоинство обращением.

Рассмотрим последовательно каждое из названных преступлений, в том числе через призму Федерального закона от 26 апреля 2004 г. № 26-ФЗ, посредством которого был ратифицирован настоящий Протокол.

Незаконный ввоз мигрантов. *Непосредственный объект* данного преступления – общественные отношения, складывающиеся в сфере реализации установленного порядка въезда на территорию конкретного государства и выезда из нее, порядка пребывания на территории конкретного государства иностранных граждан и лиц без гражданства, а равно транзитного проезда через территорию этого государства. *Потерпевшими* в данном случае могут выступать мигранты, т.е. иностранные граждане или лица без гражданства, совершающие перемещение на новое (временное либо постоянное) место проживания.

Объективная сторона рассматриваемого преступления характеризуется незаконным ввозом мигрантов, который, согласно ст. 3 Протокола, означает «обеспечение, с целью получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды, незаконного въезда в какое-либо Государство-участник любого лица, которое не является его гражданином или не проживает постоянно на его территории». Сюда, к примеру, относится организационная деятельность по осуществлению незаконного ввоза мигрантов: планирование такой деятельности, вербовка должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов, планирование маршрутов и способов передвижения, подыскание средств конспирации и т.п.

В соответствии с рассматриваемой статьей Протокола под незаконным въездом понимается «пересечение границ без соблюдения необходимых требований для законного въезда в принимающее государство». Иллюстрацией может служить отсутствие в этом случае необходимых документов, предъявление поддельных, ненадлежаще оформленных или просроченных документов, пересечение границы вне установленных пунктов пропуска и т.д.

Состав данного преступления является *формальным*, поскольку признается оконченным с момента незаконного ввоза мигрантов.

Субъективная сторона этого преступления характеризуется прямым умыслом. Обязательным условием, предписанным Протоколом (п. «а» ст. 3), является совершение указанных действий с *целью* получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды. Под прямым получением финансовой или иной

материальной выгоды следует понимать непосредственное противоправное обращение в свою пользу денежных средств либо иного имущества, включая ценные бумаги; под косвенным получением такой выгоды — совершение действий, которые непосредственно не посягают на чужое имущество, однако обуславливают в дальнейшем получение денежных средств и прав на имущество либо иной имущественной выгоды не только в свою пользу, но и пользу других лиц.

Исходя из изложенного следует, что бескорыстные действия лица, направленные незаконный на ввоз другого на территорию иностранного государства, например, члена семьи, не охватываются сферой применения Протокола.

Специальные признаки, характеризующие субъекта рассматриваемого преступления, в Протоколе не установлены, потому субъект в данном случае общий.

Аналогом названного преступления в УК РФ является организация незаконной миграции (ст. 322¹). Однако законодательное описание здесь отличается целым рядом особенностей [4, с. 850—851]. Во-первых, спецификой обладает объективная сторона, которая по своему объему сформулирована шире, чем в международном уголовном праве. Она включает в себя не только незаконный ввоз мигрантов, но и в целом организацию незаконной миграции в форме организации незаконного въезда в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства, их незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через территорию РФ [5, с. 119; 6, с. 71].

Согласно отечественной судебной практике, понятие «организация незаконной миграции» трактуется как «совершение любых действий, результатом которых стало пересечение Государственной границы РФ гражданами иностранного государства без документов на право въезда, полученных в порядке, установленном законодательством (См.: *апелляционное постановление Омского областного суда от 30 октября 2017 г. по делу № 22-3537/2017* // URL: rospravosudie.com/court-omskij-oblastnoj-sud-omskaya-oblast-s/act-560577446 (дата обращения: 25.11.2019)), «нанесение формой высокой печати фиктивных оттисков — служебных отметок — дата штампов в паспортах иностранных граждан, свидетельствующих о пересечении Государственной границы РФ» (См.: *приговор Центрального районного суда г. Хабаровска от 12 января 2011 г. по делу № 1-117/11* // URL: rospravosudie.com/court-centralnyj-rajonnyj-sud-g-xabarovska-xabarovskij-kraj-s/act-101349628 (дата обращения: 25.11.2019)), «вписывание и впечатывание в бланки несоответ-

ствующих действительности сведений, и последующее заверение копий изготовленных документов с помощью имеющихся у лица поддельных гербовых печатей и штампов нотариусов, подделка копий домовых книг, незаконное оформление разрешения на временное проживание иностранным гражданам, злоупотребляя своими полномочиями и др.» (См.: *приговор Аксайского районного суда Ростовской области от 2 июня 2011 г.* // URL: rospravosudie.com/court-aksajskij-rajonnyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-101411289 (дата обращения: 25.11.2019)), «оказание незаконных услуг в постановке на миграционный учет в качестве мигрантов, за денежное вознаграждение, в нарушение установленного российским законодательством порядка, путем подделки официальных документов» (См.: *приговор Ленинского районного суда г. Новосибирска от 13 сентября 2011 г. по делу № 1-521/2011* // URL: rospravosudie.com/court-leninskij-rajonnyj-sud-g-novosibirskaja-novosibirskaya-oblast-s/act-101626062 (дата обращения: 25.11.2019)), «продление иностранным гражданам за денежное вознаграждение сроков временного пребывания на территории России на основании предоставления в Управление Федеральной миграционной службы России заведомо поддельных документов» (См.: *приговор Советского районного суда г. Рязани от 2 ноября 2011 г.* // URL: rospravosudie.com/court-sovetskij-rajonnyj-sud-g-ryazani-ryazanskaya-oblast-s/act-101386600 (дата обращения: 25.11.2019)). Во всех перечисленных случаях содеянное помимо ст. 322¹ УК РФ в зависимости от конкретных обстоятельств дополнительно квалифицируется по ст. 324, 327 или 292¹ УК РФ.

Во-вторых, явно «зауженной» в ст. 322¹ УК РФ выглядит субъективная сторона содеянного, поскольку отсутствует указание на такой ее признак, как цель получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды. В-третьих, по-разному решается вопрос о квалифицирующих признаках данного преступления. Если в Протоколе (п. 3 ст. 6) в таком качестве называются создание угрозы для жизни или безопасности мигрантов и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с ними, то в ч. 2 ст. 322¹ УК РФ — организованная группа и цель совершения преступления на территории РФ. К сказанному следует добавить то, что в РФ за нарушение миграционного законодательства установлена не только уголовная [7, с. 136], но и административная ответственность (ст. 18.1, 18.4, 18.8, 18.9, 18.12 и 18.14 КоАП РФ).

Изготовление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности. Непосредственным объектом данного преступления

выступают общественные отношения в сфере обеспечения установленного законом порядка официального документооборота. *Предмет* преступления – поддельный документ на въезд/выезд или удостоверение личности. Согласно п. «с» ст. 3 Протокола таким статусом обладает «любой документ на въезд/выезд или удостоверение личности, которые:

а) были подделаны или изменены каким-либо материальным образом любым лицом или учреждением, кроме тех, которые в законном порядке уполномочены изготавливать или выдавать документ на въезд/выезд или удостоверение личности от имени государства; или

б) были ненадлежащим образом выданы или получены с помощью представления неверных данных, коррупции или принуждения или каким-либо иным незаконным образом; или

в) используются лицом, иным, чем законный владелец».

Объективная сторона этого преступления выражается в изготовлении поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности.

Под изготовлением понимается создание полностью или частично фальшивого документа на въезд/выезд или удостоверения личности: внесение в поддельный бланк официального документа заведомо ложных сведений, изменение содержания подлинного документа путем дописки, исправления, подчистки или вытравливания имевшегося текста и внесение новых сведений. Другими словами, речь в данном случае идет об интеллектуальном либо материальном (юридическом) подлоге указанных документа или удостоверения личности.

Состав рассматриваемого преступления *формальный*, ибо считается оконченным с момента изготовления соответствующего поддельного документа или удостоверения личности.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и целями создания условий для незаконного ввоза мигрантов и получения, прямо или косвенно, финансовой или иной материальной выгоды.

Субъект преступления – общий.

В УК РФ, а также в Модельном УК 1996 г. для государств – участников СНГ (далее для краткости – Модельный УК), отсутствует специальная норма, предусматривающая ответственность за фальсификацию миграционных документов. Содеянное в данном случае охватывается общей нормой – ст. 327 УК РФ (ст. 320 Модельного УК), устанавливающей ответственность за изготовление любых поддельных документов, предостав-

ляющих права или освобождающих от обязанностей (*по такому пути идет и судебная практика РФ: см., например, приговор Дудинского районного суда Красноярского края от 1 сентября 2017 г. // URL: rospravosudie.com/court-dudinskij-rajonnij-sud-krasnojarskij-kraj-s/act-559488987 (дата обращения: 25.11.2019) и др.*).

Приобретение или предоставление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности или владение им. *Непосредственный объект и предмет* данного преступления идентичны тем, которые были охарактеризованы для ранее рассмотренного преступления.

Объективная сторона выражается в приобретении, предоставлении названных предметов либо во владении ими. Приобретение – это возмездное или безвозмездное получение поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности. Предоставление – это возмездная или безвозмездная передача указанных предметов в пользование и распоряжение. Владение – это получение возможности обладать указанными предметами и пользоваться ими.

Состав данного преступления, будучи *формальным*, считается оконченным с момента совершения одного из перечисленных деяний.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражается в прямом умысле и наличии целей создания условий для незаконного ввоза мигрантов и получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды.

Субъект этого преступления – общий.

В ст. 321 Модельного УК речь идет лишь о купле или продаже официальных документов, предоставляющих права или освобождающих от обязанностей, что сужает объективную сторону рассматриваемого состава, ограничивая ее лишь возмездными сделками. Содеянное в рассматриваемом случае должно квалифицироваться по ст. 324 УК РФ «Приобретение или сбыт официальных документов и государственных наград» либо по ч. 3 ст. 327 УК РФ (при использовании заведомо поддельного, в том числе миграционного, документа). Если имело место внесение должностным лицом, а также государственным служащим или муниципальным служащим, не являющимся должностным лицом, заведомо ложных сведений в документы, повлекшие незаконное приобретение гражданства РФ, то содеянное должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 292¹ УК РФ.

Предоставление какому-либо лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на его территории,

возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований для законного пребывания в нем путем изготовления поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности, приобретения или предоставления такого документа или владение им, или любых других незаконных средств. *Непосредственный объект* данного преступления – установленный порядок въезда/выезда и пребывания на территории конкретного государства; *предмет* – документы на въезд/выезд или удостоверение личности.

Объективная сторона выражается в предоставлении какому-либо лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на его территории, возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований для законного пребывания в нем.

В Протоколе альтернативно указаны способы совершения названного деяния, которые были уже проанализированы выше:

- 1) изготовление поддельного документа на въезд/выезд или удостоверения личности;
- 2) приобретение такого документа;
- 3) предоставление такого документа;
- 4) владение им;
- 5) использование любых других незаконных средств.

Состав данного преступления является *формальным*, поскольку считается оконченным с момента предоставления лицу, которое не является гражданином соответствующего государства или не проживает постоянно на территории этого государства, возможности находиться в этом государстве без соблюдения необходимых требований.

Субъективная сторона характеризуется прямым умыслом и наличием цели получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды.

Субъект этого преступления – общий.

В Модельном УК и УК РФ нет прямых аналогов, т.е. специальных имплементационных норм, предусматривающих ответственность за рассматриваемый вид миграционного преступления. Однако это не свидетельствует об их пробельности. При наличии уже ранее оговоренных условий содеянное должно квалифицироваться исходя из общих норм, предусмотренных ст. 324, 327 и 292¹ УК РФ.

Проведенный сопоставительный анализ корреспондирующих норм международного и российского уголовного права об ответственности за преступления, связанные с незаконной миграцией, позволяет выявить не только единство, но

и неоправданные расхождения при обрисовке отдельных их видов, элементов и признаков.

Во-первых, весьма заметны различия в объеме криминализации соответствующих деяний и пределах имплементации международного опыта на этот счет в Уголовном кодексе РФ. Если в базовом международно-правовом акте – Протоколе против незаконного ввоза мигрантов по суше, морю и воздуху – речь идет о 4 миграционных преступлениях, то в УК РФ – только об одном – организации незаконной миграции (ст. 322¹).

Во-вторых, отдельные нормы международного уголовного права об ответственности за указанные преступления в качестве своих аналогов в УК РФ имеют не специальные, а общие нормы, запрещающие, к примеру, приобретение и сбыт официальных документов (ст. 324) либо подделку, изготовление или сбыт поддельных документов (ст. 327).

В-третьих, нет четких критериев разграничения уголовно-правового и административно-правового запретов на совершение деяний, связанных с незаконной миграцией (ст. 18.1, 18.4, 18.8, 18.9, 18.12 и 18.14 КоАП РФ).

В-четвертых, в рамках ст. 322¹ УК РФ отсутствует такой обязательный с точки зрения международного законодательства признак субъективной стороны организации незаконной миграции, как цель получения, прямо или косвенно, какой-либо финансовой или иной материальной выгоды.

В-пятых, вне поля зрения российского законодателя остались такие квалифицирующие признаки преступлений, связанных с незаконной миграцией, как: создание угрозы для жизни или безопасности мигрантов и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение с ними [8, с. 143; 9, с. 67].

Думается, что для устранения отмеченной несогласованности исследуемых норм и приведения их в гармонию друг с другом требуются консолидированные усилия как на международном, так и на внутригосударственном уровнях. Необходимо обеспечить более четкое формулирование норм международного уголовного права и максимально адекватное их отражение в Уголовном кодексе РФ. В частности, исходя из закрепленного в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ принципа приоритета норм международных договоров РФ, нужно внести соответствующие коррективы в ст. 322¹ УК РФ. На наш взгляд, реализация данного предложения позволит не только оптимизировать содержание названной статьи, но также повысить авторитет и превентивную роль отечественного уголовного законодательства в целом.

Литература

1. Рыльская М.А. Проблемы противодействия незаконной миграции (экспертная оценка) // Вестник финансового университета. 2016. № 6 (96). С. 164–169.
2. Гамаюнова В.П. Правовой аспект противодействия незаконной миграции // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 1 (31). С. 58–62.
3. Подшивалов В.Е. Незаконная миграция: международно-правовой подход // Известия вузов. Правоведение. 2002. № 4 (243). С. 185–192.
4. Трубачев В.И., Медведев С.С. Организация незаконной миграции: некоторые практические аспекты // Science Time. 2016. № 4 (28). С. 850–852.
5. Князькина А.К. Конвенционные преступления в уголовном праве Российской Федерации: понятие, виды, общая характеристика / под ред. А.И. Чучаева. М.: Проспект, 2010. 319 с.
6. Лобас Л.И. К вопросу об ответственности за организацию незаконной миграции // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 69–73.
7. Шатилович С.Н. Проблемы повышения эффективности уголовно-правового противодействия незаконной миграции в современных условиях // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2006. № 1 (6). С. 134–138.
8. Елисеев М.А. Организация незаконной миграции по уголовному законодательству РФ // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2017. № 1 (44). С. 138–144.
9. Михаль О.А., Черемнова Н.А. Квалифицирующие признаки организации незаконной миграции // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 4 (38). С. 66–73.

References

1. Rylskaya M.A. Problemy protivodeystviya nezakonnoy migratsii (ekspertnaya otsenka) [Problems of counteracting illegal migration (expert assessment)]. Vestnik Finansovogo Universiteta [Bulletin of the Financial University], 2016, no. 6 (96), pp. 164–169. (In Russian, abstract in English).
2. Gamayunova V.P. Pravovoy aspect nezakonnoy migratsii [The legal aspect of countering illegal migration]. Vestnik Krasnodarskogo Universiteta MVD Rossii [Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2016, no. 1 (31), pp. 58–62. (In Russian, abstract in English).
3. Podshivalov V.E. Nezakonnaya migratsiya: mezhdunarondo-pravovoy podkhod [Illegal migration: international legal approach]. Izvestiya Vuzov. Pravovedeniye [News of universities. Jurisprudence], 2002, no. 4 (243), pp. 185–192. (In Russian, abstract in English).
4. Trubachev V.I., Medvedev S.S. Organizatsiya nezakonnoy migratsii: nekotoriye prakticheskiye aspekty [Organization of illegal migration: some practical aspects] Science Time, 2016, no. 4 (28), pp. 850–852. (In Russian, abstract in English).
5. Knyazkina A.K. Konventsionalniye prestupleniya v ugovnom prave Rossiyskoy Federatsii: ponyatie, vidy, obschaya kharakteristika [Convention offenses in the criminal law of the Russian Federation: concept, types, general characteristics] Ed. A.I. Chuchaev. Moscow: Prospect Publ., 2010. 319 p. (In Russian, abstract in English).
6. Lobas L.I. K voprosu ob otvetstvennosti za organizatsiyu nezakonnoy migratsii [To the question of responsibility for organizing illegal migration]. Teoriya i praktika obschestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development], 2015, no. 3, pp. 69–73. (In Russian, abstract in English).
7. Shatilovich S.N. Problemy povsheniya pravovoy effektivnosti ugovnogo protivodeystviya nezakonnoy migratsii v sovremennikh usloviyakh [Problems of increasing the effectiveness of criminal law counteraction to illegal migration in modern conditions]. Vestnik Tjumenskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii [Bulletin of the Tyumen Institute for Advanced Studies of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2006, no. 1 (6), pp. 134–138. (In Russian, abstract in English).
8. Eliseev M.A. Organizatsiya nezakonnoy migratsii po ugovnomu zakonodatelstvu Rossiyskoy Federatsii [Organization of illegal migration under the criminal law of the Russian Federation]. Utcheniye trudi Rossiyskoy Akademii advokatury i notariate [Scientific works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries], 2017, no. 1 (44), pp. 138–144. (In Russian, abstract in English).
9. Michal O.A., Cheremnova N.A. Kvalifitsiruyuschie priznaki organizatsii nezakonnoy migratsii [Qualifying signs of the organization of illegal migration]. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika [Jurisprudence and law enforcement practice], 2016, no. 4 (38), pp. 66–73. (In Russian, abstract in English).

КРИМИНОЛОГИЯ

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБОСОБЛЕНИЯ ВАЛЮТНОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Печегин Денис Андреевич

Цель: выявление обособленных параметров валютной преступности.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод.

Выводы. Сделан вывод, что к числу признаков валютной преступности относятся, прежде всего: особый предмет преступлений в виде денежных знаков, иностранной валюты и валютных ценностей, специфический объект (отношения, возникающие в связи с валютным регулированием и контролем). Поддержана необходимость выделения валютной преступности в качестве самостоятельного подвида преступности экономической направленности.

Научная и практическая значимость. Выявление обособленных параметров валютной преступности позволит объединить неоднородные преступления, указанные в главе 22 УК РФ, в одну группу и индивидуализировать подходы в борьбе с ними.

Ключевые слова: экономическая преступность, валютная преступность, валютные преступления, криминологические аспекты валютной преступности.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00500 «Экономическая безопасность: теоретические основы, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные средства обеспечения».

Структура экономической преступности включает в себя, помимо прочего, самостоятельный вид преступности в сфере экономической деятельности [12, с. 26]. При этом изменения, связанные с преобразованием социально-экономической жизни общества и уголовного законодательства в Российской Федерации, de facto позволяют уже внутри такой преступности выделять отдельные подвиды, которые нуждаются в самостоятельном исследовании. Так, учеными выделяются преступления, совершенные в сфере: предпринимательской деятельности [2]; распределения [9]; ценообразования и цен [5]; коммерческой деятельности [3]; банковской деятельности [14, с. 250] и др. Самостоятельными подвидами также признают валютную и налоговую преступность [8, с. 24; 13, с. 55]. Каждый подвид преступности в сфере экономической деятельности характеризуется особой совокупностью признаков и включает в себя отдельные

составы преступлений с учетом индивидуализации мер борьбы с ними [6, с. 486].

Сумма ущерба от экономической преступности в целом за 2018 г. стала выше на 75,2% и составила 396,7 млрд рублей. В сравнении с другими подвидами преступности в сфере экономической деятельности суммарное количество валютных преступлений весьма значительно. Только за 2018 г. по данным ГИАЦ МВД России совершено 19 808 валютных преступлений. При этом они обладают своей спецификой и повышенной латентностью, причиняют большой ущерб экономике, формируют основу угрозы экономической безопасности страны. С учетом этого, а также быстрого развития современных технологических решений и качественных изменений отношений валютного регулирования и контроля, функционирования национальной платежной системы необходимо обратить пристальное внимание на валютную преступность, составляющую одну из основных угроз экономической безопасности Российской

Федерации (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»).

Валютные преступления подразделяются на преступления, направленные против денежной системы Российской Федерации, и преступления против системы валютного контроля и валютного регулирования, что обусловлено законодательным подходом к регламентации анализируемой сферы правоотношений и их уголовно-правовой охраны. К первым относятся изготовление, хранение, перевозка или сбыт поддельных денег или ценных бумаг, легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, неправомерный оборот средств платежей. Ко вторым – уклонение от исполнения обязанностей по репатриации денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации, совершение валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте Российской Федерации на счета нерезидентов с использованием подложных документов и контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов. Эти две группы имеют определенные теоретические особенности, хотя и объединены между собой общностью характеристик, что позволяет, с одной стороны, связать эти группы воедино в качестве валютных преступлений, а с другой стороны, учесть специфику данных групп преступлений при их доктринальной разработке.

Не все ученые сегодня поддерживают обособление валютных преступлений. Так, поскольку преступления, предусмотренные статьями 193, 193¹ и 200¹ УК РФ связаны с нарушением таможенного законодательства, некоторые авторы относят данные составы к таможенным преступлениям [15; 10]. Однако объектом данных преступлений, прежде всего, является посягательство на валютно-денежную систему Российской Федерации, и только потом на систему таможенного регулирования. Причина такого вывода состоит в том, что преступления совершаются в связи с денежными средствами или валютой и направлены на то, чтобы получить выгоду из корыстных побуждений минуя любые легальные модели поведения.

В конечном итоге ущерб причиняется, в первую очередь, экономической безопасности государства: уменьшается валютный фонд, растет инфляция, дестабилизируется курс национальной валюты, сокращаются валютные резервы и т.п. [4, с. 24]. Да, статьи 193 и 193¹ УК РФ содержат в себе так называемый «иностраннный элемент», поскольку указывают на иностранную валюту, резидентов и нерезидентов, а ст. 200¹ УК РФ вообще предусматривает ответственность за незаконное перемещение через

таможенную границу наличных денежных средств и (или) денежных инструментов.

Однако необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что, например, статья 193 УК РФ предусматривает ответственность за нарушение требований валютного законодательства в Российской Федерации и в том случае, когда резидент уклоняется от обязанности по репатриации денежных средств в иностранной валюте на его валютный счет в банке, расположенном и за пределами Российской Федерации. Иными словами, в данном случае совершение преступления может быть и не связано с пересечением границы Российской Федерации или нарушением правил таможенного регулирования.

Небезынтересным будет анализ и пункта «г» части 2 статьи 193 или пункта «в» части 2 статьи 193¹ УК РФ, которые предусматривают ответственность за совершение преступлений с использованием юридического лица, созданного для совершения одного или нескольких преступлений, связанных с проведением финансовых операций и других сделок с денежными средствами или иным имуществом [17; 1; 7]. Такие преступления вполне могут быть совершены не только за рубежом, но и в пределах территории Российской Федерации, что следует из анализа подпункта «е» пункта 7 статьи 1 Федерального закона от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле».

Поэтому таможенные отношения применительно к составам преступлений, предусмотренным статьями 193, 193¹ и 200¹ УК РФ, не могут играть основную роль в структуре уголовно-правовых мер охраны этих отношений, поскольку соответствующие деяния, прежде всего, направлены на нарушение установленного в Российской Федерации порядка в сфере валютного регулирования и контроля. Их совершение препятствует установлению и реализации единой государственной валютно-денежной политики.

Вместе с тем некоторые ученые широко подходят к определению валютных преступлений и включают в их число уголовно-наказуемые деяния в банковской сфере (например, мошенничество в сфере кредитования, незаконную банковскую деятельность). Однако объектами посягательства таких преступлений выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере кредитования [16, с. 4–5], т.е. за пределами сферы валютного регулирования и контроля как отрасли законодательства *sui generis*, так как в рамках Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» речь идет не о кредитных

отношениях, а о суммах полученных лицом кредитных средств, т.е. о денежных средствах, что и является предметом валютных преступлений.

Валютно-денежные правоотношения — это общественные отношения, урегулированные нормами законодательства о валютном регулировании и валютном контроле, а также о национальной платежной системе, складывающиеся в связи с эмиссией денежных знаков в наличной (монетарной) и безналичной формах, их обращением и изъятием из обращения, обращением валюты иностранного государства, а равно с обеспечением надлежащего порядка осуществления валютных операций и валютным контролем, в том числе в связи с появлением новых электронных сущностей — альтернативных платежных средств, заменителей традиционных форм денежного обращения и выражения стоимостной ценности.

Таким образом, валютную преступность можно определить как возникающее в определенных условиях в сфере валютно-денежного обращения

общественно опасное социально-правовое явление, в основе которого лежит посягательство на экономическую безопасность Российской Федерации посредством нарушения установленного порядка валютно-денежного обращения, включающее в себя совокупность преступлений, объектом которых являются охраняемые уголовным законом отношения в сфере валютного регулирования и валютного контроля, а равно в сфере функционирования национальной платежной системы.

Валютные преступления — это общественно опасные виновно совершенные деяния, посягающие на сферу валютно-денежных правоотношений, то есть на установленный порядок денежного обращения, валютного регулирования и валютного контроля, предназначенных для должного осуществления государством своих задач и функций в условиях стабильной экономической безопасности, особым предметом которых являются денежные знаки, иностранная валюта и валютные ценности.

Литература

1. Белоусов Д.М. Актуальные вопросы расследования незаконного вывода денежных средств за рубеж // *Законность*. 2015. № 3. С. 11–14.
2. Жилкин М.Г. Преступления в сфере предпринимательской деятельности: проблемы классификации и дифференциации ответственности: монография. М.: Юриспруденция, 2019. 144 с.
3. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018. 200 с.
4. Карпович О.Г. Преступления, посягающие на валютный контроль Российской Федерации: ст. 193 УК РФ // *Внешнеторговое право*. 2011. № 1. С. 24–28.
5. Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений: монография / А.А. Амангельды, О.А. Беляева, А.Н. Варламова и др.; отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗиСП, Юриспруденция, 2016. 384 с.
6. *Криминология* / под ред. А.И. Долговой. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 912 с.
7. Кузнецов А.П. Контрабанда наличных денежных средств и (или) денежных инструментов (ст. 200.1 УК РФ): уголовно-правовая регламентация и вопросы квалификации // *Российский следователь*. 2015. № 2. С. 29–33.
8. Кучеров И.И. Налоговая преступность: криминологические и уголовно-правовые проблемы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. 501 с.
9. Лапшин В.Ф. Преступления в сфере распределения финансовых ресурсов: вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2004. 179 с.
10. Ларичев В.Д., Жуковская И.В. Предупреждение преступлений в сфере экономической деятельности // *Безопасность бизнеса*. 2015. № 4. С. 26–32.
11. Пинкевич Т.В. Криминологические и уголовно-правовые основы борьбы с экономической преступностью: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 414 с.
12. Свенссон Б. *Экономическая преступность*. М.: Прогресс, 1987. 414 с.
13. Струкова А.А. Невозвращение из-за границы средств в иностранной валюте: уголовно-правовая характеристика. СПб., 2002. 222 с.
14. *Уголовное право. Часть Особенная* / под ред. Л.Д. Гаухмана и С.В. Максимова. М., 2005. 705 с.
15. Чернявский А.Г. *Таможенное право: учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юстиция, 2016. 556 с.
16. Шадрина О.В. Уголовная ответственность за преступления в банковско-кредитной сфере по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. 22 с.

17. Яни П.С. Изменения уголовно-экономического законодательства // Законность. 2014. № 2. С. 28–32.

References

1. Belousov D.M. Aktual'nye voprosy rassledovaniya nezakonnogo vyvoda denezhnykh sredstv za rubezh [Topical issues of investigation of illegal withdrawal of funds abroad]. *Zakonnost'* [Legality], 2015, no. 3, pp. 11–14. (In Russian, abstract in English)
2. Zhilkin M.G. Prestupleniya v sfere predprinimatel'skoi deyatelnosti: problemy klassifikatsii i differentsiatsii otvetstvennosti: monografiya [Crimes in the sphere of entrepreneurial activity: problems of classification and differentiation of responsibility: monograph]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2019. 144 p. (In Russian)
3. Ivanova S.P., Zemlyakov D.N., Barannikov A.L. Nesostoyatel'nost' (bankrotstvo) yuridicheskikh i fizicheskikh lits: uchebnoe posobie [Insolvency (bankruptcy) of legal entities and individuals: textbook]. Moscow: Yustitsiya Publ., 2018. 200 p. (In Russian)
4. Karpovich O.G. Prestupleniya, posyagayushchie na valyutnyi kontrol' Rossiiskoi Federatsii: st. 193 UK RF [Crimes that infringe on the currency control of the Russian Federation: article 193 of the criminal code of the Russian Federation]. *Vneshnetorgovoe pravo* [Foreign trade law], 2011, no. 1, pp. 24–28. (In Russian, abstract in English)
5. Amangel'dy A.A., Belyaeva O.A., Varlamova A.N. and other. Konkurentsia v rynochnoi ekonomike: predely svobody i ogranichenii: monografiya [Competition in the market economy: the limits of freedom and restrictions: monograph]. Ed. A.V. Gabov. Moscow: IZiSP, Yurisprudentsiya Publ., 2016. 384 p. (In Russian)
6. *Kriminologiya* [Criminology]. Ed. A.I. Dolgova. 4-th ed. Moscow, 2010. 912 p. (In Russian)
7. Kuznetsov A.P. Kontrabanda nalichnykh denezhnykh sredstv i (ili) denezhnykh instrumentov (st. 200¹ UK RF): ugovolno-pravovaya reglamentatsiya i voprosy kvalifikatsii [Smuggling of cash and (or) monetary instruments (article 200¹ of the Criminal Code of the Russian Federation): criminal law regulation and qualification issues]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian investigator], 2015, no. 2, pp. 29–33. (In Russian, abstract in English)
8. Kucherov I.I. Nalogovaya prestupnost': kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy: dis. ... dok. yurid. nauk: 12.00.08 [Tax crime: criminological and criminal-legal problems]. Moscow, 1999. 501 p. (In Russian)
9. Lapshin V.F. Prestupleniya v sfere raspredeleniya finansovykh resursov: voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki: dis. ... kand. yurid. nauk [Crimes in the sphere of distribution of financial resources: questions of differentiation of responsibility and legislative technique]. Yaroslavl', 2004. 179 p. (In Russian)
10. Larichev V.D., Zhukovskaya I.V. Preduprezhdenie prestuplenii v sfere ekonomicheskoi deyatelnosti [Prevention of crimes in the sphere of economic activity]. *Bezopasnost' biznesa* [Business security], 2015, no. 4, pp. 26–32. (In Russian, abstract in English)
11. Pinkevich T.V. Kriminologicheskie i ugovolno-pravovye osnovy bor'by s ekonomicheskoi prestupnost'yu. dis. ... dokt. yurid. nauk: 12.00.08 []. Moscow, 2002. 414 p. (In Russian)
12. Svensson B. *Ekonomicheskaya prestupnost'* [Economic crime]. Moscow: Progress Publ., 1987. 414 p. (In Russian)
13. Strukova A.A. Nevozvrashchenie iz-za granitsy sredstv v inostrannoi valyute: ugovolno-pravovaya kharakteristika [Non-Return of funds in foreign currency from abroad: criminal and legal characteristics]. Sankt Petersburg, 2002. 222 p. (In Russian)
14. *Ugovolnoe pravo. Chast' Osobennaya* [Criminal law. Special part]. Ed. L.D. Gaukhman, S.V. Maksimov. Moscow, 2005. 705 p. (In Russian)
15. Chernyavskii A.G. *Tamozhennoe pravo: uchebnik* [Customs law: textbook]. 2-nd ed. Moscow: Yustitsiya Publ., 2016. 556 p. (In Russian)
16. Shadrina O.V. Ugolovnaya otvetstvennost' za prestupleniya v bankovsko-kreditnoi sfere po ugovolnomu pravu Rossiiskoi Federatsii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. [Criminal liability for crimes in the banking and credit sphere under the criminal law of the Russian Federation]. Moscow, 2008. 22 p. (In Russian)
17. Yani P.S. Izmneneniya ugovolno-ekonomicheskogo zakonodatel'stva [Changes in criminal and economic legislation]. *Zakonnost'* [Legality], 2014, no. 2, pp. 28–32. (In Russian, abstract in English)

КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ УРОВНЯ УБИЙСТВ (ГОМИЦИДА) В МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКЕ

Стешич Елена Сергеевна

Цель: сравнение подходов к исследованию уровня убийств в России и международной практике.

Методология: определена комплексным подходом и системным анализом в совокупности с такими общенаучными методами научного познания, как сравнение, восхождение от абстрактного к конкретному, моделирование, исторический метод, анализ и синтез, индукция и дедукция.

Выводы: при расчете количества убийств следует исходить из положений международной классификации преступлений для статистических целей, где к преднамеренному (умышленному) убийству относится нападение с тяжкими последствиями в виде смерти, представляющее собой незаконное причинение смерти, совершенное с осознанием вероятности наступления смерти или причинения тяжких телесных повреждений, т. е. учитывать погибших по ст. 105–108 УК РФ, а также умерших от иных умышленных посягательств (в первую очередь ч. 4 ст. 111 УК РФ). Это обеспечит соответствие показателя уровня убийств в России принятым международным стандартам.

Научная и практическая значимость: показана целесообразность установления единых стандартов статистики для криминологической оценки убийств на национальном и международном уровнях.

Ключевые слова: убийство, гомицид, критерии оценки, международные стандарты.

С прогрессом индустриального производства, а вместе с тем с изменением представлений о ценности человеческой жизни и возможности ее сохранения, значительно повысился контроль над многими экзогенными факторами смертности. Между тем, ежегодно в мире от болезней, войн, голода, стихийных бедствий и иных причин умирает более 58 млн человек, из них около полу-миллиона человек — от умышленных противоправных действий (464 тыс. человек в 2017 г. или 6,1 убийств на 100 тыс. населения). Управление ООН по наркотикам и преступности (далее УНП ООН) предупреждает о том, что если международное сообщество не предпримет решительных шагов, то цели устойчивого развития, направленные на существенное сокращение всех форм насилия и связанных с ним показателей смертности, к 2030 г. не будут достигнуты [1, 2, 3].

Отмеченное относится и к нашей стране. В мировом рейтинге убийств Россия находится на 181-й позиции из 228 (коэффициент 9,2 на 100 тыс. населения), а среди 53-х государств, во-

дящих в Европейский регион Всемирной организации здравоохранения, занимает первое место по числу смертности в результате убийств и нападения. Несмотря на значительное снижение числа погибших от преступных посягательств в России с 2000 по 2018 г. (в 3 раза — с 76,7 тыс. до 25,9 тыс. человек), вопрос смертности как результата противоправных действий остается весьма актуальным в связи с негативными поведенческими факторами — употреблением алкоголя, наркотических средств, агрессивным и неосмотрительным поведением. Обращает на себя внимание тенденция роста числа смертей от повреждений с неопределенными намерениями (ПНН), которые в настоящее время занимают около 30% от всех внешних причин смерти (в 2018 г. — 42,6 тыс. человек). Иными словами, характер и истинные причины смерти десятков тысяч человек, упавших с высоты, утонувших в водоемах, умерших от различных видов механической асфиксии, скончавшихся от иных травм, остались невыясненными. Если сюда добавить погибших, биологическая

причина смерти которых не установлена (в 2018 г. 33,1 тыс. человек), то вырисовываются весьма серьезные «криминально окрашенные» цифры – более 75 тыс. смертей, требующих внимания со стороны правоохранительных органов [4].

Дополнительные признаки несоответствия количества убийств в России их реальному состоянию выявило компаративное исследование. Полученный результат показал, что статистические данные о гибели людей собираются без внимания к определению убийства, рекомендованному в международных документах, где под преднамеренным (умышленным) убийством понимается противоправное умышленное причинение смерти другому человеку («*homicide – unlawful death purposefully inflicted on a person by another person*»). Учету подлежат только оконченные умышленные убийства, имеющие результатом смерть жертвы. Поэтому случаи покушений исключаются из представляемых сведений. Следует также, чтобы подсчет убийств осуществлялся не по числу возбужденных уголовных дел, а погибших от них лиц. При этом к умышленным убийствам не отно-

сятся и, соответственно, не сравниваются факты, связанные с нетяжким вредом здоровью, повлекшим смерть; случаи смерти, причиненной преступником по неосторожности или небрежности, а также убийства, заслуживающие оправдания, в частности совершенные сотрудниками правоохранительных органов при исполнении служебных обязанностей или в рамках самообороны. Но принципиально важным является следующее замечание: к умышленному убийству относятся и те деяния, при совершении которых правонарушитель намеревался причинить тяжкое телесное повреждение. Данные по России, однако, в международных исследованиях убийств долгое время были основаны исключительно на статистике преступлений, зарегистрированных по ст. 105–107 УК РФ, а погибшие от иных умышленных деяний не учитывались [1, 5, 7]. Источники сравнительных исследований представлены в таблице.

При сложении показателей граф № 2 и № 3, то есть числа погибших по ст. 105–107 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ, получаем показатель убийств, значительно превышающий тот, которым опериро-

Сравнительная таблица данных о числе убийств в России (ГИАЦ МВД России, Росстат, УНП ООН)

№	Год	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
ГИАЦ МВД России												
1	Зарегистрировано убийств с покушениями (ст. 105–107 УК РФ)	20056	17681	15563	14305	13265	12361	11813	11325	10444	9738	8574
2	Погибли от убийств (ст. 105–107 УК РФ)	11197	11387	10228	10031	9692	9533	9721	10137	9656	8400	7107
3	Погибли от умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ)	7589	6786	6992	6672	6309	6220	5831	6175	5905	4785	4406
4	Сумма граф № 2 и № 3	18786	18173	17220	16703	16001	15753	15552	16312	15561	13185	11513
Росстат												
5	Умершие от убийств (нападений) (homicides)	23738	21371	18951	16795	15408	14427	12921	11984	10569	9048	7986
UN-CTS												
6	Число убийств (intentional homicide) в России по данным обследования ООН по тенденциям в области преступности и функционированию систем уголовного правосудия (UN-CTS) [6] (абс. число / коэффициент):											
6.1	Источник № 1: The Global Study on Homicide 2013	16617 (11,6)	15954 (11,1)	14574 (10,1)	13826 (9,6)	13120 (9,2)	–					
6.2	Источник № 2: The Global Study on Homicide 2019	23738 (16,6)	21371 (14,9)	Нет данных		16247 (11,3)	16033 (11,2)	16516 (11,5)	16646 (11,6)	15864 (11)	13293 (9,2)	Нет данных
7	Математическая разность											
7.1	граф № 4 и № 6.1	2169	2219	2646	2969	2881	–					
7.2	граф № 4 и № 6.2	– 4952	– 3198	–		– 246	– 280	– 964	– 334	– 303	– 108	

вали исследователи ООН: в 2008 г. превышение составило 2169, в 2009 г. — 2219, в 2010 г. — 2646, в 2011 г. — 2969, в 2012 г. — 2881 (п. 7.1). Выявленная диспропорция учтена и исправлена в недавно опубликованном глобальном исследовании по проблеме убийств [1].

О том, что нападения с последствиями в виде смерти, состоящие в незаконном причинении смерти при нападении, совершенном с осознанием вероятности ее наступления или причинения тяжких телесных повреждений, относятся к умышленным убийствам, указано также в *международной классификации преступлений для статистических целей (далее МКПС)*. Документ принят в 2015 г. УНП ООН на сорок шестой сессии статистической комиссии. Он содержит подробную классификацию преступлений, направленную на обеспечение международной сопоставимости статистических данных о преступности. Разработан план мероприятий по оказанию поддержки странам в поэтапном внедрении классификации преступлений для национальных целей, оказании методологической помощи и технического содействия в приведении административных систем статистики по преступности, данных victimологических обследований, правил подсчета преступлений и системы кодификации преступлений в соответствие с МКПС [8].

В самом общем виде в МКПС преступления группируются в однородные категории, распределение по которым основывается не столько на юридических характеристиках, строгое следование которым в условиях сравнения преступности в разных государствах, как правило, невозможно, сколько на объекте посягательства, особенностях причиненного вреда, форме вины лица, способах преступления и принципах статистической классификации: взаимоисключаемость, исчерпанность, статистическая целесообразность. «Взаимоисключаемость» предполагает, что каждое единичное проявление изучаемого факта должно быть отнесено к одной категории классификации; «исчерпанность» — каждое возможное проявление изучаемого факта должно быть включено в классификацию; «статистическая целесообразность» — возможность эффективно, точно и последовательно разграничить категории в рамках классификации на основе имеющейся информации. Таким образом сформировано одиннадцать широких категорий преступлений, где *деяния, приводящие к смерти или направленные на причинение смерти*, составляют первую категорию преступлений, включающую: 1) преднамеренное убийство (*intentional homicide*) (0101); 2) попытку

совершения преднамеренного убийства (*attempted intentional homicide*) (0102); 3) непреднамеренное убийство (*non-intentional homicide*) (0103); 4) пособничество в совершении самоубийства или склонение к самоубийству (*assisting or instigating suicide*), а также прочие деяния в виде содействия в совершении самоубийства или склонения к самоубийству (01049); 5) эвтаназию (*euthanasia*) (0105); 6) незаконное умерщвление плода (*illegal feticide*) (0106); 7) незаконное лишение жизни в связи с вооруженным конфликтом (*unlawful killing associated with armed conflict*) (0107); 8) прочие деяния, приводящие к смерти или направленные на причинение смерти (*other acts leading to death or intending to cause death*) (0109). Уточняется, что под **преднамеренным убийством** (*intentional homicide*) следует понимать «незаконное причинение смерти лицу с намерением вызвать смерть или тяжкие телесные повреждения». Из группы преднамеренных убийств исключены: гибель по причине законного вмешательства (смерть, причиненная лицу сотрудниками полиции или других правоохранительных органов, в том числе военнослужащими при исполнении обязанностей, в ходе ареста или попытки арестовать правонарушителей, пресечения массовых беспорядков, поддержания правопорядка и других законных действий, когда применение силы сотрудниками правоохранительных органов необходимо для защиты жизни); убийство при оправдывающих обстоятельствах в целях самообороны (лишение жизни лица, совершенное в порядке самообороны или защиты других лиц, когда менее крайние меры недостаточны для защиты жизни от неминуемой угрозы смерти или тяжких телесных повреждений); попытка совершения преднамеренного убийства; убийство без элемента намерения (непреднамеренное убийство); простое умышленное убийство или случайное убийство (причинение смерти лицу при наличии общего намерения причинить вред, но при отсутствии намерения вызвать смерть или тяжкие телесные повреждения); пособничество в совершении самоубийства или склонение к самоубийству; незаконное умерщвление плода; эвтаназия.

При оценке уровня гомицидальных преступлений МКПС имеет связь с международной классификацией болезней Всемирной организации здравоохранения (МКБ-10), являющейся стандартным диагностическим инструментом в эпидемиологии, управлении системой здравоохранения и клинической практике. Разработчики классификации считают, что определение убийства в МКПС и МКБ-10 совпадает

(по признакам преднамеренности деяния и его противоправности). УНП ООН прямо указывает, что смерти, определенные МКБ-10 по кодам X85 – Y09 (травмы, причиненные другим лицом с намерением причинить вред или убить) и коду Y87.1 (последствия нападения) соответствуют определению умышленного убийства [9]. Тем не менее, считаем, что они не равнозначны. Дело в том, что через блок «Нападения» (МКБ-10) судебно-медицинским экспертом и иными лицами, заполняющими свидетельство о смерти, кодируются не только те случаи, которые связаны с насильственным посягательством, повлекшим смерть (например, изнасилованию, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшей, соответствует код Y05 «сексуальное насилие с применением физической силы»), но и факты причинения смерти по неосторожности. Например, гибель лица вследствие лишения ухода или оставления без присмотра (Y06), является нападением (убийством). Согласно МКПС, аналогичное событие к преднамеренному убийству не относится, а образует простое умышленное убийство (причинение смерти лицу при наличии общего намерения причинить вред, но при отсутствии намерения вызвать смерть или тяжкие телесные повреждения, «*non-negligent manslaughter*»). Поэтому в ходе международного сравнения уровня убийств с опорой на данные уголовной и медицинской статистики такое несовпадение понятий по объему должно быть детально изучено и учтено. Так, при исследовании гомицида в 143-х из 207 государств в (69%) статистические сведения были взяты из системы уголовного правосудия (СУП – ТПУП, Евростат, GVI, Интерпол, НПО, НСУ, ООН – КАСА), а в остальных 64-х (31%) – из системы здравоохранения (СЗ – ПАОЗ, ВОЗ, ВОЗ – ЗДВ, ВОЗ – БДС). В приложении к документу часто приводится еще одно примечание, означающее, что в используемых данных здравоохранения (ВОЗ) информация о причинах смерти отсутствует, а оценки рассчитаны с применением статистических моделей и данных регистрации смерти в других регионах. В самом документе эти расчеты не приводятся. Если допустить, что использование данных медицинской статистики существенным образом влияет на снижение латентности гомицида, то коэффициент убийств в государствах с соответствующей системой учета будет выше, чем в странах, с уголовной (полицейской) статистикой. При этом, конечно, ни в коей мере нельзя отождествлять погибших от криминального насилия с лицами, умершими насильственной смертью, что часто происходит

за пределами узкопрофессиональных (судебно-медицинских) кругов. В связи с чем, интересно заметить, что гомицид почти во всех государствах Африки, Южной Америке, Азии, Океании изучается по данным Всемирной организации здравоохранения. Не исключаем, что именно такое существенное отличие систем учета и полученной впоследствии информации выступили немаловажным обстоятельством, повлиявшим на выводы исследователей ООН о том, что в Африке, где проживает 1/7 часть населения земли, совершается 1/3 всех убийств [5].

Изложенное позволяет сформулировать следующие основные выводы:

Следует стремиться к установлению единых стандартов статистики, способствующих формированию системы «ровных» оценок преступлений во всех государствах. Гомицидальные преступления, представляющие собой один из важнейших индикаторов безопасности и социального благополучия, должны подвергаться анализу с учетом общих критериев и рекомендаций международного сообщества, и, прежде всего, Организации Объединенных Наций.

При расчете количества совершенных убийств, необходимо учитывать погибших и от других умышленных преступлений, в числе которых умершие от деяний, квалифицированных по ч. 4 ст. 111, п. «в» ч. 3 ст. 126, ч. 3 ст. 127, п. «а» ч. 3 ст. 127¹, ч. 3 ст. 127², п. «а» ч. 4 ст. 131, п. «а» ч. 4 ст. 132, п. «б» ч. 2 и п. «б» ч. 3 ст. 205, ч. 3, 4 ст. 206, ч. 4 ст. 207, ч. 3 ст. 211, ч. 3 ст. 227, ст. 277, ч. 3 ст. 281, ст. 295, ст. 317, ст. 357, ч. 3 ст. 361 УК РФ. Это обеспечит соответствие показателя уровня убийств в России принятым международным стандартам, где к преднамеренному (умышленному) убийству относится нападение с тяжкими последствиями в виде смерти, представляющее собой незаконное причинение смерти, совершенное с осознанием вероятности наступления смерти или причинения тяжких телесных повреждений.

Определение убийства, согласно МКБ-10 шире понятия преднамеренного убийства, предложенного в компаративных исследованиях и международной классификации преступлений для статистических целей, поскольку включает случаи гибели людей от неосторожных посягательств. Погибшие от убийств и неосторожных преступлений, а также жертвы покушений на убийство, образуют статистическую совокупность деяний, приводящих к смерти или направленных на причинение смерти, которые и подлежат анализу при оценке гомицидальной преступности.

Литература

1. The Global Study on Homicide 2019. Vienna: UNODC, 2019. URL: https://dataunodc.un.org/GSH_app.
2. Лопашенко Н.А. Исследование убийств: закон, доктрина, судебная практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2018. 656 с.
3. Мацкевич И.М. Право на жизнь как основное право человека и гражданина: правовые, культурологические и криминологические аспекты // Юридическая техника. 2016. № 1-4. С. 179-182.
4. Основные показатели здоровья в Европейском регионе ВОЗ: доклад // ООН. Копенгаген, 2018 // <http://www.who.int/ru/>
5. Глобальное исследование по проблеме убийств: динамика, обстоятельства, данные – 2011. Vienna: UNODC, 2011. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf.
6. Исследования ООН по тенденциям в области преступности и функционированию систем уголовного правосудия (UN-CTS) // <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/United-Nations-Surveys-on-Crime-Trends-and-the-Operations-of-Criminal-Justice-Systems.html>.
7. The Global Study on Homicide 2013. Vienna: UNODC, 2013. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/>.
8. Международная классификация преступлений для статистических целей. Вариант 1. Вена: УНП ООН, 2015. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/doc15/BG-ICCS-UNODC.pdf>.
9. Methodological Annex to «The Global Study on Homicide 2019». URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Meth_Annex_GHS.pdf

References

1. The Global Study on Homicide 2019. Vienna: UNODC, 2019. URL: https://dataunodc.un.org/GSH_app. (In English).
2. Lopashenko N.A. Issledovaniye ubiystv: zakon, doktrina, sudebnaya praktika: monografiya [The study of homicide: the law, doctrine, jurisprudence: monograph]. Moscow: Yurlitinform Publ., 2018. 656 p. (In Russian).
3. Matskevich I.M. Pravo na zhizn' kak osnovnoye pravo cheloveka i grazhdanina: pravovyye, kul'turologicheskiye i kriminologicheskiye aspekty [The Right to life as a basic human and civil right: legal, cultural and criminological aspects]. Yuridicheskaya tekhnika [Legal technique], 2016, no. 1–4, pp. 179–182. (In Russian).
4. Osnovnyye pokazateli zdorov'ya v Yevropeyskom regione VOZ: doklad UN. Kopenhagen, 2018 // <http://www.who.int/ru/>. (In Russian).
5. Global'noye issledovaniye po probleme ubiystv: dinamika, obstoyatel'stva, dannyye – 2011. Vienna: UNODC, 2011. URL: http://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/statistics/Homicide/Globa_study_on_homicide_2011_web.pdf. (In Russian). (In Russian).
6. Obsledovaniya OON po tendentsiyam v oblasti prestupnosti i funktsionirovaniyu sistem ugolovnogo pravosudiya (UN-CTS) // <https://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/United-Nations-Surveys-on-Crime-Trends-and-the-Operations-of-Criminal-Justice-Systems.html>. (In Russian).
7. The Global Study on Homicide 2013. Vienna: UNODC, 2013. URL: <http://www.unodc.org/unodc/en/data-and-analysis/>. (In English).
8. Mezhdunarodnaya klassifikatsiya prestupleniy dlya statisticheskikh tseley. Variant 1. Vena: UNP OON, 2015. URL: <https://unstats.un.org/unsd/statcom/doc15/BG-ICCS-UNODC.pdf>. (In Russian).
9. Methodological Annex to «The Global Study on Homicide 2019». URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/gsh/Meth_Annex_GHS.pdf (In English).

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ И ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ ПРОПАГАНДЫ ЭКСТРЕМИЗМА

Овчинникова Елизавета Олеговна

Цель: исследовать методы и принципы пропаганды экстремистской идеологии внутри различных социальных групп. Определить факторы, вызывающие у людей заинтересованность в экстремистской деятельности и готовность содействовать развитию данной деятельности.

Методология: дедукция и индукция, социологический метод, метод лингвистического анализа, аналитико-синтетический метод, сравнение.

Выводы. Эпоха Интернета характеризуется относительной открытостью и доступностью данных в глобальном информационном пространстве. Также наблюдается сниженный контроль за характером и качеством данной информации. Это обусловлено, с одной стороны, количеством материалов, их разнородностью, а также скоростью их появления и распространения. С другой стороны, система государственных и негосударственных институтов, осуществляющих такой контроль, находится на этапе формирования. Диффузное состояние регулирования контента создает благоприятные условия для экстремистских объединений, занимающихся агитационно-пропагандистской работой и привлечением новых последователей. При этом ими используются механизмы порождения и распространения экстремистских материалов, обеспечивающих заранее предусмотренную ответную реакцию со стороны реципиентов (стороны, принимающей сообщение). Однако негативные последствия данного деструктивного явления могут быть сокращены и/или предотвращены, если исследовать техническую и психоэмоциональную стороны работы подобных механизмов.

Научная и практическая значимость заключается в выявлении причинно-следственной связи зарождения у человека сочувствия к крайним взглядам и толерантности к применению крайних мер при решении социально-политических и бытовых вопросов. Угроза экстремизма является злободневной общественной проблемой, поэтому статья может быть полезна всем людям, обеспокоенным данной темой и стремящимся больше узнать о распространении потенциально экстремистских материалов.

Ключевые слова: экстремизм; пропаганда; суггестивная лингвистика; психология; интернет-технологии; протесты; вербовка; подростковые правонарушения; масс-медиа; политическая система; общественные объединения; дестабилизация общества.

Современное мировое сообщество характеризуется слиянием таких противоположных геополитических тенденций, как глобализация (неолиберальное экономическое и социокультурное движение, направленное на интеграцию государств в целях и посредством развития свободной торговли) и реакции на нее, антиглобализма (стремление к сохранению государственного суверенитета и национальной идентичности).

На этой почве стали возникать конфликты, вызванные идеологическим, религиозным

и межэтническим противостоянием. Хотя данные проблемы присутствовали на всем протяжении истории человечества, сегодня они носят лавинообразный и чрезвычайно массовый характер вследствие современных технологий моментального распространения информационно-пропагандистских материалов с целью возбуждения ненависти и вражды. В конфликтное состояние вовлекаются и даже выдвигаются на первый план ранее нейтральные общественные группы, такие как дети и подростки.

При расследовании дел, связанных с экстремистской деятельностью, закономерно возникает вопрос: где находится грань между поддержанием и продвижением конструктивной, полезной для социума политики общественных объединений (организаций, движений, фондов, политических партий и т.д.) и экстремистских формирований. С одной стороны, такие социальные и гражданские установки, как свобода выражения мнения, сохранение культурных ценностей и защита правовых или экономических интересов определенных групп не противоречат Закону правового государства и являются выражением активной жизненной позиции граждан. С другой, когда одна группа начинает «выражать, сохранять и защищать» свои интересы, идущие вразрез с существующим общественным порядком, и стремится к изменению этого порядка посредством его разрушения, такую деятельность можно считать экстремистской. Таким образом, экстремизм отличается тем, что это всегда опасное антисоциальное явление, основанное на причинении морального или физического вреда окружающим людям.

Решительная борьба с экстремизмом, терроризмом и контроль экстремистских объединений и соответствующих материалов проводится на разных уровнях.

На международном уровне государствами принят ряд правовых актов (*Международные правовые акты // Национальный антитеррористический комитет. URL: <http://nac.gov.ru/zakonodatelstvo/mezhdunarodnye-pravovye-akty.html> (дата обращения: 11.01.2020)*), среди них:

1. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма (одобрена резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 49/60 от 9 декабря 1994 г.);

2. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 г.);

3. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.);

4. Соглашение о сотрудничестве в области выявления и перекрытия каналов проникновения на территории государств-членов Шанхайской организации сотрудничества лиц, причастных к террористической, сепаратистской и экстремистской деятельности (Шанхай, 15 июня 2006 г.).

В Российской Федерации в соответствии со ст. 15 Федерального закона Российской Федерации от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», за осуществление данного вида деятельности правонарушители несут «уголовную, административную и гражданско-

правовую ответственность» (СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3029). Например, статья 282 УК РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства» предусматривает наказание в виде денежного штрафа, ареста или обязательных работ.

Для обеспечения информационного взаимодействия на уровне «государство-граждане» уполномоченными органами в открытом доступе публикуется постоянно обновляющиеся сведения, касающиеся экстремистских объединений и материалов (См.: «Перечень некоммерческих организаций, в отношении которых судом принято вступившее в законную силу решение о ликвидации или запрете деятельности по основаниям, предусмотренным ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // URL: https://minjust.ru/ru/nko/perechen_zapret (дата обращения: 10.01.2020) и «Федеральный список экстремистских материалов» // URL: <https://minjust.ru/ru/node/243787> (дата обращения: 10.01.2020)).

На общественном уровне регулярно проводятся просветительские форумы и читаются лекции по профилактике идеологии экстремизма и терроризма, в частности, среди молодежи (См.: *Всероссийский форум «Противодействие идеологии терроризма и экстремизма в образовательной сфере и молодежной среде» // МГИМО МИД России. URL: <https://mgimo.ru/about/news/main/forum-protivodeystvie-ideologii-terrorizma/> (дата обращения: 10.01.2020); Лекция «Противодействие экстремизму в молодежной среде» // Московский гуманитарный университет. URL: <https://mosgu.ru/news/index.php?ID=35363> (дата обращения: 10.01.2020)*).

Однако несмотря на принятые и принимаемые меры в отношении пресечения противоправной деятельности, большое количество людей примыкают к разнообразным радикальным движениям, потому что они становятся жертвами механизма пропаганды. Именно данный социально-психологический феномен позволяет экстремизму «адаптироваться» к любым социальным условиям и выглядеть привлекательным для обычных людей. Экстремисты-рекрутеры понимают, что «участники экстремистских группировок являют собой особый психологический тип индивида, склонного к самовозбуждению, к потере контроля над своим поведением, к иррациональным поступкам» [1, с. 96]. К тому же, если таким индивидам довелось пережить личный или общественный кризис (второй тип кризиса нередко обуславливает возникновение первого), то они становятся идеальными реципиентами и адептами экстремистской доктрины. Ведь новая система

ценностей и ориентиров предполагает наличие решения проблемы, препятствующей новобранцу спокойно и счастливо существовать; она способна заполнить тот идеологический вакуум, который образовался в жизни человека вследствие травмирующего опыта. В современном обществе, к сожалению, большинство людей переживали травмирующие события различного характера, поэтому группа риска подверженности внешнему эмоционально-психологическому воздействию достаточно широка.

Немецкий психолог Нильс Беклер (*нем. Nils Böckler*), исследуя механизмы распространения пропаганды радикальной идеологии, особое внимание уделял формированию и актуализации феномена «Одинокого волка» (*нем. das «Lone Wolf»-Phänomen*): люди воспринимают и «усваивают» пропаганду в соответствии со своими личными мотивами и потребностями. Они не замечают, как информация, составленная определенным образом, искажает их морально-ценностные ориентиры и модель поведения. Реципиенты полагают, что изменение их личности стало следствием их самостоятельного решения, т.е. осознанным ростом и развитием, ведь никакого явного влияния оказано не было. Происходит своеобразное «саморекрутирование», которое позволяет создать наиболее убежденного адепта идеологии. Таким образом, перед заинтересованными лицами больше не стоит задача лично вербовать новых людей, они работают с уже «подготовленными» неопитами (*См.: Extremistische Gruppen setzen auf einsame Wölfe // Deutschlandfunk Kultur. URL: https://www.deutschlandfunkkultur.de/blitz-radikalisierung-extremistische-gruppen-etzenauf.1008.de.html?dram:article_id=360700 (дата обращения: 12.01.2020)*).

Важно понять, как именно информационная пропаганда воздействует на людей на ментальном и психологическом уровнях, заставляя их деформировать свое мировоззрение, соглашаться с заведомо разрушительными идеями и вступать на преступный путь. Изменение сознания человека происходит во время сознательного или, чаще всего, бессознательного анализа поступающей к нему информации определенного качества. Источники информации могут быть как прямыми (*находящимися в реальной действительности*: транспаранты на демонстрациях, баннеры, плакаты, рекламные листы, пресса, надписи на асфальте или городских объектах, диалог с рекрутером-экстремистом или агитатором вживую и т.д.), так и опосредованными электронными устройствами (*через интернет*: чтение пропагандистского материала, автоматиче-

ски подобранных новостей и рекламы, пассивное или активное участие в тематических чатах и т.д.). Стоит отметить неразрывную связь между двумя типами источников информации. Интернет чаще всего становится своеобразной площадкой психологической и теоретической подготовки экстремистов, в то время как диверсионно-подрывная деятельность, вызванная экстремистскими идеями, осуществляется непосредственно в реальном мире.

При лингвистическом анализе вербальных источников пропагандистской информации следует учитывать специфику типа текста, к которому они принадлежат, — суггестивных текстов, т.е. текстов, «специально созданных и используемых для воздействия на установку личности и общества» [2, с. 4]. Данное понятие было введено в лингвистику профессором И.Ю. Черепановой. Суггестия — «латентное (скрытое) вербальное воздействие на человека», воспринимаемое им без критической оценки [2, с. 14]. Изначально данный термин использовался при описании методик создания гипнотических текстов (молитвы, заговоры, заклинания и т.п.). Однако затем его смысл расширился и стал включать в себя любой языковой материал, способный повлиять на эмоциональный фон человека при помощи графической композиции текста, акцентирования смысловых доминант, а также ритмической организации звуков (каждый звук являет собой вибрацию определенной частоты, отражающуюся на психике человека даже в процессе субвокализации текста — мысленном проговаривании текста во время чтения про себя).

«На первых этапах восприятия текста понимание основывается исключительно на эмоциональных компонентах смыслового поля» [3, с. 105], ведь эмоциональное восприятие происходит на сознательно-бессознательном уровне человека, и оно во многом обусловлено, с одной стороны, биологическими данными индивида, с другой — его психологическим и социальным опытом.

Если информация зафиксирована в видео/аудио формате, совместно с лингвистическими средствами порождения сообщения важную роль начинают играть невербальные компоненты. Паралингвистические (жестикаляция, мимика, качества голоса: тональность, диапазон и др.) и экстралингвистические средства (паузация, темп речи, а также психологическая сторона: покашливание, смех, плач и др.). Также учитывается визуальная и аудиальная композиция текста и условия, в которых он воспроизводится. Подобные компоненты позволяют автору материала

более эффективно апеллировать к чувствам аудитории, создавая необходимый эмоциональный фон. Функция внеязыковых средств заключается также в дополнении и конкретизации вербального сообщения. В некоторых случаях невербальные сигналы могут противоречить произносимому или написанному тексту. Тогда они будут завуалированно выполнять ведущую смыслообразующую функцию.

Проследить за работой информационного воздействия в интернете можно на примере видео-послания под названием «Не бойся» (англ. *Be Not Afraid*) 14-летней американской экстремистки Софы (англ. *Soph*) (См.: *YouTube's Newest Far-Right, Foul-Mouthed, Red-Pilling Star Is A 14-Year-Old Girl // BuzzFeed*. URL:<https://www.buzzfeednews.com/article/josephbernstein/youtubes-newest-far-right-foul-mouthed-red-pilling-star-is> (дата обращения: 12.01.2020)). Девочка, облаченная в черную чадру, признается в изменении своих взглядов и решении о переходе в ислам: «Я стала преданным последователем Пророка Мухаммеда» (англ. *I've become a devout follower of the Prophet Muhammad*). В течение 20 минут она повествует о несостоятельности западной культуры, о зле и невежестве, которое в ней распространяется. В частности, Софа призывает своих слушателей к насильственным действиям по отношению друг к другу и к самим себе: «Убейте себя...» (англ. *Kill yourself...*).

Как уже отмечалось, данное видео является своеобразным манифестом смены убеждений, так как до этого в различных социальных сетях и других платформах (например, в Discord'e – чате для геймеров) девочка призывала к радикальной борьбе с мусульманами: «Я мечтаю, чтобы на Ближний Восток наконец-то сбросили атомную бомбу» (англ. *I wish an atom bomb would drop on the Middle East already*. См.: @roman_nfkrz // Twitter. URL:https://twitter.com/roman_nfkrz/status/1113050131031625728 (дата обращения: 13.01.2020)). На момент написания этого поста Софе было 12 лет. По некоторым данным, девочка стала создавать провокационный контент с 9 лет. Изначально это происходило во время онлайн-трансляций прохождения компьютерных игр и в переписках в чате.

Язык, на котором говорит Софа, отличается обилием ненормативной лексики, устойчивых в популярных в молодежной интернет-среде выражений и саркастических замечаний. Артикуляция и мимика девочки в описываемом нами видео утрирована, речь четкая. Видно, что текст был составлен заранее и выучен. Сама девочка говорила, что сценарии она действительно пишет вместе с «соавтором» (англ. *a collaborator*). Сместем предпо-

ложить, что некто старшего возраста использовал ребенка с легковозбудимой психикой и поставленными риторическими навыками для достижения, в первую очередь, меркантильных целей (популярность, деньги). Проект оказался «успешным» и обрел большую популярность, так как формат пропагандистского материала и специфика интернет-платформы (алгоритм раскрутки видео, запросы и потребности интернет-пользователей) создали идеальные условия для его распространения.

Для оптимизации своего YouTube-канала все видео были помещены в категории «юмор». Свое поведение Софа также описывала как «шутку», «поиск себя», а о себе говорит как о последователе нескольких блоггеров.

Материал «праворадикальной анархо-капиталистки» с невероятной скоростью разлетелся по интернету. Видео «Не бойся» стало «вирусным» (пользователи добровольно размещали его у себя на страницах в социальных сетях и делились им друг с другом). Канал Софы на видео-платформе YouTube набрал более 800 000 подписчиков, прежде чем был заблокирован по решению администрации. Несмотря на явно экстремистскую направленность контента и то, что его распространитель – ребенок, что как с моральной, так и правовой точки зрения является недопустимым, YouTube долгое время игнорировал рост популярности данного материала ввиду стратегии развития платформы.

Особенностью интернет-пространства является также и то, что ничто не проходит там бесследно. Данное видео, как и многие другие записи с участием девушки, до сих пор доступно на платформе YouTube уже после официального удаления и активно обсуждается общественностью.

На эмоциональное состояние зрителей оказывает большое влияние совокупность противоречивых факторов. Например, возраст и внешний вид девочки не соответствуют ни серьезности и противозаконности поднимаемых ей тем, ни манере их вербализации. Например, Софа заявила о том, что она страдает хроническими заболеваниями и не видит больше смысла ни в своей жизни, ни жизни других людей. Признание было высказано в контексте смертельной угрозы директору Youtube Сьюзен Воджицки и ее семье за введенные против ее аккаунта правоограничивающие санкции. Поведение данной личности стимулирует возникновение у реципиентов реакции в виде смешанных чувств удивления, негодования, сочувствия и жалости. Данное состояние не является естественным для людей. Для того, чтобы избавиться от возникшего психологиче-

ского противоречия, они начинают обсуждать событие, т.е. «забалтывать» его.

Интернет-пользователи моментально задают вопросы, где находятся ее родители, чем она занимается и т.п. Многие откровенно принимают позицию девочки и начинают активно поддерживать ее и восхищаться сообразительностью автора. Другие стремятся использовать ее образ и высказывания в качестве шутки (интернет-шутки — мема). Отмечалось, что особенно впечатлительные дети начинали повторять мысли, фразы и элементы поведения после просмотра.

В целом, дестабилизирующая работа подобных молодых «интернет-проповедников» готовит благоприятную почву для возникновения недоверия у публики детского и подросткового возраста к законной стороне общества и явной агрессии в отношении авторитетов. Дети и подростки, в силу несформированности морально-этических и социальных ориентиров и естественной наивности, склонны прислушиваться к представителям своей возрастной группы, доверять их «прогрессивным» и «бунтарским» идеям и следовать им.

Сомнения, появляющиеся у юной аудитории во время сознательного или бессознательного анализа полученной агитационной экстремистской информации, действуют на эмоциональный фон детей и подростков как раздражитель. Сомневающиеся стараются успокоиться, разрешить возникшее противоречие. Для многих из них наиболее простым и действенным решением проблемы видится применение насилия, так как к этому их активно приучала с ранних лет индустрия развлечений и средства массовой информации, поощряя и романтизируя девиантное поведения через фильмы, компьютерные игры и т.п.

Если «бороться» с мусульманами, христианами или банкирами реально пойдут лишь единицы (десятки) молодых людей, вследствие нежелания или страха заниматься откровенно преступной деятельностью, то большинство все же будет стремиться изменить общественные устои более приемлемыми способами. Важно понимать, что ведущим мотивом для подростков становится потребность разрушать то, что «мешает» современному обществу функционировать гармонично. При этом сторонники преобразований будут искренне верить в то, что их деятельность конструктивна и что лишь радикальными мерами возможно предотвратить упадок общества.

Данную модель поведения можно наблюдать на примере возникновения большого количества общественных движений по защите окружающей среды. «Лицом» и символом борьбы за регуляцию

климата и сохранения защиты и природы стала шведская активистка Грета Тунберг (*англ. Greta Thunberg*), лидер ныне мирового молодежного протеста «Школьная забастовка за климат», или «Пятницы для будущего» (*англ. Fridays For Future*). Идея движения заключается в том, что каждую пятницу дети пропускают уроки и выходят на демонстрации, вооруженные плакатами и громкими лозунгами («Зачем учиться, если будущее не наступит?») (*См.: Климатический поход детей // Новая газета. URL:https://novayagazeta.ru/articles/2019/09/25/82109-klimaticheskij-pohod-detey (дата обращения: 16.01.2020)*).

Признанная «Человеком года — 2019» по версии американского журнала «TIME» (*См.: Greta Thunberg: TIME's Person of the Year 2019 // TIME. URL:https://time.com/person-of-the-year-2019-greta-thunberg/ (дата обращения: 16.01.2020)*), Грета обладает все большим влиянием на экологическую политику многих (в особенности, европейских) стран, что, в свою очередь, затрагивает остальные сферы жизнедеятельности общества.

Имидж активистки целенаправленно создавался в рамках PR-проекта, что позволило 17-летней девушке и ее единомышленникам добиться большого успеха в пропаганде внимательного отношения к окружающей среде. Образ Греты Тунберг находит много точек соприкосновения с печально известной Софой:

- обе пропагандистки позиционируют себя как «умные школьницы» с активной жизненной позицией;

- девушки открыто заявляют о своей крайней обеспокоенности проблемами современного общества;

- они противопоставляют себя определенным социальным группам и формируют у своей аудитории негативное мнение о них; Грета Тунберг выступает против меркантильных политиков: «Мы выходим на митинги, потому что сделали свое домашнее задание, а они нет» (*англ. — «We are striking because we have done our homework, and they have not»*) (*См.: Грета о еженедельных митингах школьников — Greta Thunberg quotes: 10 famous lines from teen activist // BBC. URL:https://www.bbc.co.uk/newsround/49812183 (дата обращения: 16.01.2020)*);

- как и Софа, Грета имеет хронические заболевания (синдром Аспергера, обсессивно-компульсивное расстройство и селективный мутизм).

Последний факт необходимо учитывать в силу того, что наличие патологии, особенно у ребенка, трактуется общественностью как образ «жертвы современного социума» и как образ «борца с несправедливостью», а такая интерпретация создает

мощный стимул к принятию действий для помощи «пострадавшему» и его поддержки. Под влиянием бунтарской пропаганды дети, подростки и молодые люди начинают сочувствовать образам своих сверстников-агитаторов, транслируемым в средствах массовой информации. В то же самое время старшее поколение начинает переживать за своих детей и их будущее, тем самым стараясь принять наиболее активное участие в их охране и защите. Для этого, в частности, взрослая часть населения начнет оказывать давление на политиков, которые будут разбирать на государственном уровне новые актуальные вопросы. Таким образом, у разнородной аудитории срабатывает психологический механизм «вовлеченности в проблему». Из этого следует вывод, что идеи (как конструктивно-организаторские, так и агитационно-экстремистские), исходящие из уст детей, способны привлечь внимание наиболее широкой целевой аудитории.

В основном, непосредственными заказчиками определенного информационно-пропагандистского материала являются группы лиц, заинтересованные в реализации своих задач в политической и/или экономической сферах. Это можно увидеть на примере Германии.

Некоторые немецкие экстремистские объединения и союзы стремятся использовать общественный ажиотаж вокруг темы сохранения климата как инструмент распространения своих идей. Одним из самых воинственных, влиятельных и мобилизационных левых союзов является «Интервенционистские левые (ИЛ)» (*нем. Interventionistische Linke (IL)*). Основными стратегическими задачами экстремисткой «ИЛ» являются присоединение к широко известным общественным движениям, в том числе «Пятницы ради будущего», и обсуждение разнообразных «демократических» актуальных проблем для привлечения внимания (*См.: Linksextremisten versuchen Klimastreik für sich zu nutzen // hamburg.de. URL: <https://www.hamburg.de/innenbehoerde/schlagzeilen/12960428/klimademo200919/> (дата обращения: 17.02.2020)*).

Также экстремисты проводят агитационную деятельность в Интернете, призывая пользователей сети участвовать в забастовках, и в реальной действительности, общаясь с другими демонстрантами на митингах, лично вербуя новых последователей. Крайне левые активисты настраивают новых последователей против капиталистического уклада общества, воспринимая его как источник всех экологических, шире — социальных, бед, и убеждая других, что система подлежит ликвидации силовыми методами.

В июне 2019 г. организация «Интервенционистские Левые» в значительной степени повлияла на создание масштабной кампании по сокращению угольных отходов «Хватит!» (*нем. Ende Gelände*) [4, с. 108–109]. В рамках проведения кампании демонстранты блокировали дорожное движение и, в частности, железнодорожные пути на трех угольных шахтах на востоке Германии.

Федеральная служба защиты конституции Германии (*нем. Bundesamt für Verfassungsschutz*) и ее региональные отделения на протяжении нескольких лет наблюдают за дестабилизирующей деятельностью «ИЛ». В докладе агентства за 2018 г. данной организации была отведена отдельная глава [4, стр. 106–109, 124, 125], в которой говорилось о привлекательности темы защиты климата для леворадикальных экстремистских объединений и их попытках дискредитировать как политику, проводимую парламентом, так и конструктивную деятельность демократических движений. Особое внимание служба безопасности уделяла привлечению подростков к участию в массовых беспорядках.

Мотивировать современную молодежь выйти на митинги способна не только экологическая проблема, но и непосредственно политическая. Существует другая левоекстремистская антифашистская группа под названием «Антифа Альтона Ост» (ААО) (*нем. Antifa Altona Ost*) [4, с. 102, 103, 111, 117, 123, 124, 273], придерживающаяся подобной «ИЛ» тактике внедрения в мирные протесты и осуществления блокадных действий. Одним из лозунгов, с которыми они выступают, является «Молодежь против праворадикальной пропаганды» (*нем. Jugend gegen rechte Hetze*) и «Заблокируем партию «Альтернатива для Германии», потому что с нацистами не разговаривают!» (*нем. Weil mit Nazis nicht geredet wird: AfD blockieren!*) (*См.: @AntifaAltonaOst // Twitter. URL: <https://twitter.com/AntifaAltonaOst/status/1213504496128724992> (дата обращения: 18.01.2020)*).

Современная политическая обстановка в Германии отличается нестабильностью. Широко распространены крайне правые взгляды, которые в некоторых случаях начинают приобретать экстремистский характер. В том числе многие немцы не согласны с программой правой и ультраправой партии «Альтернатива для Германии» (*нем. Alternative für Deutschland*), занявшей, однако, прочное положение в Бундестаге. Подобное противоречивое отношение общественности к данной партии создает группе «Антифашистов» благоприятные условия к призыву борьбы с ней

под предлогом противостояния продвижения неонацизма и апартеида. В то же время участники данного объединения допускают и поощряют проявление насилия в отношении своих оппонентов, их последователей и к общему правопорядку, рассматривая свои действия как необходимость. К тому же «ААО» намеренно игнорирует тот факт, что сочувствие некоторых людей крайне правым взглядам обусловлено не одной лишь деятельностью политической партии, а целым комплексом разнородных стимулов, среди которых можно выделить трансформацию института семьи, проблему миграции и возрастающую опасность ослабления национального суверенитета.

Рассмотренные примеры дают возможность проследить за работой механизма распространения экстремистской идеологии и спецификой информационно-пропагандистских материалов.

При создании агитационного текста используются вербальные, визуальные, аудиальные и смешанные средства, способные оказывать значительное воздействие на психику человека, пробуждая в нем чувство неудовлетворенности настоящим моментом и заставляя искать способы избавления от этого чувства. Анализируя материалы, в которых выражены радикальные взгляды, можно заметить тенденцию формирования у реципиентов дихотомического «черно-белого» мышления, в результате четкого смыслового разделения на «справедливых-союзников» и «несправедливых-врагов».

Успех распространения пропагандистского материала напрямую зависит от частоты появления информации о событии или факте в СМИ. Чем больше их рекламируют, пишут про них статьи и обсуждают в Интернете, в частности, в социальных сетях, выстраивают цепь комментариев к материалу, делают темой дебатов телевизионных/интернет-передач, тем больше людей узнают о событии или факте, изучают их и присоединяются к их обсуждению. Именно во время обсуждения происходит активация личностных установок и бессознательного копирования групповой мысли. Особенно быстро это произойдет, если участники дискуссии будут подставными лицами, которые присутствуют в групповой беседе непосредственно для того, чтобы «единогласным мнением большинства» убедить беспристрастного коммуниканта занять определенную позицию относительно волнующего вопроса. Подставные собеседники могут встречаться как в реальной действительности, так и в виртуальном мире. В любом случае, экстремисты-рекрутеры будут добиваться различными методами «синхронизации личной

и групповой мотивации» [5], стремясь осветить факты в таком свете, чтобы они выглядели либо безусловно справедливыми, либо безусловно несправедливыми, не оставляя объекту внушения пространства и времени для их критического осмысления.

Проблема новых последователей любых социальных движений заключается том, что не все могут и/или успевают четко и ясно понять цели и мотивы объединения и определить для себя границы дозволенного в рамках выбранной общественной деятельности. Особенно это касается подростков и молодых людей, которые все еще мыслят игровыми категориями (в основном, игровое мышление свойственно детям, однако в современном обществе оно культивируется в целях повышения дохода индустрии развлечений). Подростки увлекаются игрой в мнимую справедливость, стараясь как можно лучше выполнить свою роль в команде. Данное восприятие действительности актуально сегодня и для старшей возрастной категории населения.

Часто после совершения реального преступления по идеологическому мотиву у человека может возникать чувство беспомощности, апатии и страха перед наказанием, которые сделают его еще более подверженным влиянию других участников группировки. Последние будут стараться убедить правонарушителя в невозможности иной жизни и в необходимости бороться за «идею» до конца. В свою очередь, у объекта воздействия будет срабатывать защитный механизм, вследствие которого он будет сам себя убеждать в правильности данных наставлений. Также сложно, а порой невозможно бывает выйти из экстремистской группировки: бывшим участникам могут угрожать и/или применять в их отношении моральное и физическое насилие.

Учитывая серьезность проблемы экстремизма и масштаб пропаганды экстремистской идеологии, гражданам необходимо учиться самостоятельно анализировать поступающую из различных источников информацию, исследовать юридические и психологические материалы по данной теме. Для того, чтобы эффективно противодействовать возрастающим угрозам распространения экстремизма, сотрудники правоохранительных органов и органов безопасности, работники образовательных и общественных организаций, добровольцы должны регулярно проводить с населением образовательно-воспитательные беседы и мероприятия, направленные на повышение правовой, культурной (также межкультурной) и психологической грамотности.

Литература

1. Богданов А.В., Дорожко Ф.Л., Хазов Е.Н. Угрозы и вызовы экстремизма в современном мире: оперативно-розыскная характеристика // Вестник экономической безопасности. 2016. № 6. С. 95-99.
2. Черепанова И.Ю. Дом колдуньи. Язык творческого Бессознательного. М.: «КСП+». 1999. 416 с.
3. Логинова Н.А. Текстовые факторы языковой суггестии // Филология и человек. 2010. № 1. С. 105–111.
4. Andy Grote, Torsten Voß Verfassungsschutzbericht Hamburg 2018. HRG: Freie und Hansestadt Hamburg, Behörde für Inneres und Sport, Landesamt für Verfassungsschutz. Hamburg. 2019. 282 s.
5. Толмачев В.В., Цветков В.Н. Радикализм, экстремизм и онлайн-рекрутинг в сети Интернет // Справочник классного руководителя. 2016. № 1. С. 4–7.

References

1. Bogdanov A.V., Trovko F.L., Khazov E.N. Ugrozy i vyzovy ekstremizma v sovremennom mire: operativno-rozysknaya harakteristika [Threats and challenges of extremism in the modern world: operational search characteristics]. Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti [Vestnik of economic security], 2016, no. 6. pp. 95–99. (in Russian, abstract in English)
2. Cherepanova I. Yu. Dom koldun'i. Yazyk tvorcheskogo Bessoznatel'nogo. [The Witch's House. The language of the creative Unconscious]. Moscow: «CSP+» Publ., 1999. 416 p. (in Russian)
3. Loginova N.A. Tekstovye faktory yazykovoj suggestii [Textual factors of language persuasion]. Filologiya i chelovek [Philology and the Human], 2010, no. 1, pp. 105–111. (in Russian)
4. Andy Grote, Torsten Voß Constitutional Protection Report, Hamburg 2018. Free and Hanseatic city of Hamburg, Ministry of the Interior and Sport, The State Office for the Protection of the Constitution Publ. Hamburg, 2019. 282 p. (in German)
5. Tolmachev V. V., Tsvetkov V. N. Radikalizm, ekstremizm i onlajn-rekruting v seti Internet [Radicalism, extremism and online recruitment on the Internet]. Spravochnik klassnogo rukovoditelya [The Handbook of the homeroom teacher], 2016, no. 1, pp. 4–7. (in Russian)

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО

СРЕДСТВА ИСПРАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ И ИХ ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ: НЕКОТОРЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОСВЯЗИ

Скиба Андрей Петрович,
Родионов Алексей Владимирович,
Малолеткина Наталья Сергеевна

Цель: выявить ряд проблем по регулированию основных средств исправления осужденных (исполнение отдельных видов наказаний фактически осуществляется без учета большинства индивидуальных особенностей осужденных, не предусмотрены меры поощрения и взыскания осужденных, отбывающих некоторые наказания, и т.п.) и сделать акцент на проблемах исправительного воздействия в отношении их отдельных категорий (больных осужденных, осужденных с расстройством половой идентификации и др.).

Методология: дедукция, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод.

Выводы. Регулирование исправительного воздействия является фрагментарным, когда в отношении значительного числа осужденных к различным наказаниям (особенно не связанным с изоляцией от общества) вообще не предусмотрено применение тех или иных средств исправления, которые также следует дополнить психологической и медицинской помощью, религиозным воспитанием, и в целом требуется всестороннее регулирование и применение средств исправления осужденных в контексте учета их индивидуальных особенностей.

Научная и практическая значимость. Изучение регулирования средств исправления осужденных по решению теоретических и правовых проблем, связанных с совершенствованием соответствующих норм в УИК РФ.

Ключевые слова: средства исправления осужденных, индивидуальные особенности осужденных, большие осужденные, осужденные с расстройством половой идентификации.

Основные средства исправления осужденных и их применение в общих чертах прописаны в УИК РФ. В соответствии со ст. 9, к основным средствам исправления относятся: установленный порядок исполнения и отбывания наказания (режим), воспитательная работа, общественно полезный труд, получение общего образования, профессиональное обучение и общественное воздействие. В ч.ч. 1 и 3 ст. 9 УИК РФ также дается понятие исправления осужденных и предусматривается, что средства исправления применяются с учетом вида наказания, характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности осужденных и их поведения.

В этом случае индивидуальные особенности осужденных (например, пол, возраст, гражданство, состояние здоровья (включая психическое), вероисповедание, трудоспособность, отношение к деятельности правоохранительных органов и в целом государственных институтов с учетом вида совершенного преступления, приверженность традициям криминальной субкультуры или их отрицание, образование, профессиональный опыт, судимость, преступный (иной правонарушающий) опыт и т.п.) должны учитываться при применении средств исправления.

Представляется, что (не-) приверженность традициям криминальной субкультуры, нали-

чие (отсутствие) туберкулеза или психического расстройства либо наркотической зависимости, российское или зарубежное гражданство, совершение кражи, изнасилования или преступления террористического характера, мусульманское или христианское вероисповедание, (не-) знание русского языка, материальное положение, состав семьи и др. особенности осужденных — все это должно всесторонне учитываться при применении различных средств исправления.

Так, в п. 21 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества (*утв. Приказом Минюста России от 20 мая 2009 г. № 142*) предусмотрено, что изначально в день явки осужденного уголовно-исполнительная инспекция проводит с ним первоначальную беседу, в ходе которой уточняет гражданство, место регистрации и жительства, работы, учебы, контактные телефоны, сведения о родственниках, лицах, проживающих совместно с ним, входящих в круг его общения, выясняет сведения, имеющие значение для исполнения приговора суда (наличие документов, необходимых для трудоустройства, прежних судимостей, состояние здоровья, материальное положение и др.); похожая норма имеется в п. 15 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы (*утв. приказом Минюста России от 11 октября 2010 г. № 258*). Получается, что учреждения и органы, исполняющие наказание, должны знать соответствующие индивидуальные особенности осужденного, и теоретически — всесторонне их учитывать при оказании исправительного воздействия в его отношении.

Однако анализ положений уголовно-исполнительного законодательства показывает, что это не всегда закреплено надлежащим образом.

Рассмотрим кратко регулирование основных средств исправления по УИК РФ.

Согласно ч. 1 ст. 82 УИК РФ, режим в исправительных учреждениях представляет собой порядок исполнения и отбывания лишения свободы, обеспечивающий охрану и изоляцию осужденных, постоянный надзор за ними, исполнение возложенных на них обязанностей, реализацию их прав и законных интересов, личную безопасность осужденных и персонала, раздельное содержание разных категорий осужденных, различные условия содержания в зависимости от вида исправительного учреждения, изменение условий отбывания наказания (облегченных, строгих и пр.).

В определенной степени индивидуальные особенности осужденных к лишению свободы учитываются при реализации этого средства

исправления: осужденные, больные разными инфекционными заболеваниями, содержатся раздельно и отдельно от здоровых осужденных (ч. 5 ст. 80 УИК РФ), личный обыск проводится лицами одного пола с осужденными (ч. 5 ст. 82 УИК РФ), не допускается по ч. 2 ст. 96 УИК РФ передвижение без конвоя или сопровождения за пределами исправительного учреждения некоторых категорий осужденных (в частности, ВИЧ-инфицированных, больных открытой формой туберкулеза, не прошедших полного курса лечения венерического заболевания, алкоголизма, токсикомании, наркомании, страдающих психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, имеющих неснятые или непогашенные взыскания, находящихся в строгих условиях содержания) и т.д.

Дальнейшая регламентация режима в исправительных учреждениях осуществляется, в частности, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (*утв. приказом Минюста России от 16 декабря 2016 г. № 295*), например, решение о распределении осужденных по отрядам (камерам) с учетом их личностных особенностей, состояния здоровья, привлечения их к труду, обучения в системе общего и профессионального образования принимается комиссией исправительного учреждения (п. 10).

Таким образом, при исполнении лишения свободы режим в исправительных учреждениях в той или иной степени учитывает индивидуальные особенности осужденных при обеспечении их внутренней и внешней изоляции, обысках и т.д.

Вместе с тем при исполнении обязательных работ, штрафа и других наказаний порядок их исполнения и отбывания по УИК РФ фактически осуществляется без учета подавляющего большинства индивидуальных особенностей осужденных, что вряд ли обоснованно. Похожая ситуация, например, относительно исполнения наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью видна и в Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества.

В этом случае изначально режим как основа применения других средств исправления при исполнении различных уголовных наказаний не всегда надлежаще учитывает индивидуальные особенности осужденных, то есть наличие у них различных особенностей не приводит к обеспечению дифференцированных условий отбывания наказания.

Недостаточность регулирования имеет место и относительно воспитательной работы, когда в основном соответствующие нормы также распространяются именно на лиц, осужденных к наказаниям, связанным с изоляцией от общества.

Основа применения этого средства исправления заложена в ч. 4 ст. 109 УИК РФ, согласно которой воспитательная работа проводится с учетом индивидуальных особенностей личности, характера осужденных и обстоятельств совершенных ими преступлений, по ч. ч. 1 и 2 ст. 110 УИК РФ в исправительных учреждениях осуществляется нравственное, правовое, трудовое, физическое и иное воспитание осужденных к лишению свободы, а сама воспитательная работа организуется дифференцированно с учетом вида исправительного учреждения, срока наказания, условий содержания в индивидуальных, групповых и массовых формах на основе психолого-педагогических методов. Помимо указанного, к осужденным к лишению свободы применяются меры поощрения по ч. 1 ст. 113 УИК РФ по определенным основаниям (хорошее поведение, добросовестное отношение к труду, обучению, активное участие в воспитательных мероприятиях), при применении мер взыскания учитываются обстоятельства совершения нарушения, личность осужденного и его предыдущее поведение, согласно ч. 1 ст. 117 УИК РФ, и т.п.

Таким образом, применение мер поощрения и взыскания взаимосвязано лишь с отдельными индивидуальными особенностями осужденных к лишению свободы.

При этом отсутствует надлежащая конкретизация оснований применения отдельных мер поощрения (ч.ч. 2 и 4 ст. 113 УИК РФ), критериев выбора конкретных мер взыскания (например, выговора или водворения в штрафной изолятор) и сроков дисциплинарной изоляции осужденного в штрафном изоляторе или в помещении камерного типа, в самых общих чертах предусмотрен порядок признания осужденного злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания и т.п. В этом случае на практике из-за отсутствия четких нормативных положений в ряде случаев может иметь место формальный подход к применению мер поощрения и взыскания без надлежащего учета индивидуальных особенностей осужденных, и, как следствие – в целом к организации воспитательной работы с ними.

Похожая ситуация – с регулированием применения мер поощрения и взыскания к осужденным, в частности, отбывающим наказания в виде ограничения свободы и принудительных работ.

В то же время при исполнении некоторых наказаний (например, штрафа, обязательных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью) вообще законодательно не закреплены меры поощрения и взыскания, что еще больше формализует воспитательную работу с такими осужденными и фактически приводит к отсутствию взаимосвязи с их индивидуальными особенностями.

Несколько иная ситуация возникает с реализацией общественно полезного труда как средства исправления осужденных, что является «основной» составляющей некоторых наказаний (обязательных работ, исправительных работ, принудительных работ и пр.).

Так, при исполнении лишения свободы администрация исправительных учреждений обязана привлекать осужденных к труду с учетом их пола, возраста, трудоспособности, состояния здоровья и, по возможности, специальности (ч. 1 ст. 103 УИК РФ), что подразумевает учет некоторых индивидуальных особенностей осужденных (аналогичный подход в целом отражен и при исполнении наказания в виде принудительных работ, согласно ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ. – *Прим. авт.*). При этом по п. 24 и приложению № 7 Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений осужденных запрещается трудоустраивать на определенные должности (в административных зданиях, в которых размещается личный состав, осуществляющий охрану исправительного учреждения, и т.п.).

В соответствии с ч. 1 ст. 25 УИК РФ вид обязательных работ и объекты, на которых они отбываются, определяются органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями. Такая же ситуация – с наказанием в виде исправительных работ, в соответствии с ч. 1 ст. 39 УИК РФ.

При этом в п. 47 Инструкции по организации исполнения наказаний и мер уголовно-правового характера без изоляции от общества при определении осужденному вида обязательных работ и объекта уголовно-исполнительная инспекция учитывает вид совершенного преступления, его место жительства, график основной работы и учебы, состояние здоровья, в отношении несовершеннолетнего – его возрастные и психологические особенности, а также иные обстоятельства. Похожая норма имеется и при исполнении исправительных работ по п. 70 вышеуказанной Инструкции.

В то же время общественно полезный труд как средство исправления осужденных не реализуется учреждениями и органами, исполняющими наказания, например, в виде штрафа или лишения права

занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, что сужает возможность выбора средств исправления таких осужденных вне зависимости от их характеристики.

Еще более сложная ситуация имеет место в отношении получения общего образования как средства исправления осужденных, которое вообще не реализуется учреждениями и органами, исполняющими наказания в виде штрафа, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, обязательных работ, исправительных работ, ограничения свободы и др. наказаний (в целом похожая ситуация – и с профессиональным обучением как средством исправления осужденных). Более того, в ч. 2 ст. 69 УИК РФ предусмотрено, что общее образование, профессиональное образование и профессиональное обучение осужденных вообще не должно осуществляться в отношении осужденных к аресту.

В самых общих чертах применение этого средства исправления предусмотрено в отношении осужденных к принудительным работам (ч. 8 ст. 60.4, ч. 1 ст. 60.9 УИК РФ) и лишению свободы (ст. 108, 112, 129, 139 и др. УИК РФ). При этом происходит некоторый учет отдельных индивидуальных особенностей осужденных.

Так, по ч. 1 ст. 60.9 УИК РФ администрации организаций, в которых работают осужденные к принудительным работам, обеспечивают с учетом состояния их здоровья и квалификации, прохождение ими профессионального обучения или получение ими среднего профессионального образования, в соответствии с ч. 2 ст. 108 УИК РФ при отсутствии медицинских противопоказаний осужденные, являющиеся инвалидами первой или второй группы, больными, страдающими хроническими заболеваниями, а также осужденные мужчины старше 60 лет и осужденные женщины старше 55 лет могут по желанию пройти профессиональное обучение или получить среднее профессиональное образование, а, согласно ч. 1 ст. 112 УИК РФ, в исправительных учреждениях организуется обязательное получение общего образования осужденными, не достигшими возраста 30 лет.

Между тем очевидно, что при применении подавляющего числа наказаний учреждения и органы, их исполняющие, не осуществляют получение общего образования и профессиональное обучение как средств исправления осужденных.

Ограниченное регулирование в УИК РФ осуществляется и в отношении общественного воздействия, которое, в соответствии со ст. 23, 47.1, 142 и др. УИК РФ, реализуется лишь в от-

ношении осужденных к ограничению свободы, принудительным работам, лишению свободы и содержанию в дисциплинарной воинской части (причем вообще отсутствует какая-либо конкретика применения этого средства исправления осужденных. – *Прим. авт.*). При этом, в частности, в Правилах внутреннего распорядка исправительных учреждений (п. п. 34, 58 и др.) лишь вскользь говорится о том, что общественные организации осуществляют личный прием осужденных и в их адрес возможно направление осужденными предложений, заявлений, ходатайств и жалоб, в то время как в Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы – ни слова.

Таким образом, очевидно, что в целом регулирование исправительного воздействия является фрагментарным, когда в отношении значительного числа осужденных к различным наказаниям (особенно не связанным с изоляцией от общества) вообще не предусмотрено применение тех или иных средств.

При этом в соответствии с данными Судебного департамента при Верховном суде РФ, наказания, не связанные с изоляцией от общества, в 2018 г. активно применялись на практике: ограничение свободы – 23683 чел., обязательные работы – 118088 чел., исправительные работы – 57326 чел. и т.д. (*Официальный сайт Судебного департамента при Верховном суде РФ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/> (дата обращения: 24.11.2019)*). Согласно же данным Федеральной службы исполнения наказаний России, на 1 ноября 2019 г. в учреждениях уголовно-исполнительной системы содержалось 530 460 чел., в исправительных центрах состояло на учете 4 432 осужденных к принудительным работам, а в уголовно-исполнительных инспекциях – 497 018 осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества (*Официальный сайт Федеральной службы исполнения наказаний [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fscin.rf/> (дата обращения 24.11.2019)*).

Более того, очевидно, что регулирование средств исправления обычно происходит формально и без надлежащей взаимосвязи с индивидуальными особенностями осужденных.

Выделим и отдельные немногочисленные категории осужденных, имеющих дополнительные особенности.

Во-первых, это:

– российские граждане из разных регионов страны, а также иностранные граждане, приехавшие из различных государств Европы, Средней и Юго-Восточной Азии, Африки и пр., имеющих

культурные, религиозные и иные индивидуальные особенности;

– российские военнослужащие и сотрудники различных правоохранительных органов, находящиеся как на территории Российской Федерации, так и за ее пределами;

– лица, совершающие нападения на российских граждан за пределами страны (включая приграничные территории, на которых имеют место военные конфликты);

– лица, совершающие преступления террористического характера и другие преступления против общественной безопасности, против основ конституционного строя и безопасности государства, наемничество, нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, и другие преступления против мира и безопасности человечества; и т.п.).

Такие осужденные имеют особые характеристики (боевые, психологические, религиозные и пр.), требующие учета при исправительном воздействии в их отношении, что в настоящее время в уголовно-исполнительном законодательстве и на практике слабо учитывается. Представляется, что в настоящее время вообще отсутствует понимание необходимости конкретизации в УИК РФ особенностей исполнения и отбывания наказания вышеуказанных категорий лиц, а попытки выделить в отдельных нормах законодательства похожие группы осужденных (например, в ч. 4 ст. 73 УИК РФ) не приводят к системному подходу в этой области [1, с. 41].

Во-вторых, это лица, имеющие различные заболевания (психические расстройства, туберкулез, нуждающиеся в лечении от алкоголизма и наркомании и т.п.).

Общеизвестно, что наличие болезни может существенно влиять на поведение лица, в том числе правонарушающее, что требует максимального учета его особенностей при исправительном воздействии (применении мер поощрения и взыскания, изменении условий отбывания наказания и т.п.).

В-третьих, это осужденные с расстройством половой идентификации, так как у них могут возникать проблемы при исполнении уголовных наказаний, и данная проблематика требует

взвешенного изучения в зависимости от их индивидуальных особенностей, вида отбываемого наказания и других обстоятельств.

Безусловно, наибольшие сложности здесь будут проявляться при исполнении лишения свободы с учетом условий отбывания этого наказания. Причем на практике в России уже возникают подобного рода проблемы, описываемые в средствах массовой информации (*Осужденную женщину-трансгендера решили отправить в мужское СИЗО в Москве [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vz.ru/news/2016/11/11/843234.html> (дата обращения: 24.11.2019)*); подобные случаи имели место и за рубежом (в частности, в Великобритании и США), в том числе приведшие к тяжким последствиям [2, с. 239–241]. В литературе отмечаются психологические и физиологические особенности лиц с расстройствами половой идентификации [3, 9, 10], которые, как представляется, должны учитываться при организации исправительного воздействия в их отношении [4]. В частности, трансгендерам требуется особая психологическая помощь при отбывании наказания, так как они представляют собой лиц, испытывающих глубокое и постоянное противоречие между своим биологическим полом и принятой гендерной идентичностью [5, с.33–34].

Отметим дополнительно также и то, что формулировка ст. 9 УИК РФ с перечислением основных средств исправления осужденных заставляет задуматься о наличии неких «второстепенных» или «дополнительных» средствах исправления. Возможно, к ним следует отнести иные способы взаимодействия между осужденными и администрациями учреждений и органов, исполняющих наказания, в том числе медицинскую [6, с. 35–37] и психологическую [7, с. 30–31; 11] помощь, а также религиозное воспитание [8, 12, 13], которые в большей степени будут взаимосвязаны с конкретными индивидуальными особенностями осужденных, чем большинство из ныне предусмотренных в ст. 9 УИК РФ средств исправления.

Таким образом, очевидно наличие ряда теоретических и правовых проблем применения средств исправления осужденных во взаимосвязи с их индивидуальными особенностями, а также ряда направлений их решения.

Литература

1. Скиба А.П. О некоторых направлениях развития уголовно-исполнительного права и криминологии (к юбилею кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)) // Союз криминалистов и криминологов. 2018. № 4. С. 39–46.

2. Горовой С.А., Деминова В.Ю. Проблема определения пола лица при назначении уголовного наказания, выборе вида исправительного учреждения // В сб. статей II Международного научно-практического конкурса «Лучшая студенческая статья». Пенза, 2016. С. 238–242.
3. Ворошилин С.И. Расстройства половой идентификации и суицидальное поведение // Суицидология. 2011. Т. 2. № 2 (3). С. 3–11.
4. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации в диссертационных исследованиях 1997–2018 гг. (специальность 12.00.08): библиограф. указатель / авт.-сост. А.Н. Сиряков; науч. ред. А.П. Скиба; предисл. А.П. Скибы и А.В. Родионова. Рязань: Академия ФСИН России, 2019.
5. Амет-Уста З.Р. Трансгендерные дети: миф или реальность? // Ученые записки Крымского инженерно-педагогического университета. Серия: Педагогика. Психология. 2016. № 4 (6). С. 32–35.
6. Скиба А.П., Скорик Е.Н. Об основных и факультативных средствах исправления больных осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 2 (24). С. 34–38.
7. Спасенников Б.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2015. № 2 (30). С. 70–71.
8. Яворский М.А. Роль религиозных объединений в механизме исправления осужденных // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 2. С. 26–29.
9. Кириченко К.А. Положение транссексуалов в контексте доктрины прав человека и эволюции юридической науки // Медицинское право. 2010. № 5. С. 22–30.
10. Шишкина Ю.С. Проблемы реализации прав транссексуалов на медицинскую помощь // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2013. № 2 (78). С. 172–178.
11. Кудряшов О.В., Дивитаева О.А. Психологическая помощь как средство исправления осужденных // Вестник международного Института управления. 2016. № 1–2 (137–138). С. 29–32.
12. Морозов А.С. Религиозное поведение осужденных как средство их исправления // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 387. С. 170–174.
13. Маликов Б.З. Общественное воздействие – средство исправления осужденных, и роль в нем религиозного аспекта // Уголовно-исполнительное право. 2018. Т. 13. № 2. С. 146–151.

References

1. Skiba A.P. O nekotoryh napravleniyah razvitiya ugovolno-ispolnitel'nogo prava i kriminologii (k yubileyu kafedry kriminologii i ugovolno-ispolnitel'nogo prava Moskovskogo gosudarstvennogo yuridicheskogo universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYUA)) [On some directions of development of criminal Executive law and criminology (to the anniversary of the Department of criminology and criminal Executive law of the Moscow state law University named after O.E. Kutafin (MSAL))]. Soyuz kriminalistov i kriminologov [Union of criminologists and criminologists], 2018, no. 4, pp. 39–46. (In Russian, abstract in English).
2. Gorovoj S.A., Deminova V.Yu. Problema opredeleniya pola lica pri naznachenii ugovolnogo nakazaniya, vybore vida ispravitel'nogo uchrezhdeniya [The Problem of determining the sex of a person in the appointment of criminal punishment, choosing the type of correctional institution]. In Sb. statej II Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo konkursa «Luchshaya studencheskaya stat'ya» [Collection of articles of the II International scientific and practical competition “the Best student article”]. Penza, 2016, pp. 238–242. (In Russian).
3. Voroshilin S.I. Rasstrojstva polovoj identifikacii i suicidal'noe povedenie [Disorders of sexual identification and suicidal behavior]. Suicidologiya [Suicidology], 2011, vol. 2, no. 2 (3), pp. 3–11. (In Russian, abstract in English).
4. Ugolovno-ispolnitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v dissertacionnyh issledovaniyah 1997–2018 gg. (special'nost' 12.00.08): bibliograf. ukazatel' [Criminal Executive code of the Russian Federation in dissertation research 1997–2018 (specialty 12.00.08): bibliographer. pointer]. Ed. A.P. Skiba. Ryazan: Academy of the Federal penitentiary service of Russia Publ., 2019. (In Russian).
5. Amet-Usta Z.R. Transgendernye deti: mif ili real'nost'? [Transgender children: myth or reality?]. Uchenye zapiski Krymskogo inzhenerno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya [Scientific notes of the Crimean engineering and pedagogical University. Series: Pedagogy. Psychology], 2016, no. 4 (6), pp. 32–35. (In Russian, abstract in English).
6. Skiba A.P., Skorik E.N. Ob osnovnyh i fakul'tativnyh sredstvakh ispravleniya bol'nyh osuzhdennyh [On basic and optional means of correction of sick convicts]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal Executive law], 2016, no. 2 (24), pp. 34–38. (In Russian, abstract in English).

7. Spasennikov B.A. Psihologicheskaya pomoshch' kak sredstvo ispravleniya osuzhdennyh [Psychological assistance as a means of correction of convicts]. Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie [Bulletin of the Institute: crime, punishment, correction], 2015, no. 2 (30), pp. 70–71. (In Russian, abstract in English).

8. Yavorskij M.A. Rol' religioznyh ob"edinenij v mekhanizme ispravleniya osuzhdennyh [The Role of religious associations in the mechanism of correction of convicts]. Ugolovno-ispolnitel'naya sistema: pravo, ekonomika, upravlenie [Criminal Executive system: law, economy, management], 2014, no. 2, pp. 26–29. (In Russian, abstract in English).

9. Kirichenko K.A. Polozhenie transseksualov v kontekste doktriny prav cheloveka i evolyucii yuridicheskoy nauki [The situation of transsexuals in the context of the doctrine of human rights and the evolution of legal science]. Medicinskoe pravo [Medical law], 2010, no. 5, pp. 22–30. (In Russian, abstract in English).

10. Shishkina Yu.S. Problemy realizacii prav transseksualov na medicinskuyu pomoshch' [Problems of realization of the rights of transsexuals to medical care]. Vestnik Volzhskogo universiteta im. V.N. Tatishcheva [Bulletin of the Volga University. V. N. Tatishcheva], 2013, no. 2 (78), pp. 172–178. (In Russian, abstract in English).

11. Kudryashov O.V., Divitaeva O.A. Psihologicheskaya pomoshch' kak sredstvo ispravleniya osuzhdennyh [Psychological assistance as a means of correction of convicts]. Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya [Bulletin of the international Institute of management], 2016, no. 1–2 (137–138), pp. 29–32. (In Russian, abstract in English).

12. Morozov A.S. Religioznoe povedenie osuzhdennyh kak sredstvo ih ispravleniya [Religious behavior of convicts as a means of their correction]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Bulletin of Tomsk state University], 2014, no. 387, pp. 170–174. (In Russian, abstract in English).

13. Malikov B.Z. Obshchestvennoe vozdejstvie - sredstvo ispravleniya osuzhdennyh, i rol' v nem religioznogo aspekta [Public influence is a means of correction of convicts, and the role of the religious aspect in it]. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo [Criminal Executive law], 2018, vol. 13, no. 2, pp. 146–151. (In Russian, abstract in English).

ЗАРУБЕЖНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО СОЮЗА КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ В РЕСПУБЛИКЕ КАЗАХСТАН

К ЮБИЛЕЮ УЧЕНОГО, ГОСУДАРСТВЕННОГО И ОБЩЕСТВЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ ИГОРЯ ИВАНОВИЧА РОГОВА

**Зайцев Олег Александрович,
Мацкевич Игорь Михайлович,
Лебедев Максим Владимирович**

17 мая 2020 г. отметил свой 70-летний юбилей известный государственный и общественный деятель, заслуженный деятель Республики Казахстан, замечательный педагог, руководитель, талантливый ученый, доктор юридических наук, профессор, академик Академии социальных наук Казахстана Игорь Иванович Рогов.

В статье приведен краткий очерк профессионального и научного пути известного специалиста в области уголовного права, криминологии и конституционного права. Научное и экспертное сообщество сердечно поздравляет И.И. Рогова и отмечает его значимый вклад в развитие мировой юридической науки и высокие заслуги в формировании конституционной законности Республики Казахстан.

***Ключевые слова:** Республика Казахстан, Конституция, Конституционный Совет, Конституционный форум, юридическая наука, конституционное право, уголовное право, криминология, коррупция, политика.*

Игорь Иванович Рогов родился 17 мая 1950 г. в Баку в Азербайджанской ССР. Свою тягу к юридическим наукам приобрел на юридическом факультете Казахского государственного университета (КазГУ) им. С.М. Кирова, ныне Казахского национального университета имени Аль-Фараби – ведущего вуза страны, где получил квалификацию «юрист», по специальности «правоведение». За время обучения И.И. Рогов проявил высокие лидерские качества, активно пропагандировал юридическую науку в рамках студенческого общества «Молодежь и закон», был постоянным участником научных конференций, проявлял живой интерес к уголовному праву, криминологии, философии науки.

В 1973 г. по окончании университета Игоря Ивановича как дипломированного специалиста приглашают на работу следователем Ауэзовского

районного отдела внутренних дел г. Алматы. После двух лет практической работы он принимает решение посвятить себя научной деятельности, для чего возвращается в Alma Mater. В 1975 г. И.И. Рогов становится ассистентом кафедры уголовного права и криминологии КазГУ и с усердием приступает к научно-педагогической работе.

С 1975 по 1990 гг. Игорь Иванович поочередно занимает должности ассистента, старшего преподавателя, затем доцента кафедры уголовного права и криминологии. В 1981 г. под руководством выдающегося казахстанского ученого, профессора Г.Ф. Поленова (*Георгий Федорович Поленов (1924–2001) – советский и казахстанский ученый-правовед, один из основателей казахстанской школы уголовного права, доктор юридических наук, профессор*), защищает кандидатскую диссертацию

на тему: «Уголовно правовая борьба с преступно-небрежным использованием, хранением и разукрупнением техники».

Высокий вклад в развитие университета и воспитание будущего поколения И.И. Рогов приносит на позиции заместителя декана по воспитательной работе КазГУ имени С.М. Кирова. Рассматриваемый период жизни отмечен встречами и совместной работой со знаковыми людьми, выдающимися учеными в области уголовного права и криминологии. В своих работах впоследствии И.И. Рогов отмечает положительное влияние на него соратников и коллег, особенно значимым был вклад его руководителя Ю.Г. Басина [1, с. 414]. *(Юрий Григорьевич Басин (1923–2004) – советский и казахстанский ученый-правовед, цивилист, один из основных создателей современной школы гражданского права в Казахстане, организатор высшего юридического образования в Казахстане, доктор юридических наук, профессор).*

В это время Игорь Иванович увлечен исследованием проблем уголовно-правового противодействия борьбе с экономической преступностью и квинтэссенцией его труда стала докторская диссертация на тему: «Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовое и криминологическое исследование)» [2]. Результаты данного исследования были своевременны для переходного периода страны и послужили правовой основой проведения положительных и значимых экономических и политических реформ. Новаторские методики и разработки И.И. Рогова «...получили реализацию при определении отдельных направлений социальной и экономической политики государства, комплексных прогнозов экономического и социального развития, при совершенствовании законодательства и правоохранительной деятельности в сфере борьбы и предупреждения экономической преступности» [3, с. 110]. Коллеги отметили высокую значимость данной работы в становлении нового государства, преобразовании его сущностных политических, экономических и социальных основ, введении в научный оборот новых уголовно-правовых категорий. И.И. Роговым был «...осуществлен теоретический анализ правовых проблем уголовно-правовой политики и предупреждения экономической преступности в условиях перехода к рыночной экономике» [4, с. 191]. Труды Игоря Ивановича приобретают известность, его научные идеи получают признание далеко за пределами Республики Казахстан.

В мае 1990 г. И.И. Рогов поступает на работу в отдел Канцелярии Президента Казахской ССР.

В это непростое время, когда распался Советский Союз и Казахстан приобрел независимость, Игорь Иванович последовательно занимает должности консультанта, старшего референта, затем старшего референта отдела Аппарата Президента и Кабинета Министров Республики Казахстан.

Высокая работоспособность наряду с творческим потенциалом не остались незамеченными. В 1992 г. по представлению Президента страны Нурсултана Абишевича Назарбаева на сессии Верховного Совета Республики Казахстан И.И. Рогов избирается заместителем Председателя Верховного Суда РК.

В 1995 г. Игорь Иванович занимает должности помощника, а затем с 1997 по 2000 г. должность советника Президента Республики Казахстан. Этот период был отмечен напряженной работой в качестве руководителя рабочей группы по подготовке первого закона борьбе с коррупцией. Одновременно с этим И.И. Рогов участвует в разработке и кодификации уголовного, уголовно-процессуального, административного и гражданско-процессуального законодательства.

В 2000 г. Указом Президента РК № 443 И.И. Рогов был назначен Министром юстиции Казахстана. Правовые реформы этого периода во многом опираются на научные достижения казахстанских ученых-правоведов, чему в немалой степени способствовал Игорь Иванович.

С 2002 по 2004 г. И.И. Рогов продолжает находиться в самой гуще событий: он возглавляет государственно-правовой отдел, потом становится начальником государственно-правового Управления РК, а затем – заместителем Руководителя Администрации Президента РК. В этот период разрабатывается и утверждается важнейший стратегический документ – Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2010 года.

15 июня 2004 г. Указом Президента Республики Казахстан И.И. Рогов назначается Председателем Конституционного Совета Республики Казахстан, а в 2010 и 2016 г. переназначается на новый срок. За время работы была поэтапно сформирована казахстанская конституционная модель. Возросла роль Конституции как важнейшего средства обеспечения эффективного и устойчивого развития страны и общества. Игорь Иванович стоит на позиции необходимости безусловного соблюдения Конституции всеми субъектами общественных отношений в стране рассматривает этот фактор, как важнейший для развития современного государства. Под руководством И.И. Рогова Конституционный Совет проводил работу по контролю за соблюдением конституционных принципов,

следил за соответствием статей Конституции общепризнанным нормам международного права, и в то же время обеспечивал приоритет охраны национальных традиций и приоритетов Казахстана. Благодаря И.И. Рогову Конституционный Совет РК эффективно осуществлял свою деятельность по рассмотрению обращений Президента РК, по официальному толкованию конституционных правовых норм, по рассмотрению новых и действующих законов и законопроектов, по проверке решений судов на соответствие Конституции РК.

С 2016 г. И.И. Рогов является членом Европейской комиссии за демократию через право (Венецианской комиссии) от Республики Казахстан, Координационного совета Международного союза юристов. Игорь Иванович активно популяризирует работу Венецианской комиссии в своих трудах, в 2019 г. под его редакцией вышла книга, которая называется: «Казахстан и Венецианская комиссия: за демократию через право» [5].

14 декабря 2017 г. И.И. Рогов назначен заместителем исполнительного директора Фонда Первого Президента Республики Казахстан – Елбасы, являющегося крупнейшей некоммерческой организацией страны, миссия которой заключается в поддержании социально значимых, стратегически важных для государства проектов. За годы деятельности Фонда благодаря Игорю Ивановичу реализованы сотни образовательных, социальных и благотворительных проектов, направленных на поддержку талантливой молодежи, развитие социальных проектов и гражданских инициатив, развитие конкурентоспособного экспертно-аналитического центра (*Фонд Первого Президента РК – Елбасы: время развития и новых возможностей URL: https://www.inform.kz/ru/fond-pervogo-prezidenta-rk-elbasy-vremya-razvitiya-i-novyh-vozmozhnostey_a3651699 (дата обращения: 17.05.2020)*).

С 2019 г. И.И. Рогов является председателем Общественного совета по борьбе с коррупцией (*См.: Игорь Рогов возглавил общественный совет по борьбе с коррупцией // URL: https://tengrinews.kz/kazakhstan_news/igor-rogov-vozglavil-obschestvennyiy-sovet-borbe-korrupsiei-389889/ (дата обращения: 17.05.2020)*). На этой должности он успешно выполняет поставленную задачу по достижению целей Стратегии развития Казахстана до 2050 года, составным и даже определяющим элементом которой является бескомпромиссная борьба с коррупцией (*Заседание по противодействию коррупции прошло в «Nur Otan» // URL: <https://liter.kz/8025-zasedanie-po-protivodeystviyu-korrupsii-proshlo-v-nur-otan/> (дата обращения: 17.05.2020)*).

Выдающиеся заслуги ученого и государственного деятеля Республики Казахстан И.И. Рогова отмечены многочисленными государственными и общественными наградами, к числу которых можно отнести: Орден Достык 1 степени (2016 г.), Орден Достык 2 степени (2011 г.), Орден «Парасат» (2005 г.), Медаль 10 лет независимости Республики Казахстан, Медаль «Тынга 50 жыл», Медаль «Астана», Медаль «20 лет независимости Республики Казахстан», Медаль «20 лет Ассамблеи народа Казахстана», Почетное звание «Заслуженный деятель Республики Казахстан» («Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері») (1999 г.), Ведомственная медаль Верховного Суда РК «Халықаралық ынтымақтастықты дамытуға қосқан үлесі үшін» (2014 г.), Медаль «Конституциялық заңдылықты нығайтуға қосқан үлесі үшін» (2017 г.).

Особое место среди наград для И.И. Рогова занимает Международная премия «Фемида» лауреатом которой он стал в 1999 г. (*Первому Президенту Республики Казахстан Н.А. Назарбаеву юридическая премия «Фемида» была вручена в 2010 г.*).

Высокие профессиональные достижения И.И. Рогова на научном поприще и на государственной службе во многом обусловлены его личностными качествами. Игорь Иванович является человеком со многими достоинствами: замечательный друг и семьянин, политик, правовед, ученый, требовательный и понимающий руководитель, мудрый наставник. Под руководством И.И. Рогова были защищены яркие кандидатские и докторские диссертации по уголовному праву и криминологии.

И.И. Рогов, несмотря на свою занятость, ведет непрерывную научную и образовательную деятельность, организует научные форумы и принимает в них участие, выступает с докладами, читает лекции, занимается правовым воспитанием молодежи. В 2001 г. И.И. Рогов избран академиком Академии социальных наук Республики Казахстан.

Большое внимание И.И. Рогов уделяет организации и проведению традиционной международной конференции по конституционному праву, приуроченной ко дню Конституции Республики Казахстан, именуемой первым в постсоветском пространстве Конституционным Форумом.

Прямой заслугой Игоря Ивановича можно считать то, что одновременно с принятием Уголовного кодекса РК он подготовил ряд учебников по уголовному праву и комментариев к закону, что обеспечило эффективную интеграцию нормативно-правовых новелл в законодательство.

И.И. Рогов автор более 100 научных работ. Его перу принадлежат фундаментальные труды по конституционному, уголовному, уголовно-процессу-

альному праву и криминологии. Это комментарии, учебники, учебные пособия, статьи, среди которых можно выделить: Толковый словарь Конституции РК («Жеті жарғы», г. Алматы, 1996 г.); Конституционный контроль в Казахстане (Алматы, 2005); Экономика и преступность (Алматы, 1991 г.); Уголовное право Республики Казахстан (1998 г.); Уголовное право Казахстана, общая и особенная части (2001–2003); Криминология (2006 г.) и многие другие.

За время работы на высоких государственных должностях, реализуя свой богатый управленческий опыт, И.И. Рогов сохранил верность своим принципам и взглядам, формировал и укреплял лучшие правовые традиции Казахстана. Не считаясь с личным временем, не жалея сил, Игорь Иванович посвятил свою жизнь укреплению конституционной законности и независимости Республики Казахстан.

Благодаря своему высочайшему профессионализму, трудолюбию и настойчивости И.И. Рогову удалось привнести значительный вклад в развитие юридического образования, науки уголовного права, криминологии, теории и практики конституционного контроля. Он постоянно занимался и занимается воспитанием будущих поколений.

Друзья и коллеги отмечают высокие личностные качества Игоря Ивановича, его порядочность, интеллигентность и доброжелательность, его блестящую эрудицию, жизнерадостность и неиссякаемый оптимизм.

Поздравляем Игоря Ивановича Рогова со знаковым юбилеем! Желаем ему творчества и надеемся, что одну из своих наиболее интересных статей он опубликует в журнале «Союз криминалистов и криминологов».

Литература

1. Рогов И.И. Ореол исключительности повсюду следовал за ним... // Юрий Григорьевич Басин: Ученый, Учитель, Личность. Алматы: ТОО «Юридическая фирма «AEQUITAS», 2013.
2. Рогов И.И. Проблемы борьбы с экономической преступностью (уголовно-правовые и криминологические исследования): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Алма-Ата, 1991. 555 с.
3. Ударцев С.Ф., Ким К.В. Государственный деятель, известный ученый-криминолог и конституционалист // Право и государство. 2015. № 4 (69). С.109–116.
4. К юбилею Игоря Ивановича Рогова – выдающегося казахстанского ученого-правоведа // Журнал российского права. 2020. № 4. С. 190–192.
5. Мами К., Рогов И.И. Казахстан и Венецианская комиссия: за демократию через право. Алматы: Қазақ университеті, 2019. 555 с.

References

1. Rogov I.I. Oreol isklyuchitel'nosti povsyudu sledoval za nim... [The Halo of exclusivity everywhere followed him...]. In Yurii Grigor'evich Basin: Uchenyi, Uchitel', Lichnost' [Yuri Grigorievich basin: Scientist, Teacher, Personality]. Almaty: TOO «Yuridicheskaya firma «AEQUITAS» Publ., 2013. (in Russian)
2. Rogov I.I. Problemy bor'by s ekonomicheskoi prestupnost'yu (ugolovno-pravovye i kriminologicheskie issledovaniya): disc. ... d-ra jurid. nauk [Problems of fighting economic crime (criminal law and criminological research)]. Alma-Ata, 1991. 555 p. (in Russian)
3. Udartsev S.F., Kim K.V. Gosudarstvennyi deyatel', izvestnyi uchenyi-kriminolog i konstitutsionalist [Statesman, famous scientist-criminologist and constitutionalist]. Pravo i gosudarstvo [The law and the State], 2015, no. 4 (69), pp. 109–116. (In Russian, abstract in English)
4. K yubileyu Igorya Ivanovicha Rogova – vydayushchegosya kazakhstanskogo uchenogo-pravoveda [For the anniversary of Igor Ivanovich Rogov – outstanding Kazakh scientist-lawyer]. Zhurnal rossiiskogo prava [Journal of Russian law], 2020, no. 4, pp. 190–192. (In Russian, abstract in English)
5. Mami K., Rogov I.I. Kazakhstan i Venetsianskaya komissiya: za demokratiyu cherez pravo [Kazakhstan and the Venice Commission: for democracy through law]. Almaty: Қазақ universiteti Publ., 2019. 555 p. (in Russian)

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

РУКОВОДЯЩИЕ НАЧАЛА ПО УГОЛОВНОМУ ПРАВУ: ПРЕДЫСТОРИЯ РАЗРАБОТКИ, ПРООБРАЗ ОБЩЕЙ ЧАСТИ ПЕРВОГО УК РСФСР, ЗНАЧЕНИЕ (К 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ)

Чучаев Александр Иванович,
Грачева Юлия Викторовна,
Маликов Сергей Владимирович

Цель: рассмотреть вопросы концептуальных основ постановления Наркомата юстиции РСФСР от 22 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», авторства документа, его структуры, охарактеризовать основные положения Начал, их соотношение с аналогичными положениями Общей части УК РСФСР 1922 г., исследовать соответствующие уголовно-правовые воззрения 1917–1922 гг., определить значение указанного постановления для дальнейшего развития советского уголовного законодательства и теории уголовного права.

Методология: анализ, синтез, дедукция, формально-юридический метод, исторический, диалектический, системный методы, метод межотраслевых юридических исследований.

Выводы. Руководящие начала явились попыткой Наркомюста РСФСР систематизировать нормы Общей части уголовного права, выработанные в результате нормотворчества за первые годы советской власти. В их основе лежал классовый подход, который наиболее наглядно проявлялся в определении понятия преступления и задач уголовного права. Главная цель этого акта – фактическая фиксация уголовной ответственности за преступления, чтобы стабилизировать ситуацию в государстве и обществе. В то время развитие уголовного законодательства диктовалось соображениями не столько стратегической уголовной политики, сколько тактической политики выживания.

Научная и практическая значимость. Авторами впервые представлен комплексный взгляд на Руководящие начала 1918 г., состоящий в анализе их предыстории, установления соотношения между Руководящими началами и Общей частью УК РСФСР 1922 г. с точки зрения проблемы преемственности основных положений, а также определено значение Руководящих начал.

Ключевые слова: постановление, Наркомюст РСФСР, Руководящие начала, структура, введение как особый структурный элемент, преступление, вина, наказание, меры социальной защиты, УК РСФСР 1922 г.

Предыстория Руководящих начал. До 1918 г. уголовное законодательство Советской России было ситуативным. Это наглядно видно из видов и содержания актов, в которых имеются уголовно-правовые нормы (воззвания, декреты, постановления и т.д.). В абсолютном большинстве они касались Особой части уголовного права, были направлены на противодействие

отдельным преступлениям (с 26 октября 1917 по 1922 гг. всего было принято более 400 уголовно-правовых норм).

В теории уголовного права в первые годы советской власти достаточно активно обсуждались принципиальные вопросы уголовной политики пролетарского государства исходя из необходимости формирования нового, отличающегося от

прежнего, уголовного права. По существу, в это время начали складываться основные идеи как социалистического права вообще, так и уголовного права в частности. Причем, как отмечает А.А. Герцензон, в указанный период проблемы уголовного права ставились и обсуждались не столько представителями науки, сколько практическими работниками [1, с. 74; 2, с. 58]. Последнее было обусловлено в том числе и удручающей карательной практикой судов [3, с. 972; 4, с. 190; 5].

Первой попыткой подготовки кодифицированного акта по уголовному праву явилась разработка сотрудниками Наркомюста РСФСР Советского уголовного уложения [6]. Большевики его восприняли скептически (возможно, в том числе и потому, что составителями Уложения были левые эсеры). Д.И. Курский писал, что была предпринята попытка «сочетать противостественным браком пролетарскую демократию с буржуазной демократией» [7, с. 57–58]. П.И. Стучка отмечал: «Это курьезный проект члена левозэсеровской коллегии НКЮ Шрейдера (*философ, политический деятель, публицист, издатель, член комиссии по составлению Конституции РСФСР. В 1917–1918 гг. был членом коллегии Наркомюста РСФСР, редактировал Советское уголовное уложение*), однако, уже напечатанный для внесения в сессию ВЦИК. Лишь уход левых эсеров из Правительства механически устранил проект. Мы его сожгли» [8, с. 31]. «Старые законы были “сожжены”, и напрасно из уцелевших в этом пожарище обожженных листов некоторые из наших революционеров стали кроить “уложение русской революции” (проект левых эсеров, весна 1918 г.) вместо того, чтобы творить действительно новые революционные законы. Пролетарская революция обязывает к творчеству» [9, с. 243] (*О.Ф. Шишов отмечал, что «Руководящие начала явились мощным ударом по попыткам левых эсеров протащить уложение, проект которого был разработан в 1918 г. под руководством народного комиссара юстиции эсера Штейнберга и представлял собой в значительной степени измененное царское Уголовное уложение 1903 г.»*) [10, с. 83].

Отвечая П.И. Стучке, А.А. Шрейдер пишет: «...В построениях П.И. Стучки и Мих. Гернета есть основная ошибка. Кодекс, над которым будут работать в течение пяти лет, будет более совершенным, но что будет делать Россия, ее новые суды и судьи, пока П.И. Стучка и Мих. Гернет будут готовить ... совершеннейший из кодексов?»

О России забыли. Случается.

«Именно для того, чтобы была возможность готовить в тиши и спокойствии кабинета новый социалистический кодекс, нужно дать заждавшейся России пусть не совершенное, но не противоречащее основам революционного миропонимания писаное законодательство. Оно будет временным, переходящим. Оно будет заменено новым стройным законодательством. Но сейчас, в течение ближайших дней, должна быть дана какая-либо основа. Этого возможно достигнуть в столь короткий срок исключительно путем пересмотра и пересоздания старого свода и применения его к новым условиям. Ибо, скажу я еще раз, неразумно лишать организм возможности пытаться, вырывая молочные зубы, пока не выросли постоянные. А когда они вырастут – молочные сами отпадут» [11].

Левыми эсерами в это же время была подготовлена Инструкция местным и окружным народным судам о применении уголовных законов [12, с. 115–125; 13, с. 154–160]. М.М. Исаев, оценивая эту Инструкцию, указывал, что она противоречила самому духу советского законодательства, указаниям партии и высказываниям В.И. Ленина о революционном правотворчестве, сущности и задачах советских декретов ноября 1917 – июня 1918 гг. В ней сведены воедино положения Уголовного уложения 1903 г. и ряда декретов советской власти. Затея оказалась нежизненной, данную Инструкцию суд не применял [14, с. 31].

Некоторые авторы утверждают, что отсутствие кодифицированного уголовного законодательства было сознательной политикой советского государства; созданный таким образом «правовой вакуум» позволял эффективнее и безжалостнее бороться с классовыми и идеологическими противниками [15, с. 14–15]. Отвечая на эти обвинения, П.И. Стучка писал: «Мы часто встречаем одну легенду, которую необходимо опровергнуть, а именно, что мы будто бы всегда были против законов вообще и кодексов в особенности. Напротив, мы начали с таких законов, как социализация земли, 8-ми часовой рабочий день и т.д. И не могло быть иначе. Ведь наша революция является самой организованной из всех бывших революций. И разве мы могли отказаться от такого организованного способа реорганизации общества, как законодательство» [16, с. 98].

Следует заметить, что сложившееся положение (отсутствие кодифицированного законодательства) М.Ю. Козловский (один из руководителей страны) объяснял, например, тем, что «...работу в области карательной будет направлять не бур-

жузная лицемерная, индивидуальная гуманность, а классовый интерес — непреклонного подавления посягательств паразитирующего меньшинства на условия общежития, соответствующие интересам трудящихся масс... Конкретизировать эту работу, установить наперед детальный план мер борьбы с преступлением, сводить их в кодекс сейчас — значило бы измышлять более или менее остроумную утопическую систему. Кодификация уголовного права во время социалистической революции — напрасный труд; я думаю, что задача власти в этой правовой области сводится главным образом к руководству, к инструктированию масс» [17, с. 27].

Правда, несколько позднее он изменил точку зрения. Выступая на III съезде деятелей советской юстиции, М.Ю. Козловский утверждал: «Мы исходим из положения, что если мы существовали до сих пор без кодекса, то не потому, что были противниками кодекса, а потому, что не было возможности создать его, но никто не сомневался в необходимости его создания» [18, с. 73].

Абсолютное большинство ученых, обращавшихся к Руководящим началам, отмечали, что они основаны на положениях социологической школы уголовного права. Составители документа, желая порвать с подходом к уголовной репрессии, сложившимся в дореволюционном уголовном праве, в духе указанной школы (причем в большинстве своем представителей ее левого крыла) посчитали необходимым непосредственно в Началах зафиксировать положение о коренном изменении характера наказания, которое произошло в стране. Как указывал А.Я. Эстрин, акцент делался на то, что преступление в классовом обществе детерминруется укладом общественных отношений, что необходимо иметь в виду при выборе наказания [19, с. 94]. Социологический подход в его крайнем проявлении особенно отчетливо виден в высказываниях М.Ю. Козловского. Так, он писал: «Для нас, детерминистов, аксиомой является положение, что преступник — продукт социальной среды, и что все его действия, все его побуждения от его и нашей воли не зависят. Нелепо поэтому воздавать ему “должное” за то, в чем он неповинен... Единственной целью налагаемой кары должна быть, в соответствии с нашими взглядами на причины преступности, самозащита или охрана условий общежития от посягательства» [17, с. 27].

По сути, аналогичную мысль высказывал В.И. Бошко [20, с. 445].

С одной стороны, авторы, как нетрудно заметить, выступали против признания наказания возмездием, его жестоких и мучительных форм,

с другой стороны, они, по существу, сводили все к фатализму, отрицанию активной роли человеческой воли. М.М. Исаев, пересмотрев свои прежние взгляды по поводу оценки Руководящих начал и их концептуальных основ (*ранее автор утверждал, что в Руководящих началах отразилась теория опасного состояния, характерная для обостренных периодов гражданской войны*) [21, с. 25], во второй половине 1940-х гг. писал: «Составители Руководящих начал ... в известном отношении находились под влиянием социологической школы уголовного права ... и не учли высказываний марксизма, отнюдь не отрицавших понятия вины, которое они лишали всякого метафизического содержания. Классики марксизма не отрицали и понятия наказания как реакции на преступление, содержащей определенную оценку преступления... Классикам марксизма были совершенно чужды понятия “опасного состояния” и “мер социальной защиты”, которые социологической школой ставились на место “преступления и наказания”» [22, с. 46–47].

О влиянии социологической школы права на формирование Руководящих начал говорили Т.Л. Сергеева и некоторые другие авторы. Однако, как пишет О.Ф. Шишов, неправильно рассматривать их «...как первый кодифицированный памятник советского материального права... являющий собой ... пример компромисса идей старой классической школы и нового позитивно-социологического направления». Критикуя данное высказывание, он указывает, что Т.Л. Сергеева игнорирует классовый подход, исходя из которого сформулированы все без исключения положения рассматриваемого акта. Представители же классической и социологической школ всегда маскировали это обстоятельство [10, с. 82].

Вопрос об авторстве Начал, несмотря на предпринимавшиеся попытки выяснить это, на наш взгляд, остается дискуссионным. В советской литературе многие исследователи считали, что Начала принадлежат перу М.Ю. Козловского (*1 января 1876, Вильнюс — 3 марта 1927, Москва*) — юрист, участник российского, польского и литовского революционного движения. Присяжный поверенный. В 1918–1920 гг. — председатель Малого Совнаркома) [23, с. 202; 24, с. 11; 25, с. 189]. В современной науке уголовного права данную точку зрения поддерживает М.О. Окунева. В подтверждение она, во-первых, ссылается на работы советских авторов, в том числе статью П.И. Стучки, опубликованной в марте 1927 г. в газете «Правда»; во-вторых, находит сходство между положениями его

программной статьи «Пролетарская революция и уголовное право» [12, с. 121] и Руководящими началами.

М.И. Блум автором Руководящих начал признавала самого П.И. Стучку [26, с. 192].

О.Ф. Шишов выдвигал иную версию авторства документа. Он писал: «...есть все основания считать, что Руководящие начала были разработаны коллективно, но первоначальная редакция принадлежала М.Ю. Козловскому... Что же касается определения права, то оно, бесспорно, сформулировано П.И. Стучкой. Проект Руководящих начал подвергался детальному обсуждению на семи заседаниях коллегии НКЮ с июля по декабрь 1919 г., проходивших под председательством П.И. Стучки – основного редактора проекта. Вероятно, в силу этого ему неудобно было в статье, посвященной памяти своего соратника, акцентировать внимание на личном участии в составлении этого документа» [10, с. 87].

Руководящие начала были приняты 12 декабря 1919 г. как постановление Народного комиссариата юстиции РСФСР, подписаны заместителем народного комиссара юстиции П.И. Стучкой (*СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590*). Украина, Белоруссия, республики Средней Азии и Закавказья приняли и опубликовали Руководящие начала без изменений [27, с. 126].

Руководящие начала и Общая часть УК РСФСР 1922 г.: проблемы преемственности основных положений. Руководящие начала, помимо введения, состояли из восьми разделов: 1) об уголовном праве; 2) об уголовном правосудии (норма, содержащаяся в этой главе, имеет не уголовно-правовой, а судоустройственный и процессуальный характер); 3) о преступлении и наказании; 4) о стадиях осуществления преступления; 5) о соучастии; 6) о видах наказания; 7) об условном осуждении; 8) о пространстве действия уголовного права. Указанные разделы включают в себя 27 статей.

Характеризуя структуру Руководящих начал, В.П. Коняхин пишет, что они унаследовали многие черты, присущие Общей части дореволюционного уголовного законодательства. «При ее построении использована характерная для Уголовного уложения 1903 г. двучленная рубрикация нормативного материала (разделы, статьи). С точки зрения наименования отдельных рубрик и их расположения между собой, они явно тяготели к Уложению о наказаниях 1845 г. Разумеется, по целому ряду показателей (в частности, по полноте правового материала, внутренней компоновке и последовательности изложения) Руководящие

начала заметно уступали предшествующему уголовному законодательству» [28, с. 61–62].

Введение (преамбула) – нетипичный элемент нормативного правового акта первых лет советской власти. В литературе его наличие объясняется особенностями сложившегося момента. При разработке Руководящих начал авторы документа вынужденно преследовали решение по крайней мере двух взаимосвязанных задач: во-первых, дать судам и военным трибуналам необходимые нормативные ориентиры в определении преступности и наказуемости деяния; во-вторых, из-за отсутствия учебников советского права для новых судей, вышедших в большинстве своем из рабочих и крестьян и не имевших не только юридического, но и необходимого общего образования, нужно было дать в самой сжатой форме представление о задачах и сущности советского права вообще и уголовного права в особенности [29, с. 20].

Некоторые авторы о введении высказывались достаточно восторженно. Так, С.Я. Булатов писал: «Написанное блестящим языком революционных декретов Введение к Руководящим началам разъясняет народным судьям и членам трибуналов основы марксистско-ленинского учения о сломе старого буржуазного государства и права и путях создания нового социалистического права» [27, с. 127]. Однако справедливости ради надо заметить, что многие исследователи достаточно резко критиковали ряд аспектов введения. Например, подверглось критике утверждение, согласно которому «в интересах экономии сил, согласования и централизации разрозненных действий пролетариат должен выработать правила обуздания своих классовых врагов... И прежде всего это должно относиться к уголовному праву, которое имеет своей задачей борьбу с нарушителями складывающихся новых условий в переходный период диктатуры пролетариата». В литературе утверждалось, что указанное положение извращало задачи советского уголовного права, последние не могли сводиться лишь к подавлению классового врага [30, с. 161]. С.Я. Булатов считал это утверждение достаточно спорным, хотя и признавал, что во введении не была сформулирована двуединая задача подавления сопротивления эксплуататоров и воспитания новой дисциплины и самодисциплины трудящихся [27, с. 128].

Немало критических замечаний высказано и относительно следующей формулировки, содержащейся во введении: «Только окончательно сломив сопротивление повергнутых буржуазных и промежуточных классов и осуществив комму-

нистический строй, пролетариат уничтожит и государство как организацию насилия и право как функцию государства» [27, с. 128].

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. не имел введения. Его Общая часть состояла из пяти глав, охватывавших 56 статей: 1) пределы действия уголовного закона; 2) общие начала применения наказания; 3) определение меры наказания; 4) роды и виды наказаний; 5) порядок отбывания наказания. Нетрудно заметить, что последняя глава как по названию, так и по содержанию в целом имеет уголовно-исполнительный (исправительно-трудовой) характер и включена в Уголовный кодекс без достаточных оснований.

В отличие от Руководящих начал УК РСФСР не содержит положений, имеющих общетеоретический характер, тогда как в ст. 1 Начал дается дефиниция права вообще. В ней говорилось: «Право – это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». Это определение в полной мере отражает взгляды П.И. Стучки на природу и сущность социалистического права [31, с. 18].

В ст. 2 и 3 Руководящих начал закрепляется понятие уголовного права и формулируются его задачи. «Уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного класса общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессии (наказания)». «Советское уголовное право имеет задачей посредством репрессии охранять систему общественных отношений, соответствующую интересам трудящихся масс, организовавшихся в господствующий класс в переходный от капитализма к коммунизму период диктатуры пролетариата».

Определение права вообще и уголовного права в частности вызвало ряд критических замечаний [32, с. 149–150, 161]. Так, Н.В. Крыленко обоснованно писал, что право не может быть системой общественных отношений, оно представляет собой «...писаное выражение данной системы общественных отношений» [33, с. 112]. Уголовное же право, по его мнению, представляло собой совокупность норм, целью которых выступает охрана системы общественных отношений, соответствующей интересам трудящихся масс [34, с. 23–24].

На наш взгляд, необходимо обратить внимание еще на одно обстоятельство. Сопоставление содержания ст. 1 и 2 Руководящих начал свидетельствует о наличии известного противоречия;

получается, что право, являясь системой общественных отношений, само призвано охранять систему общественных отношений.

В литературе утверждается, что впервые в истории уголовного законодательства понятие преступления, сформулированное в Началах, основано на его материальной характеристике [27, с. 129]. «Преступление есть нарушение порядка общественных отношений, охраняемых уголовным правом. Преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое бездействие лицами (преступниками)» (ст. 5 и 6).

Как известно, материальное понятие преступления показывает его социальную сущность; оно содержит такой признак, как общественная опасность, причем отраженной в дефиниции не в абстрактной форме, а с указанием той социальной ценности, которой деянием причиняется вред. Поэтому приведенное утверждение не совсем точно. Советский законодатель уже в одном из первых своих актов указывал этот признак преступления [35, с. 152]. Так, в ст. 3 Декрета II Всероссийского съезда Советов от 26 октября 1917 г. «О земле» было сказано: «Какая бы то ни была порча конфискованного имущества, принадлежащего отныне всему народу, объявляется тяжким преступлением, караемым революционным судом» (*СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3*). Правда, следует заметить, что в этом случае речь идет не о родовом понятии преступления (преступления как такового), а скорее, его видовой характеристике (преступлений против собственности).

Несмотря на достаточно отчетливое отражение материального признака преступления в его дефиниции, в 1920-е гг. высказывалось мнение, что «...Руководящие начала, вполне ясно формулируя классовую природу советского уголовного права, тем не менее давали лишь формальное определение преступления» [36, с. 53]. На наш взгляд, как раз наоборот: формальный признак преступления (предусмотренность в уголовном законе) практически не просматривается, в дефиниции лишь говорится о нарушении «порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом» [37, с. 156]. Нетрудно убедиться, что из этого прямо не вытекает вывод о формальном определении преступления (указание на «порядок... общественных отношений, охраняемый уголовным правом» само по себе еще не свидетельствует о противоправности как признаке преступления). Это обстоя-

тельство не учитывается многими учеными. Так, Е.В. Епифанцева и Ю.В. Недилько пишут: «...на первых этапах формирования советской власти понятия преступления не существовало... в теории и на практике под преступлением понималось деяние, представляющее опасность для социалистического общества и государства, даже если оно не было формально отражено в норме закона. Преступным считалось все, что вредит интересам рабочих и крестьян, делу революции... Прогресс, по сравнению с раннеревolutionным периодом, состоял в том, что преступное деяние (согласно Руководящим началам. — Авт.) должно было отвечать признаку противоправности, т.е. быть закрепленным в нормах права...» [38, с. 10, 11]. Как нам представляется, отсутствие указания на уголовную противоправность вполне объяснимо — оно связано с возможной аналогией уголовного закона, получившей нормативное закрепление в УК РСФСР 1922 г.

Уголовный кодекс РСФСР преступление определяет несколько иначе [39, с. 3]. В ст. 6 говорится: «Преступлением признается всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» [40, с. 89]. «Опасность лица обнаруживается совершением действий, вредных для общества, или деятельностью, свидетельствующей о серьезной угрозе общественному правопорядку» (ст. 7).

Таким образом, сохранив материальную характеристику преступления, законодатель в дефиниции никак не упоминает его уголовную противоправность. В этом есть определенная логика: наличие последней и аналогия закона взаимно исключают друг друга. В ст. 10 УК РСФСР отмечается: «В случае отсутствия в Уголовном кодексе прямых указаний на отдельные виды преступлений, наказания или меры социальной защиты применяются согласно статьям Уголовного кодекса, предусматривающим наиболее сходные по важности и роду преступления, с соблюдением правил общей части ... кодекса».

Руководящие начала не содержат понятия вины, не указывают на ее формы. Скорее всего, сказались метания представителей науки уголовного права. Ряд ученых, исходя из социологической концепции, отрицали значение вины как субъективного элемента основания уголовной ответственности; умыслу и неосторожности придавали лишь «некоторое значение признаков, свидетельствующих о характере личности» [41, с. 51].

В связи с этим в литературе говорилось, что Руководящие начала «отбрасывали вообще вину как выражение формы уголовной ответственности, как выражение определенного общественного отношения» [30, с. 167–168].

В Началах вина напрямую связывалась с индивидуализацией наказания. В ст. 12, посвященной учету ряда обстоятельств при выборе вида и размера наказания, предписывалось выяснение цели совершения преступления. В связи с этим в советской литературе утверждалось, что «правильнее говорить о непоследовательности авторов Руководящих начал в вопросе о вине, когда, отказавшись от термина вина, они тем не менее ставили содержание психического отношения преступника к совершенному им деянию в прямую связь с индивидуализацией уголовной ответственности» [15, с. 80; 42, с. 61]. По нашему мнению, сказанное в полной мере не вытекает из содержания ст. 12 Руководящих начал. Цель совершения преступления как мысленная модель будущего его результата, к достижению которого стремится лицо при совершении деяния, отнюдь не тождественна вине — психическому отношению лица к совершаемому им общественно опасному деянию, предусмотренному уголовным законом, и к его общественно опасным последствиям.

Вина, как таковая, не нашла отражения и в УК РСФСР, однако последний при этом закрепил ее формы (умысел и неосторожность) в ст. 11: «Наказанию подлежат лишь те, которые: а) действовали умышленно, т.е. предвидели последствия своего деяния и их желали или же сознательно допускали их наступления, или б) действовали неосторожно, т.е. легкомысленно надеялись предотвратить последствия своих действий или же не предвидели, хотя и должны были их предвидеть». Как видно из приведенной формулировки, отдельные элементы умысла и неосторожности, отраженные в законе, являются достаточно научно обоснованными, воспроизведены в современном законодательстве.

М.М. Гродзинский, отмечая указанный подход законодателя, писал, что советский Уголовный кодекс, сохраняя понятия умысла и неосторожности, «несколько не сохраняет этим понятие вины и не нарушает своего принципиального положения, согласно которому суд и закон учитывают не вину, а только социальную опасность деяния и деятеля» [43, с. 585].

Отсутствие упоминания в тексте УК РСФСР вины оценивалось учеными по-разному. Одни считали это проявлением влияния социологиче-

ской школы [44, с. 33; 45, с. 4], другие – принципиального разрыва с буржуазным уголовным правом. Например, М.А. Чельцов-Бебутов, признавая отказ законодателя правомерным шагом, подчеркивал: «Здесь как раз очень важно было освободиться от гипноза старых формул. Слишком уж идея вины срослась за века своего существования с идеей свободы воли, с одной стороны, и с идеей справедливого воздаяния – с другой» [46, с. 90]. По мнению автора, следующим шагом законодателя должен быть полный отказ от понятий умысла и неосторожности, поскольку они «почти не нужны практически и сейчас» [46, с. 92].

Справедливости ради надо заметить, что М.А. Чельцов-Бебутов и сам считал свою позицию дискуссионной.

Сейчас трудно однозначно сказать, что было первичным: законодательное решение или научные позиции ученых тех лет. Вероятно, это был определенный симбиоз: легальная формулировка отражала уголовно-правовую мысль того времени и сама же обусловила соответствующий подход в науке к оценке вины. В этом смысле показательна точка зрения А.Н. Трайнина. Вину и виновность он рассматривал не как социально-психологические категории, а как уголовно-правовые понятия с уголовно-юридическим содержанием [47, с. 16]. «Вина в ее подлинном уголовно-правовом значении есть лишь родовое имя умысла и неосторожности. Всякий род живет лишь в своих видах... Нет... в жизни вины вообще, реально существуют лишь ее виды – умысел и неосторожность. И так как “вина” ... в течение многих десятилетий сочетается с представлением о нравственной ответственности, то кажется последовательным и целесообразным в интересах точности научной терминологии говорить в дальнейшем не о “вине”, а конкретно об умысле и неосторожности» [48, с. 260].

Несколько позднее эти и другие высказывания были признаны в литературе результатом добросовестных заблуждений советских криминалистов, стремившихся видеть специфику советского права в том числе в отказе от принципа вины [1, с. 78]. Как писал И.С. Ной, с буржуазной концепцией вины и «злой волей» юристы-марксисты согласиться не могли, научная же разработка основных положений советского уголовного права на базе марксизма лишь начиналась [49, с. 9].

Не менее принципиальным вопросом, чем вина, было отношение к наказанию. В Руководящих началах последнему посвящено 12 статей из 27; (нормативный материал расположен

в трех разделах – 3, 6 и 7). Наказанием признавались меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает порядок общественных отношений от нарушителей последнего (ст. 7). В ст. 8 Начал задачей наказания объявлялась охрана общественного порядка от совершившего преступление или покушавшегося на совершение такового и от будущих возможных преступлений как данного лица, так и других. Обезопасить общественный порядок от будущих преступных действий лица, уже совершившего преступление, предполагалось либо путем приспособления преступника к данному общественному порядку, либо, если не поддается приспособлению, путем его изоляции, а в исключительных случаях – физического уничтожения. При выборе наказания следовало иметь в виду, что преступление в классовом обществе вызывается укладом общественных отношений, в котором живет преступник, именно поэтому наказание не есть возмездие за «вину», не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразным и в то же время лишены признаков мучительства; оно не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий (ст. 10).

Учение о наказании в советском уголовном праве базируется на положениях, высказанных руководителями Коммунистической партии, в первую очередь В.И. Лениным, сформулированных в партийных документах [50, с. 294–298]. В первые годы советской власти оно начало развиваться в двух концептуальных направлениях [51]. Как отмечал М.Д. Шаргородский, «в период проведения Великой Октябрьской социалистической революции партия создала учение о двуединой задаче наказания» [52, с. 8]. Первой составляющей была политическая задача, второй – воспитательная. Задачи подавления и воспитания, убеждения и принуждения находят свое выражение в законодательных актах, принимавшихся в 1917–1918 гг.

М.Ю. Козловский пишет: «Для марксиста всякое преступление – продукт непримиримости классовых антагонизмов... Тот переходный строй к социализму, который принесла России октябрьская революция, получил чрезвычайно богатое наследство преступности от империализма, приведшего к неслыханной бойне народов, к голоду и, в связи с этим, к крайнему озверению... Какие же меры ... придется применять в борьбе с этим злом в это переходное время? В первую голову наша карательная политика порвет совершенно с принципами возмездия, хотя бы по-

тому, что наш взгляд на преступника исключает наличие у него “свободной воли”, или просто “воли”. Для нас, детерминистов в этом вопросе, аксиомой является положение, что преступник – продукт социальной среды, и что все его действия, все его побуждения от его и нашей “воли” не зависят. Нелепо поэтому воздавать ему должное за то, в чем он неповинен. Мучительство и жестокость наказания должны быть отброшены» [17, с. 26–27].

М.Ю. Козловский отрицал достижение наказания цели исправления преступника. Он отмечал, что благоприобретенное виновным от среды – всегда заранее данное, оно будет предопределять равнодействующую движущих сил его переживаний. Сентиментальные способы перевоспитания, практикуемые в некоторых в западных тюрьмах (усиленное питание, продолжительные прогулки, массаж, купания, гимнастика и т.п.), не могут решить проблему вытеснения из личности ее криминогенных свойств, осуществить замену на некриминогенные. Исключает автор и цель общего предупреждения наказания. По его мнению, эту задачу реализует сама жизнь, которая в этом случае работает за нас, приближая народы России к коммунизму. С построением указанного строя отойдет в историю как преступление, так и всякое насилие вообще, значит и наказание, а также само право. «Единственной целью наказания, – пишет М.Ю. Козловский, – должна быть – в соответствии с нашим взглядом на причины преступности – самозащита или охрана условий общежития от посягательств, и в этих видах власти придется действовать решительными хирургическими методами, методами террора и изоляции... Нашу работу в области карательной будет направлять не буржуазная лицемерная, индивидуальная гуманность, а классовый интерес – непреклонного подавления посягательств паразитирующего меньшинства на условия общежития, соответствующие интересам трудящихся масс населения» [17, с. 27].

Начальник карательного отдела Наркомюста РСФСР Л.А. Саврасов в статье «Преступление и наказание в текущий переходный период» исходит из того, что идея преступности как социального зла является лицемерной, пустила глубокие корни в сознании ученых и обывателей; зависимость преступности от социальных условий в широком смысле признавалась почти всеми, и как результат этого, появилось чрезвычайно «гуманное» направление в пенитенциарной науке, где авторы старались изыскивать

новые способы смягчения режима заключенных и внушения взгляда на них как на жертвы существующего строя. «В мартовские дни прошлого (1917. – *Авт.*) года в порыве веры во всеобщее возрождение под влиянием политического переворота были раскрыты двери тюрем; тюрьмы опустели, но, конечно, ненадолго; прежние обитатели вновь вернулись туда, а вместе с ними потянулись длинные вереницы новых преступников, ибо единственная целесообразная общественная профилактика введена была только на столбцах “социалистических” газет, в жизнь же не только не была проведена, но даже признана несвоевременной» [53, с. 22–23].

Идея исправления виновных автору представляется нереалистичной. «Всегда ли преступника нужно “исправлять”, перевоспитывать, и не должно ли в некоторых случаях за преступлением следовать наказание в буквальном смысле этого слова?» – спрашивал автор. И отвечал: «В нас так крепко вошла и засела идея, что преступников нет, а есть только преступность, что поэтому казнить, наказывать преступников нельзя, что – я уверен – очень и очень многим поставленный мною вопрос покажется диким и нелепым. Если мы считаем и открыто заявляем, что некоторые враги народа (восстающие с оружием в руках против власти народа, нарушающие революционный порядок, вооруженные бандиты и т.п.) должны истребляться, то так же честно и открыто, без всякого фарисейства, мы должны заявить, что за некоторые преступления мы будем наказывать, карать» [53, с. 24].

Эта концепция, надо сказать, имела сторонников (например, Н.В. Крыленко) и отстаивалась примерно до середины 30-х гг. прошлого столетия, а позиция Л.А. Саврасова некоторыми авторами воспринималась как официальная. Так, Я.Л. Берман писал: «Если бы статья эта была выражением только личных взглядов Л.А. Саврасова, никого ни к чему не обязывающих, – она бы мало кого тронула. Но Л.А. Саврасов – руководитель карательного отдела НКЮ. А это обстоятельство уже заставляет относиться к его выводам с большим вниманием, так как легко можно предположить, что если Л.А. Саврасов считает возможным отступить от общего плана, намечаемого социалистическим учением в пенитенциарном деле, то такого же мнения придерживается и весь карательный отдел. И в таком случае вполне основательно опасение, что карательный отдел может стать на скользкий путь отклонения от подлинных задач своих, единственно согласующихся с новым строем...» [54, с. 50].

Л.А. Саврасов, выступая сторонником концепции социального «лечения» преступников, предлагал положить ее и в основу организации учреждений мест лишения свободы, рассматривая тюрьмы как своего рода социальные клиники, функции которых заключаются, с одной стороны, в постановке правильного диагноза болезней поступающих в них нездоровых представителей населения, с другой – в выработке мер лечения и их применении. Исходя из этого общего принципа, в тюрьмах планировалось иметь следующие отделения:

- 1) камеры распределения;
- 2) камеры для отдельных категорий преступников с соответствующим режимом;
- 3) камеры для социально «выздоровливающих» и предназначенных к «выписке»;
- 4) органы послетюремного наблюдения (*выступая на IV Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, Л.А. Саврасов уже отмечал, что «Программа РКП по вопросу о наказании выдвигает требование замены тюрем воспитательными учреждениями. Таким образом, лишение свободы имеет своей целью перевоспитание навших в преступление граждан и приспособление их к условиям существующего строя». Краткосрочный арест как мера так называемого юридического исправления не относится к наказаниям, имеющим цель перевоспитания преступника»*) [55, с. 40; 56].

Я.Л. Берман подверг резкой критике позицию Л.А. Саврасова. «Преступника редко можно помянуть добрым именем. Но из этого совсем не следует делать вывода, что поэтому на наказание преступников власть должна смотреть как на расправу с ними» [54, с. 48]. Он считал, что наказанию свойственны и кара, и воспитание, т.е. подходил к пониманию данного института с классовых позиций, и указывал, что тюремное заключение можно оценивать по-разному: во-первых, как учреждение, в котором власть стремится всех тех, кто так или иначе переступил установленные ею нормы, наказывать в буквальном смысле этого слова; во-вторых, как учреждение, в котором власть делает попытки исправить провинившихся членов общества. От того, какой метод – воздействие карой или исправительное воздействие (а отсюда вытекают и формы устанавливаемого в тюрьме режима) – положен в основу борьбы с преступностью, зависит взгляд, по мнению автора, на тюремное заключение. «...Проповедование жестоких мер, возмездия, наказания как наказания, максимума устрашения преступника не только не вызывается необходимостью, но является, по меньшей

мере, бесцельным. В области пенитенциарии задачей государственной власти должно быть только исправление преступника. Задача покарать, отплатить может быть сопутствующей первой: стоять на очереди только постольку, поскольку невозможно исправительные меры сделать свободными от всех элементов наказания» [54, с. 49].

В статье «К вопросу о наказании» Л.А. Саврасов, вступив в полемику с Я.Л. Берманом, продолжал отстаивать свои позиции, хотя вынужден был признать: «...теоретически нет неисправимых преступников. Но мы действуем во времени и в пространстве, сил у нас недостаточно и нам в пору лишь справиться с теми случайными и молодыми преступниками, которых мы можем и потому обязаны вылечить» [57, с. 78]. В ней же автор изложил и свои взгляды на соотношение наказания и исправления. «Наказание нельзя противопоставлять исправлению, ибо наказание есть целое, а исправление часть. Я уже не говорю о старом делении наказаний на уголовные и исправительные. Пенология выработала, правда, особый термин, чтобы подвести эти наказания под “исправление”, она говорит о “юридическом исправлении” этими наказаниями, но нам, марксистам, прятаться за слова не престало, и мы можем смело сказать, что кроме наказания, выливающегося в форму определенных методов “исправления преступника”, есть наказания, “которые применяются для непосредственного воздействия на психику субъекта, совершившего правонарушение”, т.е. говоря простым языком, “чтобы ему впредь не повадно было”. «“Юридическое исправление” – для марксистов это не есть исправление, а просто кара: “пусть помнит, что за такие вещи по голове не глядят”» [57, с. 77, 79].

Непоследовательность позиции Л.А. Саврасова очевидна. В отношении одних преступников он допускал возможность достижения их исправления, что же касается других – врагов революции, то целью их наказания считал только кару. В его концепции отразилась та историческая обстановка, в которой зарождалось советское уголовное право, создавались Руководящие начала и УК РСФСР 1922 г. [58].

Я.Л. Берман придерживался взгляда, согласно которому при применении конкретного наказания надо исходить из опасности преступника, а не из тяжести совершенного преступления, поскольку, по его мнению, классификация преступлений, сделанная по внешним признакам (тяжести), неудачна. Он предлагал в основу уголовной ответственности положить не правона-

рушение, а опасность личности преступника. «В соответствии с этим положением важность, значение и тяжесть преступного деяния должна оцениваться по состоянию преступника и мотивам совершения преступления», поэтому «уголовный кодекс социалистического государства должен отказаться от воздаяния преступнику по мере им совершенного» [59, с. 43]. Эти взгляды Я.Л. Бермана были навеяны идеями социологической школы уголовного права, которую он считал социалистическим направлением. Они имели довольно широкое распространение вплоть до 40-х гг. прошлого века.

Я.Л. Берман отрицал наличие свободной воли у преступника. Из этого он исходит, делая выводы о целях уголовной политики. «Борьба с преступлениями будет борьбой за уничтожение этих погрешностей. Власть должна будет рядом превентивных мер, умаляющих или даже уничтожающих эти погрешности, преследовать цель предотвращения преступных деяний. В соответствии с этими мерами, для борьбы с преступными элементами, с лицами, уже совершившими преступления, последовательно она может руководствоваться только одной целью исправления этих лиц, дабы они более не совершали преступлений» [59, с. 43].

Имевшиеся дискуссии не могли не сказаться на содержании Руководящих начал. Так, в них подчеркивался откровенно классовый характер наказания. В ст. 12 говорилось: «При назначении наказания в каждом отдельном случае следует различать: а) совершено ли преступление лицом, принадлежащим к имущему классу; с целью восстановления, сохранения или приобретения какой-либо привилегии, связанной с правом собственности, или неимущим в состоянии голода или нужды; б) совершено ли деяние в интересах восстановления власти угнетающего класса...».

Руководящие начала вопрос о видах наказания решали оригинально — они давали перечень первых его видов, в который входили:

- 1) внушение;
- 2) выражение общественного порицания;
- 3) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (например, пройти известный курс обучения);
- 4) объявление под бойкотом;
- 5) исключение из объединения на время или навсегда;
- 6) восстановление, а при невозможности его — возмещение причиненного вреда;
- 7) отрешение от должности;

8) воспреещение занимать ту или иную должность или исполнять ту или другую работу;

9) конфискация всего или части имущества;

10) лишение политических прав;

11) объявление врагом революции или народа;

12) принудительные работы без помещения в места лишения свободы;

13) лишение свободы на определенный или на неопределенный срок до наступления известного события;

14) объявление вне закона;

15) расстрел;

16) сочетание названных видов наказания.

Уголовный кодекс РСФСР отказался от закрепления определения понятия наказания. Пожалуй, принятие Кодекса знаменует начало постепенного отказа от него вообще; в ст. 5 УК РСФСР оно упоминается уже как одна из мер социальной защиты.

Цели наказания в Уголовном кодексе сформулированы иначе, чем в Руководящих началах. «Наказание и другие меры социальной защиты применяются с целью: а) общего предупреждения новых нарушений как со стороны нарушителя, так и со стороны других неустойчивых элементов общества; б) приспособления нарушителя к условиям общежития путем исправительно-трудового воздействия; в) лишения преступника возможности совершения дальнейших преступлений».

Для их реализации УК РСФСР предусматривал роды и виды наказаний, а также меры социальной защиты. Перечень наказаний, по сравнению с Руководящими началами, уже был иным и охватывал:

1) изгнание из пределов РСФСР на срок или бессрочно;

2) лишение свободы со строгой изоляцией или без таковой;

3) принудительные работы без содержания под стражей;

4) условное осуждение (*в теории уголовного права первых лет советской власти оно тоже признавалось самостоятельным видом наказания, а не способом его реализации*) [60, с. 59];

5) полную или частичную конфискацию имущества;

6) штраф;

7) поражение прав;

8) увольнение от должности;

9) общественное порицание;

10) возложение обязанности загладить вред.

Значение Руководящих начал. При оценке природы и сущности Руководящих начал надо иметь

в виду исторический момент и в первую очередь отсутствие каких-либо примера и опыта формирования уголовного законодательства нового типа. По сути, избежать ошибок в той ситуации, на наш взгляд, было практически невозможно.

Характеризуя роль Начал в становлении и развитии советского уголовного законодательства, следует отметить, что они:

1) «не только синтезировали, но и в определенной мере обогатили накопленный ранее опыт построения основополагающих институтов уголовного права... проложили путь от Уложений 1845 и 1903 гг., через несистематизированные нормы послеоктябрьского периода ... к первому советскому Уголовному кодексу» [28, с. 62];

2) знаменовали первый исторический этап развития социалистического уголовного права, охватывающего нормотворческую деятельность начиная с Декрета № 1 о суде с его ломкой буржуазного права, и формирование фундамента для последующей разработки УК РСФСР 1922 г. «Они были своего рода кодексом без Особенной части, первой попыткой создания Общей части уголовного законодательства с марксистских позиций, с позиций интересов правящего класса пролетариата» [10, с. 85]. Руководящие начала стимулировали теоретическую разработку проблем науки уголовного права;

3) явились, с одной стороны, результатом обобщения опыта судебной практики за первые два года существования диктатуры пролетариата, с другой стороны, законодательным ориентиром судебным органам и в первую очередь по основанию уголовной ответственности и мерам уголовно-правового воздействия. Руководящие начала «впервые в чеканной и выпуклой форме излагают основные ру-

ководящие идеи... понимания содержания и целей всякого уголовного права, во-первых, и ... пролетарского права, во-вторых» [61, с. 21];

4) содержали нормы, которые затем в неизменной или видоизмененной формулировке вошли в первый Уголовный кодекс РСФСР; «Руководящие начала закрепили базовые положения, которые долгие годы служили своеобразным ориентиром для других нормативных актов и в первую очередь для УК РСФСР 1922 г.» [62, с. 32].

Таким образом, Руководящие начала явились попыткой Наркомюста РСФСР систематизировать нормы Общей части уголовного права, выработанные в результате нормотворчества за первые годы советской власти. В его основе лежал ничем не прикрытый классовый подход, который наиболее наглядно проявлялся в определении понятия преступления и задач уголовного права. Отсутствие Особенной части Руководящих начал дало основание Н.В. Крыленко, в целом положительно оценившего акт, утверждать, что «...в силу своей оторванности от Особенной части, большого практического значения они иметь не могли» [33].

«Имеющие место рассогласования между основными положениями, затронутыми в Руководящих началах, объяснимы и извинительны, так как главная цель этого акта — фактическая фиксация уголовной ответственности за преступления, чтобы стабилизировать ситуацию в государстве и обществе. В то время развитие уголовного законодательства диктовалось соображениями не столько стратегической уголовной политики, сколько тактической политики выживания».

Литература

1. Герцензон А.А. Пути развития советской науки уголовного права за 30 лет // Советское государство и право. 1947. № 11. С. 73–86.
2. Чучаев А.И., Тоскина Г.Н. Уголовное наказание: революционное правотворчество // Государство и право: проблемы, поиски решений, предложения. Вып. 2 (6). Ульяновск, 1998. С. 83–95.
3. Равич М.С. Временные суды // Право. 1917. № 17.
4. Меншуткин В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 183–193.
5. Материалы наркомата юстиции РСФСР. 1918–1922. 1918. Вып. 1. 60 с.
6. Грачева Ю.В., Маликов С.В., Чучаев А.И. Советское уголовное уложение (научный комментарий, текст, сравнительные таблицы) / под ред. А.И. Чучаева. М., 2015. 303 с.
7. Курский Д.И. Избранные статьи и речи. М., 1948. 199 с.
8. Стучка П. 13 лет борьбы за революционно-марксистскую теорию права. Сб. статей. 1917–1930. М., 1931. 333 с.
9. Стучка П. Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. 748 с.
10. Шишов О.Ф. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 года — памятник советской уголовно-правовой мысли // Правоведение. 1980. № 3. С. 83–88.

11. Шрейдер А. Мой ответ Стучке // Знамя труда (орган ЦК Партии левых социалистов-революционеров). 1918. 20 апр.
12. Окунева М.О. Влияние социологической школы уголовного права на кодификацию уголовного законодательства (1917–1922 гг.) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2016. № 4. С. 114–125.
13. Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex Russica. 2019. № 10. С. 154–158.
14. Исаев М.М. Уголовное право РСФСР. М., 1925. 199 с.
15. Уголовное право. История юридической науки. М., 1978. 309 с.
16. Стучка П.И. Революционная роль права и государства. М., 1924. 164 с.
17. Козловский М.Ю. Пролетарская революция и уголовное право // Пролетарская революция и уголовное право. 1918. № 1. С. 21–28.
18. Материалы Наркомата юстиции РСФСР. 1918–1922. 1921. Вып. 11–12. 104 с.
19. Эстрин А.Я. Развитие советской уголовной политики. М., 1933. 244 с.
20. Бошко В.И. Очерки развития правовой мысли (от Хаммураби до Ленина). Киев, 1925. 570 с.
21. Исаев М.М. Уголовно-правовые тенденции переходного времени // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 23–40.
22. Исаев М.М. Основные проблемы советского уголовного права // Советское право в период Великой Отечественной войны. М., 1948. 215 с.
23. Зубов Н. Первый председатель Малого Совнаркома. М., 1975. 239 с.
24. Иванов В. У истоков советского уголовного законодательства // Советская юстиция. 1967. № 3. С. 11–13.
25. Развитие кодификации советского законодательства. М., 1968. 247 с.
26. Блум М.И. П.И. Стучка об уголовном и уголовно-исправительном праве // О теоретическом наследии П.И. Стучки в советской правовой науке. Рига, 1965. С. 44–45.
27. Булатов С.Я. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР // Правоведение. 1959. № 4. С. 126–132.
28. Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. 348 с.
29. Андреев И. Очерки по уголовному праву социалистических государств. М., 1978. 166 с.
30. История советского уголовного права. М., 1948. 466 с.
31. Стучка П.И. Что такое право? // Революционная роль советского права. М., 1934. С. 5–12.
32. Подволоцкий М. Марксистская теория права. М., 1923. 212 с.
33. Крыленко Н.В. Судостроительство в РСФСР. Лекции по теории и истории судостроительства. М., 1923. 406 с.
34. Крыленко Н.В. Беседы о праве и государстве. Лекции, читанные на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б). М., 1924. 184 с.
35. Мишунин П.Г. Очерки по истории советского уголовного права. М., 1954. 231 с.
36. Строгович М.С. Реформа Уголовного кодекса // Советское право. 1926. № 1. С. 52–58.
37. Токарева С.Н. Кодификация уголовного права в первые годы советской власти: от преемственности к самостоятельности // Lex Russica. 2019. № 10. С. 154–160.
38. Епифанцева Е.В., Недилько Ю.В. Понятие преступления через призму толкования уголовно-правовой нормы // Бизнес и закон. 2015. № 1. С. 10–14.
39. Эстрин А. Уголовный кодекс и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // Ежедневник советской юстиции. 1922. № 23. С. 4–7.
40. Исаев М.М. Общая часть уголовного права РСФСР. М., 1925. 199 с.
41. Материалы Наркомата юстиции РСФСР. 1918–1922. 1920. Вып. 7. 63 с.
42. Швеков Г.В. Первый советский Уголовный кодекс. М., 1970. 207 с.
43. Гродзинский М.М. Новый Уголовный кодекс УССР. Общая часть // Вестник советской юстиции. 1927. № 17. С. 583–588.
44. Пионтковский А.А. Меры социальной защиты в Уголовном кодексе РСФСР // Советское право. 1923. № 3 (6). С. 12–52.
45. Немировский Э. Опасное состояние личности и репрессия // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 3–13.
46. Чельцов-Бebutov М.А. Преступление и наказание в истории и в советском праве. Харьков, 1925. 111 с.

47. Трайнин А.Н. Этюды по уголовному праву. Вина и виновность // Право и жизнь. 1924. № 1. С. 14–23.
48. Трайнин А.Н. Уголовное право. Общая часть. М., 1929. 511 с.
49. Ной И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. Саратов, 1962. 156 с.
50. Чучаев А.И. Зарождение учения о наказании в советском уголовном праве (1917–1919 гг.) // Правовые исследования на кафедре уголовного права ВЮЗИ (МЮИ, МГЮА, Университета имени О.Е. Кутафина). М., 2016. С. 290–310.
51. Карасева М.Ю. Формирование и развитие института наказания в начальный период советского государства (1917–1919). Краснодар, 2000. 64 с.
52. Шаргородский М.Д. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. 240 с.
53. Саврасов Л.А. Преступление и наказание в текущий переходный период // Пролетарская революция и право. 1918. № 5. С. 91–113.
54. Берман Як. Наказание или исправление // Пролетарская революция и право. 1918. № 8–10. С. 46–51.
55. Саврасов Л.А. К вопросу об организации общих мест заключения // Пролетарская революция и право. 1918. № 7.
56. Еженедельник советской юстиции. 1922. № 1.
57. Саврасов Л. К вопросу о наказании // Пролетарская революция и право. 1918. № 2 (12) – 4 (14).
58. Криминология. Уголовно-исполнительное право. История юридической науки. М., 1977. 192 с.
59. Берман Як. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства // Пролетарская революция и право. 1918. № 2 (12) – 4 (14).
60. Паше-Озерский Н.Н. Условное осуждение в УК РСФСР 1922 г. (опыт комментария к ст. 36 и 37 УК) // Вестник советской юстиции. 1923. № 3.
61. Крыленко Н.В. Суд и право в СССР. В 3 ч. Ч. 3 Основы уголовного материального права. М. – Л., 1930. 179 с.
62. Козаченко И.Я. Исторический опыт криминализации деяний: к 100-летию Руководящих начал по уголовному праву РСФСР // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 2. С. 31–34.

References

1. Gertsenzon A.A. Puti razvitiya sovetskoi nauki ugovornogo prava za 30 let [Ways of development of the Soviet science of criminal law for 30 years]. Sovetskoe gosudarstvo i pravo [Soviet state and law], 1947, no. 11, pp. 73–86. (In Russian)
2. Chuchaev A.I., Toskina G.N. Uголовное nakazanie: revolyutsionnoe pravotvorchestvo [Criminal punishment: revolutionary law-making]. In Gosudarstvo i pravo: problemy, poiski reshenii, predlozheniya [State and law: problems, search for solutions, proposals], iss. 2 (6), 1998, pp. 83–95. (In Russian)
3. Ravich M.S. Vremennye sudy [Temporary courts]. In Pravo [Law], 1917, no. 17. (In Russian)
4. Menshutkin V. Vremennye sudy v Petrograde [Temporary courts in Petrograd]. Zhurnal Ministerstva yustitsii [Journal of the Ministry of justice], 1917, no. 4, pp. 183–193. (In Russian)
5. Materialy narkomata yustitsii RSFSR. 1918–1922. 1918. [Materials of the people's Commissariat of justice of the RSFSR. 1918–1922. 1918. Vol. 1], iss. 1, 60 p. (In Russian)
6. Gracheva Yu.V., Malikov S.V., Chuchaev A.I. Sovetskoe ugovornoe ulozhenie (nauchnyi kommentarii, tekst, sravnitel'nye tablitsy) [Soviet criminal code (scientific commentary, text, comparative tables)]. Moscow, 2015, 303 p. (In Russian)
7. Kurskii D.I. Izbrannye stat'i i rechi [Selected articles and speeches] Moscow, 1948, 199 p. (In Russian)
8. Stuchka P. 13 let bor'by za revolyutsionno-marksistskuyu teoriyu prava. Sb. statei. 1917–1930. [13 years of struggle for the revolutionary Marxist theory of law. Sat. articles. 1917–1930]. Moscow, 1931. 333 p. (In Russian)
9. Stuchka P. Izbrannye proizvedeniya po marksistsko-leninskoi teorii prava. [Selected works on the Marxist-Leninist theory of law] Riga, 1964. 748 p. (In Russian)
10. Shishov O.F. Rukovodyashchie nachala po ugovornomu pravu RSFSR 1919 goda – pamyatnik sovetskoi ugovorno-pravovoi mysli [Guidelines on criminal law of the RSFSR in 1919—a monument to the Soviet criminal law thought]. Pravovedenie [Jurisprudence], 1980, no. 3, pp. 83–88. (In Russian)

11. Shreider A. Moi otvet Stuchke [My answer to Stuchka]. In Znamya truda (organ TsK Partii levyykh sotsialistov-revolutsionerov) [Znamya Truda (organ of the Central Committee Of the party of left socialist-revolutionaries)], 1918, 20 apr. (In Russian)
12. Okuneva M.O. Vliyaniye sotsiologicheskoy shkoly ugovnogo prava na kodifikatsiyu ugovnogo zakonodatel'stva (1917–1922) [Influence of the sociological school of criminal law on the codification of criminal law (1917–1922)]. Vest. Mosk. un-ta. Ser. 11. Pravo [vest. Mosk. univ. Ser. 11. Law], 2016. no. 4. pp. 114–125. (In Russian)
13. Tokareva S.N. Kodifikatsiya ugovnogo prava v pervye gody sovetskoy vlasti: ot preemstvennosti k samostoyatel'nosti [Codification of criminal law in the first years of Soviet power: from continuity to independence]. Lex Russica, 2019, no. 10, pp. 154–158. (In Russian)
14. Isaev M.M. Ugolovnoye pravo RSFSR [Criminal law of the RSFSR]. Moscow, 1925. 199 p. (In Russian)
15. Ugolovnoye pravo. Istoriya yuridicheskoy nauki [Criminal law. History of legal science]. Moscow, 1978. 309 p. (In Russian)
16. Stuchka P.I. Revolyutsionnaya rol' prava i gosudarstva [The Revolutionary role of law and the state]. Moscow, 1924. 164 p. (In Russian)
17. Kozlovskii M.Yu. Proletarskaya revolyutsiya i ugovnoye parvo [The proletarian revolution and criminal law]. Proletarskaya revolyutsiya i ugovnoye parvo [The proletarian revolution and criminal law], 1918, no. 1, pp. 21–28. (In Russian)
18. Materialy Narkomata yustitsii RSFSR. [Materials of the people's Commissariat of justice of the RSFSR]. 1918–1922. 1921, iss. 11–12. 104 p. (In Russian)
19. Estrin A.Ya. Razvitiye sovetskoy ugovnoy politiki [Development of the Soviet criminal policy]. Moscow, 1933. 244 p. (In Russian)
20. Boshko V.I. Ocherki razvitiya pravovoy mysli (ot Khammurabi do Lenina) [Essays on the development of legal thought (from Hammurabi to Lenin)]. Kiev, 1925. 570 p. (In Russian)
21. Isaev M.M. Ugolovno-pravovye tendentsii perekhodnogo vremeni [Criminal-legal tendencies of transition time]. Pravo i zhizn' [Law and life], 1924, no. 1, pp. 23–40. (In Russian)
22. Isaev M.M. Osnovnyye problemy sovetskogo ugovnogo prava [Basic problems of Soviet criminal law]. In Sovetskoye pravo v period Velikoy Otechestvennoy voyny [Soviet law during the great Patriotic war]. Moscow, 1948. 215 p. (In Russian)
23. Zubov N. Pervyy predsedatel' Malogo Sovnarkoma [First Chairman of the Small Council of people's Commissars]. Moscow, 1975. 239 p. (In Russian)
24. Ivanov V. U istokov sovetskogo ugovnogo zakonodatel'stva [At the origins of the Soviet criminal law]. Sovetskaya yustitsiya [Soviet justice], 1967, no. 3, pp. 11–13. (In Russian)
25. Razvitiye kodifikatsii sovetskogo zakonodatel'stva [The development of codification of the Soviet legislation]. Moscow, 1968. 247 p. (In Russian)
26. Blum M.I. P.I. Stuchka ob ugovnom i ugovno-ispravitel'nom prave [P. I. Stuchka on criminal and criminal-correctional law]. In O teoreticheskom nasledii P.I. Stuchki v sovetskoy pravovoy nauke [On the theoretical legacy of P. I. Stuchka in Soviet legal science]. Riga, 1965. S. 44–45. (In Russian)
27. Bulatov S.Ya. Rukovodyashchie nachala po ugovnomu pravu RSFSR [the Guiding principles of the criminal law of the RSFSR]. Pravovedenie [Jurisprudence], 1959, no. 4, pp. 126–132. (In Russian)
28. Konyakhin V.P. Teoreticheskiye osnovy postroeniya Obshechey chasti rossiyskogo ugovnogo prava [Theoretical bases of construction of the General part of the Russian criminal law], SPb., 2002. 348 p. (In Russian)
29. Andreev I. Ocherki po ugovnomu pravu sotsialisticheskikh gosudarstv [Essays on the criminal law of socialist States]. Moscow, 1978. 166 p. (In Russian)
30. Istoriya sovetskogo ugovnogo prava [History of Soviet criminal law]. Moscow, 1948. 466 p. (In Russian)
31. Stuchka P.I. Chto takoe pravo? [What is law?]. Revolyutsionnaya rol' sovetskogo prava [The revolutionary role of Soviet law], 1934. pp. 5–12. (In Russian)
32. Podvolotskii M. Marksistskaya teoriya prava [The Marxist theory of law]. Moscow, 1923. 212 p. (In Russian)
33. Krylenko N.V. Sudoustroystvo v RSFSR. Lektsii po teorii i istorii sudoustroystva [Judicial System in the RSFSR. Lectures on the theory and history of the judicial system]. Moscow, 1923. 406 p. (In Russian)
34. Krylenko N.V. Besedy o prave i gosudarstve. Lektsii, chitannyye na kursakh sekretarey ukomov pri TsK RKP(b) [Conversations about law and the state. Lectures given at the courses of ukom secretaries at the Central Committee of the RCP (b)]. Moscow, 1924. 184 p. (In Russian)

35. Mishunin P.G. Ocherki po istorii sovetskogo ugovnogo prava [Essays on the history of Soviet criminal law]. Moscow, 1954. 231 p. (In Russian)
36. Strogovich M.S. Reforma Ugolovno kodeksa [Reform of the Criminal code]. Sovetskoe pravo [Soviet law], 1926, no. 1, pp. 52–58. (In Russian)
37. Tokareva S.N. Kodifikatsiya ugovnogo prava v pervye gody sovetskoi vlasti: ot preemstvennosti k samostoyatel'nosti [Codification of criminal law in the first years of Soviet power: from continuity to independence]. Lex Russica, 2019, no. 10, pp. 154–160. (In Russian)
38. Epifantseva E.V., Nedil'ko Yu.V. Ponyatie prestupleniya cherez prizmu tolkovaniya ugovno-pravovoi normy [The Concept of crime through the prism of interpretation of the criminal law norm]. Biznes i zakon [Business and law], 2015, no. 1, pp. 10–14. (In Russian)
39. Estrin A. Ugolovnyi Kodeks i «Rukovodyashchie nachala po ugovnomu pravu RSFSR» [Criminal Code and “Guidelines on criminal law of the RSFSR”]. Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii [Weekly of Soviet justice], 1922, no. 23, pp. 4–7. (In Russian)
40. Isaev M.M. Obshchaya chast' ugovnogo prava RSFSR [General part of the criminal law of the RSFSR]. Moscow, 1925. 199 p. (In Russian)
41. Materialy Narkomata yustitsii RSFSR [Materials of the people's Commissariat of justice of the RSFSR]. 1918–1922. 1920. Iss. 7. 63 p. (In Russian)
42. Shvekov G.V. Pervyi sovetskii Ugolovnyi kodeks [The First Soviet criminal code]. Moscow, 1970. 207 p. (In Russian)
43. Grodzinskii M.M. Novyi Ugolovnyi kodeks USSR. Obshchaya chast' [New criminal code of the USSR. The General part]. Vestnik sovetskoi yustitsii [Bulletin of the Soviet justice], 1927, no. 17, pp. 583–588. (In Russian)
44. Piontkovskii A.A. Mery sotsial'noi zashchity v Ugolovnom kodekse RSFSR [Social protection Measures in the Criminal code of the RSFSR]. Sovetskoe parvo [Soviet law], 1923, no. 3 (6), pp. 12–52. (In Russian)
45. Nemirovskii E. Opasnoe sostoyanie lichnosti i repressiya [Dangerous state of personality and repression]. Pravo i zhizn' [Law and life], 1924, no. 1, pp. 3–13. (In Russian)
46. Chel'tsov-Bebutov M.A. Prestuplenie i nakazanie v istorii i v sovetskom prave [Crime and punishment in history and in Soviet law]. Khar'kov, 1925. 111 p. (In Russian)
47. Trainin A.N. Etyudy po ugovnomu pravu. Vina i vinovnost' [Etudes on criminal law. Guilt and guilt]. Pravo i zhizn' [Law and life], 1924, no. 1, pp. 14–23. (In Russian)
48. Trainin A.N. Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast' [Criminal law. Common part]. Moscow, 1929. 511 p. (In Russian)
49. Noi I.S. Voprosy teorii nakazaniya v sovetskom ugovnom prave [Questions of the theory of punishment in Soviet criminal law]. Saratov, 1962. 156 p. (In Russian)
50. Chuchayev A.I. Zarozhdenie ucheniya o nakazanii v sovetskom ugovnom prave (1917–1919 gg.) [The origin of the doctrine of punishment in Soviet criminal law (1917-1919)]. Pravovye issledovaniya na kafedre ugovnogo prava VYuZI (MYuI, MGYuA, Universiteta imeni O.E. Kutafina) [Legal studies at the Department of criminal law of vuzi (MUI, MSU, Kutafin University)]. Moscow, 2016. p. 290–310. (In Russian)
51. Karaseva M.Yu. Formirovanie i razvitie instituta nakazaniya v nachal'nyi period sovetskogo gosudarstva (1917–1919) [Formation and development of the Institute of punishment in the initial period of the Soviet state (1917–1919)]. Krasnodar, 2000. 64 p. (In Russian)
52. Shargorodskii M.D. Nakazanie po sovetskomu ugovnomu pravu [Punishment under Soviet criminal law]. Moscow, 1958. 240 p. (In Russian)
53. Savrasov L.A. Prestuplenie i nakazanie v tekushchii perekhodnyi period [Crime and punishment in the current transition period]. Proletarskaya revolyutsiya i pravo [The proletarian revolution and the law], 1918, no. 5, pp. 91–113. (In Russian)
54. Berman Yak. Nakazanie ili ispravlenie [The punishment or correction]. Proletarskaya revolyutsiya i parvo [The proletarian revolution and the law], 1918, no. 8–10, pp. 46–51. (In Russian)
55. Savrasov L.A. K voprosu ob organizatsii obshchikh mest zaklyucheniya [On the question of the organization of common places of detention]. Proletarskaya revolyutsiya i parvo [The proletarian revolution and the law], 1918, no. 7. (In Russian)
56. Ezhenedel'nik sovetskoi yustitsii [The weekly of the Soviet justice], 1922, no. 1. (In Russian)

57. Savrasov L. К вопросу о наказании [On the question of punishment]. Proletarskaya revolyutsiya i pravo [The proletarian revolution and the law], 1918, no. 2 (12) – 4 (14). (In Russian)

58. Kriminologiya. Ugolovno-ispolnitel'noe pravo. Istoriya yuridicheskoi nauki [Criminology. Criminal Executive law. History of legal science]. Moscow, 1977. 192 p. (In Russian)

59. Berman Yak. К вопросу об уголовном кодексе социалистического государства [o the question about the criminal code of the socialist state, the proletarian revolution and the law]. Proletarskaya revolyutsiya i pravo [The proletarian revolution and the law], 1918, no. 2 (12) – 4 (14). (In Russian)

60. Pashe-Ozerskii N.N. Uslovnnoe osuzhdenie v UK RSFSR 1922 g. (opyt kommentariya k st. 36 i 37 UK) [Conditional conviction in the criminal code of the RSFSR in 1922 (experience of commentary to articles 36 and 37 of the criminal code)]. Vestnik sovetskoi yustitsii [Bulletin of Soviet justice], 1923, no. 3. (In Russian)

61. Krylenko N.V. Sud i pravo v SSSR. V 3 ch. Ch. 3 Osnovy ugolovnogo material'nogo prava [The court and law in the USSR. In 3 p. P. 3 Fundamentals of criminal substantive law]. Moscow – Leningrad, 1930. 179 p. (In Russian)

62. Kozachenko I. Ya. Istoricheskij opyt kriminalizacii deyanij: k 100-letiyu Rukovodyashchih nachal po ugolovnomu pravu RSFSR [Historical experience of criminalization of acts: to the 100th anniversary of the Guidelines on criminal law of the RSFSR. Rossijskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka [Russian law: education, practice, science] 2019, no. 2, pp. 31–34. (In Russian)

БЕЗОПАСНОСТЬ ЛИЧНОСТИ, ОБЩЕСТВА, ГОСУДАРСТВА И МЕЖДУНАРОДНОГО СООБЩЕСТВА

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА ОРГАНАМИ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Скуртул Анатолий Анатольевич

***Цель:** рассмотреть и проанализировать актуальные проблемы обеспечения экономической безопасности государства органами внутренних дел Российской Федерации и предложить пути их решения.*

***Методология:** диалектический метод, формально-логический метод, системный метод, анализ, синтез, дедукция.*

***Выводы.** Обеспечение экономической безопасности государства является одной из важнейших задач, стоящих перед всеми государственными структурами. Ключевую роль в решении этой задачи играют органы внутренних дел Российской Федерации. В научном мире существуют различные мнения и взгляды по поводу понятия и содержания экономической безопасности. Несмотря на различные мнения ученых и практических работников, все они едины в том, что преступления экономической направленности являются одними из основных источников, создающих угрозу экономической безопасности страны. Для обеспечения экономической безопасности государства требуется выработать современный адекватный механизм противодействия экономической и налоговой преступности. Реализация предлагаемого механизма предполагает осуществление ряда организационных, нормативно-правовых, организационно-структурных и иных мер.*

***Научная и практическая значимость.** Проведенный анализ показал наличие существенных проблем в области обеспечения экономической безопасности государства. Выявлены проблемные аспекты противодействия экономической преступности. Представленные предложения могут быть использованы руководителями и сотрудниками органов внутренних дел в практической деятельности по борьбе с преступлениями экономической направленности.*

***Ключевые слова:** экономическая безопасность, органы внутренних дел, отрасли и сферы экономики, экономическая преступность, преступления экономической направленности.*

Устойчивое развитие экономики государства во многом зависит от обеспечения его экономической безопасности. В нашей стране эту задачу в той или иной степени разрешают практически все государственные органы. Однако необходимо отметить, что в решении этой задачи значительное

место среди государственных структур, обеспечивающих защиту экономических интересов страны, занимают органы внутренних дел Российской Федерации.

К числу основных приоритетов обеспечения экономической безопасности страны относят

защиту государственной собственности, а также противодействие правоохранительных органов получению и накоплению криминальных капиталов.

Мнения ученых в части содержания и понятия экономической безопасности разделяются [10, с. 28–32]. В контексте рассматриваемого вопроса мы понимаем такое состояние экономики страны, которое способно обеспечить достойные условия жизни и развития личности, стабильность общества и государства, противостоять процессу криминализации национальной экономики.

Ни для кого не секрет, что обеспечение экономической безопасности отраслей и сфер экономики носит комплексный характер. В решении данной задачи одной из мер выступает декриминализация экономики, имеющая цель защиты экономических интересов всех собственников и акционеров от преступных посягательств. Необходимость декриминализации обусловлена, прежде всего, тем, что преступления экономической направленности выступают в настоящее время одними из основных источников (к данным источникам относят также налоговые преступления), порождающих угрозу экономической безопасности. При этом под угрозами понимается совокупность факторов, оказывающих негативное влияние на состояние криминогенной ситуации в ключевых сферах и отраслях экономики.

Криминальные проявления в сфере экономики, как известно, наносят большой урон экономической безопасности, мешая устойчивому поступательному развитию экономики страны. Вызывает обеспокоенность прогноз развития криминогенной ситуации в России на 2020 год. Представляется, что в последнее время влияние криминогенных факторов на экономические отношения становится более очевидным и, к сожалению, приобретает явно выраженный системный характер. Отсюда не случайными оказываются неблагоприятные тенденции развития экономической и налоговой преступности. Как отмечает И.М. Мацкевич, «в настоящее время наблюдается переход от локальных противоправных проявлений в различных видах экономической деятельности к криминализации экономической системы общества в целом» [13, с. 6].

Следует ожидать их дальнейший рост и, соответственно, утяжеление последствий. Центр криминализации сместится в бюджетообразующие сферы экономики (топливно-энергетический комплекс; потребительский рынок; сфера

производства и оборота этилового спирта, алкогольной и табачной продукции; сфера оборота драгоценных металлов и драгоценных камней; бюджетная сфера; кредитно-финансовая сфера; сфера внешнеэкономической деятельности; сфера оборота водных биоресурсов; лесопромышленный комплекс; интеллектуальная собственность).

Иными словами, произойдет криминализация ключевых отраслей экономики. Тогда предприятия этих отраслей могут неожиданно оказаться под контролем криминальных структур.

В то же время, по данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, около 60% предприятий находится под их «гнетом». В свою очередь Росфинмониторингом масштабы теневой экономики оцениваются в целом до 20,7 трлн рублей (См.: URL: <https://eadaily.com/ru/news/2019/02/22/obem-tenevoy-ekonomiki-rossii-prevyisl-rashodnyuchast-byudzhet> (дата обращения: 10.02.2020)). Эта сумма превышает расходы федерального бюджета на 2019 год, которые составляют 18 трлн рублей (под теневой экономикой Росфинмониторинг обычно подразумевает объем «серого» импорта, скрытые от налогов доходы и таможенные платежи, «серые» и «черные» зарплаты).

По мнению ученых-криминологов и оперативных работников, основные направления криминальной деятельности преступных формирований, действующих в сфере экономики, выглядят следующим образом:

- создание подконтрольных им коммерческих предприятий и организаций;
- установление и дальнейшее осуществление контроля над контрольными пакетами акций рентабельных промышленных предприятий;
- вхождение в организации кредитно-финансовой системы;
- рейдерский захват и установление дальнейшего контроля над прибыльными предприятиями, а также осуществление контроля над индивидуальными предпринимателями;
- завладение государственной и муниципальной собственностью;
- создание благотворительных и иных общественных фондов с целью отмывания денежных средств, добытых преступным путем;
- оказание влияния на ключевые для России сферы и отрасли экономики и др.

Органы внутренних дел Российской Федерации рассматривают необходимость декриминализации экономики и, в первую очередь, ключевых ее отраслей, как одно из приоритетных направлений своей деятельности. На осно-

ве изучения складывающейся криминогенной ситуации, оперативно-служебной деятельности, положительного зарубежного опыта и др. осуществляется поиск наиболее эффективных форм и методов работы. Разумеется, формы и методы должны быть адекватны имеющейся криминогенной ситуации. Возникает резонный вопрос: как и каким образом все это совместить? Безусловно, задача непростая.

Выборочное изучение практики деятельности органов внутренних дел ряда субъектов Российской Федерации показывает, что в современных условиях требуется выработка действенного механизма противодействия преступности в сфере экономики, который бы качественным образом отличался от ныне используемых сотрудниками органов внутренних дел форм и методов работы. В современных условиях объективно назрела потребность в их модернизации. К сожалению, необходимо отметить, что традиционные формы и методы противодействия во многом утратили былую остроту и эффективность. В этом плане весьма убедительными, на наш взгляд, являются доводы, приводимые Н.Н. Морозовым: «Стремительное качественное обновление общества, становление рыночной экономики, построение демократического правового государства и многие другие проблемы требуют от системы МВД России оперативной модернизации – приведения системы в состояние, позволяющее не только обеспечивать общественную безопасность, но и гарантировать экономическую безопасность личности, общества и государства» [9, с. 3]. Со своей стороны, считаем, что одно министерство или ведомство, взятое в отдельности, вряд ли способно обеспечивать экономическую безопасность в государстве, особенно в таком, как Российская Федерация. Для этого, в первую очередь, необходима стройная целостная государственная политика в области борьбы с общеуголовной, организованной, коррупционной, экономической, налоговой и иными видами преступности, соразмерно отвечающая реалиям сегодняшнего дня. Невольно возникает вопрос: имеем ли мы на самом деле такую политику? К сожалению, как нам представляется, мы робко делаем шаги в этом направлении. Подобной же позиции придерживается и профессор Э.Ф. Побегайло. Он считает, что Россия, конечно же, имеет единую политику в сфере борьбы с преступностью, но эта политика, по мнению автора, в настоящее время не адекватно отражает состояние и тенденции развития преступности. «Тенденции современной российской преступности, – пишет

Э.Ф. Побегайло, – ...настолько неблагоприятны, что вполне правомерно можно и нужно говорить о том, что преступность создает угрозу национальной безопасности, и что сама Россия постепенно превращается в криминальное государство. В то же время с полным правом можно утверждать, что реформирование уголовного и уголовно-процессуального законодательства в сторону либерализации, наблюдающееся особенно в последнее время, а также повсеместная либерализация правоприменительной практики без дифференцированного подхода к различным категориям преступлений и преступников не соответствуют криминологическим реалиям» [7]. Разделяя высказанную точку зрения, мы исходим из того, что в области борьбы с преступностью должна быть единая государственная политика и выработка соответствующих управленческих решений. Поэтому, на наш взгляд, спорным является научная позиция В.Ф. Щербакова, который выделяет государственную политику противодействия преступности в сфере экономики органами внутренних дел в относительно самостоятельный вид политики [6, с. 111–120]. Если согласиться с таким подходом, то единую политику можно дробить (в юридической литературе отдельные специалисты выделяют следующие разновидности политик: криминологическая, административно-правовая, оперативно-розыскная уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная) [1, с. 14, 15] на несколько ее составляющих (по уровням управления, направлениям деятельности и т.п.), хотя «в реальной жизни борьба с преступностью осуществляется комплексно» [1, с. 63].

Многолетняя практика убедительно доказала целесообразность комплексного использования сил и средств органов внутренних дел в современных условиях. Только на этой основе они способны вести активную и наступательную борьбу с преступностью, включая экономическую. Однако не всегда и не везде руководители органов внутренних дел в субъектах Российской Федерации строго придерживаются данного принципа и, как следствие, «интенсивность противодействия преступности явно не соответствует масштабам и степени общественной опасности криминальных угроз, принявших глобальный характер. Имеются серьезные основания для констатации затянувшейся «анемии» государства в данной сфере, его неспособности удерживать преступность на «социально приемлемом уровне» [1, с. 15]. Многие экономисты выход из создавшегося положения видят в соз-

дании таких механизмов защиты национальных интересов, основу которых составил бы «переход от выявления и пресечения отдельных видов преступлений к комплексному правоохранительному воздействию на социально-экономическую систему» [2, с. 9–12]. Более развернутую характеристику организационно-экономического механизма применительно к функционированию правоохранительных органов в целом приводит в своей научной работе М.А. Рудник.

По мнению автора, организационно-экономический механизм правоохранительной деятельности следует рассматривать «как сложную систему, включающую в себя ряд специфически организованных, определенным образом взаимосвязанных структурных элементов, которые условно можно разделить на две группы. Одну из них составляют способы, формы, методы, приемы или, другими словами, «социально-технологические приспособления», посредством которых субъекты правоохранительной деятельности наделяются необходимыми экономическими ресурсами, организуют их использование с целью удовлетворения общественной потребности в охране законности и правопорядка. Другая группа элементов охватывает существующих в определенных организационно-правовых формах субъектов, которые включены в структурированную систему управления и призваны обеспечивать движение и использование в процессе правоохранительной деятельности экономических ресурсов на основе «социально-технологических» элементов организационно-экономического механизма. В данную группу должны включаться как собственно правоохранительные органы, действующие в регионе, так и обеспечивающие их ресурсами (способствующие движению данных ресурсов) федеральные и региональные структуры» [11, с. 7–8]. В концептуальном плане в структуре организационно-экономического механизма автор выделяет следующие элементы: позитивные детерминанты экономического роста, децентрализацию в управлении правоохранительными органами, разработку комплексной программы реформирования организационно-экономического механизма правоохранительной деятельности, систему конкретных мер институционального характера.

Представленный механизм, на наш взгляд, может быть взят за основу при разработке системы мер по противодействию экономической преступности, безусловно, с определенной корректировкой, поскольку речь идет о разных объектах: в первом случае о правоохранительной деятельности

вообще, а в нашем — о преступной деятельности в сфере экономики.

Министерство внутренних дел Российской Федерации в свою очередь также осуществляет поиск наиболее действенных мер правового, организационного и иного характера.

Принимая во внимание современное состояние оперативной обстановки в различных отраслях и сферах экономики, одними из приоритетных направлений деятельности подразделений МВД России, по нашему мнению, могли бы выступить:

- организация и проведение совместных с ФСБ России, Росфинмониторингом, иными правоохранительными органами мероприятий, направленных на пресечение каналов финансирования организованных преступных формирований;

- осуществление оперативной работы непосредственно в организованных группах и преступных сообществах, направленной на подрыв их экономической базы, а также противодействие сращивания криминала с представителями органов государственной и муниципальной власти и управления;

- осуществление комплекса мер по выявлению и пресечению преступной деятельности кредитно-финансовых и иных коммерческих организаций, осуществляющих легализацию (отмывание) доходов, полученных преступным путем;

- осуществление надлежащего противодействия незаконной внешнеэкономической деятельности;

- проведение комплекса мероприятий по недопущению хищений бюджетных средств, а также их нецелевого использования;

- усиление противодействия коррупционной преступности в органах государственной и муниципальной власти.

В условиях, когда социально-экономическая ситуация в стране стабилизировалась, в то же время появились принципиально новые внутренние угрозы экономической безопасности (осуществление тотального контроля российских банков организованными преступными формированиями, факты вывода пенсионных накоплений частных пенсионных фондов через фирмы «однодневки» за пределы страны, применения вертикально-интегрированными компаниями внутрикорпоративных цен в целях минимизации налогообложения), которые обуславливают дальнейшую криминализацию ключевых отраслей и сфер экономики. Одновременно они накладывают свой отпечаток на организацию и осуществление деятельности ор-

ганов внутренних дел. Естественно, на этом фоне прежние формы и методы работы оказались малоэффективными. Поставленные перед ними задачи зачастую решаются с большим трудом, порой даже имеют место факты фальсификации результатов деятельности. Представляется, что таким образом вряд ли можно обеспечить укрепление законности и правопорядка в сфере экономики.

Большие надежды практические работники органов внутренних дел возлагают на Главное управление экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России, которое разрабатывает конкретные предложения по формированию и реализации государственной политики в области экономической безопасности и противодействия коррупции. На наш взгляд, стратегия борьбы с преступлениями экономической направленности должна определяться на основе глубокого научного осмысления сложившейся криминогенной ситуации, тенденций развития экономической преступности, состояния самих органов, призванных осуществлять борьбу с конкретными проявлениями указанных видов преступлений.

Изучение практики деятельности органов внутренних дел показывает, что с созданием нового механизма противодействия тесно связана разработка методики осуществления мониторинга складывающейся оперативной обстановки в сфере экономики. Ранжирование отраслей и сфер экономики по степени пораженности криминальными проявлениями экономической преступности, исходя из их привлекательности для преступных формирований, по нашему мнению, целесообразно принять как основополагающий принцип организации деятельности органов внутренних дел. Таким образом, из всех сфер и отраслей экономики легко можно выделить наиболее значимые.

В современных условиях механизм противодействия экономической и налоговой преступности мы рассматриваем как системное образование, состоящее из определенных взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, образующих в совокупности его структуру.

Элементы системы определенным образом упорядочены, взаимодействуют между собой и вступают в определенные связи и отношения. Так, основными элементами данного механизма, по нашему мнению, являются: мониторинг [3, с. 235] за состоянием оперативной обстановки, моделирование деятельности по борьбе с преступлениями экономической направленности, поиск наиболее оптимального варианта организацион-

но-структурного построения подразделений органов внутренних дел.

Кратко рассмотрим перечисленные элементы.

1. Мониторинг за состоянием складывающейся оперативной обстановки в ключевых отраслях экономики.

Это относительно новое направление деятельности руководителей подразделений органов внутренних дел, а потому в научном плане оно разработано недостаточно. Лишь в последнее время несколько активизировалась работа в этом плане. Одни авторы мониторинг за состоянием оперативной обстановки (криминогенной ситуации) рассматривают как средство (инструмент) реализации профилактической функции в рамках оперативного обслуживания [4, с. 381–386], другие же – одним из основных направлений совершенствования правоохранительной деятельности. В этой связи на первый план они выдвигают идею о необходимости разработки методики оценки (мониторинга) состояния криминологической безопасности в регионах [8, с. 122–127]. Мы же исходим из того, что мониторинг за состоянием складывающейся оперативной обстановки следует представлять в виде целостной системы. Под мониторингом мы понимаем вид деятельности органов внутренних дел, опирающийся на законодательные и подзаконные акты и осуществляемый в интересах защиты собственности от криминальных посягательств посредством разработки и принятия комплекса разноплановых мер.

В то же время сущность мониторинга заключается в разработке и осуществлении комплекса правовых, организационных, экономических, технических и иных мер, направленных на слежение за состоянием складывающейся криминогенной (оперативной) обстановки в ключевых отраслях экономики в целях принятия информационно емких управленческих решений, касающихся обеспечения их экономической безопасности.

Благодаря надлежащей организации мониторинга за состоянием обстановки удастся принять упреждающие меры, минимизировать последствия от совершаемых криминальных деяний. Посредством мониторинга определяются отрасли экономики, где присутствуют и функционируют теневые формы бизнеса, возможны угрозы экономической безопасности.

Мониторинг как вид деятельности преследует цель создания предпосылок для своевременного реагирования органов внутренних дел на случай осложнения криминогенной ситуации в отраслях экономики. Достижение этой цели возможно бла-

годаря наличию в их распоряжении осведомительной (ориентирующей) информации [5, с. 10–23].

Полагаем, что в рамках рассматриваемого вида деятельности по существу осуществляется мониторинг факторов, негативно влияющих на защиту экономических прав собственников от криминального влияния.

2. Моделирование («моделирование — это выявление свойств каких-либо объектов, систем объектов или процессов путем построения и исследования их моделей. В свою очередь модель есть система объектов или процессов, свойства которых в каком-либо смысле подобны свойствам другой системы или процесса») [12, с. 35, 36] деятельности подразделений органов внутренних дел по борьбе с преступлениями экономической направленности.

Моделирование деятельности, как нам представляется, преследует цель разработки типовой методики, содержащей в себе алгоритмы действий сотрудников органов внутренних дел по выявлению и раскрытию преступлений экономической направленности.

Отрадно, что в этой части уже сделано многое. Весомый вклад в теорию вопроса внесли профессора Г.К. Синилов, И.А. Климов, В.Г. Бобров, В.М. Аتماжитов, П.И. Иванов и др.

Для того, чтобы выявить преступление, следует заблаговременно разработать ряд последовательно осуществляемых действий, т.е. алгоритм его «раскрутки». Естественно, такая деятельность легко поддается моделированию, что значительно, на наш взгляд, облегчает работу сотрудников органов внутренних дел при выявлении ими преступлений экономической направленности. Каждой типичной ситуации соответствует своя модель. При этом важно принимать во внимание то обстоятельство, что действия сотрудников органов внутренних дел при однотипных ситуациях во многом схожи. Следовательно, существует реальная возможность их алгоритмизации.

Думается, что разработка моделей — наиболее перспективное направление повышения эффективности деятельности органов внутренних дел. По данным опроса, около 70% руководителей подразделений органов внутренних дел считают, что моделирование деятельности на основе современных компьютерных технологий является единственно правильным решением в условиях большой текучести кадров, омолаживания личного состава, нарушения принципа преемственности, формального отношения к наставничеству. Зная алгоритм действий, сотрудникам органов внутренних дел остается лишь накладывать на ту или иную ситуацию перечень заранее им из-

вестных действий, чтобы своевременно и быстро выявлять преступления и лиц, их совершивших. Представляется, что такая форма работы намного облегчает труд сотрудников, помогая избежать возможных ошибок.

3. Поиск наиболее оптимального варианта организационно-структурного построения подразделений органов внутренних дел на всех уровнях управления (федеральном, региональном, районном).

Безусловно, в этом вопросе много противников, нежели сторонников. Данный вопрос является ключевым в системе организации деятельности органов внутренних дел. Частые организационно-структурные преобразования не одобряются даже в теории управления органами внутренних дел. Такие преобразования, зачастую, ведут к большим издержкам. И, как показывает практика, они нередко сопровождаются так называемой «чисткой» кадров, преимущественно затрагивающей возрастных сотрудников, имеющих большой стаж и опыт работы. А это отрицательно сказывается в последующем создании «нового» профессионального ядра сотрудников.

Не принижая роль и место Федеральной службы безопасности Российской Федерации в системе обеспечения экономической безопасности, отметим, что МВД России и его территориальные органы все же несут основную нагрузку по защите экономических интересов собственников, прежде всего государства, от преступных посягательств.

Реализация предлагаемого механизма противодействия экономической преступности предполагает необходимость разработки и принятия ряда нормативных правовых актов, направленных на оптимизацию организации и осуществления взаимодействия органов внутренних дел Российской Федерации с другими субъектами защиты экономических интересов государства.

В настоящей статье из-за ограниченности объема затронуты лишь некоторые вопросы, связанные с выработкой механизма противодействия экономической преступности. В связи с этим сформулированные положения далеко не исчерпывают всех их аспектов. Между тем они могут послужить в качестве исходных посылок для дальнейшего углубленного изучения. К тому же научная разработка проблемы противодействия экономической преступности вполне может быть предметом самостоятельного диссертационного исследования.

Изложенные автором взгляды ни в коем случае не претендуют на «истину в последней инстанции». Безусловно, некоторые из них являются дискуссионными, тем самым не исключается их дальнейшее широкое обсуждение.

Литература

1. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. 257 с.
2. Бадаев А.Г. Оценка современного состояния экономической безопасности в Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2011. № 10. С. 9–12.
3. Большой экономический словарь / под общ. ред. А.Н. Азрилияна. М., 1994. 525 с.
4. Борин Б.В., Ишук Я.Г. Понятие оперативно-розыскной профилактики преступлений // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 381–386.
5. Жуков Л.А. Информационные проблемы предупреждения и пресечения криминальных угроз: лекция. М., 2018.
6. Иванов П.И., Шегабудинов Р.Ш. Экономическая и коррупционная преступность и ее латентность как объект криминологического изучения // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 111–120.
7. Ищенко Е.П. Криминальные опасности и самозащита от них: учебно-практическое пособие. М.: Проспект, 2017. 223 с.
8. Клишков В.Б., Пасынков В.В., Стебенева Е.В. Криминологический мониторинг: значение, этапы, методика // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 4 (76). С. 122–127.
9. Морозов Н.Н. Департамент экономической безопасности МВД России как субъект обеспечения защиты национальных интересов в области экономики: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 21 с.
10. Основы экономической безопасности (государство, регион, предприятие, личность) / под ред. Е.А. Олейникова. М.: ЗАО «Бизнес-школа «Интел-Синтез», 1997. 278 с.
11. Рудник М.А. Организационно-экономический механизм функционирования правоохранительных органов крупного региона (на примере Кемеровской области): автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 24 с.
12. Халяпин Д.Б., Ярочкин В.И. Словарь терминов и определений: Основы защиты промышленной и коммерческой информации. 2-е изд. М., 1994. 68 с.
13. Мацкевич И.М. Организованная экономическая преступность // Мониторинг правоприменения. 2016. № 1 (18) С. 4–10.

References

1. Alekseev A.I., Ovchinsky V.S., Pobegailo E.F. Rossijskaja ugolovnaja politika: preodolenie krizisa [Russian criminal policy: overcoming the crisis]. Moscow, Norma Publ., 2006. 257 p. (In Russian)
2. Badaev A.G. Otsenka sovremennogo sostojanija ekonomicheskoi bezopasnosti v Rossijskoj Federatsii [Assessment of the current state of economic security in the Russian Federation]. Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. [Bulletin of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2011, no. 10, pp. 9–12. (In Russian, abstract in English)
3. Bol'shoj ekonomicheskij slovar' [Large economic dictionary]. Ed. A.N. Azriliyan. Moscow, 1994. 525 p. (In Russian)
4. Borin B.V., Ischuk Ya.G. Ponjatie operativno-rozisknoj profilaktiki prestuplenij [The concept of operational-searching crime prevention]. Probely v rossiiskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation], 2017, no. 3, pp. 381–386. (In Russian, abstract in English)
5. Zhukov L.A. Informatsionnie problemi preduprejdenija i presechenija kriminal'nih ugroz [Information problems of the prevention and suppression of criminal threats: Lecture]. Moscow, 2018. (In Russian)
6. Ivanov P.I., Shegabudinov R.Sh. Ekonomicheskaja i korrupsionnaja prestupnost' i ee latentnost' kak ob'ekt kriminologicheskogo izuchenija [Economic and corruption crime and its latency as an object of criminological study]. Bulletin of Economic Security, 2017, no. 3, pp. 111–120. (In Russian, abstract in English)
7. Ishchenko E.P. Krimimal'nie opasnosti i samozashita ot nih [Criminal dangers and self-defense against them. Training manual]. Moscow: Prospect Publ., 2017. 223 p. (In Russian)
8. Klishkov V.B., Pasyнков V.V., Stebeneva E.V. Kriminologicheskij monitoring: znachenie, etapi, metodika [Criminological monitoring: significance, steps, methodology]. Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. [Bulletin of the Sankt Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2017, no. 4 (76), pp. 122–127. (In Russian)

9. Morozov N.N. Departament ekonomicheskoj bezopasnosti MVD Rossii kak sub'ekt obespechenija zashiti natsional'nih interesov v oblasti ekonomiki [Department of Economic Security of the Ministry of Internal Affairs of Russia as a subject of ensuring the protection of national interests in the field of economics: author. dis. ... cand. econ. sciences]. Moscow, 2006. 21 p. (In Russian)

10. Osnovi ekonomicheskoj bezopasnosti (gosudarstvo, region, predpriyatje, lichnost') [Fundamentals of economic security (state, region, enterprise, person)] Ed. E.A. Oleinikov. Moscow: ZAO Intel-Synthesis Business School Publ., 1997. 278 p. (In Russian)

11. Rudnik M.A. Organizatsionno-ekonomicheskij mehanizm funkcionirovani-ja pravoohranitel'nih organov krupnogo regiona (na primere Kemerovskoj oblasti) [Organizational and economic mechanism for the functioning of law enforcement agencies in a large region (on the example of the Kemerovo region): author. dis. ... cand. econ. sciences]. Moscow, 2006. 24 p. (In Russian)

12. Khalyapin D.B., Yarochkin V.I. Slovar' terminov i opredelenij: Osnovi zashiti promislennoj i kommercheskoj informatsii [Glossary of terms and definitions: Fundamentals of the protection of industrial and commercial information]. 2nd ed. Moscow, 1994. 68 p. (In Russian)

13. Matskevich I.M. Organizovannaya ekonomicheskaya prestupnost' [Organized economic crime]. Monitoring pravoprimereniya [Monitoring law enforcement], 2016, no. 1 (18), pp. 4–10. (In Russian, abstract in English)

МОСКОВСКИЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ КАБИНЕТ

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Воробьева Марина Сергеевна

Цель: охарактеризовать с точки зрения криминологии мошенничество в сфере компьютерной информации, предложить способы защиты от него.

Методология: анализ, дедукция, индукция, эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации, формально-юридический метод.

Выводы. Мошенничество в сфере компьютерной информации, будучи разновидностью мошенничества, вызывает разногласия как в научной среде, так и в области правоприменения. Данное преступление проявляется в различных формах, однако обязательным признаком, отграничивающим его от схожих составов преступлений, является способ совершения преступления — злоупотребление компьютерной информацией как способ хищения имущества или права на него. Для предотвращения мошенничества в сфере компьютерной информации необходимо, в первую очередь, повышение грамотности граждан в области защиты компьютерной информации, а также широкое освещение успешно раскрытых случаев мошенничества в сфере компьютерной информации.

Научная и практическая значимость. Мошенничество в сфере компьютерной информации является дискуссионным вопросом, и в данной исследовательской работе проводится анализ различных точек зрения и нормативно-правовой базы, на основе чего формулируется наиболее практико-ориентированный подход к пониманию мошенничества в сфере компьютерной информации. Также выявляются доступные каждому гражданину способы защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации.

Ключевые слова: мошенничество, киберпреступность, криминология, компьютерная информация, преступление, преступник, жертва, информационные технологии, предотвращение киберпреступлений, компьютерная система.

Введение. Прогресс в сфере информационных технологий наращивает темпы с каждым годом, что влечет за собой как очевидные позитивные, так и негативные последствия. Наряду с развитием технологий, позволяющих оперативно предупреждать и расследовать преступления, возникают новые виды киберпреступлений и совершенствуются старые. Указанная тенденция становится причиной введения в Уголовный кодекс Российской Федерации новых составов преступлений, связанных с применением новейших технологий. Принятием новых уголовно-правовых норм, введением уго-

ловно-правовой ответственности за общественно опасные деяния законодатель стремится обезопасить общественные отношения, поставленные под угрозу.

Так, Федеральный закон от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016 г., *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2019), ст. 2), ввел ряд новых составов преступлений, в частности, «мошен-

ничество в сфере компьютерной информации» (ст. 159⁶ УК РФ). Данный вид мошенничества вызвал оживленные дискуссии как среди теоретиков права, так и среди правоприменителей. В данном исследовании представляется важным остановиться на причинах, вызвавших споры в отношении мошенничества в сфере компьютерной информации, на особенностях личности мошенников в сфере компьютерной информации и их жертв. Целью исследования является криминологическая характеристика данного вида мошенничества, а также выявление способов, которые позволили бы обезопасить потенциальных жертв.

Актуальность данной работы заключается в следующем. Киберпреступления справедливо называют одной из важнейших проблем XXI в. Попытки законодателя впервые заключить происходящее в букву закона, деятельность правоприменителей по предотвращению и раскрытию киберпреступлений представляет крайний интерес для исследования, в том числе и криминологического, имеющего как теоретическое, так и практическое значение.

Характеристика и проблемы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации.

Статья 159⁶ Уголовного кодекса Российской Федерации содержит легальное определение мошенничества в сфере компьютерной информации; под ним следует понимать «хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей» (ред. от 04.11.2019 г., *Официальный интернет-портал правовой информации*. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2019)). Таким вмешательством Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определяет «целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или

приобрести право на него» (*Российская газета*, № 280, 11.12.2017, с. 13). Данная статья ставит под защиту отношения собственности, имущественные интересы, отношения, обеспечивающие охрану компьютерной информации и безопасность информационно-телекоммуникационных сетей.

Следовательно, родовым объектом мошенничества в сфере компьютерной информации являются экономические отношения, то есть социальные взаимосвязи, складывающиеся в связи с производством, распределением, обменом и потреблением хозяйственных благ и ценностей. По мнению Г. Р. Григоряна, под видовым объектом данного преступления понимают отношения собственности [1, с. 29–31]. А. А. Лебедева считает, что это отношения, охраняющие право собственности [2, с. 40–48.]. Мошенничество в сфере компьютерной информации относится к числу многообъектных деликтов, потому можно выделить несколько непосредственных объектов данного преступления: конкретные имущественные отношения, общественные отношения, сложившиеся в сфере электронного документооборота.

Предметом мошенничества в сфере компьютерной информации является имущество и имущественные права как документально удостоверенная возможность осуществлять правомочия собственника в отношении определенного имущества.

В процессе совершения мошенничества в сфере компьютерной информации можно условно выделить следующие элементы: виновное лицо, средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей и потерпевший. Потерпевшим могут быть как физические, так и юридические лица. Отдельно представляется важным в качестве потерпевшего выделить контрагентов, предоставляющих банковские услуги. Особым элементом процесса совершения данного преступления является информация, которая в данном случае выступает в качестве средства, с помощью которого совершается преступление, то есть хищение имущества или права на него.

При совершении мошенничества в сфере компьютерной информации виновный воздействует на компьютерные средства, а через них на имущество потерпевшего, причиняя последнему материальный ущерб. В некоторых случаях мошеннику может потребоваться доступ к возможностям третьих лиц, например, контрагентов, предоставляющих услуги связи.

Если обратиться к судебной практике, можно выделить ряд типичных схем совершения мо-

шенничества в сфере компьютерной информации. Б. К. Барчуков выделяет следующие из них [3, с. 30–36]. Во-первых, простое опосредованное хищение имущества через воздействие на средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Данная схема встречается в 9,8% случаях мошенничества в сфере компьютерной информации и представляет собой ситуацию, когда виновный непосредственно не взаимодействует ни с потерпевшим, ни с третьими лицами. Например, С., используя программное обеспечение ЭВМ и возможности сети Интернет, получил несанкционированный доступ к учетной записи потерпевшего на сайте интернет-магазина «Ozon.ru», неправомерно скопировал его логин и пароль, таким образом получив доступ к пользовательскому счету владельца учетной записи. Затем С. изменил логин и пароль, блокировав потерпевшему доступ к учетной записи и пользовательскому счету, и сформировал заказ на всю сумму, находящуюся на счете потерпевшего. Данный пример составлен на основе приговора Мотовилихинского районного суда г. Перми (Пермский край) № 1-72/2019 от 20 февраля 2019 г. по делу № 1-72/2019. В данном случае виновный на протяжении совершения всех преступных действий находился в своем зарегистрированном месте жительства и никоим образом не контактировал ни с потерпевшим, ни с третьими лицами.

Во-вторых, типичной схемой реализации мошенничества в сфере компьютерной информации, по мнению Б. К. Барчукова, также является сложное хищение имущества потерпевшего без непосредственного контакта с последним, совершенное через воздействие на средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей путем использования возможностей контрагента, предоставляющего услуги связи, сопряженное с обманом или злоупотреблением доверием. Согласно статистике, подобная схема встречается в 57,3% случаев, то есть данный способ совершения мошенничества в сфере компьютерной информации можно справедливо отнести к самому распространенному. В рамках данной схемы хищение имущества потерпевшего посредством компьютерной информации происходит с использованием возможностей, предоставляемых виновному оператором сотовой связи, без взаимодействия виновного с потерпевшим. В большинстве подобных случаев виновный имеет доступ к средствам совершения преступления, являясь работником организации, предоставляющей

услуги сотовой связи, и пользуется своим служебным положением, злоупотребляя доверием нанимателя. Например, М., устроившись на работу на должность специалиста в офис обслуживания и продаж в ПАО «ВымпелКом», специализирующееся на услугах по эксплуатации и предоставлению услуг местной и международной сотовой радиотелефонной связи, получила право, закрепленное в должностной инструкции, в служебных целях пользоваться ресурсами и техническими средствами, находящимися в распоряжении компании. Таким образом, М. получила доступ к базе данных, содержащей персональные данные клиентов ПАО «ВымпелКом». Затем М. без обращения клиента в офис о замене SIM-карты и без личного присутствия клиента неправомерно осуществила вход в программу «1С», обеспечивающую доступ к базам данных компании, преодолев специальные средства защиты информации, что позволило ей провести ряд неправомерных операций по модификации информации с целью замены SIM-карты потерпевшего и получения доступа к управлению его лицевым счетом. Затем М. перевела денежные средства с лицевого счета потерпевшего на банковскую карту, выданную на ее имя. Данный пример составлен на основе приговора Железногорского городского суда (Курская область) № 1-218/2018 от 15 октября 2018 г. по делу № 1-218/2018. В данной ситуации виновная злоупотребила доверием представителя нанимателя, который, проведя обучение, предоставив необходимые для выполнения трудовой функции средства, рассчитывал на добросовестное исполнение работником своих служебных обязанностей.

В-третьих, одной из типичных схем реализации мошенничества в сфере компьютерной информации Б. К. Барчуков считает сложное хищение имущества потерпевшего, совершенное через воздействие на средства хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей путем использования возможностей третьих лиц, сопряженное с обманом или злоупотреблением доверием. В рамках данной схемы по статистике совершается 16,9% преступлений данного вида. В качестве примера можно привести действия Е., который, злоупотребив доверием коллеги, скопировал ее логин и пароль и вошел с их помощью в программу, которая используется для внесения изменений в список услуг и проведение абонентских операций с номерами клиентов компании, в которой работали Е. и не подозревавшая о его преступных намерениях коллеги. Затем Е. произвел ряд операций, позволивших произвести

модификацию информации, в результате чего денежные средства с абонентских счетов были переведены на банковскую карту Е. Пример основан на постановлении Центрального районного суда г. Твери (Тверская область) № 1-16/2019 от 24 января 2019 г. по делу № 1-16/2019. Преступление стало возможным исключительно благодаря обману и злоупотреблению доверием лица, которое обладало необходимой для совершения преступления информацией. Без этого виновный не получил бы доступ к компьютерной информации и компьютерной программе, которые позволили произвести хищение имущества.

Исходя из приведенных типичных схем реализации мошенничества в сфере компьютерной информации, помимо виновного, потерпевшего, средств совершения преступления, ранее выделенных в качестве обязательных элементов процесса совершения данного преступления, можно также обратить внимание на необязательные, то есть присущие лишь некоторым фактическим составам преступления, элементы. К ним относятся контрагенты, предоставляющие услуги связи, чьи информационно-телекоммуникационные сети используются для совершения преступлений, а также третьи лица, обладающие информацией или возможностями, необходимыми виновному для совершения преступления.

Помимо уже упомянутых схем совершения мошенничества в сфере компьютерной информации существуют и иные, в том числе, комбинированные, которые соединяют признаки нескольких типичных схем. Б. К. Барчуков выделяет также простое хищение денежных средств, сопровождающееся непосредственным обманом или злоупотреблением доверием потерпевшего, совершенное путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей. Действительно, если обратиться к судебной практике, до ноября 2017 г. данная схема квалифицировалась судами как мошенничество в сфере компьютерной информации и составляла 13,6% случаев от всех преступлений данного вида. Однако Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определило, что не может быть квалифицировано по статье 159⁶ как хищение имущества, совершенное путем размещения в информационно-телекоммуникационных сетях заведомо ложных сведений, а также использова-

ния учетных данных собственника или иного владельца имущества, если виновным не было оказано незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети. В качестве примера в данном постановлении приводится создание поддельных сайтов благотворительных организаций, интернет-магазинов, а также ситуации, когда виновный тайно либо путем обмана пользуется телефоном потерпевшего, подключенным к услуге «мобильный банк». Таким образом, хищение имущества посредством компьютерной информации, сопровождающееся непосредственным злоупотреблением доверием либо обманом потерпевшего, не могут признаваться мошенничеством в сфере компьютерной информации.

Именно относительно вопросов квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации развернулись и продолжаются до сих пор споры среди теоретиков права и практиков. Данный состав преступления позиционируется законодателем как разновидность мошенничества (ст. 159 Уголовного кодекса РФ), а это позволяет сделать вывод о том, что мошенничество в сфере компьютерной информации содержит признаки, отличающие мошенничество от смежных составов. Однако из содержания статьи 159⁶ УК РФ следует, что в составе мошенничества в сфере компьютерной информации отсутствует основной признак мошенничества, выражающийся в хищении посредством обмана или злоупотребления доверием. Отсутствие данного признака было заложено в статье 159⁶ Уголовного кодекса РФ изначально. В пояснительной записке «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» (*Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/53700-6> (дата обращения: 19.10.2019)*). отмечается, что мошенничество в сфере компьютерной информации сопряжено с преодолением компьютерной защиты имущества (имущественных прав) и совершается не путем обмана или злоупотребления доверием конкретного субъекта, а путем получения доступа к компьютерной системе и путем ввода, удаления, модификации или блокирования компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Таким образом, возникает справедливое мнение о том, что данный состав должен подпадать под квалификацию кражи. Во-первых, законодатель сам указывает на отсутствие одного из важнейших признаков мошенничества в данном составе преступления. Во-вторых, мошенничество предполагает наличие объекта воздействия — лица, в отношении которого производится обман или которое вводит в заблуждение, однако в рамках мошенничества в сфере компьютерной информации можно наблюдать отношения виновный-компьютерная система, и, как правило, его непосредственное взаимодействие с потерпевшим исключается. Следовательно, делается вывод о том, что совершение преступления путем фальсификации компьютерной информации, не предполагающее участия конкретного собственника имущества, является тайным способом хищения, который вполне может быть заложен в квалифицированные составы кражи и других форм хищения, для которых такой способ возможен (для присвоения и растраты) [4, с. 41–46].

Как уже упоминалось, вышеперечисленные спорные положения отразились и на судебной практике. Например, приговором Братского городского суда Иркутской области в 2015 г. Р. была осуждена по статье 159⁶ Уголовного кодекса РФ за то, что под вымышленным предлогом попросила телефон у подруги, которая ей доверяла и не предполагала ее преступных намерений; используя подключенную к номеру мобильного телефона потерпевшей дистанционную финансовую банковскую услугу, Р. незаконно отправила на специальный номер оператора мобильной связи СМС-сообщение специального формата для перевода денежных средств, тем самым похитив денежные средства потерпевшей. Пример основан на приговоре Братского городского суда (Иркутская область) № 1-188/2015 от 16 апреля 2015 г. по делу № 1-188/2015. Совершенное в данной ситуации преступление не может быть квалифицировано как мошенничество в сфере компьютерной информации, так как присутствует непосредственное взаимодействие виновного с потерпевшим, а преступление совершается путем обмана и злоупотребления доверием без какого-либо незаконного воздействия на программное обеспечение серверов, компьютеров или на сами информационно-телекоммуникационные сети, что противоречит задумке законодателя.

Итак, обобщая информацию, полученную из законодательных источников и научных статей сторонников выделения мошенничества в сфере компьютерной информации в качестве самостоя-

тельного состава преступления, можно вывести основополагающий признак мошенничества в сфере компьютерной информации, который позволит отделить его от схожих составов, как, например, мошенничество, кража и т.д. Таким признаком является злоупотребление компьютерной информацией как способ хищения имущества или права на него.

Динамика мошенничества в сфере компьютерной информации.

В рамках данного исследования также представляется необходимым изучить динамику мошенничества в сфере компьютерной информации. При обращении к статистическим данным Министерства внутренних дел Российской Федерации складывается следующая картина.

Как показывает статистика, на фоне роста числа зарегистрированных киберпреступлений до 2017 г. наблюдался рост числа случаев мошенничества в сфере компьютерной информации. Так, с 2013 г. по 2016 г. количество зарегистрированных случаев мошенничества в сфере компьютерной информации возросло с 693 до 5380 — почти в восемь раз. В 2017 г. число зарегистрированных случаев данного преступления составило 2195 случаев, что значительно меньше по сравнению с предшествующим годом [5, с. 64]. За девять месяцев 2019 г. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» при Министерстве внутренних дел Российской Федерации зарегистрировано 533 случая мошенничества в сфере компьютерной информации. Такой существенный упадок в статистике можно объяснить тем, что в 2017 г. Пленум Верховного суда РФ разъяснил некоторые вопросы относительно правильной квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации и отделения его от схожих составов преступления.

Раскрываемость киберпреступлений и мошенничества в сфере компьютерной информации, в частности, правоохранительными органами и составителями статистики заявляется невысокая. Например, за указанный выше период 2019 г. из 533 преступлений раскрыто 49, таким образом, раскрываемость составляет лишь 8,9%.

Стоит также отметить, что мошенничество в сфере компьютерной информации характеризуется высокой латентностью, и потому значительный процент таких преступлений остается за рамками статистики.

Личность мошенников в сфере компьютерной информации.

Для наиболее полного исследования мошенничества в сфере компьютерной информации следует привести основные положения, характе-

ризующие личность лиц, совершающих данное преступление. К криминологической характеристике личности преступника в целом можно отнести сведения о социально-демографических и социально-психологических свойствах личности преступника, то есть сведения о его поле, возрасте, полученном образовании, социальном и должностном положении, его характере, мотивах и целях совершения преступления и других признаках личности преступника.

Непосредственными наиболее вероятными характеристиками личности преступника будут являться более высокий уровень интеллекта, как правило, образованность, умение быстро приспосабливаться к современным условиям жизни, расчетливость, скрытность, изобретательность, готовность прибегнуть к обману, стремление к паразитизму — легкого обогащения за счет своих жертв [6, с. 6–15].

В научной литературе на данный момент превалирует позиция о том, что преступление в сфере компьютерной информации, к которым относятся и мошенничество в сфере компьютерной информации, может быть совершено равно как высококвалифицированным в сфере новейших технологий человеком с опытом работы в данной сфере, так и лицом, обладающим базовыми навыками в области компьютерных технологий.

Мотивами при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации выступают жажда обогащения, алчность, стремление приобрести материальные блага и желание «легкой жизни». Мошенникам в сфере компьютерной информации присущи мотивы самооправдания — отрицание своей вины, отсутствие раскаяния в содеянном. Таким образом преступники внутренне освобождают себя от ответственности за совершенное преступление. Зачастую мошенники в сфере компьютерной информации оправдывают себя тем, что «воруют все». С мотивом самооправдания тесно связан «комплекс Робин Гуда», характерный преступникам, ведомым мотивами корысти. Он проявляется в попытке преступника оправдать себя, переложив вину на потерпевшего и представив свое преступное деяние как справедливое возмездие [7, с. 103–109].

Наиболее вероятный возраст мошенника в сфере компьютерной информации близок к возрасту, присущему большинству лиц, совершающих киберпреступления. Как правило, рассматриваемый вид мошенничества совершают молодые люди до тридцати пяти лет. На 2015 г. мошенничество в сфере компьютерной информации в пять раз чаще совершалось мужчинами, чем

женщинами, однако в последние годы отмечается рост доли женщин в количестве совершаемых мошенничеств данного вида.

Как показывает рассмотренная ранее статистика, большинство мошенников в сфере компьютерной информации трудоустроены в компании, технические средства которой в дальнейшем используются для совершения преступления. Они могут быть трудоустроены как в качестве лица, чья трудовая функция подразумевает непосредственное использование упомянутых технических средств, так и в качестве работника, не прибегающего к ней в процессе своей трудовой деятельности. Значительную часть из них коллеги по работе и соседи по месту проживания характеризуют как порядочного, законопослушного гражданина. Как правило, лица, совершившие мошенничество в сфере компьютерной информации, бывают ранее не судимы, однако в последние годы замечен рост числа рецидивов.

Криминологическая характеристика личности преступника важна для эффективной работы правоохранительных органов, она способствует оперативному раскрытию преступлений и поимке преступника.

Потенциальные жертвы мошенничества в сфере компьютерной информации и способы их защиты на основании проведенного исследования.

Жертвами мошенников в сфере компьютерной информации становятся не только конкретные физические лица, но и юридические лица всех форм собственности, а также публично-правовые образования.

Ввиду того, что мошенничество в сфере компьютерной информации не предполагает взаимодействия виновного и потерпевшего, крайне затруднительно составить обобщенный портрет жертв данного вида мошенничества. В подавляющем большинстве зарегистрированных случаев совершения мошенничества в сфере компьютерной информации преступник и лицо, которое пострадало в результате его неправомерного деяния, лично никогда не встречались, не были знакомы. Как правило, мошенник в сфере компьютерной информации выбирает жертву не по ее личностным характеристикам, а по простоте получения доступа к ее денежным средствам, иному имуществу и прав на него, по объему имущества, которое представится возможность похитить, после ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Ситуация осложняется также тем, что, как правило, жертва мошенничества в сфере компьютерной информации после обнаружения материальных последствий преступления не обращается в правоохранительные органы. Это происходит в результате ряда причин. Помимо присущего значительной части населения недоверия к правоохранительным органам, низкой правовой культуры, а также нежелания тратить время на составление заявления, можно также отметить необычную среду совершения преступления – виртуальную среду, в которой, как многие полагают, нет эффективных способов раскрытия преступлений. Также потерпевший может не желать открывать доступ правоохранительным органам к своему личному или рабочему компьютеру и данным, там содержащимся. Юридические лица могут оказаться не готовыми сообщить о преступлении ввиду убеждения, что это станет свидетельством незащищенности и привлечет еще больше преступников.

Переходя непосредственно к характеристике жертв мошенничества в сфере компьютерной информации, можно говорить о том, что ими становятся люди всех возрастов: молодые слои населения (в среднем, граждане до 35 лет) ввиду их глубокой вовлеченности в использование компьютерных технологий, интернет-ресурсов и лица старше 35 лет ввиду компьютерной неграмотности и пренебрежения средствами безопасности, способными усилить защиту конфиденциальных данных. Существенной характеристикой жертвы мошенничества в сфере компьютерной информации является ее самонадеянность, например, когда она хранит денежные средства и персональные данные на ненадежных сайтах или сайтах, для того не предназначенных.

Итак, важнейшим виктимологическим фактором мошенничества в сфере компьютерной информации является несоблюдение мер информационной безопасности. Этим обусловлена необходимость осуществления мер по повышению компьютерной грамотности населения в области информационной безопасности. Также важно повышение доверия граждан в отношении деятельности правоохранительных органов, что может быть осуществлено лишь повышением раскрываемости исследуемого вида преступлений, которая на данный момент, к сожалению, крайне невысокая. Таким образом, представляется необходимым рассмотреть основные направления государственной политики по противодействию мошенничеству в сфере компьютерной информации, а также изучить

мнение граждан относительно их информированности в области защиты компьютерной информации и эффективности государственных мер противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации.

Говоря о противодействии компьютерному мошенничеству, как и иному преступному посягательству, стоит отметить, что оно осуществляется в двух основных направлениях: применение более сурового наказания за совершенные преступления и непосредственное предупреждение преступления. По первому направлению законодателем посредством принятия Федерального закона от 3 июля 2016 г. № 325-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» (в ред. от 03.07.2016 г., *Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.10.2019)*) была увеличена санкция за совершение квалифицированного мошенничества в сфере компьютерной информации.

По второму направлению было создано Управление «К» МВД России, одной из основных задач которого является предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений в сфере компьютерной информации. Данное Управление публикует на официальном сайте информацию, направленную на просвещение граждан в области грамотного использования компьютерной информации и ее защиты, проводит уроки в школах, круглые столы, где так же разъясняются средства защиты компьютерной информации.

Как уже упоминалось, для целей данного исследования важен опрос мнения граждан. После дачи необходимых пояснений для понимания опрашиваемыми сущности мошенничества в сфере компьютерной информации было проведено анкетирование граждан разных возрастных групп по ряду вопросов. Первый звучал следующим образом: «Знаете ли вы, как обезопасить себя от мошенничества в сфере компьютерной информации?». Более 95% опрошенных двух выделенных в целях исследования возрастных групп: до 18 лет и от 19 до 30 лет ответило положительно. Из респондентов, входящих в возрастную группу от 31 до 50 лет, согласилось с данным утверждением более 70% граждан. Из опрашиваемых 50 лет и старше – около 40%. Итак, можно сделать вывод, что молодые слои населения, а также лица среднего возраста весьма высоко оценивают свою осведомленность относительно средств защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации, в то время лица более

старшего возраста сомневаются в своих знаниях в этой области.

Следующим вопросом ставилась цель узнать у лиц, которые положительно оценили свои знания относительно того, как обезопасить себя от мошенничества в сфере компьютерной информации, какие способы они используют для защиты от данного преступления. Более 95% респондентов как основное средство защиты указали установление сложных паролей на аккаунты, в которых хранится конфиденциальная информация. 70% опрошенных отметили использование качественных антивирусных программ как одно из эффективных средств защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации. 35% граждан ответили, что не используют общественный WI-FI, так как воспринимают это как потенциальную угрозу стать жертвой мошенничества в сфере компьютерной информации. Столько же процентов опрошиваемых отметили, что они, для того чтобы защитить себя от данного преступления, никогда не сохраняют данные банковских карт, паспортные данные, пароли и иную конфиденциальную информацию в браузере. Таким образом, можно справедливо судить о том, что достаточно большой процент граждан обладает базовыми навыками защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации. Однако в завершение своего ответа на данный вопрос большая часть респондентов отметила, что хотела бы получить более обширные знания в этой области и выразила надежду, что информация относительно того, как обезопасить себя от мошенничества в сфере компьютерной информации, станет доступнее.

Деятельность правоохранительных органов в области противодействия мошенничеству в сфере компьютерной информации респонденты в целом оценили негативно и отметили, что не стали бы обращаться с заявлением в правоохранительные органы, если бы стали жертвой мошенничества в сфере компьютерной информации.

Таким образом, анкетирование граждан позволяет сделать следующие выводы. С одной стороны, в целом граждане обладают базовыми навыками защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации. С другой стороны, они не чувствуют себя в безопасности и выражают недоверие относительно деятельности правоохранительных органов по противодействию исследуемому преступлению. Следовательно, представляется важным интенсифицировать деятельность по просвещению населения относительно вопросов, связанных с мошенничеством в сфере компью-

терной информации, и способов защиты от него. Также необходимо широкое освещение в средствах массовой информации успешно раскрытых случаев мошенничества в сфере компьютерной информации правоохранительными органами, что, во-первых, позволит оказать предупредительное воздействие на потенциальных мошенников в сфере компьютерной информации и, во-вторых, положительно повлияет на оценку гражданами собственной безопасности и восприятие ими работы правоохранительных органов. Все вышеперечисленное, в идеале, должно привести к снижению латентности мошенничества в сфере компьютерной информации, а также уменьшения количества таких преступлений в целом.

Выводы.

Изучение мошенничества в сфере компьютерной информации как относительно нового для российской правовой действительности явления позволило прийти к ряду выводов.

Во-первых, в рамках данного исследования было изучено понятие и сущность мошенничества в сфере компьютерной информации, а также проблемы его квалификации. Такие проблемы существуют и по сей день, несмотря на появление в 2017 г. постановления Пленума Верховного суда по данному вопросу.

Во-вторых, была рассмотрена динамика мошенничества в сфере компьютерной информации, а также выявлен высокий уровень латентности данного преступления и его причины.

В-третьих, были изучены общие характеристики личностей мошенников в сфере компьютерной информации и их жертв, что осложнялось фактическим отсутствием их взаимодействия в процессе совершения преступления.

В-четвертых, было проведено анкетирование граждан, которое позволило выявить их осведомленность в области защиты от мошенничества в сфере компьютерной информации, а также отношение к деятельности правоохранительных органов в области противодействия данным преступлениям.

Таким образом, существует ряд существенных проблем относительно рассматриваемого вида преступлений как в области выявления, так и в области раскрытия. Однако представляется, что более подробное изучение личности жертв и преступников, типичных схем и способов совершения мошенничества в сфере компьютерной информации и ряд мер, предложенных в данном исследовании на основании опроса мнения граждан, позволит улучшить сложившуюся ситуацию.

Литература

1. Григорян Г.Р. Об объекте мошенничества в сфере компьютерной информации // Российская юстиция. 2018. № 5. С. 29–31.
2. Лебедева А.А. Актуальные вопросы квалификации мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. 2018. № 5. С. 40–48.
3. Барчуков В.К. Типичные схемы совершения мошенничества в сфере компьютерной информации // Безопасность бизнеса. 2017. № 6. С. 30–36.
4. Третяк М.И. Проблема законодательной регламентации преступлений против собственности в сфере высоких технологий // Законность. 2016. № 7. С. 41–46.
5. Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В. и др. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития: аналитический обзор. М.: ФГКУ «Всероссийский научно-исследовательский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации», 2018. 86 с.
6. Колоколов Н.А. Преступления против собственности: комментируем новеллы УК РФ // Мировой судья. 2013. № 1. С. 6–15.
7. Подоляк Д.Ю. Значение данных о личности типичного мошенника для обеспечения возможности реализации прав и законных интересов потерпевшего // Вопросы российского и международного права. 2018. Т. 8. № 5А. С. 103–109.

References

1. Grigoryan G.R. Ob ob"ekte moshennichestva v sfere komp'yuternoï informatsii [On the object of fraud in the sphere of computer data]. Rossiiskaya yustitsiya [Russian justice], 2018, no. 5, pp. 29–31. (In Russian, abstract in English)
2. Lebedeva A.A. Aktual'nye voprosy kvalifikatsii moshennichestva v sfere komp'yuternoï informatsii [Relevant issues of qualification of fraud in the sphere of computer data]. Bezopasnost' biznesa [Business security], 2018, no. 5, pp. 40–48. (In Russian, abstract in English)
3. Barchukov V.K. Tipichnye skhemy soversheniya moshennichestva v sfere komp'yuternoï informatsii [Typical ways to conduct fraud in the sphere of computer data]. Bezopasnost' biznesa [Business security], 2017, no. 6, pp. 30–36. (In Russian, abstract in English)
4. Tret'yak M.I. Problema zakonodatel'noi reglamentatsii prestuplenii protiv sobstvennosti v sfere vysokikh tekhnologii [Problems of legal regulation of crimes against property in the sphere of high technology]. Zakonnost' [Legality], 2016, no. 7, pp. 41–46. (In Russian, abstract in English)
5. Antonyan Yu.M., Brazhnikov D.A., Goncharova M.V. i dr. Kompleksnyi analiz sostoyaniya prestupnosti v Rossiiskoi Federatsii i raschetnye varianty ee razvitiya: analiticheskii obzor [Comprehensive analysis of the crime rate in Russian Federation and suggested options of its development: an analytical review]. Moscow: FGKU «Vserossiiskii nauchno-issledovatel'skii institut Ministerstva vnutrennikh del Rossiiskoi Federatsii» Publ., 2018. 86 p. (In Russian)
6. Kolokolov N.A. Prestupleniya protiv sobstvennosti: kommentiruem novelty UK RF [Crimes against property: commenting innovations of the Criminal Code of Russian Federation]. Mirovoi sud'ya [Magistrate], 2013, no. 1, pp. 6–15. (In Russian, abstract in English)
7. Podolyak D.Yu. Znachenie dannykh o lichnosti tipichnogo moshennika dlya obespecheniya vozmozhnosti realizatsii prav i zakonnykh interesov poterpevshego [Meaning of the information about the personality of a typical fraud for providing an opportunity to exercise right and legal interests of a victim]. Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava [Issues of Russian and international law], 2018, vol. 8, no. 5A, pp. 103–109. (In Russian, abstract in English)

ПИСАТЕЛЬ-ПУБЛИЦИСТ- КРИМИНАЛИСТ-КРИМИНОЛОГ

ОБЪЯСНЕНИЕ ГИТЛЕРИЗМА

Антонян Юрий Миранович

Цель: показать истинные причины гитлеризма (нацизма) в Германии с исторических, социально-психологических, социологических, политических, идеологических позиций.

Методология. Дедукция, формально-правовой метод, исторический метод, сравнение фактов развития нацизма в Германии и Европе с указанных позиций.

Выводы:

1. Гитлеризм (нацизм) является закономерным явлением для Германии в силу представлений большей части немецкого населения об исключительной роли своей страны.

2. Гитлеризм (нацизм) есть порождение толпы, т.е. наиболее интеллектуально ослабленной, легковерной, склонной к простейшим решениям части немецкого народа, включая все его слои.

3. В истории Германии существовал очень важный архетип вождя, старшего, главного, которому следовало беспрекословно подчиняться.

4. Идеология в Германии быстро превращалась в материальную силу.

5. Гитлеризм (нацизм) представляет собой движение к древним временам, к истокам истории, в которых начали формироваться национальные архетипы.

Научная и практическая значимость. Изучение причин гитлеризма имеет и чисто научное (историческое, психологическое, юридическое, социологическое), и сугубо практическое значение, поскольку должно способствовать предупреждению таких катастрофических явлений в будущем.

Объяснение причин гитлеризма (нацизма) с коммунистических позиций полностью несостоятельно. Гитлеровская Германия и СССР — оба были тоталитарными государствами.

Ключевые слова: гитлеризм, нацизм, некрофилия, архетипы, толпа, мессия, вождь, фюрер, тревога, волк, хозяин, культ личности.

Любые исследования, претендующие на то, чтобы называться научными, должны включать в себя объяснение явления, которое стало его объектом, потому что именно объяснение представляет собой одну из главных функций науки. Применительно к гитлеризму, как к особо опасному этапу истории, объяснение есть настоящей задачей.

Первый и очень важный фактор — поражение в Первой мировой войне. Германская нация была уверена в непобедимости и мощи своих вооруженных сил, но оказалась совсем неподготовленной к полному поражению ни политически, ни психологически. Немцы были в шоке, который был тем

болезненнее, что наступил после победных фанфар. Отрезвляющий удар был такой силы, что все последующие события немецкой истории, включая январь 1933 г., невозможно понять без оценки поражения в этой войне, столь значимой для немцев: ведь потерпел поражение суровый, могучий, непобедимый архетип грозного германского воина. Это просто «убивало» и обывателя, человека толпы, и многочисленную военную касту. К тому же в стране осталось после войны очень много людей, умеющих только воевать.

И тут, среди всеобщего разброда и невиданных прежде экономических неурядиц, появляется лучезарный, как Зигфрид, новый мессия — Гитлер.

Он точно знает, куда, каким путем идти и, главное, обещает воссоздать Великую Германию, господствующую над другими народами. И он выполняет свои обещания, наведя относительный порядок в экономике, по существу, разорвав Версальские соглашения, создав могучую армию и одержав впечатляющие военные победы в 1933–1942 гг. Восторгу толпы не было пределов.

В. Райх справедливо отмечает, что «Гитлер стремился – и это открыто признается – воплотить в жизнь националистический империализм с помощью методов (в том числе и методов массовой организации), заимствованных у марксистов. Однако успехом своим эта массовая организация обязана массам, а не Гитлеру. Ибо укорениться его пропаганда смогла только благодаря авторитарной структуре личности, испытывающей страх перед свободой. Поэтому с социологической точки зрения своими достижениями Гитлер обязан не своей личности, а тому значению, которое придавали ему массы. Проблема, однако, значительно усложняется тем абсолютным презрением, с каким Гитлер относился к народным массам, с помощью которых он собирался реализовать свои империалистические стремления. Для доказательства этого утверждения нет нужды приводить множество примеров. Здесь достаточно упомянуть одно откровенное признание: «...настроение в народе всегда обуславливалось только тем, как общественное мнение обрабатывалось сверху» («Майн кампф») [1, с. 64].

После захвата власти гитлеризм постарался изгнать из своего движения все социалистическое и стал готовиться к войне. При этом он опирался на средний класс, но никогда бы не получил его поддержки, если бы не дал обещания бороться против крупных корпораций. Поэтому власти вынуждены были принять некоторые антикапиталистические меры, но потом отказались от них под давлением крупных предпринимателей. Надо иметь в виду при этом, что несмотря на противоречия между этими социальными группами, они находили примирение в общем контексте нацизма. Средний класс был опорой гитлеризма, и он в начальные годы громил рабочие организации, но потом Гитлер смог соблазнить рабочий класс и перетянуть на свою сторону. Но чем более многочисленным и значительным становился средний класс, т.е. чем больше росла толпа (в социальном понимании этого термина), тем более важной становилась его роль в укреплении гитлеризма.

Включившись в фашистское движение, обобщенно считает В. Райх, средний класс проявился в качестве социальной силы. Однако не

могу согласиться с ним в том, что проблема заключается не в реакционных целях Гитлера или Геринга, а в социальных интересах различных групп среднего класса. Прежде всего, Геринг никаких целей, особенно более или менее глобальных, никогда не ставил, да и вряд ли это могло прийти ему в голову. Все намечал, указывал цели только Гитлер, его власть была абсолютной. По той же причине не следует преувеличивать значение среднего класса, хотя его интересы не могли не учитываться властью. Но эта власть была полноценной, абсолютной, самодовлеющей. Гитлер считался только с самим собой, а гитлеровская верхушка была столь же независимой, как сталинская в СССР. Тем не менее, включившись в фашистское движение, средний класс проявил себя в качестве силы, с которой следует считаться, особенно в мирное время.

Еще один путь, ведущий к тому, чтобы понять гитлеризм, состоит в анализе стремления германского человека к идентификации с авторитетом, будь то государство, вождь, фирма, нация. В этом случае идеология быстрее превращается в материальную силу, но это стремление имеет еще очень большое значение в беспрекословном выполнении любых приказов, идущих от лиц, с которыми человек хочет иметь психологическую связь. Для обывателя, человека толпы, особенно рядового, иметь ее очень важно.

На службе у гитлеризма оказываются и семейные узы. Не считая семьи чиновников, семья в Германии тех лет представляла собой мелкое хозяйство или предприятие, где работали члены семьи. Особенно характерно это для мелких и средних фермерских хозяйств. 12 мая 1933 г. был принят указ «О новом порядке владения земельной собственностью». Приводимый ниже отрывок из него взят из книги В. Райха «Психология масс и фашизм».

«Нерасторжимое единство крови и земли является необходимой предпосылкой здоровья нации. В Германии эта связь, рождающаяся из естественного мирозерцания нации, обеспечивалась правовыми гарантиями в сельскохозяйственном законодательстве прошлых столетий. Ферма со службами наследовалась крестьянской семьей от предков и не подлежала продаже. Впоследствии было навязано законодательство, которое разрушило правовую основу такого устройства. Тем не менее, во многих областях страны немецкий крестьянин, обладающий здоровым народным мирозерцанием, сохранил этот древний обычай, передавая по наследству фермерское хозяйство от поколения к поколению.

Правительство пробудившегося народа обязано гарантировать национальное пробуждение путем правового регулирования нерасторжимого единства крови и земли, сохранившегося благодаря немецкому обычаю на основе закона о заповедном имуществе.

Владелец сельского или лесного хозяйства, зарегистрированный в компетентном окружном суде в качестве наследника заповедной собственности, обязан передать по наследству свою собственность в соответствии с законом о заповедном имуществе. Владелец такого унаследованного фермерского хозяйства называется фермером. Фермер не может владеть более чем одной фермой, унаследованной в соответствии с указанным законом. Только один ребенок фермера имеет право брать на себя руководство унаследованной фермой. Он является законным наследником. Со-наследники должны содержаться за счет фермерского хозяйства, пока не обретут экономическую самостоятельность. Если не по своей вине они впоследствии окажутся в стесненном материальном положении, они также имеют право найти приют на ферме. Передача по наследству незарегистрированного фермерского хозяйства, которое, тем не менее, имеет право на регистрацию, осуществляется в соответствии с законом о заповедном имуществе.

Фермерским хозяйством, унаследованным в соответствии с законом о заповедном имуществе, может владеть только тот фермер, который является немецким гражданином и немцем по происхождению. Немцем по происхождению считается только тот, у кого на протяжении четырех поколений среди предков по мужской линии не было ни одного лица еврейского или «цветного» происхождения. Очевидно, что в соответствии с буквой этого закона каждый германец считается лицом немецкого происхождения. Брак с лицом, не имеющим немецкого происхождения, не позволяет ребенку от этого брака стать владельцем фермерского хозяйства, унаследованного в соответствии с настоящим законом» [1].

«Нерасторжимое единство крови и земли» — один из главных пунктов гитлеровской идеологии, и это «единство» носит архетипический характер, а поэтому всегда вызывало горячий отклик в первую очередь у сельских жителей, но также еще и у обывателей. В целом Указ был адресован среднему сословию и был весьма значим для укрепления семьи. В ней ковался «сильный» характер, подчинение строгому старшему и ответственность за семью, которая была таким образом идентична нацистской власти, ее структуре и функциям.

Если ребенок приучался, а больше вынуждался к подчинению, то и став взрослым, он просто не умел не делать того, что от него требовал начальник (командир, старший). Идентификация с властью вытесняет чувства слабости, незначительности и беспомощности, неуверенности и страха. Прежний ребенок с его представлениями о справедливости больше не существовал.

При социализации такого типа влияния среды воспринимаются как правильные и достойные подражания, а сама жизнь такой, в которой принуждение и жестокость оправданы и сами собой понимаются. Тот, кто выражает сомнения в этом, будет отвергнут, потому что в нем будут видеть опасный пример. Поэтому старый дух покорности власти и силе, усвоенный еще в детстве и отрочестве, сохраняется в нацистском обществе как деструктивный потенциал, пробуждающий ненависть к слабым и стремление к разрушению.

Послушный исполнитель воли старшего, как правило, отца, подвергался в гитлеровской Германии необходимой эмоционально-идеологической обработке в учебных заведениях, школах, специальных лагерях, которые были созданы и для девочек (девушек), где им прививалось и безусловное повиновение, и всегда необходимая жестокость. Этот характер воспитания в большинстве случаев успешно достигался, чем объясняется и общая покорность немцев режиму, и нечеловеческая жестокость в концлагерях и в общении с жителями оккупированных стран, а также в отношении немцев-антинацистов. А. Эйнштейн был абсолютно прав, считая в связи с приходом к власти Гитлера в 1933 г., что ситуация в тогдашней Германии есть следствие психического заболевания масс.

К. Бассиюни подчеркивает, что в Третьем рейхе угнетение (слабого) врага превращалось в его узаконенное уничтожение.

Для иллюстрации приведем созданный Гитлером идеальный образ молодежи, который он хотел воплотить в жизнь: «Моя педагогика сурова. Слабость должна быть выбита из души. В моих орденских замках вырастет молодежь, перед которой содрогнется мир. Мне нужна жестокая, властная, бесстрашная, внушающая ужас молодежь. Молодежь должна воплощать в себе все это. Она должна переносить боль. В ней не должно быть ничего слабого и изнеженного...».

Однако страх перед новым лишением власти осязается.

Его можно ощутить по приступам бреда преследования у Гитлера, в которых прорывается его вытесненный панический страх перед жестоким отцом: «Мне рассказывал некто из его ближай-

шего повседневного окружения, что он (Гитлер) просыпается ночью с истерическим криком. Он зовет на помощь... Страх сотрясает его так, что вся кровать дрожит... Этот человек рассказал мне сцену, в которую я не поверил бы, если бы она не исходила из такого источника. Шатаясь, он стоял в комнате, безумно оглядываясь вокруг. «Он! Он! Он! Он был здесь», — задыхался он. Его губы посинели. Пот стекал с него... Затем он вдруг истошно закричал: «Там, там! В углу! Кто там стоит?».

Смертельный страх перед поражением в архаическом балансе силы и бессилия накапливается в бессознательном личности, наделенной атрибутами власти (вспомним также о прусской военизированной личности, которая стремится к войне, желая окончательно решить этот вопрос [3, с. 88]).

Отец был грозной силой в семье. Его приказы и указания необходимо выполнять, иначе могло последовать строгое наказание. В лице отца авторитарное государство имело своего представителя в каждой семье, а поэтому семья превращалась в инструмент его власти. В свою очередь, семейное положение отца адекватно его же положению в чиновничьем или производственном процессе. Иными словами, в своих детях он воспроизводит свое отношение к авторитету. Благодаря названным отношениям возникает пассивно-почтительная позиция к власти — фюреру. Когда ребенок, подвергавшийся строгому диктату и наказаниям заслушание, станет взрослым, он может занять позицию сильного, от которого теперь может оказаться в зависимости более слабый. На нем он может повторить давние отношения с отцом, но теперь уже в позе сильного.

Слишком суровые наказания ребенка или такие, которые он мог воспринять как очень жестокие, способны сформировать в нем страх смерти, который может сохраниться у человека навсегда как важнейший элемент его мироощущения и отношения к себе. Этот страх уже взрослый человек попытается подавить с помощью насилия к другому, более слабому, в том числе с помощью садистских действий или некрофильских серийных убийств. Страх смерти часто амбивалентен, т.е. включает в себя и собственно страх, и одновременно стремление понять, что представляет собой смерть.

Другое следствие жестокого обращения в семье с ребенком или (и) подростком — формирование высокого уровня тревожности. Эмпирические исследования убийц («обычных») показали, что у них самая высокая тревожность среди преступников.

Агрессия как важнейший элемент теории и практики гитлеризма не может быть понята,

если не исследовать один из сложнейших ее источников — тревогу и страх.

Проблема тревоги ни в коем случае не является сугубо психологической или психиатрической — она имеет широкое социальное звучание. Тревогой может быть охвачен не только один человек, но и группа людей, общество, страна, тревожным может быть время, даже долгие годы. Ее уровень повышается во время войн, перед их приближением, перед приближением врага, в годы смут и революций, массовой безработицы и обнищания и т.д. Тогда, кстати, часто появляются «спасители» отечества (или народа) с их «мудрыми» идеями, некоторые из них становятся потом кровавыми тиранами.

Личность отвечает тревогой не только на внешние факторы, она может быть тревожной не только вследствие тиранического воспитания, но и в силу своей индивидуальной физиологической предрасположенности к этому, которая не была снята надлежащим воспитанием или лечением. Во всяком случае, тревога и тревожность препятствуют надлежащему развитию человека, они возникают по разным причинам, проявляются в разных формах. Я не буду здесь обстоятельно анализировать понятие и природу тревоги и тревожности, явлений тревожного ряда, отличие тревоги от страха и т.д. Отмечу лишь, что под тревогой я буду понимать переживание эмоционального дискомфорта, связанное с ожиданием неблагоприятного, какой-то катастрофы или трагедии, грозящей опасности. Р. Мэй считает, что тревога — «это мрачное предчувствие, вызванное угрозой какой-либо ценности, которую индивид считает необходимой для своего существования как личности. Угроза может быть направлена на физическую или психическую жизнь (угроза смерти или потери свободы) или на какую-то другую ценность, которую индивид связывает со своим существованием (патриотизм, любовь другого человека, «достижение успеха» и т.д.)» [4, с. 223]. Не совсем понятно, почему это всегда мрачное предчувствие, к тому же не ясно, что автор понимает под «мрачным».

Очень важно замечание Р. Мэя, что при тревоге снижается способность индивида осознавать себя в своих отношениях со стимулами и поэтому в той же мере снижается способность адекватно воспринимать стимулы. Добавлю, что снижение осознания своих отношений со стимулами особенно часто можно наблюдать при внезапно возникшей угрозе или тогда, когда она не определена. Рассказы многих обследованных мною насильственных преступников чаще всего содержали в себе указание на последнее обстоятельство — неопределенность

опасности. Некоторые из них даже полагали, что угроза «сидит» в них самих.

Имеются важные различия между нормальной и невротической тревогой, хотя в агрессивном поведении можно наблюдать и ту и другую формы (По мнению Р. Мэя, нормальная тревога (Фрейд называл ее объективной тревогой) отличается тем, что: (1) не является непропорциональной объективной угрозе; (2) не связана с подавлением или другими механизмами интрапсихического конфликта; (3) ею не управляют невротические защитные механизмы, и поэтому ей можно конструктивно противостоять на уровне сознания; (4) она прекращает действовать, если объективная ситуация меняется [4, с. 227]. В отличие от нее невротическая тревога представляет собой реакцию на угрозу, которая: (1) не соответствует объективно существующей опасности; (2) влечет за собой подавление (диссоциацию) или другие формы интрапсихического конфликта и, как следствие, (3) сопровождается различными ограничениями активности и осознания, например, торможением, развитием симптомов и разнообразными невротическими защитными механизмами [4, с. 231]). При невротической тревоге агрессия будет характеризоваться теми же особенностями, которые свойственны лицам с психическими аномалиями (слишком быстрое принятие решения о применении насилия, неумение адекватно оценивать сложившуюся жизненную ситуацию, ничтожность внешнего обстоятельства как повода к применению агрессии и т.д.) и которые неоднократно наблюдались криминологами при анализе преступного поведения. Подавление (блокирование сознания) при невротической тревоге само по себе делает человека более уязвимым перед угрозами и таким образом увеличивает тревогу.

Кроме того, подавление влечет за собой возникновение и умножение внутренних противоречий, снижает способности выявлять действительные опасности и влечет за собой нарастание чувства беспомощности, что, в свою очередь, способно усилить его агрессивность.

Наряду с тревогой необходимо исследовать и тревожность, которая, по-видимому, может быть понята как некая особенность, присущая индивиду и проявляющаяся в его склонности к частым и интенсивным переживаниям тревоги. Она может быть постоянной личностной чертой либо возникать и функционировать длительное время, даже когда исчезнут внешние причины, ее вызвавшие. Нас в данной работе интересуют тревога и тревожность как факторы агрессии, т.е. агрессии, возникающей в ответ на тревожное не-

благополучие как способ защиты от мнимой или действительной угрозы.

Р. Мэй задается вопросом, что происходит внутри индивида, что дает ему возможность непосредственно противостоять опасности, в то время как другие люди в той же самой ситуации могут обратиться в бегство. Взяв в качестве примера для исследования солдат, мы обнаружим, что субъективная мотивация, которая давала возможность солдатам противостоять опасности, часто состояла в их убеждении, что угроза, связанная с уклонением, превосходила угрозу участия в сражении. Можно без всяких сомнений сказать, что существовали ценности, связанные с противостоянием опасности, более значимые, чем ценности, следствием которых было бы бегство. Для многих солдат общей ценностью были, вероятно, ожидания их товарищей, находившихся рядом с ними; они не должны были подвести свою группу. На простом языке это может быть названо желанием не оказаться «трусом» перед своими приятелями; для более развитых солдат это может звучать как ответственность перед общностью. Таким образом, когда иногда делают банальное заявление о том, что человек противостоит опасностям и преодолевает их благодаря наличию «повода» для этого, вполне достаточного, чтобы служить противовесом угрозе, то это совершенно верно. Еще одна банальность состоит в том, что если мы вновь обратимся к нашему примеру, то найдем, что только у наиболее развитых солдат ценность, за которую они борются, вербализуется и становится поводом в более широком смысле, она выступает, например, в виде патриотизма, свободы или человеческого благосостояния.

Этот иллюстративный пример подготовил почву для следующего общего утверждения Р. Мэя: человек внутренне готов противостоять неизбежной тревоге, когда он убежден (сознательно или бессознательно), что ценности, которым следует, двигаясь вперед, являются более возвышенными, чем ценности, которым следует, когда спасаются бегством. Тревога возникает, когда существует угроза ценностям, которые индивид связывает со своим существованием. Теперь можно сделать обратное утверждение: индивид противостоит вызывающим тревогу впечатлениям и двигается вперед, не становясь их жертвой, потому что ценности, которые он связывает со своим существованием (например, свободу, престиж и т.д.), более существенны, чем угроза.

Это очень интересные соображения, и, думается, несмотря на некоторую умозрительность, их можно принять в качестве общего правила,

которое, конечно, имеет многие исключения. Например, солдат может броситься в бегство без каких-либо предварительных, пусть даже и самых коротких, размышлений о ценностях — просто под влиянием панического страха быть убитым, поскольку срабатывает инстинкт жизни. Страх смерти решительно отменяет любые мысли о долге, мнении товарищей и т.д.

Тревожность может быть психическим расстройством личности. Это исследовал, например, Б.В. Шостакович. Он писал, что в отечественной номенклатуре этот тип расстройств личности — психопатий — в качестве отдельного варианта в последнее время не выделялся. Между тем, еще в начале XX века С.А. Суханов описывал тревожно-мнительный характер, основные признаки которого близки к этому типу личностей, который относится к кругу тормозимых психопатических личностей, по О.В. Кербикову.

Гитлер, как и его собратья по тоталитарному ремеслу — Ленин, Сталин, Муссолини и др., был, конечно, лжемессией, как и они. Как и они, он создал свою субкультуру, главным адресатом которой является толпа, а основным назначением — сохранение и укрепление власти вождя и всего созданного им государственного и политического режима. Лжемессианское общество не допускало различий между политикой и повседневной жизнью большинства, политика не могла быть лишь одним из составных элементов жизни людей, политика, как и идеология, внедрялась в каждую мысль или поступок. Гитлер и другие тоталитарные вожди намеревались создать такое органичное общество, в котором все стороны жизни были бы подчинены господствующей идеологии и культу личности. Никому не позволялось стоять в стороне от целей, провозглашенных этой идеологией, жизнь человека была подчинена ей. Все люди и организации подлежали нацификации, т.е. оказывались под контролем соответствующего режима.

Все государственные учреждения, общественные организации и образовательные институты были реорганизованы так, чтобы режим получил полный контроль над их деятельностью, над деятельностью каждого работающего или учащегося. Была создана сеть различных организаций в сферах профессиональной, трудовой и личной жизни, членство в которых было обязательным, и которые находились под контролем партии, т.е. режима. Каждый отдельно взятый человек был обязан быть сопричастным к обществу и государству, что понималось как подчинение им, особенно государству. В тоталитарных странах не должно быть ни

одной организации вне его контроля, равно как и отдельного гражданина.

Эта особая тоталитарная культура охватывала отношения людей между собой и отношение к человеческой жизни, ценность которой ставилась в прямую зависимость от преданности идеологии и вождю, слова которого приобретали самостоятельную ценность.

Германские нацисты сразу же взялись за построение такой культуры после назначения Гитлера канцлером. В Германии мощная пропаганда, призывы и обращения, частые митинги и шествия лишали народ свободы воли и возможности спокойного выбора.

Лжемессианская культура, внедряемая в толпу, не несла никакого прогресса и развития, «истина» воспринималась как нечто данное раз и навсегда самим мессией. Она не подлежала пересмотру и даже коррекции. Все было пропитано духом гитлеризма. Но не следует думать, что в Германии эта культура была лишь навязана «мессией» массам, толпе. Так, нацистская культура вызревала в течение десятков лет всею жизнью немецкого мещанства, менталитет которого, особенно после Первой мировой войны, утверждал собственную точку зрения на искусство, литературу и национальные проблемы.

В поисках поддержки своей оппозиции новым направлениям в искусстве и литературе нацистская клика взывала к толпе, невежественной и некритичной. Конечно, она получала от нее полную поддержку. В Германии устраивали показательные костры из книг, «ненужные» книги вообще не печатали, выставки зарубежных современных картин и скульптур были запрещены. Страна была отделена «железным занавесом» от культуры других стран, исключая, конечно, себе подобных. Она убеждала себя и других, что ею реализуется единственно верная формула счастья и справедливости, найденная и сформулированная ее «мессией».

Основу «новой» Германии должны были составить «новые» люди — продукт правильного идеологического воспитания. Идеология была реальным инструментом реформ, что совсем неудивительно, поскольку идеология проникала во все поры человеческого существования эпохи гитлеризма. «Новый» человек должен был стать средоточием «новой культуры», постоянно «созидающей» личность, фанатически преданной режиму. Поэтому индивид терпел полное крушение в безличном обществе и усредненном общественном сознании. Но таким людям, напичканным идеологией, не позволялось быть мертвым грузом, они обязаны были пребывать в постоянном

движении. Оно было, как бы разлито в обществе, поддерживаемое и направляемое пропагандой, лозунгами, призывами, плакатоподобными живописными и скульптурными изображениями на тоталитарные темы, прежде всего, портретами мессий.

Сформированная таким образом толпа являла собой дикое иррациональное образование, в которое можно было внедрить любой миф, любую «теорию», любую ложь. Используя эту иррациональность, Гитлер постоянно срывал закономерную самостоятельность отдельного человека и вливал его в общую массу, лишая тем самым индивидуальности и свободы выбора. Эта особая культура толпы была очень выгодна, ибо она была неспособна к сопротивлению. Ею повелевали и командовали, но никогда не устанавливали с ней партнерских, равноправных отношений. Есть основания думать, что фюрер относился к толпе с презрением: во всяком случае, такой вывод напрашивается после чтения «Моей борьбы» Гитлера.

Гитлер сформулировал, а нацисты воплотили на практике мысль о том, что пропаганда, по сути, есть проникновение культурных ценностей в массы. Вытекающий отсюда антиинтеллектуализм, вообще-то характерный для толпы, красной нитью прошел через всю тоталитарную практику. Гитлер, например, призывая к общему, неспециализированному обучению, имел в виду, что во главу угла должно быть поставлено изучение нацистского мировоззрения. Как самая важная часть культуры она внедрялась в общество, особенно в обучение гуманитарным наукам, самым бесспорным образом.

Гитлер говорил, что в любом поистине великом революционном движении пропаганда должна предварительно распространять его идею. Она должна попытаться сделать новое направление мыслей понятным для всех или по меньшей мере заставить сомневаться в прежних убеждениях. Как только пропаганда обретет опору, доктрина сама обеспечит себя необходимой организацией. В эту организацию в качестве ее членов войдут последователи, обретенные благодаря пропаганде. И она будет увеличиваться тем скорее, чем изощреннее станет пропаганда, которая, в свою очередь, может работать более успешно, если за ней стоит мощная организация.

Сознание первобытного человека, как отмечал Л. Леви-Брюль, целиком во власти коллективных идей или коллективных представлений. В отличие от древних людей в тоталитарном обществе идеи вырабатывает один человек или узкая груп-

па людей, их идеи становятся догмами, законами для толпы. Отдельная личность получает их уже в готовом виде. Коллективные представления отличаются чрезвычайной императивностью, обладают почти принудительной силой и воспринимаются автоматически каждым лицом, так как они навязываются ему с раннего детства и, почти не поддаваясь действию критики, в неизменном виде передаются из поколения в поколение. Коллективные представления получают свое выражение в верованиях, обычаях и языке. Они целиком господствуют над сознанием человека толпы, он мыслит иначе, чем мы, поскольку его мышление целиком во власти коллективных представлений. Наши же представления настолько дифференцированы, что позволяют нам совершать сложные операции, отвлечения, обобщения и логические классификации. Наше мышление – концептуальное, строящееся на понятиях, предполагающих развитую способность отвлечения и обобщения. Мы никогда не смешиваем представления объекта с вызванными им переживаниями и порожденными им двигательными реакциями. В коллективном же представлении первобытного человека все эти три элемента слиты.

В коллективном сознании тоталитарного общества мы найдем ту важную особенность коллективных представлений первобытного человека, которую Л. Леви-Брюль усматривал в их «мистическом» характере. Всякий реальный объект окружающего мира наделен, по представлению такого человека, тайными свойствами, связывающими его со сверхъестественным миром и миром скрытых, невидимых реальностей, причем, тайные или явные, эти свойства связаны между собой. В силу мистической ориентированности своего мышления первобытный человек в любой вещи ищет наряду с ее реальными, явными свойствами те или иные скрытые, тайные, мистические, в которых он готов усматривать истинные причины явления.

Объекты, обладающие тайными, мистическими свойствами, густым роем окружают коллективного человека тоталитарного общества. Ими обладают разные символы и знаки, ритуалы и манипуляции, которым придается особая, скрытая значимость и сила. Поэтому-то флаги, штандарты, значки, гербы, символические скульптуры, скульптуры и портреты вождей и иные изображения, а также шествия и парады имели такую власть над людьми при нацизме. Эти же люди придавали особый смысл учению, свято верили в бесконечные возможности доктрины, т.е. обычного слова, в его абсолютную власть, могущую перевернуть весь мир и сделать его таким, каким они желали его ви-

деть. Коллективные представления особым могуществом наделяли вождей, которые были для них магами. Кроме того, что очень важно, сам строй тоталитарной жизни, ее нормы и ценности обладали столь же неодолимой силой.

Коллективный тоталитарный человек дологичен, как и его далекий предок, он игнорирует свидетельства повседневного опыта, не способен сделать из него адекватные выводы, кроме тех, которые угодны тому же коллективному сознанию. Он интересуется и руководствуется главным образом мистической сопричастностью между вещами и явлениями, без затруднений допускает многоаспектность, к тому же ему самому не всегда понятную, любого объекта и не видит ничего невозможного в тех случаях, когда приходит в действие вызываемая его мистическими ощущениями эмоциональная волна. Эта волна порождена всем, что имеет отношение к сверхъестественному миру, к миру тайных сил и свойств, превосходящих обычную человеческую мощь.

Тоталитаризм стремится к упрощению, лжемессии нужен простой мир и примитивный человек, которыми легче всего управлять. Вождь пытается воссоздать примитивного человека с присущим ему мышлением и мировосприятием, резко ограничив, сведя до минимума его духовные потребности. Примитивность есть низшая ступень и исходная точка исторического развития личности, которая на современном культурном этапе представляет собой не только продукт биологической эволюции и развития в детском возрасте, но и результат указанного исторического процесса.

Подобно тому, как взрослый человек на бессознательном уровне иногда стремится к психологическому возвращению в детство, когда он испытывал наивысший эмоциональный комфорт и защищенность, так и тоталитарное общество желает вернуться к тому, что позволило бы ему создать себе наилучшие условия существования. Гитлеризму совершенно не подходил чуждый ему современный культурный мир с его социальными и политическими институтами и нравственными ценностями, со всей сложностью его искусства и духовного мира, а главное, отношениями между людьми. Поэтому коричневый диктатор от всего этого обязательно должен избавиться. Проявляемые при этом нетерпимость и особая жестокость есть свидетельство того, что современная культура не только чужда, но и глубоко враждебна гитлеризму, поскольку она несет в себе смертельную угрозу его существованию. В этом смысле можно сказать, что гитлеризм вынужден уничтожать

культуру и живых ее носителей. Он видит мир только в черно-белом изображении. Отсюда, например, отвержение всех усложненных форм искусства и призывы к тому, чтобы оно всегда было понятно народу.

Центральной характеристикой тоталитарного сознания есть вера в простоту мира, в то, что любое явление может быть сведено к легко описываемому, наглядному сочетанию нескольких первичных феноменов. Если мир в основе своей прост, то вся работа ученых – не что иное, как бессмысленная трата народных денег, а их открытия и выводы – попытка заморочить людям голову. Но мир не только прост, но и непонятен, а поэтому любое непонятное есть злонамеренное запутывание стройного, не таящего никаких существенных тайн мира. Ученый, да и любой грамотный человек, самым своим существованием отрицает эту примитивную «победу разума», и поэтому режим относится к нему как к врагу, возвеличивая «простого» человека, который в университетах не обучался, но именно поэтому является носителем подлинной нравственности и добра.

Так, у Гитлера была определенного рода детскость (инфантилизм), и не случайно он так ценил романы К. Мая об индейцах. Эта детскость мощно подкреплялась его уверенностью в своей исключительности и особой миссии на земле, в том, что он может совершить то, что всем остальным не по силам. Здравомыслящему человеку было понятно, что он не сможет победить США, Канаду, Великобританию и весь остальной англоязычный мир, да еще СССР, но он с маниакальным упорством начал войну с ними. При этом весь мир узнал о его зверствах, что отнюдь не привлекло к нему новых союзников и тем более друзей. Можно очень осторожно предположить, что жестокость к беззащитным жертвам, массовые убийства, протекающие из его некрофилии, детерминировались бессознательным предчувствием своего конечного поражения. Это был человек смерти, а поэтому отправление в смерть еще миллионов было для него вполне естественно.

Вера в простой мир ответственна за принятие катастрофических по своим последствиям управленческих решений. Носители этой веры не способны увидеть явление в единстве его положительных и отрицательных черт и тяготеют к однозначным решениям, которые далеко не всегда уместны. Если уж что-то плохо, оно во всем плохо, если хорошо – то тоже во всем. Гитлеровская война со всем цивилизованным миром относится к числу катастрофических решений.

Как и в каждой тоталитарной системе, в Германии власть возглавлял вождь и руководитель всей системы, ее главарь – Гитлер. У Гитлера был псевдоним – «Волк». Вот что можно прочесть по этому поводу у Д. Толанда.

После окончания митинга нацистов в 1920 г. в Мюнхене, на котором Гитлер впервые публично изложил программу своей партии, он думал, что теперь родился волк, призвание которого – ринуться на стадо обманщиков народа. Это новое призвание Гитлера полностью соответствовало его имени Адольф, которое в переводе с древнегерманского означает «счастливый волк». С этого момента слово «волк» будет иметь для Гитлера особое значение – как прозвище среди близких людей, как псевдоним и как название большинства его военных резиденций. Своей будущей верной спутнице и жене Еве Браун впервые он был представлен как господин Вольф (в переводе с немецкого – волк). В двадцатых годах у Гитлера был пес по кличке Вольф, единственный тогда компаньон этой отчужденной и самодостаточной личности. В последний месяц жизни Гитлер назвал Волком щенка от последнего помета своей овчарки Блонди (по его приказу на ней был испробован яд, с помощью которого он потом покончил самоубийством), и сам его дрессировал.

Почему не предположить, что волк ощущался Гитлером в качестве своего тотемного животного? Волк был тотемным животным у многих народов Европы, Азии и Северной Америки, в их мифологических представлениях он преимущественно был связан с культом предводителя боевой дружины и родоначальника племени, весьма распространен сюжет о воспитании такого родоначальника, а иногда и его близнеца волчицей. Волк выступал и в роли бога войны (в индоевропейских мифологиях), волки сопровождали древнегерманского бога Одина в качестве его псов. У некоторых индейских племен это животное было хозяином царства мертвых. Для любой из этих ипостасей фигура Гитлера подходит как нельзя лучше, за исключением, пожалуй, сопровождающего бога войны, ибо он сам претендовал на место такого бога. Что касается царства мертвых, то более подходящего хозяина для него, чем некрофил и убийца Гитлер, просто не найти. Гитлер, в сущности, и был волком.

Гитлер никогда, в отличие от Сталина, не расталкивал соперников к власти. Он всегда держал себя как вождя, считал себя избранным и мессией, спасителем германского народа, был уверен в своей избранности и исключительной значимости для мира. Считал себя непогрешимым и только

свою интуицию исключительно верной, реализуя ее с фанатическим упорством. Был способен к афористическому мышлению, ему принадлежат такие изречения: «Чем больше я узнаю людей, тем больше я люблю собак», «Народ – раб, лишь немногие призваны быть господами», «Восприимчивость массы очень ограничена, круг ее понимания очень узок», «Масса подобна животному, она не считается с логикой и рассудком».

Гитлер был выдающейся личностью. Он и Сталин убеждают в том, что «гений и злодейство вполне совместны».

Гитлер повсюду видел опасности, всюду открывал разложения медленно догнивающего мира, но все свои страхи сводил к одному – единственному их виновнику, о чем И. Фест писал: «...в фокусе его доведенной до исполинских размеров концентрации страха стояла черная и волосатая кровосмесительная фигура еврея, дурно пахнущая, плотоядная и охочая до белокурых девиц, но, как с беспокойством говорил сам Гитлер даже летом 1942 г., «в расовом отношении более крепкая». Пораженный до самого нутра своим гибельным психозом, Гитлер видит Германию объектом некоего всемирного заговора, осаждаемой со всех сторон большевиками, масонами, капиталистами, иезуитами, выступающими в едином союзе и руководимыми в этом истребительном деле стратегом в лице «жаждущего крови и денег, тиранящего народы еврея». Он завладел семьюдесятью пятью процентами мирового капитала, он покорила себе биржи и марксизм, Золотой и Красный Интернационал, он был зачинщиком ограничения рождаемости и идеи эмиграции, он подорвал устои государства, привел к вырождению расы, воспел братоубийство, организовал гражданскую войну, оправдывал низость и поливал грязью благородство – он, этот «закулисный вершитель судеб человечества». Всему миру грозит опасность, заклинающе возглашал Гитлер, оказаться «в объятиях этого полипа». Рисуя все новые и новые картины, он пытается как можно нагляднее передать свое отвращение – тут и «ползучая отравка», занятая своим делом, и изображение еврея «личинкой», «опухолью», «жалящей тело народа гадюкой». И если, формулируя свой страх, он допускает иной раз нелепые и смешные обороты, то тот же страх помогает ему создавать впечатляющие или хотя бы запоминающиеся картины» [5, с. 170].

Очень точно оценивает личность Гитлера О.Ю. Пленков.

Гитлер в истории был уникальным феноменом, ибо его власть была до крайней степени персонифицирована.

фицирована. Рядом с Гитлером по степени персонализации власти может быть поставлен Ленин, но его период у власти был непродолжительным. Сталин также обладал колоссальной властью, но был вынужден заниматься ее псевдолегитимизацией, утверждением политических решений в ЦК, на съездах. Гитлер же был сам властью, не нуждавшейся ни в каких, пусть даже липовых, одобрениях. Геринг исчерпывающе охарактеризовал положение во властных отношениях Третьего рейха: «Тот, кто понимает ситуацию у нас, тот знает, что каждый обладает ровно такой властью, какую дает ему Гитлер». Если Сталин, для того чтобы гарантировать собственную власть, вынужден был прятаться за лозунги об усилении классовой борьбы, говорить о врагах советской власти, ломать комедию с публичными процессами, то Гитлер прямо заявлял о необходимости сохранения его, фюрера, власти для великого будущего Германии, поэтому ничтоже сумняшеся Гитлер учинил «ночь длинных ножей» 30 июня 1934 г., после которой было объявлено, что убитые были оппозиционерами и замыслили захватить власть, отстранив Гитлера. Если Сталин в государственной иерархии официально занимал второе место после Ленина и временами у него были доверенные люди, помогавшие ему вершить кровавые дела, то Гитлер был фюрером немецкой нации, единственным и всемогущим, не имевшим ни предшественников, ни последователей (как выяснилось позже), уникальной уже при жизни фигурой; между ним и верхним эшелонном власти нацистов существовала дистанция огромного размера (как признавали главари нацистов на Нюрнбергском процессе); даже для самых близких к власти (Гитлеру) людей он был совершенно недостижим; он был непредсказуем, необъясним и уж, конечно, влиять на него никто не мог.

Мессианский, на взгляд обывателя, облик придавал персоне Гитлера нибт таинственности, поэтому немногие из тех, кто с ним лично встречался, избежали его психологического воздействия. Это же обусловило и его магическое воздействие на массы, толпу, которая попадала под его влияние задолго до того, как он заговорит. Ллойд-Джордж в 1936 г. в «Дейли телеграф» писал о Гитлере как о немецком Джордже Вашингтоне, называл его самым великим немцем XX в., самой значительной личностью в Европе со времен Наполеона и самым большим аскетом со времен Аттилы и его гуннов. Как уже говорилось, Гитлер обладал невероятным даром внушения. Эрих Нольте передавал, что в январе 1945 г. к Гитлеру пришел гауляйтер Данцига, полный

решимости рассказать ему, как на самом деле обстоят дела... Он покинул Гитлера, полный уверенности в том, что город будет вскоре деблокирован. [2, с. 258–259]

В своем на удивление исковерканном восприятии действительности Гитлер представлял себе «восточные» территории заселенными рассадниками германской крови. Поэтому он одобрительно смотрит на предпринимавшиеся главным образом Гиммлером и Борманом усилия по созданию нового законодательства о браке. Те в своих рассуждениях исходили из того, что после войны нужда в приросте населения, скорее всего, еще более возрастет, поскольку три-четыре миллиона женщин останутся незамужними, а этого, заметил Гитлер, если пересчитать на дивизии, «наш народ просто не вынесет». Чтобы дать этим женщинам возможность иметь детей, а «порядочным, волевым, физически и психически здоровым мужчинам» предоставить одновременно удобный случай усиленно размножаться, был специально разработан порядок ходатайств и отбора, который имел своей целью обеспечить возможность «вступления в прочные брачные отношения не только с одной женщиной, но и еще с одной». Эти изложенные Борманом в его меморандуме представления были дополнены Гиммлером, который, к примеру, предлагал закреплять привилегированное положение первой жены ее титулом «Domina» (настоятельница), а право вступления во второй брак предоставлять сначала «как высокую награду героям войны, кавалерам золотого «германского креста», а также «рыцарского креста». Позднее можно будет распространить это право «на кавалеров «железного креста» первой степени, а также на тех, кто имеет серебряный или золотой знак участника рукопашных боев», потому что, как любил говорить Гитлер, «лучшему воину достается сама красивая женщина... Если немецкий мужчина-солдат готов безоговорочно умирать, то он должен тогда иметь и свободу безоговорочно любить. Борьба и любовь ведь всегда были связаны друг с другом. Пусть обыватель радуется, получив то, что ему останется». Особенно же эти соображения обсуждались и совершенствовались в рамках руководства СС, так, например, там обдумывали возможности рационального использования половой потенции; брак, в котором свыше пяти лет не было детей, государству придется расторгнуть, а, кроме того, «все незамужние и замужние женщины, если у них нет четверых детей, обязаны до достижения возраста в тридцать пять лет произвести с безупречными в расовом отношении не-

мецкими мужчинами четверых детей. Являются ли эти мужчины женатыми или нет, не играет при этом никакой роли. Каждая семья, уже имеющая четверых детей, должна отпускать мужа для этой акции» [5, с. 296–297].

Поклонение «своему» диктатору Гитлеру отнюдь не является уникальным явлением, то же самое можно было наблюдать в СССР, Италии и других тоталитарных странах. Причем поклонение им, восторг перед ними были искренними, проникнутыми неподдельной верой в своего вождя и его демагогию.

Поиск патрона и безумный уход к нему в полное психологическое рабство не является чем-то новым для человечества. Так люди поступали с первых дней своего существования, поскольку всегда нуждались в защите и утешении, и тревожность была неизменно им присуща. Хозяин, вождь, главарь в значительной мере снижал эту тревожность, и поэтому тревожные люди очень нуждались в нем. Если по какой-нибудь причине хозяин исчезал, личность чувствовала себя незащищенной, брошенной, доступной для любой агрессии. В связи с этим она будет упорно защищать его, верить ему, поклоняться, боясь потерять хозяйскую поддержку и покровительство, которые в большинстве случаев будут чисто психологическими, потому что лидер всегда будет над толпой, но не в ней. Психологическая поддержка и психологическое покровительство насквозь неизменно пропитаны лживой демагогией и пустыми обещаниями.

Положение человека в ближайшем окружении диктатора иное, чем психологическая зависимость простого обывателя. Любой неверный шаг «придворного», каприз повелителя, его желание показать свою власть, испытать собачью верность приближенного могут стоить ему головы. Повелитель может быть садистом.

В свою очередь возникает рядом стоящая проблема: зачем нужна фюреру, «вождю народов», дуче и т.д. безмерная, ничем не ограниченная власть, в чем смысл такого, казалось бы, непомерного влечения к ней. Думается, что захват власти или законный приход к ней в демократической стране тоже вызваны бессознательным ощущением тревожности. Власть, пост, должность служат как бы гарантом для человека от опасных случайностей и агрессии, делают его менее уязвимым, обеспечивают ему спокойствие и комфорт, которые часто оказываются мнимыми: диктатор особо заботится об охране своей персоны. Можно сказать, что в ряде случаев безграничный владыка остается

ребенком, рабом своих детских страхов. Эта гипотеза опирается на феномены Гитлера и Сталина, у которых были деспотичные и агрессивные отцы, а поэтому властное поведение этих тиранов можно объяснить их амбивалентным бессознательным возвратом в свою первичную идентичность в родительской семье и желанием в то же время защититься властью от возможной агрессии. Оба они были некрофилами, но пока природа такого явления не получила внятного научного объяснения. Применительно к этим диктаторам можно предположить, что их возможность безнаказанно убивать многих в своей глубинной основе имеет бессознательное стремление защититься.

Сказанное здесь о деспотической власти известно давно. Платон писал в «Государстве»: «Такое состояние – это, безусловно, несчастье, и жизнь того, кто сделался тираном, еще тяжелее жизни, которую ты признал самой тяжелой для человека. По правде говоря, кто подлинно тиран – тот подлинно раб, он оказывается поистине бедняком, если кто умеет охватить взглядом всю его душу. Всю свою жизнь он полон страха, он содрогается от боли и мучается...» [3, с. 80].

Германия перед Первой мировой войной вполне могла претендовать на звание самой современной в промышленном отношении страны. Но в идеологическом, духовном отношении она оставалась отсталой, поскольку над ней был темный небосвод, который населяли мистические образы, древние герои и боги. Такой небосвод со своими весьма значимыми архетипами формировался веками образом жизни германцев и германского фольклора, академическим обскурантизмом, усилиями поэтов и композиторов (особенно Р. Вагнером); новый вклад в него вложила молодая немецкая буржуазия, которая хотела преследовать не только материальные цели, но и высокие духовные. Отсюда неприятие современного искусства и литературы, которое после 1933 г. стало одним из непоколебимых принципов гитлеризма, что, отмечу, характерно и для других тоталитарных держав, например, СССР. Поэтому гитлеризм представлялся стране едва ли не главным защитником традиционных ценностей, старых богов, которые вновь обретут актуальность. Все это придало Гитлеру мессианский лоск.

Антисемитизм на рубеже XIX–XX вв. в Германии можно расценить и как одно из проявлений протеста мелких бюргеров против индустриального развития страны, построенного на конкуренции. Можно предположить, что в немецком анти-

семитизме имеется некоторая доля страха перед успехами в экономике еврейских соотечественников. Ненависть к ним чисто «экономического» порядка дополнилась мотивами религиозного и биологического содержания. Еврейские успехи способствовали пессимизму по отношению к будущему, осознанию наступающего господства материального богатства и наряду с таким господством уравниловки для всех остальных. На надвигающуюся мировую войну возлагались большие надежды, поскольку в войне предощущалась некая очистительная сила, что можно было заметить не только в Германии, но и в других европейских странах, в которых, кстати, антисемитизм тоже был силен.

Выше уже отмечалась особая близость германского духа и леса в Новой истории. В этом можно усмотреть попытку ухода от действительности, причем эта тенденция усилилась после Первой мировой войны. Такой уход – приверженность населения к традиционной идиллии, которая в то же время подразумевала дистанцию между Германией и другими странами. Отрицание реальности усилилось после того, когда пала германская монархия, а сменившая ее республика никак не оправдала надежд народа и не удовлетворяла его потребности. Победоносная демократия оказалась обманчивой, что создавало благоприятную почву для произрастания многочисленных, как правило, мелких, политических партий и уверенности в необходимости и полезности всех традиционных ценностей.

В партиях, как в правых, так и в левых, процветала демагогия, в которую свято верила толпа –

серые, легковерные, простодушные массы. Среди политических лозунгов, призывов, настроений можно выделить страх перед революцией и коммунистами, а наряду с ним, эксплуатируя его же, все более настойчивое требование создать для германского народа особое место под солнцем. Эти две силы, одинаково опасные для цивилизации, имели много общего, поскольку обе они были тоталитарными, их сходство отмечал даже Гитлер, который требовал создания благоприятных условий для перехода коммунистов к национал-социалистам. Страх толпы перед революцией создал весьма благоприятные условия для гитлеризма, который обещал немцам твердый порядок и искоренение коммунизма.

Война давала не только обновление, но и соответствовала воинственному духу германцев, обеспечивала возможность быстрых и единоличных решений, любезных толпе абсолютного подчинения и одинакового образа мыслей. Слабость и медлительность республиканского строя вольно или невольно сопоставляли с армейской решительностью и быстротой. Поражение в войне потрясло все общество, которое в первые послевоенные годы, казалось, утратило самосознание и самоприятие. Гитлер оказался тем, кто твердо обещал вернуть нации эти потерянные ценности. Он действовал с величайшей энергией и фанатизмом, веря в свое мессианское предназначение, но я уверен в правоте Э. Фромма, что этот некрофильский человек стремился лишь к уничтожению людей и разрушению, что в глазах толпы было необходимо ради «великой цели».

Литература

1. Райх В. Психология масс и фашизм. СПб., 1997. 379 с.
2. Пленков О.Ю. Триумф Мифа над разумом: немецкая история и катастрофа 1933 г. СПб., 2011. 608 с.
3. Бассиюни К. Воспитание народоубийц. СПб., 1999. 219 с.
4. Мэй Р. Проблема тревоги. М., 2001. 430 с.
5. Фест И. Адольф Гитлер: в 3-х т. Т. 3. Пермь, 1993. 439 с.

References

1. Rajh V. Psihologija mass i fashizm [Mass psychology and fascism]. Saint Petersburg, 1997. 379 p. (In Russian)
2. Plenkov O.Ju. Triumf Mifa nad razumom: nemeckaja istorija i katastrofa 1933 g [The triumph of Myth over reason: German history and the catastrophe of 1933]. Saint Petersburg, 2011. 608 p. (In Russian)
3. Bassijuni K. Vospitanie narodoubijc [Education of people-killers]. Saint Petersburg, 1999. 219 p. (In Russian)
4. Mjej R. Problema trevogi [The problem of anxiety]. Moscow, 2001. 430 p. (In Russian)
5. Fest I. Adol'f Gitler [Adolf Hitler]. In 3 vols. Vol. 3. Perm, 1993. 439 p. (In Russian)

СТЕНОГРАММА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СРЕДИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

Стенограмма круглого стола, состоявшегося 17 октября 2019 г.
в Московском государственном юридическом университете имени
О.Е. Кутафина

Скиба Андрей Петрович,
Нистратова Ирина Сергеевна,
Карханина Людмила Владимировна

Цель: дать предметный анализ практики применения закона «Об основах профилактики правонарушений в Российской Федерации».

Методология: совокупность методологических подходов с использованием дедукции, индукции, анализа, синтеза, сравнительно-правового метода, метода трансляции и обработки стенограммы заседания.

Выводы: в результате представленных различных точек зрения, говорится о следующих выводах: 1) закон разработан таким образом, что практически не применяется; 2) закон слабо коррелирует с другими нормативными правовыми актами и, прежде всего, регламентирующими вопросы отбывания наказания осужденными; 3) в других странах, в том числе в странах на постсоветском пространстве, подобные законы существуют, и важно, чтобы происходило взаимодействие по вопросам профилактики правонарушений; 4) некоторые законодательные конструкции закона, тем не менее, полезны и хорошо прописаны; 5) существующая реальная преступность кардинально отличается от зарегистрированной преступности, и закон никак не реагирует на эту ситуацию.

Научная и практическая значимость. Значимость состоявшейся дискуссии определяется, прежде всего, общим пониманием всех ее участников, что мониторинг правоприменения закона об основах системы профилактики должен быть продолжен.

Ключевые слова: правонарушение, преступление, ответственность, рецидив, виктимология, система, профилактика, правоприменение, ресоциализация, регистрация, статистика, латентность.

Зубарев С.М.:

Коллеги, попрошу внимания. Очень приятно всех приветствовать в этом зале. Сегодня мы проводим уже третий круглый стол по проблемам предупреждения правонарушений, тема которого интересна и актуальна. Мы очень рады, что сегодня здесь собрались представители различных вузов и, прежде всего, тех вузов, которые готовят специалистов для органов правопорядка, в том числе представители Академии ФСИН России,

Академии управления МВД России и Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя. Мы очень рады, что коллеги из силовых министерств нас поддерживают. Мы, в свою очередь, стараемся, чтобы эти мероприятия проходили неформально, были интересными, в том числе для специалистов, аспирантов и студентов. Мы все представляем различные направления подготовки юристов, а специальность «правовое обеспечение национальной безопасности» тесно связана

с работой правоохранительных органов, поэтому выступления представителей других вузов всегда интересные и с точки зрения теории, и с точки зрения практики.

Сегодня великолепная погода и здесь собрался великолепный коллектив. Я думаю, что можем приступать к сегодняшней работе. Среди наших соучредителей, организаторов данного мероприятия, конечно, хотелось бы представить нашего уважаемого начальника кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России Андрея Петровича Скибу. Другие представители Академии ФСИН будут сами представляться.

Игорь Михайлович Мацкевич, к сожалению, по своей загруженности не смог подъехать к началу круглого стола, но он обязательно будет к 15 часам.

У меня общее объявление, коллеги. Сегодня идет аудио- и видео- съемка. Чтобы было потом понятно, кто выступал, пожалуйста, нажимайте на кнопку микрофона и обязательно представляйтесь.

Наверное, организационные вопросы на этом закончились, но перед тем, как начнем обсуждать проблемы предупреждения правонарушений среди несовершеннолетних, мне бы хотелось предоставить слово заместителю начальника по научной работе Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя Василию Юрьевичу Федоровичу.

Федорович В.Ю.:

Уважаемые коллеги, я хотел бы, прежде всего, передать слова приветствия от начальника Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя генерал-лейтенанта Игоря Александровича Калиниченко и вручить поздравительный адрес в честь юбилея уважаемому профессору Геннадию Владимировичу Дашкову. Поэтому позвольте мне передать этот адрес и книгу, которая посвящена основателю нашего университета, очень много сделавшему для системы образования в нашей стране Владимиру Яковлевичу Кикотю. Книга называется «На благо Отечества». Я думаю, что она станет таким мостом между нашими вузами и направлениями деятельности.

Зубарев С.М.:

Спасибо большое, мы обязательно вручим книгу и передадим на кафедру криминологии и уголовно-исполнительного права. Со своей стороны хочу сказать, что с Московским университетом МВД России мы поддерживаем тесное взаимодействие. И я, как возглавляющий кафедру права и процесса административного права, с кафедрой административного права Московского университета МВД России вместе проводим много ме-

роприятий, которые очень полезны. Мы всегда рады Вас поддержать и Вам помочь. И хотелось бы, чтобы наше сотрудничество продолжалось на многие годы.

Федорович В.Ю.:

Спасибо, скажу несколько слов о сегодняшнем нашем круглом столе. Я хотел бы отметить, что проблемы, о которых мы сегодня будем говорить, очень актуальны, освещаются в средствах массовой информации и на разных научных площадках. Буквально недавно закончился Форум, который был посвящен противодействию экстремизма и терроризма в молодежной среде.

Мы также активно принимали участие в этих мероприятиях, предлагали различные технологии, в том числе в области информационного противодействия распространению экстремизма и определения зараженности информационных средств.

Сегодня совершается большое количество преступлений. Наверное, преступность немного сместилась из общеуголовной именно в эту среду и для правоохранительных органов возникает еще больше проблем, которые необходимо решать. Хотел бы отметить, что сегодня здесь присутствует очень много наших молодых коллег, которые уже завтра, безусловно, станут профессионалами в своем деле и будут работать именно в этих направлениях.

Важно для себя вынести какой-то урок из сегодняшнего круглого стола.

Я не буду слишком углубляться в детали, так как это мое вступительное слово, но хотел бы отметить общее снижение преступности среди несовершеннолетних за последние четыре года. Тем не менее, нужно понимать, что у нас с вами есть проблемы в демографической структуре населения и поэтому сказать, что стало все хорошо, наверное, нельзя.

Изменилась и сама структура преступлений несовершеннолетних и сегодня об этом будут наверняка говорить. Основной момент, на котором я хотел бы остановиться, это то, что сегодня преступность несовершеннолетних является источником самодетерминации, когда она в молодежной среде существует и начинает сама саморазвиваться в какой-то степени. От этого зависит, наверное, в целом и успешность деятельности правоохранительных органов.

Во-вторых, проблемы, связанные с преступностью подростков, способствуют распространению криминального образа жизни и криминальному мышлению, распространенности криминального поведения в социальной среде. Это уже не те условия, которые были вчера.

В-третьих, это то, что подростковая преступность причиняет вред личности, самому развитию несовершеннолетнего. Нужно решить, что следует предпринимать, чтобы эту криминальную деятельность мы могли остановить или нейтрализовать, и что для этого должно сделать общество в целом, правоохранительные органы, другие структуры.

Хотел бы отметить, что Министерство науки и высшего образования тоже здесь предпринимает соответствующие меры. И в целом многие социальные структуры общества направлены на то, чтобы эту работу проводить.

В заключение своего вступительного слова хотел бы, прежде всего, пожелать всем участникам нашего круглого стола вынести для себя какие-то идеи, над которыми нужно работать, и чтобы наши теоретические разработки обязательно нашли прикладной аспект.

Уважаемые коллеги, желаю всем успешной работы.

Зубарев С.М.:

Спасибо большое. Коллеги, наверное, много есть, что сказать каждому из нас, но у нас есть программа, по которой будем работать, чтобы соблюсти все приоритеты, так как соучредителей вузов и научных организаций у нас достаточно много. И, соответственно, будем предоставлять слова по очереди представителям различных научных или образовательных организаций. Если вдруг кто-то желает выступить, Вы, пожалуйста, заранее тогда передайте записку. По программе большой перечень желающих выступить с докладами и сообщениями, поэтому желающим предоставим дополнительное слово.

Сейчас, я думаю, пришло время перейти к обсуждению основной проблемы. Хотелось бы предоставить слово представителю Академии управления МВД России, профессору кафедры уголовной политики, доктору юридических наук, профессору, заслуженному юристу Российской Федерации Ларисе Ивановне Беляевой.

Лариса Иванова, вам слово. Вы можете или выйти к трибуне, или же с места, как удобно. Следующим будет выступать Винокуров Александр Юрьевич – представитель Университета прокуратуры Российской Федерации.

Беляева Л.И.:

Уважаемые коллеги, я рада вас приветствовать. Спасибо за предоставленное слово. Мне, конечно, интересно участвовать в этом разговоре и пытаться вместе с вами ответить на некоторые вопросы, и, в частности, на тот вопрос, который только что прозвучал: «Что же делать?».

Как вы видите, по программе я собираюсь говорить о преступности несовершеннолетних в современном мире. Словосочетание «современный мир» не означает, что я собираюсь давать сравнительный анализ и говорить, кто из несовершеннолетних в какой стране в «передовиках» с точки зрения их криминальных характеристик. Я имею в виду современный мир как систему отношений, в которых находятся несовершеннолетние, которые делают то, что им детским возрасте вроде делать не положено. Отсюда, конечно, вытекают особенности предупреждения преступности.

Мы, прежде всего, должны сказать об ее особенностях, которые начинали изучаться еще в XIX в. Мы можем обратиться, например, к работам Дмитрия Андреевича Дриля, Михаила Геннадьевича Гернета, Николая Степановича Таганцева. Если перейдем к XX в., то встретим Генриха Михайловича Миньковского, Елена Николаевна Дранищеву и так далее. Наши современники тоже выявляют особенности несовершеннолетних и главное то, что эта преступность носит групповой характер, когда абсолютное большинство преступлений совершаются в группе. Возникает вопрос: «Если это особенность сохраняется в течение двух веков, является ли это особенностью или закономерностью?». Скорее всего, это закономерность, так как человек – это коллективное существо, а дети вообще не могут существовать в одиночку. Это значит, что групповое криминальное поведение несовершеннолетних – это закономерность, и мы не можем ее устранить. Закономерность нужно учитывать, и исходя из этого что-то предпринимать, вырабатывать какие-то рекомендации.

Что же мы можем сказать в данном случае? Что делать с группами? Есть, конечно, практика по их разобщению, выдергиванию организатора. В этом случае есть уверенность, что организатор, которого мы вывели из этой группы, не создаст новую? Нет такой уверенности. Если мы разобщаем эту группу, есть уверенность, что вместо этой одной, не возникнет новых? Факт состоит в том, что это происходит. И что же делать? На этот вопрос, по-моему, в свое время ответил Иван Павлович Башкатов, педагог, профессор. Он хорошо знал, что такое «неформальные группы несовершеннолетних». Он говорил, что только одно может помочь нам – переориентация этих групп, то есть ту энергию, которая в группе есть, направить на какие-то другие социальные интересы. Его работы в этом смысле очень интересны, продуктивны. Но возникает вопрос: «Кто это будет делать?». Кто к этому готов сейчас? Учителя – не

готовы, а внешкольных воспитателей сейчас не существует. Инспектора подразделений по делам несовершеннолетних? Не обучены они этому, да и это требует новых умений и знаний, новых навыков. Кто сейчас готов это сделать, пока на этот вопрос мы не ответим.

Время диктует свои требования, и у нас тоже должна измениться философия предупреждения преступности. И это может позволить достичь каких-то результатов.

Следующие особенности, которые характеризуют преступления, совершаемые несовершеннолетними, состоят в том, что абсолютное большинство преступлений совершается против собственности и имущества. Почему особенности, я не знаю, ведь в объеме всех преступлений не только несовершеннолетних, но и вообще, первое место занимают преступления против собственности, поэтому несовершеннолетние тут не являются передовиками. А особенность в предмете, ведь несовершеннолетние интересуются тем, что новое, модное. Было время, когда несовершеннолетние «снимали» шапки разного рода, которые были интересными, отнимали авторучки, потому что они были интересны и только появились и так далее. Но что всегда интересовало молодежь — это техника. Сначала это были самокаты, потом их интересовали магнитофоны, далее телефоны и тому подобное, то есть, то, что модно — это и интересует молодежь.

Эта мода, кстати, проявляется различным образом. Так, татуировка — это сигнал того, что человек как бы немножко из другого мира. Это люди, которые имеют криминальное прошлое. Сейчас татуировка — лучшее украшение. Но если татуировка признается в качестве такового, не надо забывать, что этому соответствует определенная система мировоззрения, и криминализация сознания происходит на очень ранних этапах. Молодежь всегда интересовалась достижениями науки, которые выражаются в виде техники.

Наш отечественный опыт столь разнообразен и богат, что там можно найти ответы практически на любые вопросы. Где-то в 1911–1912 гг. в Харькове жил и действовал мировой судья Эдуард Францевич Файст, который по специальности был врачом. Он проявлял интерес к детям, в особенности к тем, которые имели противоправное поведение. Эдуард Францевич сделал много из того, что потом вошло в советскую систему; например, он создал учреждение, подобное группам продленного дня, то есть это были учреждения, куда дети, где была неблагополучная семья, приходили утром, с семьей не прерывали отношения,

они там учились, там получали зачатки какой-то профессии и вечером уходили домой. Кроме того, Эдуард Францевич открыл бюро труда для детей, то есть дети могли приходиться в это бюро и им поручали какую-то работу, которая им по силам, и они за это получали деньги. На эти деньги они могли приобрести то, что им интересно, и эта идея о предоставлении возможности детям покупать интересные для них предметы легальным путем очень интересна. Но, конечно, я не готова сейчас сказать, как реализовать эту идею, но все-таки подсказка оттуда нам идет. Надо заниматься этим вопросом, потому что, если этого не делать, появятся новые технические средства, и интересы несовершеннолетних переключатся туда.

Более того, посмотрите, как интересно сейчас развивается система отношений в связи с развитием интернета. Кто-то покупает дорогостоящую игру, которая стоит более 40 000 долларов. Они уже научились выкрадывать потихонечку элементы этой игры. Они переключают аккаунты, умеют доставать это оттуда, и нам надо понимать, что развитие техники будет способствовать развитию креативного криминала или криминального креатива. Это значит, что несовершеннолетние уже сейчас это знают, пробуют делать — это и похищение денежных средств и ценностей, которые существуют в Интернете и их можно обратить в свою пользу.

Вопрос: и что делать? Во-первых, мы, конечно, должны признать, что пока всецело это безбрежное поле интернета действует по своему усмотрению. Многие специалисты думают, что все-таки правила должны быть установлены для общения, использования, эксплуатации. Во-вторых, это значит, что люди и вообще несовершеннолетние, конечно, должны обучаться правильно использовать эти средства и должны понимать, каким образом правильно там вести себя если не с правовой, то хотя бы с нравственной точки зрения. То есть жизнь нам подсказывает, на что нам необходимо обращать внимание и чем следует заниматься.

Я хотела бы обратить внимание еще на такую деталь, как речь, язык. Послушайте, как разговаривает молодежь, половина слов нецензурные, а половина — от жаргона. Я думаю, что в свое время наши далекие предки совершенно не случайно придумали запрет на употребление нецензурных слов. Запрет — это когда в сознании человека формируется доминанта, что нельзя. Человек понимает, что есть «зя», а есть «нельзя», но когда это «нельзя» снимается, то снимается контроль сознания и человек ведет себя без всякого внутреннего контроля использования нецензурной брани. Это является

средством воспитания. Кроме того, что касается жаргона – это модно сейчас. Но дело в том, что криминальный язык всегда выполнял одну функцию – дистанцирование от всех остальных, от тех, кто не владел этим языком, кто не живет в соответствии с этим языком. Но когда мы принимаем этот язык и пускаем его в оборот, то мы как бы присоединяемся к той части населения, которая этим языком владеет. Кто сейчас занимается развитием, формированием и воспитанием речевой культуры?

Вот я задала, по-моему, всего три вопроса. Если мы сможем на них ответить, мы сможем изменить философию предупреждения преступности несовершеннолетних. Я не думаю, что мы сможем резко с ней покончить, она будет всегда, все зависит лишь от того, какие новые силы будут рекрутироваться для криминального поведения. Благодарю за внимание.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Предоставляется слово Винокурову Александру Юрьевичу, главному научному сотруднику научно-исследовательского института Университета прокуратуры, доктору юридических наук, профессору.

Винокуров А.Ю.:

Хочу поблагодарить организаторов мероприятия за предоставленную возможность выступить. Сразу оговорюсь, что в принципе проблематика, связанная с несовершеннолетними, не является основным направлением моих научных изысканий. Тем не менее, хочу напомнить, что научно-исследовательский институт, в котором я работаю, еще в не столь далекие 80-годы назывался научно-исследовательский институт изучения проблем преступности, поэтому определенные наработки в этой области у нас были, а также большое количество диссертаций, посвященных именно криминологического аспекту, связанному с несовершеннолетними.

Конечно, в настоящее время данная проблематика у нас ушла в небытие, более того, скажу, что несколько лет назад у нас даже был специальный отдел, который существовал десятки лет и был фактически ликвидирован в результате реорганизации. Но тем не менее по проблематике, связанной с профилактикой правонарушений, конечно же, есть определенные оживление научной деятельности у нас в институте.

Это связано с тем, что закон № 182 от 2016 г. как-то все-таки определил роль органов прокуратуры в этой сфере, хотя мы до сих пор ломаем голову, что же, кроме надзора, мы должны делать в этой сфере. Закон о прокуратуре мало что говорит, кроме как о сфере надзора.

Но тем не менее, если сравнивать с тем же самым законом СССР 1979 г., то там среди основных направлений прокурорской деятельности в ст. 3 прямо было написано, что прокуратура совместно с другими органами участвует в разработке и реализации мероприятий, связанных с профилактикой преступлений и иных правонарушений. В действующем же законе «О прокуратуре» никаких упоминаний о таком направлении деятельности как профилактика правонарушений не существует. Это не значит, что данная проблема вообще не учитывалась до принятия закона № 182, потому что если посмотреть даже учебники по прокурорскому надзору, то в числе иных направлений деятельности всегда фигурирует предупреждение правонарушений.

Тот факт, что опять-таки после союзного закона с 1992 г. у нас на законодательном уровне по крайней мере до 2016 г. не презюмировалось участие прокуратуры в профилактической деятельности, тем не менее, вот нашел, специально готовясь к сегодняшнему мероприятию, очень интересное информационное письмо еще Генпрокурора Скуратова от 1997 г., адресованное Президенту Ельцину, в котором он говорит о неудовлетворительном функционировании государственной системы профилактики правонарушений несовершеннолетних.

Тем не менее, надо отметить, что на уровне наших организационно-распорядительных документов существует приказ от 2012 г. № 7 «Об организации работы органов прокуратуры по противодействию преступности». Более того, это уже третий по счету в современной истории российской прокуратуры приказ, в котором есть определенные вопросы в контексте предупреждения преступности и правонарушений несовершеннолетних. В частности, говорится в подпункте 1.6, что при проверке исполнения законов о несовершеннолетних и молодежи необходимо отслеживать наличие правовой тематики в учебных планах образовательных организаций, ориентировать их руководство на осуществление мероприятий, направленных на охрану прав и законных интересов этой категории граждан, на профилактику правонарушений, разъяснение ответственности за противоправное поведение, а также администрацию образовательных организаций на проведение профилактической работы с неблагополучными семьями и несовершеннолетними, уклоняющимися от обучения. Дело в том, что в целом если брать специализацию, прежде всего, надзорных органов прокуратуры, то у нас существуют помощники прокурора, где позволяет, конечно, штатная

численность, и даже выделенные помощники по несовершеннолетним. В субъектах Федерации в отдельных случаях даже целые отделы могут себе позволить, а где-то есть старший помощник прокурора субъекта Федерации.

В Генеральной прокуратуре два года назад было воссоздано, по сути дела, специализированное подразделение. Раньше оно существовало на уровне отдела на правах управления по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних, а сейчас это целое управление, правда в составе «общенадзорного» главка. Но тем не менее, существует очевидность обращения внимания на эту проблематику.

У нас есть специальный отраслевой приказ, посвященный вопросам организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи от 2007 г. № 188, кстати тоже по счету 3 в современной истории российской прокуратуры, но, к сожалению, в котором лишь несколько раз упоминается только предупреждение преступности несовершеннолетних, хотя мы понимаем, что правонарушение это несколько шире опять с позиции федерального закона № 182. Вот что в этом плане удивляет, так это отсутствие иных упоминаний в отраслевом приказе; ведь с 1999 г. действует закон № 120, который как раз посвящен непосредственно основам системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Более того, в этом законе есть достаточно уникальные полномочия, которые характерны для проведения индивидуальной профилактической творческой работы в отношении совершеннолетних, и в том числе основанием для такого постановления являются, например, правонарушения, повлекшие применение административной ответственности либо правонарушения по достижению возраста, с которого наступает административная ответственность.

Тоже еще одно очень интересное положение из этого законодательного акта: это статья 22, где написано, что начальник центра временного содержания для несовершеннолетних правонарушителей органов внутренних дел либо его заместитель незамедлительно, но не позднее чем через 24 часа уведомляет прокурора о помещении этого лица. Вообще много такого рода норм в законодательстве, где написано, что прокурор уведомляется по поводу и без повода. Кого-то там подстрелили, кого-то покалечили представители правоохранительных органов и их много. Но нигде, в том числе в законе о прокуратуре, вы не найдете, что же делать в этом случае. Вот, к сожалению, еще одна из проблем — прокурор начинает проверку только

при наличии факта информации о нарушении закона. На мой взгляд, конечно, следует добавить, что в случае выявления незаконности помещения несовершеннолетнего в центр прокурор вправе своим постановлением освободить лицо, незаконно задержанное. Ведь имеет прокурор право освободить из «обезьянника» лицо, то почему бы и здесь такой механизм не применить?

Что еще хотелось бы отметить в контексте профилактической работы: обновился приказ по поводу правового просвещения № 471 от 2018 г. В подпункте 1.2 этого приказа указывается, что прокурор рассматривает работу по правовому просвещению как неотъемлемую часть системы профилактики правонарушений. Обращаю при этом внимание на вопросы предупреждения безнадзорности, беспризорности и правонарушений несовершеннолетних. Прокурор с точки зрения закона № 182 осуществляет надзор за иными субъектами системы профилактики, но и кое-что делает за рамками надзорной деятельности.

В целом, конечно, опять-таки учитывая отсутствие в законе о прокуратуре, так и в предлагаемом проекте закона, упоминания о деятельности по профилактике, тем не менее, определенные представления, конечно, можно иметь как из докладных прокурора, так и из статистической отчетности. Хотя это весьма натянуто, с моей точки зрения. Но тем не менее, есть у нас взаимодействие со средствами массовой информации и общественностью, а также правовое просвещение. Так, в разделе 2 есть информация по вопросам противодействия преступности несовершеннолетних и нарушения их прав. Вот в прошлом году свыше 76500 просветительских мероприятий прокурорами проведено, согласно этой форме отчетности, в 2017 — 73500.

В заключение хотелось бы отметить, в конце прошлого года вступил в силу Федеральный закон «Об Уполномоченном по правам ребенка в Российской Федерации» № 501. Можно было бы обозначить такой аспект, как взаимодействие уполномоченных с прокурорами. Я предполагаю, что в ближайшей перспективе Генеральная прокуратура заключит соответствующее соглашение о взаимодействии с федеральным Уполномоченным. Кстати, у нас даже в университете уже несколько раз соответствующее лицо было на некоторых мероприятиях. Вот в субъектах Федерации я не нашел примеров подобного рода соглашений. Я думаю, что если будет федеральный пример, то скоро будет и в субъектах. На этом я хотел бы закончить, еще раз поблагодарить за предоставленную возможность.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Коллеги, вопросы будут? Нет? В таком случае, Александр Юрьевич, позвольте я воспользуюсь своим правом. Вот скажите, Вы говорите о том, что в принципе у прокуратуры, кроме надзора, как таковых механизмов профилактики нет. А вот все-таки, если мы вспомним функции, но там была одна из важнейших функций, помимо надзорной — это координация деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Как Вы считаете, координация не предусматривает профилактических предупредительных мер в борьбе с преступностью или же все-таки это что-то другое?

Винокуров А. Ю.:

Я в принципе не говорил, что только надзорная. Да согласно закону № 182, проявляется как бы надзор, его никуда не денешь. И приказ у нас содержит соответствующие полномочия в рамках реализации этого закона. Я в общем-то с самого начала говорил, что свое выступление посвящаю вопросам правонарушаемости вне уголовной сферы.

Исходя из этого, умышленно не стал говорить о таком понятии как координация, а на координационных мероприятиях участвуют представители МВД и ФСИН. Это, так сказать, коллеги по координационной деятельности, здесь прокурор только играет роль председателя. Что касается взаимодействия, то у нас разрабатывается и это направление деятельности. Я вот как раз говорил по поводу возможного взаимодействия с Уполномоченным и так далее.

Но тем не менее, из-за зауженности названия своей темы упустил отдельные моменты.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Владислав Николаевич, пожалуйста.

Орлов В.Н.:

Профессор кафедры уголовной политики Академии управления МВД России Орлов Владислав Николаевич. До недавнего времени я был профессором кафедры уголовного права и криминологии МГЮА, так что я фактически переместился с одного учебного заведения в другое. Вот у нас есть два основных понятия федерального закона № 120 и №182 по антиобщественным действиям и антиобщественному поведению. Прокуратура разводит эти понятия?

Винокуров А. Ю.:

Вопрос сложный. Я не сильный представитель в области деликтологии и криминологии. Поэтому естественно, что закон № 120, посвященный несовершеннолетним, предусматривает одно, а мы говорим о законе № 182, который еще предстоит нормально осмыслить. На мой взгляд, для этого

время нужно, не случайно же приказ целых два года формулировали.

Орлов В.Н.:

Как же тогда надзор осуществляется за законностью в этой области, если два понятия не могут нормально сформулировать в федеральных законах?

Винокуров А. Ю.:

Прокурор по закону спрашивает с тех субъектов, которые должны его исполнять. Хороший закон или нет, это уже другой вопрос. Что я могу еще сказать? Мы с точки зрения законности рассматриваем этот вопрос.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Слово представляется Добренькову Алексею Ивановичу, преподавателю кафедры деятельности подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения Московского областного филиала Московского университета МВД России. То есть, как вы видите, мы даем слово различным представителям. Прошу, пожалуйста, подготовиться Андрея Викторовича Звонова, начальника кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России.

Добреньков А.И.:

Добрый день, уважаемые коллеги. Вначале хочу поблагодарить за предоставленную возможность выступить на сегодняшнем научном мероприятии. В своем докладе я хотел бы побеседовать о вопросах предупреждения дорожно-транспортных правонарушений несовершеннолетних, а именно углубиться в такие преступления как наиболее опасный вид этих правонарушений.

Мы совместно с моим научным руководителем Иванцовым Сергеем Вячеславовичем провели исследование данной проблематики и ряд результатов, которые мы получили в ходе этого исследования, я хочу осветить.

На сегодняшний день сфера дорожного движения является одной из наиболее вероятных мест совершения того или иного правонарушения несовершеннолетними. В ходе проведенного исследования мы получили данные о распространенности правонарушений в области дорожного движения среди несовершеннолетних.

Так, через опрос несовершеннолетних, которые проживают в различных субъектах Российской Федерации, мы получили следующие данные: 91% опрошенных несовершеннолетних приходилось когда-либо нарушать правила дорожного движения, 12% — всегда используют ремни безопасности, 43% — практически каждый день переходят проезжую часть в неполюженном ме-

сте, 90% – осознанно управляли хотя бы один раз в жизни каким-либо транспортным средством, зная, что они не имеют права это делать.

Таким образом, мы видим, что цифры достаточно большие и проецируя результаты проведенного опроса на все несовершеннолетнее население нашей страны, то можно предположить, что когда ребенок идет в школу и перешел дорогу в неполюженном месте, то несовершеннолетние ежедневно совершает десятки тысяч правонарушений в области дорожного движения.

Но это действительно так, коллеги, мы все прекрасно понимаем, что даже если ребенок идет в школу и перешел дорогу в неполюженном месте, то это он уже совершил правонарушение. А зачастую несовершеннолетние каждый день двигаются по удобной для себя траектории, а не в соответствующих местах по пешеходному переходу или тротуару.

Наиболее опасные правонарушения в сфере безопасности дорожного движения – это те, в результате которых причиняется вред жизни или здоровью человека, т.е. дорожно-транспортное происшествие. Вот мы проводим аналогию ради того, чтобы наиболее ярко прояснить ситуацию с правонарушениями, которые совершают несовершеннолетние. На сегодняшний день мы взяли срез: за последние семь лет количество ДТП (дорожно-транспортных происшествий) в России начинает снижаться.

Срок в семь лет мы выбрали из-за того, что у нас федеральная целевая программа повышения безопасности дорожного движения, вторая уже по счету в нашей стране, действует с 2013 до 2020 г. Мы видим, что в целом количество ДТП на территории России снижается. Однако, уважаемые коллеги, количество ДТП, которые совершают несовершеннолетние, последние два года увеличивается. Это первый тревожный сигнал для нас, чтобы уже начинать выработать какие-то предупредительные меры.

Вместе с тем, рассматривая такие правонарушения, следует отметить, что во всем массиве дорожно-транспортных происшествий наиболее серьезные и важные представляют дорожно-транспортные преступления, то есть дорожно-транспортные происшествия, в результате которых был причинен тяжкий вред здоровью либо смерть человеку.

Вот если мы посмотрим опять на общую картину, то количество дорожно-транспортных преступлений в России тоже снижается. Если из общего массива начинаем делать выборки и смотреть, сколько же совершили дорожно-транспортных преступлений несовершеннолетние, то увидим их

рост. Уважаемые коллеги, по сравнению с 2018 г. по отношению к 2012 г. рост составил 47%, он колоссальный, если рассматривать обособленно данные явления.

Мы проводили анализ дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними. В результате мы выяснили, что в основном эти преступления, совершаемые несовершеннолетними, можно отнести к такой категории участников дорожного движения, как водитель либо лицо, которое управляет каким-либо средством передвижения. В ходе исследования было выявлено, что основные виды транспортных средств, на которых под управлением несовершеннолетних совершаются дорожно-транспортные преступления – это легковые автомобили, мотоциклы, мопеды, то есть это так называемые «классические». Как уже говорили, направление мысли несовершеннолетних постоянно меняется.

Мы выделяем специально отдельную категорию – электросамокаты – и хотелось бы поговорить о ней. Почему, потому что первые три категории – легковые автомобили, мотоциклы и мопеды у нас достаточно урегулированы в части их использования, а что касается электросамокатов на сегодняшний день ситуация обстоит гораздо хуже. Официальный сайт Госавтоинспекции на прошлой неделе опубликовал, что в текущей редакции правил дорожного движения лица, передвигающиеся на электросамокатах, в отдельные категории участников дорожного движения не выделены. Поэтому электросамокаты приравниваются к пешеходам и, соответственно, требования к ним предъявляются исключительно как к пешеходам. Мы видим очень серьезную опасность в этом сегодняшнем регулировании лиц, которые управляют электросамокатами и транспортными средствами, приравненными к ним, так как это позволяет несовершеннолетним беспрепятственно пользоваться таким транспортом средством. Они могут ездить на электросамокатах, не спешиваясь пересекать проезжую часть по пешеходному переходу. Мы знаем то, что велосипедист обязан сойти во время пересечения проезжей части по пешеходному переходу, в соответствии с правилами обращения с велосипедом, и перейти пешеходный переход пешком. На электросамокатах это делать не надо, потому что он приравнен к пешеходу. Пешеход не может спешиться, если мы начинаем разбирать этимологию слов. Вот поэтому видим, что вопрос регулирования управления такими транспортными средствами является актуальным.

Нами проведен опрос сотрудников Госавтоинспекции из всех субъектов Российской Федерации;

на сегодняшний день у нас имеется такая возможность, поскольку в Московском университете МВД России открылся факультет повышения квалификации сотрудников Госавтоинспекции. У нас уже 1000 человек практически обучались со всех субъектов, которым мы задавали, пользуясь этой возможностью, вопрос: «Необходимо ли урегулирование таких транспортных средств?». Все сотрудники однозначно ответили, что действительно это необходимо и надо это делать уже сегодня.

Необходимо отметить, что компетентные органы, которые участвуют в процессе обеспечения безопасности дорожного движения, начали уделять этому внимание, в частности, одним из них является научный центр безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации. Их позиция была опубликована в СМИ и выражается в том, что такие устройства, как электросамокаты, не должны приравниваться к транспортным средствам. Наше мнение противоположное: мы считаем, что такие транспортные средства должны быть приравнены к механическим транспортным средствам. Объясню почему. Уважаемые коллеги, когда мы приравниваем то или иное устройство к механическому транспортному средству, то на лицо, которое им начнет управлять, после того как вступят соответствующие нормативно-правовые акты в законную силу, будет уже налагаться определенные обязанности поведения в сфере дорожного движения, а также распространяться определенные критерии к нему, в том числе возрастной ценз. Несовершеннолетний у нас по факту может управлять электросамокатом. А дальше мы анализируем, что же нам предлагает этот научный центр, а также Минтранс, которые совместно предлагают ввести новую категории участников дорожного движения, предварительно обозначив ее как средство индивидуальной мобильности — транспортные средства, куда они включают электросамокаты, моноколеса, сигвей, гироскутеры, а также скейт, роликовые коньки и традиционный самокаты.

Мы не разделяем такую точку зрения, так как мы видим, эксперты этого центра сразу объединяют в одну категорию и транспортные средства, которые приводятся только мускульной энергией человека — простые самокаты, роликовые коньки, а также устройства, которые имеют возможность двигаться от какого-либо двигателя, в частности, электродвигателя. На мой взгляд, это несправедливо, это разные устройства, и поэтому мы предлагаем свою авторскую концепцию, которая заключается в определении новой категории участников дорожного движения, и данные транс-

портные средства мы предлагаем определить как биогрибридные транспортные средства.

Сначала расскажу об этимологии слова «биогрибридные». Гибридное транспортное средство — это средство, которое имеет два вида источника, приводящих его в движение. На сегодняшний день уже существует гибридные транспортные средства, которые могут приводиться в движение, как двигателями внутреннего сгорания, так и электродвигателями. Это всем известная Toyota Prius, модельный ряд Lexus и очень много других распространенных японских автомобилей. Вот они и называются гибридными.

В нашем случае в электросамокатах один из источников движения является мускульная энергия человека, соответственно, мы предлагаем обозначить его как «био». Мы сформулировали определение этого транспортного средства, которое вы видите на слайде. Мы видим, что проблема нашего законодательства заключается в отсутствии работы на перспективу.

В частности, одним из примеров — электросамокат. Прогресс не стоит на месте, уже появились такие устройства, но наша правовая система опоздала, мы не знаем, как регулировать. Потом уже начинается частная позиция, начинаем как-то выходить из ситуации, в частности, Главное управление обеспечения безопасности дорожного движения, определили временно как пешеходов, которые управляют электросамокатами. Видите, мы максимально абстрактно предлагаем это определение, которое приводится, как правило, двигательным устройством, мы обозначаем что это именно электродвигатель. Скоро могут изобрести другой источник энергии и другое устройство.

Нами предлагается на 1 этапе ввести определение биогрибридного транспортного средства, далее — скорректировать ПДД под него, ввести возрастной ценз. Мы предлагаем также дать право управления этой категорией транспортного средства М1 с 16 лет и, соответственно, определить порядок его движения. Вот здесь мы приводим новый раздел ПДД, который мы немного взяли у велосипедистов, немного пешеходов, немного мопедов и добавили своего. В двух словах: мы предлагаем, чтобы эти транспортные средства двигались по велодорожке, если она есть, если нет — то по тротуарам, и только в крайней необходимости по правому краю проезжей части. На наш взгляд, мы ожидаем снижение количества несовершеннолетних, управляющих таким транспортным средством, так как будет введен возрастной ценз и, соответственно, это повлечет снижение количество правонарушений, дорож-

но-транспортных происшествий, дорожно-транспортных преступлений.

Коллеги, у меня все. Большое спасибо за внимание. Если есть вопросы, с радостью на них отвечу. И всегда открыт для дискуссии.

Зубарев С.М.: Спасибо. Вопросы?

Цепелев В.Ф.:

У Вас интересное сообщение, но у меня есть вопрос. Известно, что преступления, о которых Вы говорите, относятся к категории неосторожных. И поэтому первое, укажите особенности предупреждения неосторожных преступлений и второе, не переносится ли у Вас акцент на предупреждение, по существу, административных правонарушений, потому что нарушение правил дорожного движения — имеет административный характер. Мне хотелось бы услышать уточнение.

Добреньков А.И.:

Большое спасибо за вопрос. Дорожно-транспортное происшествие и дорожно-транспортные преступления — у нас это однородные понятия. Происшествия могут быть как административным правонарушением, так и уголовным преступлением. Все мы знаем, что это ст. 12.24 КоАП и ст. 264 Уголовного кодекса. Когда мы начинаем классифицировать то или иное деяние относительно либо к административным правонарушениям либо к уголовным преступлениям, это проявляется по факту тяжести наступивших последствий. Причинение тяжкого вреда или смерти человеку — это преступление, средней тяжести либо легкий вред — это административное правонарушение. Поэтому здесь мы рассматриваем в целом с позиции предупреждения таких нарушений, уважаемые коллеги, ведь зачастую основное количество предупредительных мер одновременно воздействует как на административное правонарушение, так и преступление.

Зубарев С.М.:

Спасибо большое. Вот это называется «междисциплинарность», Вячеслав Филиппович.

Вопросов больше нет. Вам желаю успешных результатов научной деятельности и успешной защиты.

Добреньков А.И.:

Большое спасибо.

Зубарев С.М.:

Слово предоставляется Звонову Андрею Викторовичу, начальнику кафедры криминологии и организации профилактики преступлений Академии ФСИН России. Пожалуйста, приготовиться к выступлению Полякову Максиму Михайловичу.

Звонов А.В.:

Уважаемые коллеги, спасибо за предоставленное слово. В подведении предварительных итогов,

скажем так, хотелось бы обратить внимание на состояние преступности и судимости лиц, совершивших преступление в несовершеннолетнем возрасте, посмотреть, каких результатов мы достигли за последние 15–20 лет и более.

Лариса Ивановна в своем блестящем выступлении изначально обозначила целый комплекс проблем, обуславливающих эту преступность. В продолжение ее выступления хотелось бы немного подвести эти итоги.

Несовершеннолетние — это категория лиц, которые формируют облик нашего общества в отдаленной перспективе, будут руководить нашей страной, будут представлять нашу страну на международной арене и так далее. То есть мы отводим им колоссальное значение, и Россия в целом отводит данному вопросу значительный объем внимания. Я часто слышу на протяжении последних лет о том, что необходимо снижать преступность несовершеннолетних, регулировать вопрос о судимости в отношении данной категории.

Но если посмотреть внимательно, там есть как положительные, так и отрицательные моменты. Давайте начнем с положительных. Вот вопросы о преступности данной категории. Простые статистические данные, которые есть на официальных сайтах МВД, суда, прокуратуры и других субъектов правоохраны, — в 2003 г. было зарегистрировано почти 3 млн. преступлений несовершеннолетних, спустя 10 лет — чуть больше 2 млн., как минимум видим существенное падение, а в 2018 г. — менее 2 млн. Простые подсчеты показали, что снижение уровня преступности вообще в России составляет 27,2%. Далее посмотрим на уровень преступности несовершеннолетних: в 2003 г. — 145000 среди несовершеннолетних, в 2013 г. — уже 60000 (больше чем в 2 раза падение), а в 2018 г. — почти 41000 (если быть точным — 40860), то есть снижение на 72%, что существенно. Если еще сравнивать в общем падение уровня преступности, то в одном случае — это почти 28%, в другом случае — 72%, то есть имеется более чем двукратная разница.

По судимости данной категории лиц, в 2003 г. вообще по России — почти 800 000, в 2013 г. — чуть более 700 000, в 2018 г. — 658 000. Разница есть, она не столь значительна по сравнению с показателями уровня преступности. Данные по несовершеннолетним: в 2003 г. — 96000, в 2013 г. — 29000, в 2018 г. — 18826. Снижение уровня судимости, если оценивать по России — 14,9%, если по несовершеннолетним — 80,4%. Разница на самом деле колоссальная, и опять мы видим результаты реализации государственной политики в области снижения уровня преступ-

ности в отношении несовершеннолетних. Здесь положительные тенденции.

Давайте перейдем к вопросу, а именно к судимости по видам наказания, применению уголовно-правовых мер воздействия. Так вот, здесь результаты не столь радужные, хотя также есть над чем работать. Лишение свободы не столь эффективно в отношении взрослых, что тут уж говорить о несовершеннолетних. Но, тем не менее, значительная часть данной категории лиц у нас именно отправляются отбывать наказание в местах лишения свободы. В процентном соотношении, конечно, к общему числу осужденных несовершеннолетних: в 2003 г. это было 26,4%, в 2018 г. — 16,8%. Разница не столь значительная, которая могла бы быть.

И здесь опять же посмотрим результаты по другим уголовно-правовым мерам воздействия. Перейду сразу к основной мере, которая применяется у нас в практической деятельности — условное осуждение. Если в 2003 г. у нас было осужденных к данной мере 72,3%, то в предыдущем году — 40%. Падение почти двукратное. Хотя в целом как сотрудник правоохранительных органов могу сказать, что условное осуждение, наверное, является в настоящий момент самой эффективной уголовно-правовой мерой воздействия, не связанной с лишением свободы. Ну это мое субъективное мнение, потому что данная мера воздействия позволяет применять всю совокупность обязанностей, которые считает суд и представители уголовно-исполнительных инспекций наиболее оптимальной и эффективной, конечно же, с учетом точки зрения участковых уполномоченных полиции основных соисполнителей мер воздействия в отношении несовершеннолетних, представителей комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав и иных субъектов правоохраны, в том числе и органов прокуратуры, которая входит в этот перечень, как у нас сегодня уже обозначалось в отношении данной категории лиц.

Мы можем, в конце концов, ограничить свободу их передвижения в ночное время суток, вечернее время. Это элементарно, возложив обязанности не покидать место проживания в определенное время суток. Эта мера очень эффективна, но применяется, по нашим подсчетам, лишь только от 3 до 5% от всех условно осужденных. Наверное, стоило бы более широко ее применять.

Если посмотрим на обязанность трудоустроиться или продолжить обучение, то эффективность крайне высока. Если, как говорят в местах лишения свободы, осужденный ничем не занимается, то начинает заниматься ерундой и думать,

как бы что-то испортить и навредить. Есть такая особенность. Вне мест изоляции свободы несовершеннолетних ввиду их юношеского максимализма тоже есть такая специфика. На мой взгляд, нужно шире ее применять, хотя процент тоже не маленький — 40%.

Также следует отметить крайне низкий показатель применения исправительных работ — это 1,3% за предыдущий год. Позитивно следует отметить такой вид наказания, как обязательные работы; по итогам предыдущего года — это 22,3%. Суть наказания состоит в привлечении осужденных к работам на благо общества. С учетом собственного опыта скажу, что данный вид наказания обладает высокой эффективностью, хотя и имеет огромное количество изъянов. Суть работы заключается в том, что он приходит зимой подмести снег «отсюда и до 8:00 вечера» или летом что-то еще убрать или принести.

При исполнении данных видов наказаний неоднократно возникает вопрос: «А что мешает несовершеннолетнему или его родителям договориться с тем же самым дворником, чтобы он выполнял свою работу, может быть, за вознаграждение?». Думаю, что контроль над данной категории лиц должен быть усилен.

Мое выступление не направлено на критику сложившейся ситуации. Скорее, хочется поднять данный проблемный вопрос. Полагаем, что любое благое начинание нельзя бросать на полпути, а сейчас мы фактически именно к этому идем. Нужно разработать концепцию или другой какой-то материал, который будет реализовываться в целях снижения преступности несовершеннолетних.

Спасибо за внимание. Готов ответить на ваши вопросы.

Зубарев С.М.:

Спасибо большое, Андрей Викторович. Может быть, есть вопросы к Андрею Викторовичу? Вопросов нет.

Слово предоставляется Полякову Максиму Михайловичу, доценту кафедры административного права и процесса Университета имени Кутафина. Просьба подготовиться к выступлению Кирюхину Андрею Борисовичу.

Поляков М.М.:

Уважаемые коллеги, уважаемый Сергей Михайлович. Большое спасибо за предоставленную возможность выступить на столь крупном научном мероприятии и представить Вашему вниманию доклад, посвященный антикоррупционному воспитанию и пропаганде среди несовершеннолетних.

Сразу хочу отметить, что данная проблематика очень тесно связана с той государственной по-

литикой, которая проводится за последние уже более уже более чем 10 лет на территории Российской Федерации и непосредственно связана с предупреждением, профилактикой в целом коррупционных отношений как в системе государственного управления, так и в рамках отдельных общественных отношений.

Применительно к нашей проблематики, к теме данного круглого стола, соответственно, профилактике правонарушений несовершеннолетних приведу несколько цифр. Ровно два года назад я выступал на круглом столе, посвященном профилактике правонарушений и обозначил, что средний размер взятки, по данным Министерства внутренних дел Российской Федерации, составил 328 тыс. руб. Прошло, соответственно, два года и сегодня могу заявить, что, по данным уже Генеральной прокуратуры, средний размер взятки составил уже 609 тыс. руб., а общая сумма взяток составила 1 млрд 800 млн руб. На самом деле цифры свидетельствуют о том, что у нас наблюдается рост количества как стоимостного выражения, так и общей суммы взяток, то есть степень общественной опасности этих преступлений и правонарушений, которые имеют коррупционную направленность, не ослабевает, а только увеличивается.

Также хочу обозначить, что данные официальной статистики свидетельствуют о том, что граждане Российской Федерации за последние 20 лет в общем-то не уверены в результатах той антикоррупционной политики, которая проводится на территории Российской Федерации. Всего 37% россиян, согласно исследованию Фонда общественного мнения, считают, что искоренение коррупции возможно, а большая часть (53%) — что достижение реальных результатов, связанных с минимизации коррупционных отношений и снижение уровня коррупционных правонарушений, невозможны. Такая картина в общем-то не меняется на протяжении 20 лет.

Конечно, мы можем обозначить, что проблема коррупции является очень сложной, серьезной в какой-то степени, даже неискоренимой. Но в настоящее время проводится активная государственная политика, которая направлена именно на профилактику и предупреждение коррупционных отношений в Российской Федерации. В настоящее время элементы механизма антикоррупционной деятельности стали такие важные составляющие как: антикоррупционное планирование, антикоррупционная экспертиза правовых актов и их проектов, антикоррупционный мониторинг, анализ коррупционных рисков, а также антикоррупцион-

ное воспитание, антикоррупционное образование и антикоррупционная пропаганда.

Собственно, если мы перейдем к анализу этих ключевых категорий, сразу могу заметить, что на федеральном уровне, в федеральном законодательстве не закреплено определение как воспитания, так и пропаганды и антикоррупционного просвещения. Мы можем данное определение найти в законах субъектов Российской Федерации, в частности, в законе Ярославской области от 9 июля 2009 г. № 40 «О мерах по противодействию коррупции в Ярославской области» под антикоррупционным просвещением понимается деятельность, которая осуществляется в целях формирования антикоррупционного мировоззрения, нетерпимости к коррупционному поведению, повышения уровня правосознания и правовой культуры посредством антикоррупционного образования и антикоррупционной пропаганды. Сразу могу сделать небольшое отступление: все эти категории между собой взаимосвязаны — пропаганда, воспитание и просвещение, и, как правило, проводятся единым комплексом соответствующих мероприятий.

Что касается определений других категорий, позвольте обозначить, в частности в законе Липецкой области от 7 октября 2008 г. «О предупреждении коррупции в Липецкой области» под антикоррупционной пропагандой подразумевается целенаправленная деятельность средств массовой информации, координируемая и стимулируемая органами государственной власти, содержанием которой является просветительская работа в обществе по вопросам противодействия коррупции в любых ее проявлениях и воспитание у населения чувства гражданского долга, гражданской ответственности, способности противостоять коррупции, укрепления доверия к власти.

Если говорить о коррупционном воспитании, то под ним, согласно закону Республики Калмыкия от 27 июня 2008 г. «О противодействии коррупции в Республике Калмыкия», понимается целенаправленный процесс обучения и воспитания в интересах личности общества и государства для решения задачи формирования антикоррупционного мировоззрения, повышения уровня правосознания и правовой культуры.

Хочу отметить, что во всех субъектах Российской Федерации действуют соответствующие законы о противодействии коррупции, и в этих законах можем среди основных мер, направленных на предупреждение коррупционных отношений, на борьбу с коррупцией, с коррупционными пре-

ступлениями, найти как раз эти методы и выделить формы.

Что касается основных форм противодействия коррупции, которые мы сегодня изучаем и которые, в том числе связаны с профилактикой коррупционных правонарушений среди несовершеннолетних, то, безусловно, это антикоррупционное планирование. За последние 11 лет принято уже 6 антикоррупционных планов на федеральном уровне. Первый антикоррупционный план был принят Президентом Российской Федерации еще в 2008 г. В настоящее время действует антикоррупционный план, который был подписан Президентом в 2018 г. Если обратиться к содержанию первого плана, который датируется 2008 г., то среди основных мероприятий, связанных с противодействием коррупции в Российской Федерации, можно как раз найти формирование в обществе нетерпимого отношения к коррупции. Естественно, мы предполагаем, что эта работа направлена не только на какие-то отдельные слои общества, она, прежде всего, затрагивает формирование этого нетерпимого отношения к коррупции среди молодежи и, естественно, среди несовершеннолетних.

Если обратиться к действующему национальному плану противодействия коррупции на 2018–2020 гг., то Правительству Российской Федерации было поручено обеспечить реализацию программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2018–2019 годы, а также разработать комплекс просветительских мероприятий, направленных на создание в обществе атмосферы нетерпимости к коррупционным проявлениям, в том числе на повышение эффективности правового просвещения. Собственно, результатом этой работы, которая продолжается уже второй год, можно считать принятие соответствующего документа, который связан с антикоррупционным просвещением обучающихся.

Вот обратите внимание на слайд – это распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 января 2019 г. «Об утверждении программы по антикоррупционному просвещению обучающихся на 2019 год». Соответственно, эта деятельность сегодня приобрела системный и последовательный характер. Немного отступая, могу обозначить, что ранее планы и программы, которые были связаны с противодействием коррупции, наоборот, носили несистемный характер, когда реализовывались только отдельные положения. Соответственно, если и принимались программы, которые были связаны с антикоррупционным просвещением, пропагандой, они принимались опять-таки разо-

во, действовали программы по антикоррупционному воспитанию, просвещению на период с 2014 по 2016 г. Они не нашли своего продолжения, то есть мероприятия были выполнены, программу реализовали, но дальше не была продолжена эта работа.

Поэтому здесь основной момент, на который я считаю необходимо обратить внимание – чтобы эта работа постоянно продолжалась. Мы не должны останавливаться на каком-то определенном этапе, когда приняли программу, закрепили мероприятия, реализовали, отчитались и на этом закончили. На самом деле, если подобная деятельность будет продолжаться последовательно из года в год, то, безусловно, она будет иметь очень важный и профилактический эффект, прежде всего для несовершеннолетних. Если мы обратимся к положениям этого документа, то среди них, в частности, выделяется разработка концепции антикоррупционного воспитания.

Данная работа сейчас ведется при поддержке Министерства Просвещения и при поддержке Министерства науки и высшего образования. Эти министерства курируют данную деятельность, привлекают подведомственные учреждения, организации и до конца текущего года концепция должна быть разработана, обсуждена и утверждена.

Мы можем констатировать что в следующем 2020 году данный документ увидит свет. И что самое интересное, субъекты РФ уже активно занимаются этой работой. В частности, обратите внимание, что в Ульяновской области уже подготовлен проект действующей концепции антикоррупционного воспитания обучающихся на период до 2025 года. Данная концепция предусматривает работу по отношению ко всем обучающимся на разных уровнях, начиная с дошкольного образования. То есть предполагается осуществление антикоррупционных мероприятий в формировании антикоррупционного мировоззрения чуть ли не с дошкольного возраста. Вот это на самом деле прорывная концепция в этой части, ведь раньше этим никто не занимался.

Я не хочу сказать, что в детские сады придут с лекциями сотрудники органов внутренних дел и будут рассказывать дошколятам, что такое коррупция и как с ней бороться. Но данный документ подразумевает формирование высоких морально-этических принципов поведения самих несовершеннолетних. То есть ключевой аспект направлен именно на это.

Конечно, здесь можно подискутировать, порассуждать о том, как влияет среда на несовер-

шеннолетних, что они видят, какие поступки совершаются их родителями и даже их учителями и воспитателями. Это тоже может повлиять на их мировоззрение, но, тем не менее, если мы затрагиваем именно аспекты воспитательного процесса, а воспитание — это все-таки такая деятельность, которая связана с прививанием молодежи высоких целевых ориентиров — то, безусловно, действие данных документов будет иметь положительный эффект, но в том случае, если работа будет проводиться целенаправленно, последовательно во всех субъектах Российской Федерации при участии всех соответствующих учреждений и организаций.

В заключение хотелось бы отметить, что прошедшие 11 лет с момента принятия первой программы, связанной с противодействием коррупции, безусловно, имели положительный эффект. Я в университете провожу занятия со студентами по курсу «Административно-правовые формы и методы противодействия коррупции». У меня уже было несколько групп, и, естественно, это дисциплина самым прямым образом относится к работе по антикоррупционному просвещению и антикоррупционному воспитанию, потому что студенты, обсуждая сложные аспекты, в том числе примеры из своей жизни, которые возможно касаются коррупционных отношений, стараются обсудить эти моменты. У меня буквально перед этой конференцией было занятие по этой дисциплине. Вот мы с ними вновь вернулись к этим вопросам и очень активно обсуждали все эти моменты. Более того, эта работа сегодня приобретает широкий масштаб и затрагивает, в том числе, преподавательскую среду.

На самом деле вопросы, связанные с профилактикой коррупционных отношений, прежде всего, надо изучать, надо понимать соответствующее законодательство, степень ответственности за деяние, которое относится к коррупционным и если этой работой заниматься последовательно, системно, то, безусловно, это будет иметь эффект и мы добьемся вот этого целевого ориентира, то есть формирования антикоррупционного правосознания, антикоррупционного мировоззрения. Большое спасибо.

Зубарев С.М.:

Спасибо, Максим Михайлович. Какие вопросы?

Орлов В.Н.:

Максим Михайлович, приятно было слушать Ваше выступление. Я как раз преподаю сейчас дисциплину «Организация противодействия коррупции» и для меня слово «коррупция» приобретает другой смысл, поскольку раньше я не так

много внимания обращал на коррупцию. Подскажите, изначально сама проблема состоит в том, что мы должны точно знать, что под собой подразумевает коррупция. В 273-ФЗ у нас понятие коррупции не закрытое, то есть точного перечня составов преступлений по нему нет. Если мы касаемся коррупции как межотраслевого института, то, соответственно, с точки зрения подхода административного права, то понятия с конкретным перечнем составов тоже нет. А что же мы будем предупреждать, если даже не знаем, что хотим предупредить?

Поляков М.М.:

Большое спасибо за вопрос. На самом деле если отталкиваться от криминологии, то в ней рассматривают коррупцию как социально-правовое явление, не как определенную совокупность правонарушений административных или, допустим, уголовных, дисциплинарных проступков, гражданско-правовых деликтов, а как социально-правовое явление, связанное с подкупом, продажностью должностных лиц, уполномоченных совершать соответствующие противоправные деяния. В принципе, мы вот эти границы коррупции обозначить не в состоянии, потому что она проникает в самые различные сферы. И если мы даже откроем Уголовный кодекс РФ, там выделяется на самом деле десятки преступлений, которые подпадают под критерии подкупа и продажности. То же самое касается и КоАП РФ: есть десятки составов административных правонарушений, которые с этим связаны.

Если же мы подходим более монументально, то борьба с коррупцией в самом узком выражении — это борьба с взяточничеством. Вот среди населения существует мнение: коррупционер — значит, взяточник. И когда мы через призму моего выступления рассматриваем этот вопрос, то антикоррупционная пропаганда — это то, чем сейчас занимаются на государственном уровне. Едем в метро, видим ролики, то есть это уже постепенно работает, направлено на формирование среди граждан этого антикоррупционного мировоззрения. Я понимаю, что нужно внедрять это антикоррупционное мировоззрение.

По большому счету, сейчас изменилась государственная политика, то есть необходимо объяснить несовершеннолетним и молодежи, что такое коррупция и работать в этом направлении на десятилетия вперед. То есть получается очень интересная ситуация — мы начинаем эту работу, отталкиваясь от молодого поколения, считая, что поколение более старшее уже рассматривает коррупцию как состоявшийся факт, как ту составляющую общественных отношений, которая

уже внедрена в сознание людей и общественное мнение это прекрасно показывает. То есть у нас мировоззрения на самом деле разные в этой части, если сравнивать со странами западными, там совсем другое мировоззрение.

Зубарев С.М.:

Лариса Ивановна, пожалуйста.

Беляева Л.И.:

Максим Михайлович, все, что Вы говорите очень интересно. Спасибо Вам. Вот такой вопрос.

Вы не задумывались, о том, что вот такое просвещение дает возможность сформировать новые подходы к совершению тех действий, от которых предупреждаете Вы и новые способы ухода от этого. Это один вопрос.

Второй вопрос. Как вы думаете, не был ли прав один из наших с вами соотечественников, который сказал, что все искривления в общественной жизни будут устранены только тогда, когда мы сможем умягчить нравы общества. Это был Александр Сергеевич Пушкин. Спасибо.

Поляков М.М.:

Большое спасибо за вопрос. Честно Вам признаюсь, что многие нечистые на руку юристы специально работают над тем, как бы обойти закон. Такая практика, к сожалению, очень распространена. Поэтому нам от этого никуда не деться. И наше государство, наши граждане не являются, что называется, исключением и в других государствах тоже подобное наблюдается.

Я вот как хотел ответить на этот вопрос. Вот почему у нас многие эти инициативы буксуют? Дело в том, что мы очень сильно в плане антикоррупционного правосознания отличаемся от других государств, то есть мы понимаем, какие необходимо проводить мероприятия, какие механизмы надо внедрять, какая существует ответственность.

Например, сравним поведение нашего гражданина с поведением гражданина Германии. Они совершенно по-другому относятся к коррупционным отношениям, потому что воспитание там совсем иное. Если на этом акцентировать внимание, их воспитывают иначе, хотя я не призываю воспитывать нашу молодежь также как в Германии, где, например, считается нормой так называемое «стукачество»: когда мой дорогой друг там чем-то нехорошим занимается, я об этом сообщу своему учителю, своему воспитателю, он его накажет и я буду молодцом. Понимаете, там такое мировоззрение и такой подход.

На самом деле это очень серьезный и даже в какой-то степени мировоззренческий конфликт по отношению к тому, каким образом это воспитание нам проводить.

Так что есть, на что акцентировать внимание и лучше всего обращать на тот положительный опыт, который у нас уже имелся даже в советское время. Честность, порядочность — лучшие качества, которые должны быть у человека, они должны прививаться, но тут есть проблемы очень серьезные. Все равно человек находится в определенной агрессивной среде, как бы мы ему не прививали, он будет испытывать это влияние. Поэтому опять-таки должна быть работа на многие-многие годы вперед.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Есть вопросы?

Рыбакова О.С.:

Научный Центр правовой информации при Министерстве юстиции Российской Федерации Рыбакова Ольга Сергеевна, кандидат юридических наук. Максим Михайлович, у Вас очень интересный доклад на самом деле. Вот такой вопрос. Мы разрабатываем также различные просветительские программы, занимаемся правовым просвещением для разных категорий населения. С какого возраста необходимо несовершеннолетних воспитывать в данном направлении? Как Вы считаете? И в какой форме — это должен быть уровень классных часов, факультативов, кружков, либо это должно быть в стандарте, как обязательная дисциплина?

Зубарев С.М.:

Спасибо большое.

Поляков М.М.:

Спасибо. На самом деле тут можно проще ответить и обратиться к тем документам, которые уже приняты и действуют. В частности, проводятся занятия со школьниками, то есть уже с учениками младших классов, соответственно, более старших классов и, например, так называемые «вебинары антикоррупционные», на которые проходит решение казусов; это уже в средней школе происходит. Вот эти формы, которые мы привыкли в высшей школе использовать, уже сегодня спускаются в среднюю школу, то есть этот процесс уже наблюдается. А что касается того, с какого возраста этой работой заниматься, это очень сложный вопрос. Я вот пример привел из Ульяновской области, где уже с дошкольного возраста все это внедряется. Но, на мой взгляд, это вопрос достаточно дискуссионный, стоит ли дошколятам это прививать. По крайней мере, надо начинать с родителей.

Рыбакова О.С.:

Нужно ли воспитывать родителей?

Поляков М.М.:

Обязательно ли нужно воспитывать родителей? Мне кажется, именно родители должны, в первую очередь, показывать свое отношение к по-

добным правонарушениям. Как часто бывает, если родитель показывает какой-то негативный пример, потом дети начинают этим заниматься на практике и подключают под это всех остальных несовершеннолетних, которые находятся в группе. Поэтому эта проблема очень существенна. Если мы за ближайшие несколько лет достигнем какого-либо хорошего эффекта, и пойдут, соответственно, эти цифры вверх, то я считаю, что это будет очень большим плюсом. Большое спасибо.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Вопросы еще?

Слово предоставляется, уважаемому Кирюхину Андрею Борисовичу, начальнику кафедры криминологии Московского университета МВД России, приготовить Орлову Владиславу Николаевичу.

Кирюхин А.Б.:

Здравствуйте, уважаемые коллеги! Спасибо за предоставленную возможность выступить. По сути, я хотел бы поговорить о молодежном экстремизме, о молодежном радикализме. Начну с того, что на протяжении более чем нескольких столетий многие философы, социологи, юристы обосновывают тезис о вытеснении любой идеологии научным мировоззрением. Больше того, где-то начиная уже с конца 20 в., к ним все более активно присоединяются и политические технологи, настаивающие на том, что технологии делают идеологию ненужной. Все это может быть и правильно, но думаю, что это никоим образом не распространяется на экстремизм несовершеннолетних, на радикализм.

Отмечу, что экстремизм несовершеннолетних как социально-правовое явление характеризуется особыми общими и единичными признаками. Вот на общем уровне подростковый экстремизм представляет собой идеологию определенных социальных групп ярко выраженной криминальной направленности. Эти социальные группы имеют общие идентификационные признаки, но, в частности, они обладают статусом организованной рецидивной и профессиональной преступности и, конечно же, заявляют о своей исключительности, как в преступной среде, так и в социуме в целом.

Идеологи – активные участники этих социальных групп – претендуют на исключительность своего статуса, декларируют свое превосходство над представителями других преступных сообществ и право послушной частью российского общества. На особом уровне отличительной чертой подросткового экстремизма является высокая латентность, более быстрое и более острое реагирование несовершеннолетних на негативные социальные явления в общественной жизни, и, как следствие,

последующие подражание взрослым преступником – совершение общественно опасных деяний. В результате в последнее время наблюдается активное формирование смешанных преступных групп и, надо отметить, что несовершеннолетний в этом случае все чаще выполняет такие вот активные криминальные роли. И, наконец, на единичном уровне отмечается возрастание дерзости, циничности совершаемых несовершеннолетними преступлений, наиболее опасных для жизни и здоровья окружающих.

И вот в целях решения практических задач по профилактике подросткового экстремизма представляется необходимым рассмотреть экстремистскую идеологию в качестве такого многоуровневого явления. В узком смысле в самом общем виде идеология подросткового экстремизма представляет собой такую совокупность элементов, например, философские концепции, научные теории, мифы, иллюзии, художественные произведения и элементы обыденного сознания, которые складываются у подростков в искаженное отражение объективного мира.

В широком смысле идеология подросткового экстремизма включает в себя определенный криминальный идеал, систему ненормативной этики, динамический стереотип социально неприемлемого поведения и механизмы социальной реализации, в котором проявляется последующая преступная деятельность. Более того, социологи отмечают, что экстремистскими оказываются идеологии социального идеала, которые являются утопическими. И чем более оторван социальный идеал от реальности, тем больше степени экстремизма содержится в идеологии.

Уникальным примером взаимодействия экстремистской идеологии несовершеннолетних и политических технологий является феномен движения А.У.Е., так называемый «арестантский уклад един». В общем, это проблема современной России XXI века, но данное движение неформальное, конечно, есть еще и другие.

Исследователи называют приблизительно 2011 г. в качестве отправной точки зарождения или времени зарождения в обществе данной группы несовершеннолетних, отличающейся наличием собственной идеологии, сетевым характером организации и отсутствием центра или центров формирования иерархии. Вот этим самым она существенно отличается от криминальных группировок несовершеннолетних восьмидесятых и девяностых годов.

Существует следующая версия – движение А.У.Е. зародилось в восточных регионах России, где, как

мы знаем, находится значительное количество мест лишения свободы, за которым государство постоянно усиливает контроль. Следствием этого явилось существенное ограничение возможности передавать материальные ценности в нарушение действующего уголовно-исполнительного законодательства определенным группам осужденных для поддержания сверхнормативного состояния.

Попросту говоря, стало сложно пополнять так называемый «общак», «грев», то есть на преступном жаргоне — это деньги, наркотики, алкогольные напитки, продукты питания, табачные изделия и пр., которые стали поступать нерегулярно и, конечно, в меньших масштабах, чем раньше. В связи с этим оставшиеся на свободе представители криминальных сообществ основывают сбор средств у представителей самой социально незащищенной группы населения — учащейся молодежи, несовершеннолетних — и все это прикрывается братством, единством.

Проблема дисфункциональной деятельности А.У.Е. коснулась не только таких вот отдаленных регионов Российской Федерации. Ячейки этого сообщества уже появляются и в городах федерального значения. Так, например, в августе прошлого года в Санкт-Петербурге группа подростков совершила не менее 16 беспричинных нападений на граждан, скандируя «А.У.Е.».

В общем, то событие, которое предсказывали некоторые юристы и социологи, уже произошло — и мегаполисы России сталкиваются не просто с выходками несовершеннолетних, а с ранее неизвестной подростковой идеологией и новыми субкультурами.

Сторонники А.У.Е. рассказывают о некоем идеальном обществе, где наблюдается дисфункция социальных институтов, а власть принадлежит ворами, где сторонники А.У.Е. имеют преимущество перед всеми остальными.

Покинуть этот мир и это сообщество весьма сложно, поскольку есть достаточно суровые санкции; как выражаются идеологи сообщества, «тюрьма не отпускает». Налицо тщательно выстроенная идеологическая структура, а вот такие лозунги, типа «жизнь ворами», «смерть ментам», не оставляет сомнений в экстремистском характере сообщества А.У.Е.

Представители А.У.Е. путем сбора денег и иных предметов с несовершеннолетних адептов выстраивают достаточно стройную систему аргументации, которая оказывает разрушающее воздействие на психику подростков. Она начинается с аргумента, что в современном российском обществе полностью отсутствует социальная

справедливость, что само государство находится в кризисе и фактически дисфункционально, а все чиновничество коррумпировано. Подросткам внушается мысль о том, что все сотрудники правоохранительных органов и, конечно, прежде всего, сотрудники ОВД являются главными врагами так называемого «свободного тюремного братства». Ну а, соответственно, представители А.У.Е. заявляют о готовности взять на себя заботу по обеспечению в будущем социальной стабильности несовершеннолетних и их семей.

Через школьников старших классов и среди учащейся молодежи распространяется два варианта объяснения своих действий.

Первый — для непосвященных подростков: справедливости нет, в местах лишения свободы может оказаться каждый, к тюрьме надо готовиться, тюремное братство — это твоя семья. На данную целевую аудиторию ориентированы, прежде всего, различные материалы, которые вызывают страх несовершеннолетних при попадании места лишения свободы и обретение низкого статуса в уголовной иерархии.

Во всемирной сети Интернет распространяются достаточно уже давно ролики, в которых рассказывается, как «первоходам» правильно зайти в так называемую «хату», как правильно ходить в отхожее место на зоне, как правильно вести диалог на тюремном жаргоне.

А вот второй вариант предназначен для «продвинутых» подростков, то есть тех, которые хотят занять со временем какое-то привилегированное положение не только в преступной иерархии, ну и вообще в общественной жизни. Им предлагается зайти с сотовым телефоном с черного хода и отодвинуть всех остальных любым способом. Ну и поддавшись такому влиянию подросткам предлагают альтернативный вариант криминальной социализации в рамках преступных сообществ для более быстрого повышения своего социального статуса.

В итоге всего этого государство, семья, традиционная мораль, религия и право объявляются ненужными.

В качестве социального уклада это общество предлагает примитивное общество без государства, права, семьи и с доминированием криминальных авторитетов. Короче говоря, налицо явное соответствие идеологии А.У.Е. критериям экстремистской идеологии, а практики данного движения — критериям экстремистских практик.

В общем, движение А.У.Е. подвергает несовершеннолетних ранней криминализации. Суть такого поведения заключается в распространении среди несовершеннолетних призывов к физиче-

скому уничтожению представителей определенных социальных групп и сообществ.

В качестве рабочей гипотезы можно было бы, наверное, предположить, что идеологи А.У.Е. работали и внедрили систему обучения или такого тренинга подростков не только для успешного выживания местах лишения свободы, ведь помимо простейших советов новичкам, как вести себя в местах лишения свободы, даются и вполне серьезные установки, формируется система антиценностей криминальной мотивации, а высокая общественная опасность подросткового экстремизма заключается еще и в том, что носители идеологии А.У.Е. проявляют явные признаки личностных изменений и сопоставимы с результатами получения определенного образования.

Как это ни покажется на первый взгляд странным, но в целях нашего научного интереса можно даже сопоставить в кавычках, конечно, «дистанционный тюремный университет А.У.Е.» с системой элитарного образования, например британского.

Обратиться можно в этом случае к свидетельству одного из выпускников МГИМО (университет), а в дальнейшем — одного из британских университетов. Он выделяет следующие особенности британского частного образования, которые очень успешно коррелируются с деятельностью сообщества. Выделим несколько позиций: сходство и того и другого, прежде всего — это ненависть к деньгам, эмоциям, правде, неравенство закрепленного, различные ритуалы для подавления, культура подавления национальности, ранее погружение в эротической среду, экстремальный уровень убедительности, тайная система кодов для распознавания своих, инициативные моменты, групповая сплоченность, подчинение личности, наличие рангов, превосходство, старшинство, пренебрежительное отношение к органам государственной власти и т.п.

Таким образом, следует признать, что в рамках субкультуры А.У.Е., как и любой другой криминальной субкультуры подростков в России, в настоящее время в такой пародийной форме воспроизводится система подготовки и идеологической социализации российской криминальной элиты и около элитных кругов. Полагаю, что это происходит, в частности, по причине недостаточного внимания этому явлению со стороны властных органов и правоохранительных органов. Давно уже пора осознать опасность экстремистских криминальных сообществ и выработать некоторую систему мер противодействия.

Но возникает еще один вопрос: возможно ли эффективное противодействие описанной выше

криминальной ситуации? Думается, что да. Возможно, ключевую роль в этом процессе должно сыграть противодействие криминальному экстремизму именно в информационной среде, поскольку, если такие сообщества, как А.У.Е. и ему подобные, в значительной степени есть порождение социальных сетей и неформальных каналов распространения информации, то работать специалисты должны с использованием данных сетей и каналов. Я хочу сказать, что такая работа уже в принципе началась.

Вот, в частности, не так давно на сайте прокуратуры Челябинской области была размещена информация следующего содержания: в социальной сети «ВКонтакте» обнаружена страница групп пользователей, на которых размещена фото-, видео- и текстовая информация, создающая положительный имидж преступников, пропагандирующий тюремные традиции. Вход в группу не требует регистрации, введении пароля, ознакомиться с размещенной в ней информацией, скопировать ее в электронном виде может любой пользователь, в том числе несовершеннолетний. В результате летом прошлого года в Центральный районный суд города Челябинска поступило четыре иска. Прокуратура требовала признать размещенную в сообществе информацию, запрещенную распространению в России, и закрыть 7 страниц А.У.Е., что и было сделано судом. Благодарю за внимание.

Зубарев С.М.:

Есть вопросы?

Левченко В.Г.:

Слушатель Академии управления МВД России Левченко Владимир Григорьевич. Андрей Борисович, Вы тему подняли, конечно, очень актуальную. Кроме А.У.Е, пропагандирующей тюремную жизнь, еще есть такое движение как «Синий кит», пропагандирующее суициды. Все-таки помимо сети Интернет есть множество других средств массовой информации, которые пропагандируют вот эти подобные движения.

Какие Вы бы могли все-таки посоветовать меры практикам, работающим с молодежью, чтобы мы могли профилировать это направления деятельности?

Кирюхин А.Б.:

Спасибо за вопрос, но я хочу только обратить внимание, что, к сожалению, я давно уже не практик. Моя должность — начальник кафедры криминологии Московского университета МВД России, поэтому скажу так: Ваш вопрос актуален для практиков, но если говорить о практической стороне этого вопроса, все начинается с оператив-

но-розыскной деятельности, о которой мы здесь не будем распространяться, и заканчивается совершенствованием деятельности органов дознания следствия и судов.

Вот это единственные рычаги, система скажем так, перестройки. Признание, что такая проблема актуальна – единственная, пожалуй, возможность использования социальных сетей и пр., наверное, может снизить накал проблемы. Либо есть второй вариант: ждать, что это по-своему куда-то выведет к чему-то закономерному. Но, повторяю, первый вариант более предпочтителен, естественно.

Зубарев С.М.:

Слово предоставляется профессору Орлову Владиславу Николаевичу, приготовиться Скибе Андрею Петровичу.

Орлов В.Н.:

Добрый день! Я остановлюсь на основных моментах, поскольку все-таки ряд вопросов уже в течение двух часов уже был рассмотрен, поэтому я коснусь основных дискуссионных положений.

Во-первых, сегодня Лариса Ивановна и Василий Юрьевич касались вопросов, что же делать с преступностью несовершеннолетних. Надо сказать, что сейчас она, конечно, трансформируется, уже традиционная преступность несовершеннолетних занимает, наверное, мизерную часть. Я могу сказать в качестве рекламы, что у нас впервые среди учебных заведений МВД введена дисциплина «Цифровая криминология», и фактически все вопросы, связанные с причинами преступлений, с их профилактикой уже рассматриваются через призму киберпространства.

Тут и статистика приводилась относительно несовершеннолетних. Без анализа проблем в цифровом мире, пространстве киберпреступности, не будет реальной картины. Уже в течение ряда лет эти проблемы освещаются в ходе изучения дисциплин оперативно-розыскной деятельности, с привлечением наших айтишников, я имею в виду сотрудников органов внутренних дел, теперь это уже в широком масштабе и касается цифровой криминологии.

Поэтому в данном случае, конечно, следует исследовать киберпространство – это первое.

Второе – это касается криминологического законодательства, когда вопросам правового регламентирования и совершенствования нормативно-правовой базы уделяется пристальное внимание.

Здесь у нас сегодня была наша коллега с кафедры уголовной политики Академии МВД Елена Юрьевна Титушкина, которая тоже занималась вопросами совершенствования правового регулирования. К сожалению, она уже ушла по ряду

причин, но поручила мне сказать, что также эти вопросы касаются и узковедомственных актов, и актов федерального уровня. Федеральное законодательство и законодательство субъектов, к сожалению, содержат противоречия, и эти вопросы не стыкуются в межведомственном плане. Здесь у нас и статистические данные расходятся, и меры не соответствуют единому концептуальному подходу, ну и так далее, и так далее.

И третье, на что хотелось бы внимание: сегодня задавал вопрос представителю прокуратуры. Действительно проблема очень сложная, поскольку в федеральных законах № 120-ФЗ и в № 182-ФЗ употребляются такие понятия, как антиобщественные действия и антиобщественное поведение.

В действительности эта проблема очень масштабная, поскольку традиционно уровень преступления, уровень административного правонарушения, дополняется еще одним уровнем – антиобщественное поведение, т.е. все то, что «стоит» до административного правонарушения. Сейчас идет дискуссия, поскольку я веду дисциплину по организации профилактики коррупции, что же считать антиобщественным коррупционным поведением.

Понимаете, а ведь это касается фактически всех типов и видов преступности, в том числе и что, считать антиобщественным поведением несовершеннолетних, а отсюда соответственно и какие санкции должны применяться конкретным типом и видом антиобщественного поведения, какие меры должны применяться в предупреждении и т.д.

Скажу в качестве рекламы: у нас готовится сейчас очередное издание учебника по криминологическому праву, где основная масса источников как раз касается законодательства в сфере борьбы с преступностью несовершеннолетних на федеральном уровне, а также представлена межведомственная нормативно-правовая база. Поэтому следующая конференция, которая будет касаться проблем несовершеннолетних, будет довольно актуальна, особенно в системе МВД.

Вот мы совсем недавно с Ларисой Ивановной на подобной конференции были за пределами Российской Федерации в нашей дружественной Республике Армения, где обсуждали эти вопросы. Поэтому думаю, что в перспективе все-таки мы придем к единому пониманию всех комплексных проблем, может, обозначим приоритетные направления по решению самой главной идеи противодействие или борьбы с преступностью несовершеннолетних.

Спасибо за внимание. Если какие-то вопросы возникнут, рад буду на них ответить.

Зубарев С.М.:

Спасибо, Владислав Николаевич. Вопросы, коллеги? Вопросов нет. Слово предоставляется Скибе Андрею Петровичу, начальнику кафедры уголовно-исполнительного права Академии ФСИН России.

Скиба А.П.:

Тема моего доклада посвящена вопросам регулирования общественного контроля за соблюдением прав осужденных в воспитательных колониях с точки зрения определения предмета и правового статуса его участников. Представляется, что обеспечение законности в деятельности воспитательных колоний крайне важно, ведь без этого не будет производиться исправление несовершеннолетних осужденных, и, как следствие, эффективного предупреждения совершения ими новых преступлений.

По ст. 23 УИК РФ общественные объединения оказывают содействие в работе учреждений и организаций, исполняющих наказания, принимают участие в исправлении осужденных, могут осуществлять контроль за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, а само общественное воздействие относится к основным средствам исправления осужденных в соответствии со ст. 9 УИК.

Не планирую занимать у Вас много времени, поэтому лишь обозначу только ряд отдельных проблем законодательства в данной области.

Появление и развитие общественного контроля за деятельностью воспитательных колоний и иных мест принудительного содержания обусловлено совершенствованием уголовно-исполнительного и иного законодательства. Основа осуществления общественного контроля изначально базируется на ФЗ «Об общественном контроле за обеспечением прав человека в местах принудительного содержания и о содействии лицам, находящимся в местах принудительного содержания». Однако многие вопросы в области осуществления общественного контроля в нем не прописаны. Одним из них является предмет общественного контроля.

Значение определения предмета общественного контроля, отсутствующего в ФЗ «Об общественном контроле», велико, так как он устанавливает перечень вопросов, которые могут подлежать проверке.

В ФЗ «Об общественном контроле» указывается, что не все аспекты деятельности воспитательных колоний и иных мест принудительного содержания относятся к предмету общественного контроля. На это обращается внимание в ст. 4 закона, в соответствии с которой не допускается вме-

шательство членом общественных наблюдательных комиссий в оперативно-розыскную, уголовно-процессуальную деятельность и производство по делам об административных правонарушениях.

На практике же основное внимание члены общественных наблюдательных комиссий обращают на тыловые, медицинские, режимные, воспитательные и иные аспекты деятельности исправительных учреждений. В то же время в теории и на практике возникает много вопросов о том, входит ли в предмет общественного контроля, например, вопросы, касающиеся изменения вида исправительного учреждения, переводов осужденных из одних учреждений в другие того же вида, применения к ним мер поощрения или взыскания, помещения в безопасное место и т.д.

Одновременно сотрудники воспитательных колоний, как и других мест принудительного содержания, обеспечивают безопасность самого учреждения (как от внешних, так и внутренних угроз), в том числе используя технические средства контроля и пр. Однако их права в этой области не определены. Это тем более необходимо с учетом того, что несовершеннолетние представляют собой лиц с развивающейся психикой, требующей особого педагогического подхода, контроля и прочих подобных действий со стороны сотрудников воспитательных колоний.

Кроме того, сотрудники должны обеспечить безопасность и самих членом общественных наблюдательных комиссий, учитывая распространенность традиций криминальной субкультуры среди осужденных к лишению свободы.

Необходимость конкретизации предмета общественного контроля за деятельностью мест принудительного содержания обусловлена еще и тем, что перечень субъектов общественного контроля многообразен и определен в ст. 5 ФЗ «Об общественном контроле», где к ним отнесены, во-первых, общественные наблюдательные комиссии и, во-вторых, члены общественных наблюдательных комиссий.

Получается, что к субъектам общественного контроля относятся, прежде всего, сами комиссии. Это логично, так как в каждом субъекте РФ может образовываться только одна общественная наблюдательная комиссия, которая и осуществляет свою деятельность в пределах его территории. Такая комиссия, возглавляемая председателем, судя по ФЗ «Об общественном контроле», обладает некоей «монополией» в данной области. У комиссии, члены которой совместно обсуждают и анализируют проблемные вопросы, может выработаться взвешенное мнение по различным

аспектам деятельности мест принудительного содержания. В воспитательных колониях таких вопросов еще больше, чем в исправительных колониях общего, строгого и других режимов, так как в них акцентируется внимание на педагогических и других подобных аспектах воздействия в отношении несовершеннолетних осужденных.

Представляется, что именно такое коллективное решение может быть наиболее объективным, учитывающим не только положения законодательства, но также реальные возможности государственных и общественных органов по решению имеющихся проблем и достижению поставленных целей по исправлению несовершеннолетних осужденных и предупреждению совершения ими новых преступлений.

Однако в статье 5 ФЗ «Об общественном контроле» также указаны и члены общественных наблюдательных комиссий как субъекты общественного контроля. Получается, что каждый из членов общественных наблюдательных комиссий (даже с учетом, что они могут заходить в учреждение по двое) обладает правом оценивать то или иное действие администрации воспитательной колонии по собственному усмотрению. С учетом того, что члены общественных наблюдательных комиссий — лица с разными взглядами, жизненными позициями, личностными установками, нередко не имеющие юридического или педагогического образования, то их мнения, имеющие субъективный характер, будут существенно различаться. Более того, мнения отдельных членов общественных наблюдательных комиссий могут не совпадать с коллективным решением самой комиссии. Несмотря на то, что решения по результатам проведения общественного контроля носят рекомендательный характер, непонятно, как реагировать администрации воспитательной колонии на не соответствующие друг другу мнения членов общественных наблюдательных комиссий.

В этом случае трудно переоценить значение определения круга вопросов, которые могут проверяться членами общественных наблюдательных комиссий.

Как показывает практика, особое внимание члены общественных наблюдательных комиссий уделяют вопросам медицинского обеспечения несовершеннолетних осужденных. Ведь существующее положение дел (недостаточность финансирования, отсутствие необходимых врачей-специалистов и т.п.) не всегда позволяет администрациям колоний оказывать надлежащую медицинскую помощь содержащимся лицам. В статье 16.1 ФЗ «Об общественном контроле»

акцентируется необходимость общественного контроля за обеспечением права осужденных на охрану здоровья. Кроме того, эта норма закона предоставляет членам общественных наблюдательных комиссий дополнительные полномочия при его осуществлении (например, знакомиться с медицинской документацией), которых нет при контроле за другими аспектами деятельности воспитательных колоний: режимной, воспитательной, образовательной и др. С учетом того, что как такой предмет общественного контроля в ФЗ «Об общественном контроле» не определен, подобный акцент ориентирует членов общественных наблюдательных комиссий на усиление контроля за обеспечением именно этого права.

В статье 16.1 ФЗ «Об общественном контроле» также предусмотрено, что члены общественных наблюдательных комиссий в целях осуществления контроля за обеспечением права осужденного на охрану здоровья вправе с согласия этого лица или его законного представителя знакомиться с медицинской документацией, отражающей состояние его здоровья, и беседовать по вопросам оказания медицинской помощи. В то же время в этой норме закона не предусмотрена ни форма такого согласия со стороны осужденного, не уточнено понятие «законного представителя» (определение которого в уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует, а в других отраслях трактуется по-разному), не определена возможность «отзыва» своего согласия на ознакомление членами комиссии со своей медицинской документацией и т.п.

Вышеуказанное осложняется тем, что несовершеннолетние — это особые категории лиц, у которых еще происходит активное психолого-физиологическое развитие, что приносит дополнительный субъективизм в их действия. Более того, на их действия, в том числе последующие, могут в той или иной степени оказывать влияние их родители. Непонятно, что должны делать сотрудники воспитательных колоний при возникновении «спорных» ситуаций в этой области.

Еще раз обозначим, что в ФЗ «Об общественном контроле...» вообще не используется термин «предмет контроля».

Вышеуказанные нормативные недостатки позволяют членам общественных наблюдательных комиссий по собственному усмотрению расширять перечень проверяемых вопросов (администрации колоний, в свою очередь, проявляют ответную «защитную» реакцию — пытаются их сузить). В юридической литературе предмет общественного контроля понимается по-разному: узко (соблюдение прав, свобод и законных интересов подозреваемых,

обвиняемых и осужденных) или широко (законность нахождения лиц в местах принудительного содержания; соблюдение прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания; соблюдение порядка и условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания).

Проблемы определения предмета общественно-го контроля дополняются еще и тем, что не только общественные наблюдательные комиссии являются субъектами его осуществления, хотя ФЗ «Об общественном контроле...», закрепив в статье 5 перечень субъектов его осуществления, фактически установил «монополию» на его осуществление со стороны общественных наблюдательных комиссий и их членов. Однако в статье 3 этого закона говорится, что правовое регулирование в области общественного контроля осуществляется, в том числе в соответствии с ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» и иными федеральными законами.

В этом случае вопрос о перечне субъектов общественного контроля становится открытым. Так, к ним можно отнести, в частности, Общественную палату РФ и общественные палаты в субъектах РФ. Однако, например, в ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» также четко не прописан предмет общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы.

Реализовывать такие функции могут и общественные организации, созданные при органах исполнительной власти, в том числе при ФСИН России. Однако предмет общественного контроля в нормативно-правовых актах, регламентирующих деятельность таких общественных советов, также не определен.

Теоретически к субъектам общественного контроля за соблюдением прав осужденных также можно отнести попечительские и иные советы, действующие при учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы, международные неправительственные организации, и пр. Однако деятельность таких субъектов в части осуществления общественного контроля за деятельностью учреждений уголовно-исполнительной системы и других мест принудительного содержания слабо урегулирована, предмет контроля не определен, в связи с чем также фактически можно говорить о некоем правовом «вакууме» в этой области.

Таким образом, очевидна необходимость корректировки законодательства, регламентирующего осуществление общественного контроля за соблюдением прав несовершеннолетних осужден-

ных к лишению свободы с учетом их психологических и иных особенностей, в целях достижения целей их исправления и предупреждения совершения ими новых преступлений.

Благодарю за внимание. Готов ответить на вопросы.

Зубарев С.М.:

Спасибо, вопросы коллеги, к Андрею Петровичу. Пожалуйста, только представьтесь.

Добреньков А.И.:

Добреньков Алексей, преподаватель Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

Андрей Петрович, большое спасибо за доклад, действительно обозначили очень серьезную проблему в действующем регулировании тех или иных вопросов. У меня два небольших вопроса.

Первый, по Вашему мнению, общественный контроль больше помогает, либо наоборот мешает сотрудникам учреждений?

И второй вопрос. Все эти контроли извне, общественный контроль, со стороны детского омбудсмена – все они очень нацелены на эти исправительные учреждения, и администрация этих учреждений начинает делать все, чтобы было как можно меньше замечаний. То есть условия пребывания несовершеннолетних улучшаются с каждым годом и вот, к сожалению, но это мое частное мнение, мы приходим к тому, что у несовершеннолетних в колонии гораздо лучше условия, чем у него дома. Когда несовершеннолетний прибывает в колонию, он понимает, что у него тут трехразовое питание, чистая комната, новое постельное белье, и он понимает, что в колонии нередко у него гораздо лучше, чем дома, в результате чего, соответственно, никакого профилактического воздействия мы не оказываем.

Каково Ваше отношение к моему частному мнению? Спасибо.

Скиба А.П.:

Вы частично в своих вопросах на них же и ответили. Естественно, любая форма контроля заставляет сотрудников уголовно-исполнительной системы стараться максимально обеспечить права и законные интересы людей, которые содержатся в соответствующих местах принудительного содержания. И на самом деле, воспитательные колонии, если вы сейчас их посетите, то это другие воспитательные колонии, чем которые были 10 лет назад; я не говорю сейчас про советское время. С этой стороны вообще любая форма контроля, в том числе общественная, судебная или еще какая-нибудь, играет огромную роль. С другой стороны, когда мы говорим о том, что необхо-

димо эффективно контролировать деятельность сотрудников учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, то и сама контролирующая инстанция должна понимать, что она делает и как она это делает. И самое главное в этой связи – подконтрольная инстанция, в том числе учреждения и органы уголовно-исполнительной системы, должны понимать, как реагировать на полученные замечания.

Возьмем для примера взаимодействие с органами прокуратуры, где все на самом деле понятно.

Так, есть ст. 32 Закона «О прокуратуре», где описан предмет надзора, есть ст. 33, где описаны полномочия прокурора по надзору за пенитенциарной сферой, в разных положениях УИК РФ разбросаны полномочия прокурора, и в принципе все понятно, в том числе как администрации учреждения реагировать на меры прокурорского реагирования.

С судебным контролем та же самая ситуация: есть три формы контроля по ст. 20 УИК РФ, где в целом все понятно.

В законодательстве, регламентирующем общественный контроль, к сожалению, подобного понимания мы не находим. Из-за этого возникают достаточно большие проблемы, даже с учетом того, что многие члены общественных наблюдательных комиссий – это бывшие сотрудники правоохранительных и иных государственных органов, это, в том числе, бывшие юристы, которые понимают специфику деятельности мест лишения свободы. И даже юристам иногда сложно бывает понять особенности, которые есть в тех или иных исправительных учреждениях, которые друг от друга, естественно, отличаются. Воспитательная колония, естественно, отличается от колонии общего режима, от колонии-поселения и имеет большую специфику по сравнению с другими учреждениями уголовно-исполнительной системы.

Поэтому, еще раз подчеркиваю, что любая форма контроля – это, естественно, хорошо. Она, с одной стороны, сподвигает подконтрольные объекты и лиц, которые там работают, к улучшению ситуации в области соблюдения прав человека. С другой стороны, необходимо максимально это все урегулировать, чтобы не возникало подобной двусмысленности при определении полномочий правового статуса и одних, и других.

Добренков А.И.:

Спасибо.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Вопросов больше нет.

Так, коллеги, позвольте мне несколько слов высказать по тематике нашего сегодняшнего кру-

глого стола. С одной стороны, много разных уже мнений было высказано, много различных направлений предупреждения рассмотрены, но мне хотелось бы начать с истоков. Все-таки со 120 закона со ст. 4, где указаны субъекты, которые должны заниматься профилактикой правонарушений несовершеннолетних, начиная от комиссии по делам несовершеннолетних и завершая органами и учреждениями уголовно-исполнительной системы. Среди них есть и органы управления образованием, есть и органы здравоохранения, есть органы социальной защиты, органы опеки и попечительства, кого там только нет. Но нет, наверное, двух важнейших субъектов, которые должны участвовать в профилактике правонарушений несовершеннолетних с момента рождения.

Так, когда задавали вопрос Максиму Михайловичу по поводу того, когда надо начинать заниматься профилактикой коррупционного поведения, мне тут вспомнилось, что был такой великий, не побоюсь этого слова, советский педагог Антон Семенович Макаренко. Когда на одной из встреч с молодыми рабочими, служащими того времени, когда к нему обратилась молодая мама и спросила: «Скажите, пожалуйста, Антон Семенович, с какого момента надо начинать воспитывать ребенка?» Он в ответ спросил: «Сколько лет вашему ребенку?» Мама: «Три года». Макаренко: «Так вот, на три года вы уже опоздали».

Здесь, наверное, то же самое, когда говорим о профилактике правонарушений среди несовершеннолетних, то должны понимать, что если с младенчества не заложим нормальные подходы к восприятию общепризнанных моральных, нравственных и правовых норм, то, конечно же, начинать в 16 или 18 лет, пытаться воспитать несовершеннолетнего уже поздно. То есть, это уже сложившиеся личности и, конечно же, асоциальное поведение, которое у них уже есть, полностью исправить невозможно, и не поможет никакая «великолепная» колония для несовершеннолетних, это одна проблема.

Вторая проблема. В школах мы с вами каждый день в средствах массовой информации узнаем о каких-то вопиющих случаях, когда там избивают одноклассников, происходят различные противоправные действия. И что школа? С одной стороны, когда ввели новые образовательные стандарты, вы помните, что вопрос воспитания был убран и школа теперь должна только заниматься образованием. Потом мы спохватились, стали говорить о том, что действительно все-таки процесс образования и воспитания – это неразрывный процесс.

Я хотел бы привести примеры из двух административно-правовых актов, разница между этими актами всего лишь 50 лет.

В Постановлении от 30 октября 1969 г. № 613 «Об утверждении положения о Министерстве Просвещения РСФСР» сказано: «Министерство Просвещения РСФСР несет ответственность за состояние и дальнейшее развитие системы народного образования РСФСР, за качество обучения и воспитания детей и молодежи в общеобразовательных школах» и так далее, а также за подготовку педагогических кадров в подведомственных педагогических учебных заведениях, за которую Министерство несет ответственность.

Теперь читаем документ, который был принят уже в наше время тем же самым Министерством Просвещения Российской Федерации. Это Постановление Правительства Российской Федерации от 2018 г. Министерство Просвещения Российской Федерации является Федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере общего образования, среднего и так далее, а также функции по оказанию государственных услуг и управлению государственным имуществом в этих сферах. Вот и почувствуйте разницу.

Итак, есть в принципе два документа с разницей в 50 лет, но если в одном в случае государство требует от министерства соответственно, и всех нижестоящих органов и должностных лиц и школ, в том числе быть ответственными за воспитание детей и молодежи, то в настоящее время Министерство просвещения выполняет только функции по нормативно-правовому регулированию в выработке политики и оказании госуслуг.

Мы, как юристы, понимаем, что там именно сформулировано то, что должен этот орган сделать и что является его главными задачами.

Я хотел также остановиться на органах опеки и попечительства. Они тоже указаны как субъекты профилактики правонарушений несовершеннолетних, но парадоксальность в том, что в самом законе, если мы посмотрим закон № 120, они только дают в установленном порядке согласие на перевод детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей из одной организации, осуществляющей образовательную деятельность, в другую организацию, осуществляющую образовательную деятельность, и в пределах своей компетенции проводят индивидуально-профилактическую работу с несовершеннолетними, если они являются сиротами, либо остались без попечения родителей

и так далее. То есть в принципе имеются две задачи, которые должны решать эти органы, а их на самом деле достаточно много и они разноуровневые, то же самое в рамках закона № 120. Если мы возьмем с вами закон статутный об органах опеки и – это закон № 48 от 24 апреля 2008 г. – то ничего в этом законе о том, что эти органы должны заниматься предупреждением беспризорности, профилактикой или предупреждением правонарушений несовершеннолетними нет.

То есть если в законе четко не прописываются задачи, которые возлагаются на эти органы и их ответственные за реализацию, мы можем написать хоть 300 субъектов, которые будут заниматься якобы этой профилактикой предупреждением, но если реально они не будут нести за это ответственность, все это, конечно, останется на бумаге.

В моем понимании, что все-таки на сегодняшний момент единственная структура, которая занимается предупреждением правонарушений среди несовершеннолетних, – это инспекция по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. Это конкретные люди, у них конкретные задачи, конкретная ответственность. Все остальные могут сколько угодно говорить о том, что они занимаются профилактикой правонарушений среди несовершеннолетних, но они лукавят. Потому что реально все остальные могут участвовать в профилактике, но степень их участия практически минимальная.

Вот на это я хотел бы обратить внимание, а также на четкость в формулировании в законах и подзаконных актах обязанностей тех или иных органов по предупреждению правонарушений несовершеннолетних.

Как только мы в законе закрепим это, потом появится возможность это дополнительно продублировать в подзаконных актах, тогда может быть появится реальная ответственность таких органов.

Пока же все у нас остается на уровне добрых пожеланий, результатов, наверное, к сожалению, не будет. Спасибо, извините, что докладывал с места. Вопросы?

Лебедева Е.А.:

Лебедева Екатерина Алексеевна, заместитель заведующего кафедрой административного права Университета имени О.Е. Кутафина.

Скажите, пожалуйста, Сергей Михайлович, если Вы говорите, что необходимо уделять такое серьезное внимание именно комиссиям по делам несовершеннолетних, нужно ли все-таки более четко узаконить их статус? Например, принять закон, регулирующий их деятельность, поскольку до сих пор у нас, насколько я понимаю, четкого

закона, который бы регулировал их деятельность, до сих пор нет.

Зубарев С.М.:

Спасибо, но, во-первых, это не я говорю, это говорит закон № 120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и именно комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав названы первыми в перечне всех субъектов, которые должны этим заниматься.

С точки зрения того, что эти комиссии исторически сложились как органы общественно-государственной деятельности и они были эффективны, никто не будет спорить. То, что потом на рубеже веков их статус, их функции и их значение значительно снизилось, это факт очевидный.

Но если говорить о сегодняшнем состоянии, в разных субъектах РФ эти комиссии, естественно, работают по-разному и во многом это связано даже не с правовым регулированием. Это зависит от того, кто работает в этих комиссиях, какие люди этим занимаются, насколько они заинтересованы в результате. То, что мы урегулируем законом, конечно же, это во многом унифицирует цели, задачи и функции этих комиссий. И так как все-таки эти вопросы отнесены к ведению субъектов Российской Федерации, в большей части, то, конечно же, может быть принят рамочный закон об организации деятельности комиссий, где будут определены их основные принципы и основные задачи, а детализация вполне возможна в законах субъектов Российской Федерации.

Это, конечно же, мое мнение, что должно быть законодательное регулирование комиссий, потому что решаемые ими задачи очень важны.

Спасибо.

У нас очень хотела выступить Карханина Людмила Владимировна, адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии ФСИН России. Давайте предоставим слово и послушаем будущих кандидатов наук, надеюсь.

Карханина Л.В.:

Добрый день, уважаемые коллеги, тема моего доклада: «Роль общественных объединений в исправлении несовершеннолетних осужденных, которые состоят на учете уголовно-исполнительных инспекциях и также предупреждение совершения ими повторных правонарушений». Международные стандарты в сфере исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества, устанавливают, что одним из важных направлений в предупреждении повторной преступности среди несовершеннолетних является привлечение общественности в процессе исполне-

ния (отбывания) наказаний (раздел 6 Токийских правил).

Во исполнение этой рекомендации ст. 9 Уголовно-исполнительного кодекса РФ включает общественное воздействие в одно из основных средств исправления осужденных, которое, на сегодняшний день, осуществляется посредством привлечения различных объединений (организаций, движений, учреждений, фондов и т.д.) в процесс исполнения наказаний.

Несомненно, что несовершеннолетние осужденные, состоящие на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, относятся к числу наиболее склонных к совершению повторных правонарушений, и требуют повышенного внимания и контроля в силу их возрастных, социально-биологических особенностей. В этой связи требуется более активное взаимодействие разнообразных общественных объединений и уголовно-исполнительных инспекций при исполнении наказаний без изоляции осужденных от общества в отношении этой категории лиц.

Как нам представляется, общественное воздействие, оказываемое на несовершеннолетних осужденных, не только способствует их исправлению, но и в некоторой степени снижает риск совершения ими повторных правонарушений и преступлений.

Приведем несколько примеров подобного взаимодействия.

В ноябре-декабре 2018 г. ФСИН России заключены соглашения о взаимодействии с Некоммерческой (корпоративной) организацией «Ассоциация волонтерских центров» и Общероссийской общественной организацией «Национальная родительская ассоциация социальной поддержки семьи и защиты семейных ценностей». В настоящее время с региональными центрами заключено 48 соглашений о взаимодействии, а также 412 соглашений с добровольными (волонтерскими) движениями и молодежными общественными объединениями.

С 2012 г. на базе УИИ ГУФСИН России по Кемеровской области действует «Психологический отряд «Единство». Волонтеры-студенты проводят работу с несовершеннолетними осужденными, лицами, состоящими на учете инспекции, направленную на профилактику безнадзорности. Целью такой работы является снижение уровня совершаемых преступлений этой категорией осужденных. Для реализации проекта сотрудниками уголовно-исполнительной инспекции было заключено соглашение с факультетом психологии Кемеровского государственного университета, в соответствии

с которым, студенты в летнее время в качестве волонтеров привлекались для организации и проведения различных мероприятий для подростков, находящихся в сложной жизненной ситуации.

Еще одним примером взаимодействия является инициатива руководства УИИ УФСИН России по Псковской области в проведении воспитательно-профилактических мероприятий для несовершеннолетних, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях области с участием представителя духовенства, общественных организаций «Родительский комитет» и «Здоровый город», студентов факультета психологии Псковского государственного университета.

Приведенные примеры взаимодействия не являются единичными и широко используются в других субъектах РФ.

Уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации устанавливает, что участие общественных объединений в работе воспитательных колоний осуществляется посредством создания родительских комитетов. В их задачи входит:

- оказание помощи администрации воспитательных колоний в создании для несовершеннолетних улучшенных, жилищно-бытовых условий;
- повышение эффективности воспитательного воздействия путем привлечения к этому процессу видных деятелей культуры, спорта, ветеранов войны и труда;
- участие в оказании помощи сиротам и несовершеннолетним из неблагополучных семей в их социальной адаптации после освобождения и другое.

В состав родительского комитета входят родители несовершеннолетних осужденных или их законные представители, и даже иные родственники подростка.

УИК РФ, иные нормативные акты, регламентирующие исполнение наказаний без изоляции осужденных от общества, создание родительских комитетов при уголовно-исполнительных инспекциях не предусматривают. Вместе с тем в отдельных случаях, как мы полагаем, вполне целесообразным было бы их создание и функционирование при уголовно-исполнительных инспекциях в целях оказания усиленного воспитательного воздействия на несовершеннолетних. При этом желательно учитывать следующее:

- численность несовершеннолетних, состоящих на учете;
- образ жизни их родителей или иных законных представителей;

– желание (или нежелание) родителей или иных родственников осужденных вступить в родительский комитет.

Приоритетными задачами родительского комитета, на наш взгляд, следует считать:

- оказание исправительно-воспитательного воздействия на несовершеннолетних, состоящих на учете в инспекции;
- содействие в оказании необходимой социальной или иной помощи несовершеннолетним осужденным.

Следовательно, привлечение общественных объединений в порядке исполнения наказаний без изоляции от общества в отношении несовершеннолетних, способствует не только положительно-воспитательно-исправительному воздействию на них, но и предполагает предупреждение их повторной преступности. Расширение форм подобного воздействия в отношении рассматриваемой нами категории лиц допустимо посредством создания при уголовно-исполнительных инспекциях родительских комитетов.

У меня все, спасибо за внимание.

Зубарев С.М.:

Спасибо. Вопросы? Нет.

Есть предложение, коллеги: сейчас слово предоставить студенту нашего университета Яцкевич Дарье, затем Мацкевичу Игорю Михайловичу и завершить нашу работу. Нет возражений?

Слово предоставляется Яцкевич Дарье, готовится Игорю Михайловичу Мацкевичу.

Яцкевич Д.А.:

Добрый день. Я представляю Институт правового консалтинга Университета имени О. Е. Кутафина.

В своем докладе я бы хотела определить вопросы, которые существуют в проблеме, которая была поднята сегодня и поделиться своих двухлетним опытом.

До меня многие ораторы привели статистические данные, вот я остановлюсь, наверное, на тех, в соответствии, с которыми в Российской Федерации в настоящий число совершенных правонарушений несовершеннолетними растет.

Но при этом его можно сравнить, например, с опытом Германии, по данным полиции, где их уровень достигает уже 17% от всех совершенных правонарушений. В исследовании, которое было проведено полицией, приводится такая причина совершения этих правонарушений: страх подростка самому стать жертвой таких правонарушений. И эта виктимность проявляется не только в среде своих сверстников, но и в семье, которая является оплотом будущего подростка и гражданином.

В связи с тем, что подросток не находит никакой поддержки в семье, он пытается найти ее среди своих сверстников. В Германии это общество называется «Диклик», и его особенность состоит в том, что подросток просто пытается показать свой авторитет, утвердить себя и в связи с этим его сверстники толкают на совершение противоправных действий.

Говоря о причинности, существует много подходов к этому вопросу. Вот, например, Беженцев Александр Анатольевич, доцент кафедры Петербургского Университета МВД, говорит о дезорганизации социальных институтов, которые как раз и направлены на решение этих проблем. Вот сейчас только что были перечислены некоторые причины, которые были взяты из доктринальных источников, и мне самой стало интересно изучить проблемы, которые таковыми считали сами подростки.

Мной было проведено исследование, в ходе которого я опросила учащихся общеобразовательных учреждений с 8 по 11 классы. В ходе этого анкетирования они указали на одну из главных проблем, подтвердив мою гипотезу: главной причиной является именно группа подростков, которые толкают других на совершение противоправных действий.

Говоря о том, как же это можно предотвратить, следует обратиться также к опыту, например, Германии и других западных стран, в которых органы, занимающиеся решением этой проблемы, получили название «ювенальная юстиция». Например, в Германии компетенция так называемых «опекунских судов» была соединена с компетенцией судов по делам несовершеннолетних. И здесь уже можно говорить, что на первый план выходит не столько борьба с преступностью, сколько самозащита подростка в ходе судебного заседания. Здесь цель правоприменителя заключается в том, что предотвращается дальнейшее негативное воздействие на подростков, и он может стать настоящим законопослушным членом общества.

Помимо специализированных судов, в Германии существует такой интересный орган, название которого дословно можно перевести как «помощь для несовершеннолетнего в суде». Это некий социально-психологический орган и его мнение в дальнейшем учитывается не только в ходе самого судебного разбирательства, но и дальше при разрешении такого дела в целом.

Говоря о формировании ювенальной юстиции в России, также мы можем встретить множество мнений, и хотелось бы привести пример, который был реализован в Ростовской области. Это был

пилотный проект, проведенный в начале двухтысячных годов и в ходе которого на базе районных судов г. Ростова-на-Дону, в соответствии со специализацией судей по делам несовершеннолетних были выделены специальные органы и они получили название — социальные работники.

Как мы заметили, на территории Российской Федерации нет отдельных органов, которые специально бы скоординировано руководили деятельностью по предотвращению правонарушений, и связи с этим я бы хотела привести некоторые варианты решения такой проблемы.

Вот первый вариант, о котором, основываясь на собственном двухлетнем опыте, могу с уверенностью сказать, что он дал положительный результат — это проведение правовых игр. Существует множество игр по развитию финансовой грамотности, но я не слышала об играх по правовой грамотности и на базе своего учебного учреждения в школе я проводила такие игры, видя реальную заинтересованность подростков, видя и непонимание, почему они раньше этого не знали, и что им грозит за то, что они могли совершить.

Следующее — это Федеральный закон № 120. Если обратить внимание на статью первую, в которой содержатся основные понятия, мы можем встретить такое понятие, как индивидуальная профилактика. Если до меня множество правоведов уже сказали, что преступление совершается сообща в группах, то почему нет в этом федеральном законе такой формулировки как «групповая профилактика»? Почему акцент делается только на индивидуальную профилактику, если правонарушения носят коллективный характер?

Также стоит сделать акцент на моральной ответственности, которая наносит неизгладимое впечатление его до конца не сформированной психики, в рамках медиации, то есть моральную ответственность подростка перед лицом, которое совершило это правонарушение.

И в завершении хотелось бы упомянуть следующий тезис: правонарушители молодеют, а преступность принимает устойчивый рецидивный характер.

У меня все, спасибо.

Зубарев С.М.:

Спасибо большое, очень интересное выступление, мы спокойны за будущее юридической науки нашей академии (университета).

А скажите, пожалуйста, отечественный опыт ювенальной юстиции изучали, эксперимент которого на юге несколько лет назад проводился.

Яцкевич Д.А.:

Да, я говорила как раз про опыт этого пилотного проекта, который развивался на базе Ростовской области. Вы, наверное, его имеете в виду, и вот как раз на базе этих районных судов и начали функционировать такие отдельные, можно сказать, социальные работники. Я читала, что в других областях также такие проекты развивались, но почему-то больше популярность именно этот проект получил в Ростовской области. Его результаты положительные, что дало возможность углубиться в проблему правонарушений среди несовершеннолетних и попытаться найти этот индивидуальный именно для Российской Федерации подход к решению этой проблемы.

Зубарев С.М.:

Еще вопросы?

Лебедева Е.А.:

Лебедева Екатерина Алексеевна. Скажите, пожалуйста, что за суть игры, которую вы проводили?

Яцкевич Д.А.:

Я и моя коллега вместе это проводили, адаптировав игру конкретно под возрастную группу. Мы начинали с восьмых классов или даже с седьмых классов и продолжили в девярых, чтобы сравнить. В седьмых классах мы специально отбирали тот правовой материал, который доступен для них, и так же тот правовой материал, который доступен для учеников восьмых классов. Мы подбирали нормативную базу для них, делили на группы, давали им время для изучения этого материала, адаптировали казусы, которые они могли бы сами решить. Для восьмых классов мы, конечно, сделали акцент именно на право- и дееспособности, приводили Конвенцию о правах человека и ребенка. Им также говорили, какие последствия для них могут быть в случае совершения в их возрасте, например, уголовных преступлений. Для меня был удивительным тот факт, что ребята просто не знают, что в их возрасте уже может наступить уголовная ответственность. И это главная причина, по которой они совершали преступления, не боясь наказания, это вот именно безнаказанность.

Зубарев С.М.:

Спасибо, еще вопросы?

Спасибо большое вам за очень интересный доклад, я не сомневаюсь, что у вас большое юридическое будущее, но хотелось бы обратить Ваше внимание на следующие обстоятельства.

Что касается Ростовского суда, мне пришлось быть у истоков всей этой организации и хочу с уверенностью сказать, в Ростове все получилось лишь по одной причине: они очень хорошо знали отечественные истоки работы с несовершеннолетними

правонарушителями, в том числе и работы «детского» суда, который в России существовал еще до революции. Поэтому когда мы смотрим, ищем по всему миру и просим, чтобы нас поучили жить, мы делаем правильно лишь отчасти, потому что там другой мир, другая культура и нужно посмотреть, а нет ли чего в наших «сундуках» ценного. Так, в Дагестане находят интересные костюмы и говорят, что так модно, а во Францию это пришло, оказывается, с Кавказа. Это первое.

Второе обстоятельство. Вы говорите, почему же в законе не написано «групповая профилактика». Вот тут надо быть очень осторожной, в части соотношения педагогики и закона. Закон – жесткий, он устанавливает рамки, педагогика – это более мягкое, более гибкое влияние, и загонять педагогику в закон – это, значит, обрекать себя на неудачу в том или ином вопросе. И я думаю, что, если этого не произошло в Вашем сознании сейчас, тут только по одной причине – времени не хватило творческого.

Но у вас все впереди и я вам желаю больших успехов. Спасибо.

Слово предоставляется Игорю Михайловичу Мацкевичу.

Мацкевич И.М.:

Я всех приветствую, извиняюсь за опоздание, но много сейчас разных функций приходится выполнять. В том числе сейчас идет большая работа, которая вышла на финишную прямую по пересмотру номенклатур научных специальностей. Но это так, лирическое отступление, потому что наша номенклатура научных специальностей – как в таких случаях раньше, помните, в советское время говорили – «наши миникомпьютеры самые крупные миникомпьютеры в мире», так и наша номенклатура научных специальностей – самая большая номенклатура в мире, нигде нет столько научных специальностей, сколько у нас. Например, у нас есть специальность по овощеводству, а во Франции – нет, но тем не менее овощи там есть.

Возвращаясь к теме нашего круглого стола, хотел бы поблагодарить вас за интересную работу. Уже третий год проводится наш круглый стол, в котором вместе участвуют три организации, и он стал благодаря вам – традиционным. Я хотел бы пожелать, чтобы в следующем году мы также избрали интересную тему и продолжили эту работу. Это первое.

Второе. К сожалению, мы не успели организовать выход из печати журнала «Союза криминалистов и криминологов», посвященный прошлогоднему мероприятию, хотя все подготовлено, просто

технически не успели опубликовать. Поэтому мы обязательно это сделаем, и стенограмму прошлогодною вы увидите на страницах журнала и на сайте Союза криминалистов и криминологов, — она более чем подробная и достаточно любопытно будет с ней ознакомиться, как участникам заседания, так и всем желающим, включая студентов, курсантов и слушателей.

Как только номер журнала будет готов, мы его передадим всем, кто выступал на круглом столе и Андрею Петровичу Скибе в Рязань.

Третье. По существу, абсолютно прав Сергей Михайлович Зубарев и выступающие, что в вопросах профилактики правонарушений среди несовершеннолетних не бывает мелочей, в том числе относительно закона, о чем говорил Сергей Михайлович, актов Министерства просвещения, постановлений Правительства РФ и это, кстати, не только.

Настораживает вообще легкомысленное отношение к формулировкам нормативно-правовых актов, тем более постановлениям и законам.

Во всех нормативных правовых актах, в том числе Министерства просвещения — говорится о «выработке», в том числе о выработке политики воспитания и образования? А что такое «выработка»? Я все словари «перекопал»: два значения есть у этого слова, третьего не вижу.

Первое значение: выработка — это искусственно созданная полость пород. Не знаю, подходит сюда или нет?

И второе значение — это производительность труда, прямой показатель уровня продуктивности труда, которую можно принять за единицу измерения.

Везде, где есть слово «политика», пристегивают эту «выработку». Я не очень понимаю, почему и зачем. У нас такое странное отношение к терминам, я не знаю, кто это придумывает, кто это пишет. Здесь выступала наша молодая коллега, и я призываю ее навести в этих безумных манипуляциях терминами должный порядок. От молодежи сейчас зависит чистота наших нормативных правовых актов. Не потому ли, в том числе такой «беззубый» закон о профилактике получился, что его разработчики тоже не вполне четко и определенно использовали нужную терминологию.

Действительно, есть моменты, которые надо уточнять и развивать. В Уголовном кодексе

у нас говорится о компьютерной преступности, а в Гражданском кодексе вообще нет такого понятия, как «компьютер». В Гражданском кодексе написано «ЭВМ», там нет компьютера. А у меня после этого вопрос: а «ЭВМ» и «компьютер» — это одно и то же или это не одно и то же? Кстати говоря, не помню, в КоАП упомянут компьютер? Или там «ЭВМ» или что-то другое?

(В Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях в статье 13.31. Неисполнение обязанностей организатором распространения информации в сети Интернет об обязанности организатора распространения информации в сети Интернет уведомить уполномоченный федеральный орган исполнительной власти о начале осуществления деятельности по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет — примечание редакций Союза криминалистов и криминологов).

У нас в каждом законе говорится вроде как бы одно и то же, но определяется по-разному. После этого мы абсолютно справедливо критикуем наши суды. Хотя мы сами же их ставим через законодателя в весьма затруднительное положение. А им (судам) надо принимать решения и решать судьбы людей. Если нет понятного закона, как можно требовать понятных, а тем более справедливых решений?

И последнее. Это пожелание всем нам. Я обратил внимание, что последние за 15 лет появилась тенденция писать большие по объему тексты законов. С моей точки зрения, чем больше по объему закон, например, закон «Об образовании», тем больше вероятность, что он будет плохо исполняться. И вообще, тезис Антона Павловича Чехова — «краткость сестра таланта» — никто не отменял. Я бы эту формулировку сделал в качестве преамбулы к должностным инструкциям тем, кто пишет законы. Потому что, если хочешь, чтобы закон не исполнялся, сделай его большим, многостраничным, и он исполняться не будет.

Еще раз спасибо большое за работу.

Зубарев С.М.:

Спасибо, Игорь Михайлович, на этом мы завершаем нашу работу.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Азаренкова Елена Андреевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, elenazarenkova@mail.ru

Антонян Юрий Миранович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права, и уголовного процесса Российского государственного гуманитарного университета, заслуженный деятель науки России, член Союза криминалистов и криминологов, antonyaa@yandex.ru

Воробьева Марина Сергеевна – студентка Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, ma-gi-na.everywhere@mail.ru

Гигинейшвили Мария Теймуразовна – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, mariateymurazovna@gmail.com

Грачева Юлия Викторовна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), uvgracheva@mail.ru

Дубовик Ольга Леонидовна – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, o.l.dubovik@yandex.ru

Жилкин Максим Геннадьевич – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовного права и криминологии Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, zmax71@mail.ru

Зайцев Олег Александрович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, и.о. заведующего отделом уголовного, уголовно-процессуального законодательства; судостройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, вице-президент Союза криминалистов и криминологов, crim@izak.ru

Земцова Анна Васильевна – кандидат юридических наук, заместитель начальника отдела уголовного законодательства и правового регулирования предупреждения преступности уголовно-правового управления ДППД МВД России, zmax71@mail.ru

Калиниченко Игорь Александрович – кандидат педагогических наук, генерал-лейтенант полиции, начальник Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, support_mosu@mvd.ru

Кадников Николай Григорьевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, krim-pravo@yandex.ru

Карханина Людмила Владимировна – адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, ludakarhanina@mail.ru

Качалов Владислав Викторович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника Московского областного филиала Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя по учебной и научной работе, vvk85@bk.ru

Князькина Анастасия Константиновна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, knyazkina_a@mail.ru

Коняхин Владимир Павлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Кубанского государственного университета, vladkon54@mail.ru

Лебедев Максим Владимирович – аналитик лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, секретарь Бюро Союза криминалистов и криминологов, 3g4g@mail.ru

Маликов Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), s.v.malikov@yandex.ru

Малолеткина Наталья Сергеевна – кандидат юридических наук, заместитель начальника кафедры государственно-правовых дисциплин Самарского юридического института Федеральной службы исполнения наказаний России, levkovka707@mail.ru

Мацкевич Игорь Михайлович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Московского

государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, руководитель лаборатории антикриминальных исследований в сфере энергетической безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национальный исследовательский университет) имени И.М. Губкина, президент Союза криминалистов и криминологов, президент Фонда Международного фонда правовых инициатив, mackevich2004@mail.ru

Мудров Никита Максимович – командир отделения 561 учебного взвода 4 «М» курса международно-правового факультета Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, nikitamudrov@mail.ru

Нистратова Ирина Сергеевна – кандидат юридических наук, преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, irinka1989_@inbox.ru

Овчинникова Елизавета Олеговна – студентка 3-го курса института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета (МГПУ), ssverdlovskinbox@mail.ru

Печегин Денис Андреевич – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, crim5@izak.ru

Приходько Наталья Юрьевна – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры подготовки руководящего состава органов внутренних дел Филиала Академии управления МВД России «Болшево», член Союза криминалистов и криминологов, nnnatasha2009@yandex.ru

Пузырева Юлия Владимировна – кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры прав человека и международного права Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, yuliya_dugina@mail.ru

Родионов Алексей Владимирович – доктор экономических наук, профессор кафедры экономики и менеджмента Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, a.v.rodionov@list.ru

Скиба Андрей Петрович – доктор юридических наук, доцент, начальник кафедры уголовно-исполнительного права Академии Федеральной службы исполнения наказаний России, apskiba@mail.ru

Скуртул Анатолий Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой подготовки руководящего состава органов внутренних дел филиала Академии управления МВД России «Болшево», tolikskurtul@rambler.ru

Стешич Елена Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности Ростовского юридического института МВД России, esteshich@mail.ru

Чулахов Владислав Николаевич – доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры технико-криминалистического обеспечения экспертных исследований Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, chulahov@mail.ru

Чучаев Александр Иванович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), moksha1@rambler.ru

Шкабин Геннадий Сергеевич – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник НИЦ-3 ФКУ НИИ ФСИН России, uprzn@ya.ru

INFORMATIONEN ÜBER DIE AUTOREN

Antonyan Yuri M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht und für Strafprozess an der Russischen Staatlichen Geisteswissenschaftlichen Universität, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, antonyaa@yandex.ru

Asarenkova Elena A. – Kandidatin der Wirtschaftswissenschaften, Dozentin der Abteilung für Strafrecht an der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Russischen Innenministeriums, elenazarenkova@mail.ru

Chuchaev Alexandr I. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, mokshal@rambler.ru

Chulakhov Vladislav N. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Lehrstuhlleiter für Technische und Forensische Versorgung von Expertenforschungen an der der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Innenministeriums Russlands, chulahov@mail.ru

Dubovik Olga L. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professorin, Institut für Staat und Recht an der Russischen Akademie der Wissenschaften, o.l.dubovik@yandex.ru

Gigineishvili Maria T. – Kandidantin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für Internationales Recht in der Nordkaukasusfiliale der Russische Universität der Justiz, mariateymurazovna@gmail.com

Gracheva Yulia V. – Doktorin der Rechtswissenschaften, Professorin, Professorin des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, uvgracheva@mail.ru

Kachalov Vladislav V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Stellvertretender Leiter für Akademische und Wissenschaftliche Arbeit in der Moskauer Regionsfiliale der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Russischen Innenministeriums, vvk85@bk.ru

Kadnikov Nikolai G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Professor für Strafrecht an der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Innenministeriums Russlands, krim-pravo@yandex.ru

Kalinichenko Igor A. – Kandidat der Pädagogischen Wissenschaften, Generalleutnant der Polizei, Chef der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Innenministeriums, Russlands, support_mosu@mvd.ru

Karhanina Lyudmila V. – Associate Professorin der Fakultät für die Ausbildung von Wissenschaftlichen und Pädagogischen Personal an der Akademie des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, ludakarhanina@mail.ru

Knyazkina Anastasia K. – Kandidantin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie an der Staatliche Kuban-Universität, knyazkina_a@mail.ru

Konyakhin Vladimir P. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Anwalt der Russischen Föderation, Leiter der Abteilung für Strafrecht und Kriminologie an der Staatliche Kuban-Universität, vladkon54@mail.ru

Lebedev Maksim V. – Analyst des Labors für kriminalpolizeiliche Forschung auf dem Gebiet der Energiesicherheit an der Russischen Staatlichen I.M. Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Nationale Forschungsuniversität), Sekretär des Büro des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, 3g4g@mail.ru

Malikov Sergey V. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Leitender Lehrer des Lehrstuhls für Strafrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, s.v.malikov@yandex.ru

Maloletkina Natalia S. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Stellvertretende Lehrstuhlleiterin für öffentlich-rechtliche Disziplinen am Samara-Law-Institut des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, levkovka707@mail.ru

Matskevich Igor M. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Lehrstuhlleiter für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen M.V. Lomonosov-Universität, Leiter des Labors für kriminalpolizeiliche Forschung auf dem Gebiet der Energiesicherheit an der Russischen Staatlichen I.M. Gubkin-Universität für Erdöl und Gas (Nationale Forschungsuniversität), Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

Mudrov Nikita M. – der Kommandant der Ausbildungszugabteilung 561 des 4. Jahres («М») der Fakultät für Internationales Recht an der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Innenministeriums Russlands, nikitamudrov@mail.ru

Nystratova Irina S. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Lehrerin des Lehrstuhls für Strafverfolgungsrecht an der Akademie des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, irinka1989_@inbox.ru

Ovchinnikova Elizaveta O. – 3. Jahr Studentin des Instituts für Geisteswissenschaften an der Moskauer Städtischen Pädagogischen Universität, ssverdlovskinbox@mail.ru

Pechegin Denis A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, wissenschaftlicher Oberassistent an der Institut Gesetzgebung und Rechtsvergleichung unter der Regierung der Russischen Föderation, crim5@izak.ru

Prikhodko Natalia Yu. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin der Abteilung für Ausbildung zum Senior Management für Innere Angelegenheiten in der Moskauer Bolschewo-Regionalfiliale der Akademie des Innenministeriums Russlands Mitglied des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, nnnatasha2009@yandex.ru

Puzyreva Yuliya V. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin Stellvertretende Leiterin der Abteilung für Menschenrechte und Internationales Recht an der Moskauer V.Ya. Kikot' Universität des Innenministeriums Russlands, yuliya_dugina@mail.ru

Rodionov Alexey V. – Doktor der Wirtschaftswissenschaften, Professor des Lehrstuhls für Wirtschaft und Management an der Akademie des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, a.v.rodionov@list.ru

Shkabin Gennadij S. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Chief Wissenschaftsoffizier des Forschungszentrums-3 des Forschungsinstituts des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, uprzn@ya.ru

Skiba Andrey P. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafverfolgungsrecht an der Akademie des Föderalen Dienstes für Strafvollzug Russlands, apskiba@mail.ru

Skurtul Anatoly A. – Kandidat der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für die Ausbildung der Leitung der Organe für Inneren Angelegenheiten in der Filiale der Akademie des Innenministeriums Russlands «Bolshevo», tolikskurtul@rambler.ru

Steshich Elena S. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Dozentin, Dozentin für forensik und operativ-suchtätigkeit der Rostov law Institute des Russischen Innenministeriums, esteshich@mail.ru

Vorobyova Marina S. – Studentin an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, ma-ri-na.everywhere@mail.ru

Zaitsev Oleg A. – Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Verdienter Wissenschaftler der Russischen Föderation, Stellvertretender Leiter der Abteilung für Strafgesetzegebung, Strafprozessgesetzgebung und Gerichtsaufbau am Institut für Gesetzgebung und Rechtsvergleichung bei der Regierung der Russischen Föderation, Vizepräsident des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen, crim@izak.ru

Zemtsova Anna V. – Kandidatin der Rechtswissenschaften, Stellvertretende Leiterin der Abteilung für Strafrecht und Rechtliche Regulierung in der Kriminalprävention der Strafrechtlichen Verwaltung des Innenministeriums Russlands, zmax71@mail.ru

Zhilkin Maxim G. – Doktor der Rechtswissenschaften, Dozent, Lehrstuhlleiter für Strafrecht und Kriminologie in der Moskauer Regionalfiliale der Moskauer V.Ya. Kikotyа-Universität des Innenministeriums Russlands, zmax71@mail.ru

Matskevich Igor M. – Dr. iur., Professor, Leiter des Lehrstuhls für Kriminologie und Strafvollzugsrecht an der Moskauer Staatlichen Juristischen O.E. Kutafin-Universität, Professor an der Moskauer Staatlichen M.V. Lomonosov-Universität, Verdienter Wissenschaftler Russlands, Vorsitzender des Verbands der Kriminalisten und Kriminologen Vorsitzender der Internationalen Stiftung für rechtliche Initiative, mackevich2004@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Antonyan Yuri M. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and of Criminal Trial at the Russian State University for the Humanities, Honored Scientist of Russia, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, antonyaa@yandex.ru

Azarenkova Elena A. – Candidate of Law, Senior Lecturer of the Department of Criminal Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', elenazarenkova@mail.ru

Chuchayev Alexandr I. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Chair of Criminal Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, moksha1@rambler.ru

Chulakhov Vladislav N. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of the Department of Technical and Forensic Support of Expert Research at the Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', chulakhov@mail.ru

Dubovik Olga L. – Doctor of Law, Professor, Head Researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, o.l.dubovik@yandex.ru

Gigineyshvili Maria T. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of International Law of the Northern Caucasus Branch of the Russian University of Justice, mariateymurazovna@gmail.com

Gracheva Yulia V. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Chair of Criminal Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, uvgracheva@mail.ru

Kachalov Vladislav V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head for Academic and Scientific Work at the Moscow Regional Branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', vvk85@bk.ru

Kadnikov Nikolai G. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Professor of Criminal Law Department of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', krim-pravo@yandex.ru

Kalinichenko Igor A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Lieutenant General of Police, Head of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', support_mosu@mvd.ru

Karkhanina Lyudmila V. – Associate Professor of the Faculty of Training of Scientific and Pedagogical Personnel at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, ludakarhanina@mail.ru

Knyazkina Anastasia K. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal law and Criminology at the State Kuban University, knyazkina_a@mail.ru

Konyakhin Vladimir P. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honoured Lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law and Criminology at the Kuban State University, vladkon54@mail.ru

Lebedev Maxim V. – National Security Department Analyst of the Laboratory for Anticriminal Research in the Field of Energy Security at the Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, Secretary of the Bureau of the Union of Criminologists and Criminologists, 3g4g@mail.ru

Malikov Sergey V. – Candidate of Legal Sciences, Leading Lecturer of Chair of Criminal Law of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, s.v.malikov@yandex.ru

Maloletkina Natalia S. – Candidate of Legal Sciences, Deputy Head of the Department of State and Legal Disciplines of Samara Law Institute of Federal Penitentiary Service of Russia, levkovka707@mail.ru

Matskevich Igor M. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Scientist of Russia, Head of the Chair of Criminology and Criminal Executive Law at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Professor of the Moscow State University named after M.V. Lomonosov, Head of the Laboratory for Anticriminal Research in the Field of Energy Security of the Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin, President of the Union of Criminalists and Criminologists, President of the International Foundation for Legal Initiatives, mackevich2004@mail.ru

Mudrov Nikita M. – 4-th year («М») Commander of the Department 561 Training Platoon of the Faculty of International Law at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot', nikitamudrov@mail.ru

Nistratova Irina S. – Candidate of Legal Sciences, Lecturer of the Chair of Criminal Enforcement Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, irinka1989_@inbox.ru

Ovchinnikova Elizaveta O. – 3-rd year Student of the Institute of Humanities at the Moscow City University (MCU), ssverdlovskinbox@mail.ru

Pechegin Denis A. – Candidate of Legal Sciences, Senior Researcher of the Institute of Legislation and comparative Law under the Government of the Russian Federation, crim5@izak.ru

Prikhodko Natalya Yu. – Candidate of Law, Senior Lecturer at the Department of Training for Senior Management at the Bolshevo-Moscow Regional Branch of the Moscow Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Member of the Union of Criminalists and Criminologists, nnnatasha2009@yandex.ru

Puzyreva Yuliya V. – Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Deputy Head of the Department of Human Rights and International Law of at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V.Ya. Kikot', yuliya_dugina@mail.ru

Rodionov Alexey V. – Doctor of Economics, Professor of Economics and Management Department, Academy of Federal Penitentiary Service of Russia, a.v.rodionov@list.ru

Shkabin Gennady S. – Doctor of Law, Associate Professor, Chief Research Officer of the Research Center-3 of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, uprzn@ya.ru

Skiba Andrey P. – Doctor of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Chair of Criminal Enforcement Law at the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, apskiba@mail.ru

Skurtul Anatoly A. – Candidate of Legal Sciences, Assistant Professor, Head of the Chair of Training the Management Staff of Internal Affairs Bodies in the Branch of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia «Bolshevo», tolikskurtul@rambler.ru

Steshich Elena S. – Candidate of Legal Sciences, associate professor of criminology and operational and investigative activities of Rostov law Institute of the Ministry of internal Affairs of Russia, esteshich@mail.ru

Vorobyova Marina S. – Student at the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, ma-ri-na.everywhere@mail.ru

Zaitsev Oleg A. – Doctor of Legal Sciences, Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, Acting Head of the Department of Penal, Criminal Procedure Legislation and Judicial System at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Russian Federation Government, Vice-President of the Union of Criminologists and Criminologists, crim@izak.ru

Zemtsova Anna V. – Candidate of Law, Deputy of the Department of Criminal Legislation and Legal Regulation in Crime Prevention of the Criminal-Legal Administration Legal Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia, zmax71@mail.ru

Zhilkin Maxim G. – Doctor of Legal Sciences, Associate Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Criminology at the Moscow Regional Branch of the Moscow University Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikotya, zmax71@mail.ru

ZUSAMMENFASSUNG UND STICHWÖRTER

Innovative Ausbildung an der Moskauer V.Ya. Kikot‘ Universität des Innenministeriums Russlands

Kalinichenko I.A.

Der Artikel betrachtet das Informations- und Bildungsumfeld und den innovativen Bildungsraum der Moskauer V.Ya. Kikot‘ Universität des russischen Innenministeriums, ihre Integration, Modernisierung und Verbesserung, als Elemente, die den Bildungskomplex der Universität bilden und innovative Bildung bieten. Gleichzeitig untersucht der Artikel das Wesen innovativer Bildung, und der Autor schlägt auch eine Definition dieses Konzepts vor.

Stichwörter: *Informations- und Bildungsumfeld, innovativer Bildungsraum, Integration, innovative Bildung, Student, Hochschulbildung.*

Moderne Probleme der Kategorisierung von Verbrechen nach ihrer Schwere

Kadnikov N.G.

Ziel: die Änderungen im Strafrechtssystem zur Kategorisierung von Straftaten aus der Sicht der Strafrechtdoktrin und der Gesetzesnovellen zu analysieren. Auf die Diskrepanz der Neuerungen des Strafrechts mit dem Prinzipien des Systemcharakter und der Differenzierung der Verantwortung zu achten.

Methodologie: *Dialektik, Analyse, Abzug, formell-rechtliche Methode, vergleichs-rechtliche Methode.*

Schlussfolgerungen. *Die Kategorisierung von Verbrechen ist eine der wichtigsten Institutionen des modernen Strafrechts der Russischen Föderation. Sie ermöglicht es, viele Institutionen des gemeinsamen Strafrechts in strikter Übereinstimmung mit wissenschaftlichen Kriterien aufzubauen. In den letzten Jahren wurde jedoch die Abkehr vom Gesetzgeber von der Verwendung der Kategorisierung von Verbrechen bemerkbar, sowie der Ergänzung des Strafrechts durch Normen, die nicht mit der Abgrenzung von Verbrechen in Kategorien abhängig von ihrer Schwere verbunden sind.*

Das Hinzufügen zum Artikel 5 des Strafgesetzbuches den Teil 6, nach dem mit dem Studium der tatsächlichen Umstände des Verbrechens und der Grad der öffentlichen Gefahr, das Gericht kann in Gegenwart von mildernden Umständen und ohne erschwerende Umstände, um die Kategorie des Verbrechens auf weniger Schwere, aber nicht mehr als eine Kategorie von Verbrechen unter Einhaltung, der im Gesetz genannten Bedingungen zu ändern, entspricht der Strafrechtdoktrin nicht und stellt die Entscheidungen des Gerichts über die Positionen des Gesetzgebers.

Die Stufen der Änderung der Kategorie von Verbrechen mittlerer Schwere in Bezug auf Sanktionen für fahrlässige Verbrechen zeigen, dass Neurungen ohne angemessene Diskussion angenommen werden. Tatsächlich gleichsetzen sie auch die Verbrechen mittlerer Schwere und besonderer Schwere. Die Änderungen des Strafrechtstituts für die Kategorisierung von Verbrechen betrafen viele Strafrechtstitute.

Die Einbeziehung von fahrlässigen Verbrechen in die Kategorie der schweren, und in einigen Fällen und die Kategorie der besonders schweren Verbrechen verstoßen gegen das Prinzip der Differenzierung der Verantwortung auf der gesetzlichen Ebene.

Es soll anerkannt werden, dass, obwohl die Institution der Kategorisierung wesentliche Änderungen vorgenommen wurde, die getroffenen Gesetzgebungsentscheidungen keine große Bedeutung hatten. Unter den Gesetzgebern herrschte die Meinung, dass die Verschärfung der Strafe für die fahrlässigen Verbrechen, die zum Tod von Menschen geführt haben, die Situation verbessern kann. Eine Verschärfung der Strafen führt jedoch nicht immer zu einer Verbesserung der Bestimmungen bei der Bekämpfung von Straftaten.

Im Allgemeinen Teil des Strafgesetzbuches sind solche Änderungen am Institut für Kategorisierung noch nicht reflektiert. Artikel 69 des Strafgesetzbuches (die Bestimmung der Strafe für die Gesamtheit der Verbrechen), Art. 73 SGB der RF (bedingte Verurteilung) und andere nicht berücksichtigt Änderungen in der Kategorie der schweren Verbrechen für Artikel 58 (Zuordnung einer Art von Strafvollzugsanstalt zu den Verurteilten, die in Haft sein), 79 (Bewährung von der Strafe) und 80 (Ersatz der Strafe milder) SGB der RF.

Dennoch ist das Institut für die Kategorisierung von Straftaten weiterhin eines der wichtigsten Rechtsinstrumente für den Aufbau anderer strafrechtsnormen und -Institutionen.

Das wichtigste Problem, das bereits in dem Staatsduma der Russischen Föderation diskutiert wird, ist die Aufnahme in die Kategorisierung von Verbrechen dieser Kategorie von Handlungen als Straftat.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt nicht nur in der Bestimmung der Bedeutung der Normen des Hugo-finken Gesetzes, die Kategorien von Verbrechen in Abhängigkeit von ihrer Schwere und ihrer strafrechtlichen Bedeutung definieren, sondern auch in der negativen Wahrnehmung von unvorhergesehenen Entscheidungen über die Änderung des Strafrechts.*

Stichwörter: *Strafgesetzbuch, Kategorie der Verbrechen abhängig von ihrer Schwere, System des Strafrechts.*

Bestechung durch Kryptowährung: Qualifikationsprobleme

Kachalov V.V.

Ziel: *ist es die Möglichkeit von Erkennung der Kryptowährung als Gegenstand von Bestechung zu analysieren.*

Methodologie: *historische, formell-rechtliche Methoden, vergleichende Analyse, Abzug.*

Schlussfolgerungen. *Unter modernen Bedingungen werden Kryptowährungen häufig bei der Begehung verschiedener Verbrechen eingesetzt. Es besteht kein Zweifel, dass beim Geben oder Empfangen von Bestechungsgeldern Kryptowährungen verwendet werden können. Das derzeitige Strafrecht ermöglicht es schon jetzt, ohne Änderungen und Ergänzungen, Kryptowährung als ein Teil des Themas Bestechung zu klassifizieren und die Täter zur strafrechtlichen Verantwortung für aktive oder passive Bestechungen zu ziehen. Aus der Position der Qualifikation des Gegenstandes eines Bestechungsgeldes kann Kryptowährung anderem Eigentum zugeordnet werden. Der Erhalt einer Kryptowährung als Bestechungsgeld sollte ab dem Zeitpunkt als abgeschlossenes Verbrechen anerkannt werden, an dem der Beamte die grundlegende Gelegenheit hatte, diese Kryptowährung nach eigenem Ermessen zu verwenden oder darüber zu verfügen.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Der vorgeschlagene Ansatz zur Bewertung von Kryptowährungen als Gegenstand eines Bestechungsgeldes kann in Bezug auf das Thema anderer Verbrechen verwendet werden. Die vorgelegten Empfehlungen können zur Verbesserung der Strafverfolgungspraxis verwendet werden.*

Stichwörter: *Bitcoin, Kryptowährung, Gegenstand eines Bestechungsgeldes, Bestechung, anderes Eigentum, Eigentumsrechte, digitale Rechte.*

Der Wert der begünstigten Beziehungen im Mechanismus zur Bekämpfung krimineller Insolvenz:

Fragen der Rechtsdurchsetzung und der Verbesserung der Gesetzgebung

Zhilkin M.G.,

Zemtsova A.V.

Ziel: *die Verbesserung des Mechanismus zur Heranziehung zur strafrechtlichen Verantwortlichkeit von den Endeigentümern der Unternehmen, die an kriminellen Insolvenzen teilnehmen.*

Methodologie: *dialektische Methode, formell-logische Methode, Methoden der Analyse, Synthese.*

Schlussfolgerungen. *Im Kontext der Verbesserung der strafrechtlichen Normen über die Haftung für Insolvenzverbrechen sind die Feststellung von begünstigten Beziehungen und ihrem Einfluss auf das Erreichen des kriminellen Ergebnisses von wichtigster Bedeutung.*

In diesem Zusammenhang schlägt man eine strafrechtliche Norm vor, die die Möglichkeit der Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortung der Person, die zum ersten Mal ein Verbrechen im Bereich der Unternehmstätigkeit begangen hat, wenn sie zur Identifizierung einer Person beigetragen hat, die tatsächlich Managementfunktionen in der Organisation ausführt oder einer Person, in deren Interesse diese Aktivitäten durchgeführt wurden, sowie Informationen über ihr Eigentum (Einkommen) enthüllt, dessen Umfang ermöglicht es, eine tatsächliche Entschädigung für den durch ein Verbrechen verursachten Schaden zu gewährleisten.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Ergebnisse und Vorschläge in dem Artikel können sowohl in der Normsetzung und in der Durchsetzung der Strafverfolgungsbehörden verwendet werden, um den strafrechtlichen Mechanismus zur Bekämpfung von kriminellen Insolvenzen und anderen Verbrechen im Bereich der Unternehmstätigkeit, in denen die begünstigten Beziehungen beteiligt sind, zu verbessern.*

Stichwörter: *Begünstigte, Kriminalisierung, kriminelle Insolvenz, Steuerstraftaten, Befreiung von der strafrechtlichen Verantwortlichkeit, Unternehmstätigkeit, Schaden.*

Über das System der forensischen Technologie als Teil der forensischen Wissenschaft

Chulakhov V.N.

Ziel: die Betrachtung des Systems der forensischen Technologie als eine der forensischen Wissenschaften. Die Analyse seines Inhalts unter dem Gesichtspunkt des aktuellen Standes der forensischen Wissenschaft und Praxis, insbesondere der forensischen Doktrin menschlicher Fähigkeiten und Gewohnheiten.

Methodologie: dialektik, analyse, deduktion, systemstruktureller Ansatz, systemrechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Die Veränderung des Verbrechens und damit die Entstehung neuer Mittel und Methoden zur Bekämpfung des Verbrechens tragen zur Bildung neuen forensischen Wissens bei, das seine Anordnung und Verbreitung erfordert. In der Struktur der forensischen Technologie wurden heute mehrere Zweige gebildet, die sich mit der Untersuchung von Spuren von Verbrechen befassen, die sich aus der Manifestation ihrer Fähigkeiten ergeben: Schreiben (juristische Handschrift), Schriftsprache (juristische Autowissenschaft) und gesprochene Sprache (juristische Phonoskopie). Reflexionen einiger Fähigkeiten werden in anderen Bereichen der forensischen Technologie zusammen mit anderen Spuren berücksichtigt, insbesondere Spuren der Gangart in der Trasologie, kriminelle Fähigkeiten in der forensischen Registrierung. Dieses System wurde in Abhängigkeit von der Art und den Merkmalen der bei der Begehung von Straftaten gebildeten Spuren sowie den Methoden ihrer Untersuchung und nicht von den Rückverfolgungseigenschaften einer Person aufgebaut. Folglich wird die Zuordnung verschiedener Fähigkeiten getrennt und ohne Zusammenhang miteinander untersucht. Die Identifizierung und Klärung der Gesetze, die den Einfluss menschlicher Fähigkeiten auf die Entwicklung von Kriminalität regeln, sowie deren Verwendung im Ermittlungsprozess, können nur dann erfolgreich sein, wenn diese Persönlichkeitsmerkmale als eigenständiges Forschungsobjekt identifiziert werden. Es führt zur Notwendigkeit der Isolierung und Konsolidierung sämtlichen theoretischen und tatsächlichen Wissens in diesem Bereich. Man schlägt es vor, diesen Abschnitt der forensischen Technik als «Forensische Erforschung menschlicher Fähigkeiten und ihrer Abbildungen» zu bezeichnen. Die systemische Grundlage dafür so ist, dass alle Fähigkeiten, unabhängig davon, welche sie auch sein mögen und in welcher Art von Aktivität sie gebildet werden, dieselbe psychophysiologische Natur haben. Es verursacht die Komplexität der Untersuchung dieser menschlichen Eigenschaften zusammen mit ihren Überlegungen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung des wissenschaftlichen Artikels liegt in der Begründung des Vorschlags, den Abschnitt «Forensische Erforschung menschlicher Fähigkeiten und ihrer Darstellung» im kriminellen Technologiesystem zu bilden, in dem das gesamte forensische Wissen über menschliche Fähigkeiten und Empfehlungen für die Erhebung und Erforschung von Daten über diese bei der Aufdeckung und Untersuchung von Straftaten kombiniert werden. Die Struktur des neuen Abschnitts wird vorgeschlagen.

Stichwörter: Forensik, allgemeine Theorie, forensische Taxonomie, Struktur, forensische Technologie, Fähigkeiten, Ermittlungen, Kriminalität, Rückgrat, Abschnitt, Industrie.

Strafrechtliche Fiktionen in der Gesetzgebung zur operativen Suche

Shkabin G.S.

Ziel: ist die Identifizierung der strafrechtlichen Normen und Konzepte, die in der Gesetzgebung zur operativen Suche und in der Wissenschaft der operativen Suche verankert sind; die Vorschläge zur Beseitigung bestehender Probleme und zur Verbesserung der interdisziplinären Beziehungen des Strafrechts und der operativen Suchaktivitäten zu machen.

Methodologie: allgemeine wissenschaftliche Methoden – Systemanalyse und dialektische Methode; spezielle wissenschaftliche Methoden – Rechtsvergleich, formal logisch, soziologisch. Die in ihrer Einheit aufgeführten Methoden ermöglichen eine umfassende Analyse strafrechtlicher Fiktionen bei operativen Suchaktivitäten.

Schlussfolgerungen. Die Gesetzgebung zur operativen Suche und die Wissenschaft der operativen Suche verwenden die Normen und Konzepte, die in ihrem Kern strafrechtlicher sind. Allerdings aufgrund der Branchendiskrepanz erhalten sie keine Umsetzung in Strafverfolgungsaktivitäten. Auch führen sie Destruktivität in die Art der interdisziplinären Beziehungen des Strafrechts und der operativen Suchaktivitäten ein. Die Analyse und die Vorschläge ermöglichen es, die Hauptrichtungen für die Verbesserung dieser Beziehungen zu bestimmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die theoretische Bedeutung liegt in der Tatsache, dass die identifizierten Probleme und die vorgeschlagenen Lösungen den Wissensumfang der beiden Wissenschaften erweitern; sie entwickeln Ideen über die Gesetzgebungstechnik und den Lehrkonzeptapparat. Die praktische Bedeutung drückt sich in der Möglichkeit aus, die Vorschläge zu verwenden, die in den Gesetzgebungs- und Managementaktivitäten den Behörden für innere Angelegenheiten gemacht wurden.

Stichwörter: Fiktion, Strafrecht, operative Suche, interdisziplinäre Beziehungen, rechtmäßige Zufügung von Schäden, Umstände, die kriminelle Handlungen ausschließen, Befreiung von der strafrechtlichen Haftung.

Qualifizierte Arten von “Schmuggelverbrechen” im Strafrecht der Russischen Föderation

Asarenkova E.A.,

Prikhodko N.Yu.

Ziel: prüfen und begründen Vorschläge zur Änderung und Ergänzung bestimmter qualifizierter und besonders qualifizierter Merkmale von «Schmuggelverbrechen» (Art. 200⁰, 200⁰, 226¹, 229⁰ SGB der RF).

Methodologie: die Autoren verwendeten die allgemeinwissenschaftlichen Methoden: Analyse und Synthese, dialektische Methode; auch speziell-wissenschaftliche Methoden: die historisch-rechtliche Methode, die Methode des rechtlichen Vergleichs.

Schlussfolgerungen. Die Autoren versuchten in Ihrer Studie, die vorgeschlagenen Änderungen von den Normen des Strafgesetzes über den Schmuggel zu bestimmen. Das Folgende ist zu bestimmen:

1) die qualifizierten Zeichen des Schmuggels: Begehung eines Verbrechens von der Gruppe von Personen nach vorheriger Absprache, von dem Beamten, der seine offizielle Position missbraucht, «mit Gewalt gegen eine Person, die Zoll-oder Grenzkontrolle durchführt»;

2) ein besonders qualifiziertes Zeichen – Begehung eines Schmuggelverbrechens von der organisierten Gruppe.

Die vorgeschlagenen Änderungen und Ergänzungen basieren auf einer theoretischen Analyse der wissenschaftlichen Forschungen und der Rechtsprechung zu den Schmuggelfällen. Das erlaubt, die Idee der Vereinheitlichung der inländischen Gesetzgebung in diesem Bereich zu ausdrücken.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die vorgeschlagene Studie zielte darauf ab, die theoretischen Aspekte solcher Verbrechen zu untersuchen, die nach Art. 200⁰, 200⁰, 226¹, 229⁰ des Strafgesetzbuches vorgesehen werden. Die erhaltenen theoretischen Schlussfolgerungen werden durch die praktischen Beispiele unterstützt, die einige Lücken in der Gesetzgebung der Russischen Föderation beseitigen und die praktische und wissenschaftliche Bedeutung der Forschung bestimmen. Die Ergebnisse können die Grundlage für neue Studien sein.

Stichwörter: Qualifikation von Verbrechen, Schmuggel, Beamte, offizielle Position, Eurasische Wirtschaftsunion, eine Gruppe von Personen, vorläufige Absprachen, Zollkontrolle, Qualifikationszeichen.

Zum Status von Mitarbeitern privater Militär- und Sicherheitsunternehmen in bewaffneten Konflikten

Puzyreva Yu.V.

Ziel: die Weltereignisse des späten 20. bis dem frühen 21. Jahrhunderts haben das moderne Sicherheitssystem vor neuen Herausforderungen und Bedrohungen gestellt und die Art der bewaffneten Konflikte erheblich verändert. Die Tendenzen der Privatisierung und der hybriden Kriegsführung haben die stetige Bildung eines Systems neuer Akteure in Form von privaten Militär- und Sicherheitsunternehmen (PMSU) bestimmt, die zum festen Bestandteil vieler militärischer Operationen geworden sind. Ihre Dienstleistungen sind vielfältig und, zweifellos, umfangreich und reichen von Technik, Sicherheit und Logistik bis hin zu militärischen Konsultationen, Sammeln von Informationen und direkter Beteiligung an Feindseligkeiten. Derzeit stehen die Dienste solcher Unternehmen allen Staaten und internationalen Organisationen, Nichtregierungsorganisationen, Handelsorganisationen, humanitären Organisationen und sogar privaten Personen, einschließlich krimineller und terroristischer Organisationen, zur Verfügung.

Angesichts des weit verbreiteten Einsatzes von PMSU in bewaffneten Konflikten werfen die Unsicherheit ihres internationalen Rechtsstatus und der unkontrollierte Einsatz solcher Akteure durch verschiedene Einheiten, einschließlich nichtstaatlicher Einheiten, eine Reihe von Problemen auf, die von Staaten und internationalen Organisationen direkt angegangen werden sollten. Der Artikel untersucht die unbestreitbaren Tatsachen der Beteiligung von PMSU an heutigen bewaffneten Konflikten und rechtlichen Zusammenstoßen im Zusammenhang mit dem Mangel an direkter Regulierung ihres Status durch die aktuellen Normen des humanitären Völkerrechts.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formale Rechtsmethode, systemische Methode, interdisziplinäre Rechtsforschungsmethode.

Schlussfolgerungen. Gegenwärtig ist die Tendenz zur Präsenz von PMSU in Gebieten mit bewaffneten Konflikten und Friedenskonsolidierung nach Konflikten klar definiert, begleitet von einer fehlenden gesetzlichen Regulierung des Status solcher Einheiten als allgemeine Regeln des humanitären Völkerrechts und besonderen Rechtsakten, die

die Fragen der Aktivitäten solcher Organisationen regeln und die Legitimität ihrer Beteiligung bestimmen, um ein breites Spektrum von Dienstleistungen, einschließlich der militärischen Sphäre.

Mit dem Ziel, Menschenrechtsverletzungen auszurotten und die Sicherheit in Situationen einer groß angelegten und unkontrollierten Beteiligung von PMSU an bewaffneten Konflikten zu gewährleisten, die Umsetzung der Einrichtung der individuellen strafrechtlichen Verantwortung und der unternehmerischen Verantwortung für illegale Aktivitäten sowie mit dem Ziel, die Funktionsweise von PMSU zu regulieren, zu überwachen und zu kontrollieren, müssen die Staaten, wie nie zuvor, ihre Bemühungen vereinen und einen Kompromiss erreichen, bei der Annahme des Internationalen Übereinkommens zur Regulierung über PMSU. Es ist nicht mehr möglich, diesen relevanten Bereich der modernen Weltordnung auf Selbstregulierung zu verlassen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Studie der internationalen Rechtsregulierung der Aktivitäten von PMSU in bewaffneten Konflikten hat rechtliche Zusammenstoßen und Lücken in der Regulierung des Status von Mitarbeitern solcher Unternehmen im Einklang mit dem humanitären Völkerrecht aufgedeckt. Aus praktischer Sicht wird die Lösung festgestellter rechtlicher Lücken die Legitimität und ordnungsgemäße Regulierung der PMSC-Aktivitäten sicherstellen.

Stichwörter: private Militär- und Sicherheitsunternehmen, bewaffnete Konflikte, Humanitäres Völkerrecht, Teilnehmer der Feindseligkeiten, Söldner, Kombattanten, Zivilisten, Menschenrechte, Regelung der Aktivitäten.

Friedenssicherung der Vereinten Nationen als wirksames Instrument zur Wahrung des internationalen Friedens und der internationalen Sicherheit

Mudrov N.M.

Wissenschaftsberaterin:

Puzyreva Yu.V.

Ziel: in diesem Artikel sind die aktuellen Fragen der internationalen Friedenssicherung unter modernen Bedingungen auf allen Ebenen (regional, interregional und universell) diskutiert. Diese Fragen sind von großer Bedeutung. Der Friedensprozess ist die Grundlage des diplomatischen Dialogs zwischen Staaten sowie zwischen verschiedenen internationalen und politischen Vereinigungen. Die wichtigste Organisation, die sich mit Friedenssicherung befasst, sind die Vereinten Nationen (zusammen im Folgenden: die UN). Die UN fördert im 21. Jahrhundert weiterhin die Schaffung einer gerechten und vernünftigen internationalen politischen und wirtschaftlichen Ordnung. Die Organisation definiert internationale Rechtskriterien und Rechtsnormen für die Bewahrung und Aufrechterhaltung des internationalen Friedens und der internationalen Ordnung. Sie gewährleistet einen sicheren Weg zu dauerhaftem Frieden und globaler Sicherheit. Die Bildung der UN-Friedenssicherungspraxis erfolgte im Rahmen der Umsetzung militärischer Aufgaben zur Waffenruhe, zur Wiederherstellung von Recht und Ordnung in Konfliktgebieten und zur Schaffung von Bedingungen für den Übergang zu friedlichen Mitteln zur Beilegung militärischer Streitigkeiten. Es sei darauf hingewiesen, dass es im 21. Jahrhundert die dynamische Weiterentwicklung der UN-Friedenssicherung im Kontext neuer Reformen und Perspektiven gibt, die eine Steigerung der Wirksamkeit von Friedenssicherungsmissionen anstreben. Der Beitrag der Russischen Föderation zur Wahrung des internationalen Friedens und der internationalen Sicherheit durch die Teilnahme an der Friedenssicherung der Vereinten Nationen ist wichtig. Er drückt sich in der weltweiten Finanzierung von «Friedenssicherungsprojekten», der jährlichen Entsendung hochqualifizierten Personals zu Missionen sowie der ständigen Ausbildung von Kandidaten für die Teilnahme an Friedenssicherungsmissionen aus dem Ausland auf der Grundlage des Allrussischen Instituts für Weiterbildung des Innenministeriums Russlands aus.

Methodologie: analyse, synthese, induktion, abzug, formell-rechtliche methode, systemische methode, verallgemeinerung.

Schlussfolgerungen. Die moderne Welt diktiert der UNO die Notwendigkeit, die Ansätze zur Aufrechterhaltung der Rechtsstaatlichkeit zu ändern. Aus diesem Grund ist die Teilnahme an Friedensmissionen von Polizeibeamten aus verschiedenen Ländern zum festen Bestandteil der Tätigkeit der Organisation geworden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Forschung besteht in diesem Artikel darin, die konzeptionellen und praktischen Fragen der internationalen Friedenssicherung zu untersuchen, deren Wichtigkeit offensichtlich ist. Das Konzept und die Prinzipien der Friedenssicherung wurden charakterisiert. Die Polizei-Komponente wurde im Rahmen der UN-Friedensmissionen analysiert. Die Rolle und der Platz von Polizisten im Institut für Friedenssicherung sind in der heutigen Phase definiert. Aus praktischer Sicht werden die Bedeutung der geschlechterperspektive, die Rolle und der Beitrag von Frauen zu den UN-Friedensmissionen aufgezeigt. Außerdem wurden die Empfehlungen und die Vorschläge zur Analyse und möglichen Berücksichtigung von Reformen geprüft, um eine wirksamere Entsendung internationaler Friedenssicherungsmissionen zu gewährleisten und die wachsende

Dissonanz zwischen den Erwartungen des Sicherheitsrats und dem, was die Friedenssicherung tatsächlich erreichen kann, zu beseitigen.

Stichwörter: *Friedenssicherung, Friedenssicherung, Friedensmission, Polizei, Geschlecht, Konflikt, Frauenrolle, Rechtsgrundlage, UN, internationale Beziehungen, politische Auseinandersetzungen, bewaffnete Auseinandersetzungen.*

Das strafrechtliche Konzept der «Umweltverschmutzung»: die Zusammensetzung des Verbrechens, die Handlung, die Art und Weise oder die Folgen seiner Begehung

Dubovik O.L.

Ziel: *der Inhalt und die Bedeutung des Konzepts der «Verschmutzung» in den Normen von Kapitel 26 «Umweltverbrechen» des Strafgesetzbuches zu analysieren.*

Methodologie: *analyse, interpretation, rechtsvergleichende methode.*

Schlussfolgerungen. *Das Konzept der «Verschmutzung» wird im Text des Strafrechts verwendet, um die Elemente von Verbrechen anzuzeigen, die in komplexe Objekte eingreifen – die Umwelt und ihre Komponenten, sowie um die Zeichen der objektiven Seite – die Methode der Begehung des Verbrechens und ihre Folgen.*

Verschmutzung ist der Prozess der Emission von Schadstoffen, Materialien, Abfällen in die Umwelt (Gewässer, Atmosphäre, Boden) und anderer schädlicher Effekte (thermische, strahlende). Als Ergebnis können Chemikalien oder unnatürliche Substanzen und Materialien in Luft, Wasser, Boden, Pflanzen auftreten, die die festgelegten Standards überschreiten. Sie können auch die üblichen Indikatoren der Umweltkomponenten ändern.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die Anwendung der Normen der Artikel 246–252, 261 SGB der RF erfordert, unterschiedliche Schattierungen der Bedeutung des Begriffs «Verschmutzung» zu verstehen; die Anforderungen der Umweltgesetzgebung zu berücksichtigen; technisch komplexen Methoden zur Sammlung und Sicherung von Beweisen zu verwenden.*

Die Definition von «Verschmutzung» trägt zur Lösung des Wettbewerbs Allgemeiner und Besonderer Strafrechtlicher Verbote und zur Verbesserung der Effizienz des Allgemeinen Präventiven Strafrechts bei.

Stichwörter: *Umweltverschmutzung, Verantwortung, Umweltkriminalität, Schaden.*

Internationale Erfahrung bei der Kriminalisierung der illegalen Einwanderung und die Grenzen (Umfang) seiner Umsetzung im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation

Konyakhin V. P.,

Knyazkina A.K.,

Gigineishvili M.T.

Ziel: *ist Erarbeitung theoretisch fundierter Vorschläge zur Optimierung des Mechanismus zur Umsetzung der internationalen Erfahrungen bei der Kriminalisierung der illegalen Einwanderung in das Strafgesetzbuch der Russischen Föderation.*

Methodologie: *allgemeine wissenschaftliche Dialektik sowie privatwissenschaftliche Erkenntnismethoden – formell-rechtliche, rechtsvergleichende, rechtshistorische und konkret-soziologische.*

Schlussfolgerungen. *Die Fälle von Inkonsistenz der Normen des internationalen und russischen Strafrechts wurden festgestellt, die die Verantwortung für Straftaten im Zusammenhang mit illegaler Migration begründen. Konkrete Maßnahmen wurden vorgeschlagen, um diese Normen miteinander in Einklang zu bringen, da die entsprechenden Normen auf internationaler Ebene klarer formuliert und auf nationaler Ebene maximal reflektiert werden.*

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. *Die erzielten Ergebnisse vertiefen und konkretisieren die theoretischen Konzepte der Korrelation zwischen internationalem und russischem Strafrecht sowie den Mechanismus für die Umsetzung internationaler Verträge im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation.*

Der angewandte Wert der Ergebnisse liegt in der Möglichkeit ihrer Verwendung in der Gesetzgebung und in der Strafverfolgung sowie im Bildungsprozess der Rechtsschulen des Landes bei der Vermittlung von Strafrecht und internationalem Strafrecht.

Stichwörter: *Migration, illegale Migration, Kriminalisierung, Einfuhr von Migranten, Grenzen, Umsetzung, Strafgesetzbuch, internationaler Vertrag, grenzüberschreitende Kriminalität, organisierte Kriminalität, Flüchtlinge.*

Theoretische Aspekte der Währungskriminalität als eine eigenständige Straftatengruppe

Pechegin D.A.

Ziel: um die separaten Parameter der Währung des Verbrechen zu identifizieren.

Methodologie: analyse, synthese, abzug, formell-rechtliche methode.

Schlussfolgerungen. Man kommt zu dem Schluss, dass die Zeichen der Währungskriminalität vor allem sind: ein besonderes Thema von Verbrechen in Form von Banknoten, Fremdwährungs- und Währungswerten, ein spezifisches Objekt (Beziehungen im Zusammenhang mit Währungsregulierung und-Kontrolle). Die Notwendigkeit, Währungskriminalität als unabhängige Unterart der Wirtschaftskriminalität zu unterscheiden, wurde unterstützt.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Identifizierung einzelner Parameter der Währungskriminalität ermöglicht es, heterogene Verbrechen von Kapitel 22 des Strafgesetzbuches der Russischen Föderation zu einer Gruppe zu kombinieren und Ansätze zur Bekämpfung davon zu individualisieren.

Stichwörter: Wirtschaftskriminalität, Währungskriminalität, Währungsverbrechen, kriminologische Aspekte der Währungskriminalität.

Kriterien für die Bewertung der Mordrate (Homizid) in der internationalen Praxis

Steshich E.S.

Ziel: ein Vergleich der Ansätze zur Bestimmung der Mordrate in der russischen und der internationalen Praxis.

Methodologie: ist durch einen umfassenden Ansatz und Systemanalyse in Verbindung mit solchen wissenschaftlichen Methoden der wissenschaftlichen Erkenntnis definiert, wie: Vergleich, Aufstieg vom abstrakten zum konkreten, Modellierung, historische Methode, Analyse und Synthese, Induktion und Deduktion.

Schlussfolgerungen: bei der Berechnung der Anzahl der Morde sollte von den Bestimmungen der internationalen Klassifizierung von Verbrechen für statistische Zwecke, wo sich auf vorsätzlichen (absichtlichen) Mord ein Angriff mit schweren folgen in Form von Tod bezieht, der einen illegalen Todesfall darstellt, die mit dem Bewusstsein der Wahrscheinlichkeit von Eintritt des Todes oder von Schädigung der schweren Verletzungen begangen wird. Das heißt, die Toten nach Art. 105–108 des Strafgesetzbuches, sowie die Toten durch andere vorsätzliche Übergriffe, müssen berücksichtigt werden (in Erster Linie Teil 4 Art. 111 des Strafgesetzbuches). Dies wird die Übereinstimmung der Mordrate in Russland mit den akzeptierten internationalen Standards sicherstellen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung: es wird gezeigt, dass einheitliche statistische Standards für die Bewertung der Tötungsrate auf nationaler und internationaler Ebene sinnvoll sind.

Stichwörter: Mord, Homizid, Bewertungskriterien, internationale Standards.

Psychologische und linguistische Bedingtheit der extremistischen Propaganda

Ovchinnikova E.O.

Ziel: ist die Forschung der Methoden und Prinzipien der Propaganda der extremistischen Ideologie innerhalb verschiedener sozialer Gruppen. Auch ist das Ziel die Ermittlung der Faktoren, die dazu führen, dass Menschen sich für extremistische Aktivität interessieren anfangen und bereit werden, zur Entwicklung dieser Aktivität beizutragen.

Methodologie: deduktion und Induktion, soziologische Methode, Methode der linguistischen Analyse, analytisch-synthetische Methode, Vergleich.

Schlussfolgerungen. Die Epoche des Internets zeichnet sich durch die relative Transparenz und Verfügbarkeit von Daten im globalen Informationsraum. Es gibt auch eine verminderte Kontrolle über die Art und Qualität dieser Daten. Einerseits aufgrund es der Menge der Materialien, ihrer Abwechslung sowie der Geschwindigkeit ihrer Erscheinung und Verbreitung. Andererseits befindet sich das System der staatlichen und nichtstaatlichen Institutionen, die eine solche Kontrolle ausüben, in der Konstituierungsphase. Der diffuse Zustand der Inhaltsregulierung schafft günstige Bedingungen für extremistische Vereinigungen, um sich mit Propagandaarbeit zu beschäftigen und neue Anhänger zu rekrutieren. Die Mechanismen der Bildung und Verbreitung von extremistischen Materialien werden dabei verwendet, die eine vorgesehene Reaktion von den Empfängern gewährleisten. Allerdings können die negativen Folgen dieses destruktiven Phänomens reduziert und/ oder verhindert werden, wenn man die technische und psychoemotionale Seite der Arbeit dieser Mechanismen untersucht.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. besteht darin, die Kausalität von der Erscheinung der Empathie einer Person für extreme Ansichten und für die Anwendung radikaler Maßnahmen bei der Lösung sozio-politischer und häuslicher Fragen zu ermitteln. Die Bedrohung durch Extremismus ist ein aktuelles Problem für die gesamte

Gesellschaft, so dieser Artikel für alle Menschen nützlich sein kann, die sich mit diesem Thema befassen und mehr über die Verbreitung potenziell extremistischer Materialien erfahren möchten.

Stichwörter: Extremismus; Propaganda; suggestive Linguistik; Psychologie; Internet-Technologie; Proteste; Rekrutierung; Jugendstraftaten; Massenmedien; politisches System; gesellschaftliche Vereinigungen; Destabilisierung der Gesellschaft.

Mittel zur Korrektur von Verurteilten und ihre individuellen Merkmale: einige theoretische und rechtliche Probleme der Wechselbeziehung

**Skiba A.P.,
Rodionov A.V.,
Maloletkina N.S.**

Ziel: um eine Reihe von Problemen bei der Regulierung der Sachmittel der Korrektur der Verurteilten zu identifizieren (die Ausführung bestimmter Arten von Strafen wird tatsächlich ohne Berücksichtigung der meisten individuellen Merkmale der Verurteilten durchgeführt, es gibt keine Maßnahmen zur Förderung und Einziehung der Verurteilten, die einige Strafen dienen, etc.) und auf die Probleme der Korrekturwirkung in Bezug auf ihre einzelnen Kategorien kranke Verurteilte mit einer Störung der sexuellen Identifikation, etc.) zu betonen.

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, die rechtsvergleichende Methode.

Schlussfolgerungen. Die Regelung der Korrektur ist fragmentarisch, wenn für eine beträchtliche Anzahl von Verurteilten zu verschiedenen Strafen (insbesondere nicht im Zusammenhang mit der Isolation von der Gesellschaft) die Anwendung bestimmter Mittel der Korrektur, sowie die durch psychologische und medizinische Hilfe und religiöse Erziehung ergänzt werden sollen. Im Allgemeinen ist eine umfassende Regelung und Anwendung der Mittel der Korrektur der Verurteilten im Zusammenhang mit der Berücksichtigung ihrer individuellen Merkmale überhaupt nicht vorgesehen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Untersuchung der gesetzlichen Regelung der Mittel der Korrektur der Verurteilten, nach der Lösung der theoretischen und rechtlichen Probleme, die mit der Verbesserung der einschlägigen Rechtsnormen im Strafgesetzbuch der Russischen Föderation verbunden sind.

Stichwörter: Mittel zur Korrektur der Verurteilten, individuelle Merkmale der Verurteilten, kranke Verurteilte, Verurteilte mit einer Störung der sexuellen Identifikation.

Zum Jubiläum des Wissenschaftlers, Staatsmannes und Persönlichkeit des öffentlichen Lebens, Igor Ivanovich Rogov

**Zaitsev O.A.,
Matskevich I.M.,
Lebedev M.V.**

Am 17. Mai 2020 feierte Igor Ivanovich Rogov sein 70-jähriges Jubiläum. I.I. Rogov ist der berühmte Staatsmann, Persönlichkeit des öffentlichen Lebens, Verdienter Arbeiter der Republik Kasachstan, ein wunderbarer Lehrer, Leiter, talentierter Wissenschaftler, Doktor der Rechtswissenschaften, Professor, Akademiemitglied der Akademie der Sozialwissenschaften Kasachstans.

Der Artikel enthält einen kurzen Überblick über den beruflichen und wissenschaftlichen Weg eines bekannten Spezialisten auf dem Gebiet des Strafrechts, der Kriminologie und des Verfassungsrechts. Die wissenschaftliche und die Fachwelt gratuliert I.I. Rogov und stellt seinen bedeutenden Beitrag zur Entwicklung der juristischen Wissenschaft und große Verdienste bei der Bildung der verfassungsrechtlichen Legitimation der Republik Kasachstan fest.

Stichwörter: Republik Kasachstan, Verfassung, Verfassungsrat, Verfassungsforum, Rechtswissenschaft, Verfassungsrecht, Strafrecht, Kriminologie, Korruption, Politik.

Leitlinien für das Strafrecht: Hintergrund der Entwicklung, der Prototyp des Allgemeinen Teils des ersten Strafgesetzbuches der RSFSR, der Wert (zum 100-Jahr-Jubiläum der Verabschiedung)

**Chuchaev A.I.,
Gracheva Yu.V.,
Malikov S.V.**

Ziel: der Artikel widmet sich der Analyse der konzeptionellen Grundlagen der Entscheidung des Volkskommissariats der Justiz der RSFSR vom 22. Dezember 1919 «die Leitprinzipien des Strafrechts der RSFSR», die Autorschaft des

Dokuments und seine Struktur. Die wichtigsten Bestimmungen der Leitprinzipien ihre Beziehung zu ähnlichen Bestimmungen des Allgemeinen Teils des Strafgesetzbuches der RSFSR von 1922 werden ebenfalls beschrieben und relevante strafrechtliche Ansichten 1917–1922 werden aufgeklärt. Der Wert der angegebenen Resolution für die Weiterentwicklung der sowjetischen Strafrechtsgesetzgebung und Strafrechtstheorie wird definiert.

Methodologie: dialektische Methode, Analyse, Synthese, Deduktion, formell-rechtliche Methode, Systemmethode, Methode der intersektoralen Rechtsforschung.

Schlussfolgerungen. Die Leitprinzipien waren ein Versuch des Volkskommissariats der Justiz der RSFSR, die Normen des Allgemeinen Teils des Strafrechts zu systematisieren, die als Ergebnis der Normsetzung in den ersten Jahren der Sowjetmacht entwickelt wurden. Es basierte auf dem Klassenansatz, der sich am deutlichsten in der Definition des Verbrechensbegriffs und der Aufgaben des Strafrechts manifestierte. Der Hauptzweck dieses Gesetzes war es, die strafrechtliche Verantwortung für Verbrechen festzulegen, um die Situation im Staat und in der Gesellschaft zu stabilisieren. Zu dieser Zeit war die Entwicklung des Strafrechts von Überlegungen bestimmt, die nicht so sehr von einer strategischen Kriminalpolitik als von einer taktischen Überlebenspolitik diktiert wurden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Autoren präsentierten zum ersten Mal einen umfassenden Überblick über die Leitprinzipien. Sie werden in der Analyse ihrer Vorgeschichte und in der Festlegung einer Beziehung zwischen den Leitprinzipien und dem Allgemeinen Teil des Strafgesetzbuches der RSFSR 1922 aus der Perspektive des Problems der Kontinuität der Grundbestimmungen erhalten. Der Wert der Leitprinzipien wird auch definieren.

Stichwörter: Resolution, Volkskommissariat der Justiz der RSFSR, Leitprinzipien, Struktur, Einführung als besonderes Strukturelement, Verbrechen, Schuld, Strafe, soziale Schutzmaßnahmen, Strafgesetzbuch der RSFSR 1922.

Die Gewährleistung der wirtschaftlichen Sicherheit des Staates durch die Behörden für inneren Angelegenheiten der Russischen Föderation

Skurtul A.A.

Ziel: die aktuellen Probleme der Gewährleistung der wirtschaftlichen Sicherheit des Staates durch die Behörden für inneren Angelegenheiten der Russischen Föderation zu prüfen und zu analysieren und die Wege ihrer Lösung vorzuschlagen.

Methodologie: dialektische Methode, formell-logische Methode, systemische Methode, Analysetechniken, Synthese, Deduktion.

Schlussfolgerungen. Die Gewährleistung der wirtschaftlichen Sicherheit des Staates ist eine der wichtigsten Aufgaben, die allen staatlichen Strukturen gegenüberstehen. Eine Schlüsselrolle bei der Lösung dieser Aufgabe spielen die Behörden für inneren Angelegenheiten der Russischen Föderation. In der wissenschaftlichen Welt gibt es verschiedene Meinungen und Ansichten über den Begriff und Inhalt der wirtschaftlichen Sicherheit. Trotz der unterschiedlichen Meinungen von Wissenschaftlern und Praktikern sind sie alle einig, dass Wirtschaftsverbrechen zu den wichtigsten Quellen gehören, die die wirtschaftliche Sicherheit des Landes gefährden. Um die wirtschaftliche Sicherheit des Staates zu gewährleisten, ist es erforderlich, einen modernen adäquaten Mechanismus zur Bekämpfung der Wirtschafts- und Steuerkriminalität zu entwickeln. Der Realismus des vorgeschlagenen Mechanismus beinhaltet die Verwirklichung einer Reihe von organisierten, normativen und rechtlichen organisatorischen und anderen Maßnahmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die durchgeführte Analyse hat das Vorhandensein von wesentlichen Problemen auf dem Gebiet der Gewährleistung der wirtschaftlichen Sicherheit des Staates gezeigt. Problematische Aspekte der Bekämpfung der Wirtschaftskriminalität werden offenbart. Die vorgelegten Vorschläge können von den Leitern und den Mitarbeitern der Behörden für inneren Angelegenheiten in der praktischen Tätigkeit nach der Bekämpfung der Verbrechen der wirtschaftlichen Orientierung verwendet werden.

Stichwörter: wirtschaftliche Sicherheit, die Organe der inneren Angelegenheiten, Branchen und Bereiche der Wirtschaft, Wirtschaftskriminalität, Verbrechen der wirtschaftlichen Ausrichtung.

Die kriminologische Eigenschaft des Betrugs im Bereich der Computerinformationen

Vorobyova M.S.

Ziel: den Betrug im Bereich der Computerinformationen aus dem Blickwinkel Kriminologie zu beschreiben und die Möglichkeiten vorzuschlagen, sich davor zu schützen.

Methodologie: Analyse, Deduktion, Induktion, empirische Methoden: Vergleich, Beschreibung, Interpretation, formell-rechtliche Methode.

Schlussfolgerungen. Der Betrug im Bereich der Computerinformationen verursacht Meinungsverschiedenheit sowohl in der Wissenschaft als auch auf dem Gebiet der Rechtsanwendung. Ein solches Verbrechen äußert sich in verschiedenen Formen. Es hat aber ein obligatorisches (typisches) Merkmal, das es von ähnlichen Straftatbeständen unterscheidet. Das ist vor allem die Weise, wie das Verbrechen begangen wird – der Missbrauch von den Computerinformationen als der Diebstahl des Eigentums oder des Rechts darauf. Um den Betrug im Bereich der Computerinformationen zu verhindern, ist es nötig, die Kompetenz der Bürger auf dem Gebiet des Computerschutzes zu erhöhen. Außerdem sollen die erfolgreich aufgeklärten Betrugsfälle in den Massenmedien weit erläutert werden.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Der Betrug im Bereich der Computerinformationen ist eine Diskussionsfrage und in dieser Forschungsarbeit wird die Analyse verschiedener Standpunkte und der Rechtsgrundlage durchgeführt, auf deren Grund der praxisorientierte Ansatz zum Verständnis des Betrugs im Bereich der Computerinformationen formuliert wird. In dieser Arbeit findet man auch die jedem Bürger zugängliche Schutzmittel gegen den Betrug im Bereich der Computerinformationen heraus.

Stichwörter: Betrug, Internetkriminalität, Kriminologie, Computerinformationen, Verbrechen, Verbrecher, Opfer, Informationstechnologie, Verbrechensbekämpfung, Computersystem.

Die Erklärung des Hitlerismus

Antonyan Yu.M.

Ziel: die richtigen Ursachen des Hitlerismus (Nazismus) in Deutschland aus historischer, soziopsychologischer, soziologischer, politischer, ideologischer Sicht zu zeigen.

Methodologie: Deduktion, formell-rechtliche Methode, historische Methode, Vergleich der Tatsachen der Entwicklung des Nationalsozialismus in Deutschland und in Europa aus den angegebenen Sichten.

Schlussfolgerungen.

Hitlerismus (Nazismus) ist ein unvermeidliches Phänomen für Deutschland aufgrund der Ideen der Mehrheit der deutschen Bevölkerung über die ausschließliche Rolle ihres Landes.

Hitlerismus (Nazismus) ist ein Produkt der Menge, die der intellektuell schwächste, leichtgläubigste Teil des deutschen Volkes gilt und für die einfachsten Entscheidungen anfällig ist.

In der Geschichte Deutschlands gab es einen sehr wichtigen Archetyp eines Führers, dem man fraglos gehorchen soll.

Ideologie in Deutschland wird schnell zur materiellen Macht.

Hitlerismus (Nazismus) ist eine Regression in die Antike, zu den Wurzeln der Geschichte, in der nationale Archetypen ihre Gestalt annehmen.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Das Studium der Ursachen des Hitlerismus hat einen rein wissenschaftlichen (historischen, psychologischen, rechtlichen, soziologischen) und rein praktischen Wert, da es helfen soll, solche katastrophalen Prozesse in Zukunft zu verhindern.

Stichwörter: Hitlerismus, Nazismus, Nekrophilie, Archetypen, Menge, Messias, Führer, Angst, Wolf, Meister, Kult der Persönlichkeit.

Aktuelle Probleme der Vorbeugung von Jugendkriminalität (der Runde Tisch)

Skiba A.P.,

Nystratova I.S.,

Karhanina L.V.

Ziel: eine grundlegende Analyse der Praxis der Anwendung des Gesetzes über die Grundlagen der Kriminalprävention in der Russischen Föderation zu liefern.

Methodologie: eine Reihe von methodischen Ansätzen, bei denen Deduktion, Induktion, Analyse, Synthese, rechtliche Vergleichsmethode, Übersetzungsmethode und Verarbeitung des Protokolls der Sitzung verwendet werden.

Schlussfolgerungen. Aufgrund der verschiedenen Standpunkte werden folgende Schlussfolgerungen gezogen: 1) das Gesetz ist so gestaltet, dass es praktisch nicht angewendet wird; 2) das Gesetz ist schwach korreliert mit anderen Regulierungsgesetzen und vor allem mit denen, die mit den Fragen der Verbüßung der Strafe von

Verurteilten verbunden sind; 3) In anderen Ländern, einschließlich Ländern im postsowjetischen Raum, gibt es solche Gesetze, und es ist wichtig, Interaktionen zur Verhinderung von Straftaten zusammenzuarbeiten. 4) Einige gesetzgeberische Konstruktionen des Gesetzes sind jedoch nützlich und gut beschrieben. 5) Die bestehende tatsächliche Straftat unterscheidet sich grundlegend von der registrierten Straftat, und das Gesetz reagiert nicht auf diese Situation.

Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung. Die Bedeutung der geführten Diskussion wird vor allem durch das allgemeine Verständnis aller Beteiligten bestimmt, wonach die Überwachung der Durchsetzung des Gesetzes über die Grundlagen des Präventionssystems fortgesetzt werden soll.

Stichwörter: Straftat, Kriminalität, Verantwortung, Rückfall, Viktimologie, System, Prävention, Strafverfolgung, Resozialisierung, Registrierung, Statistik, Latenz.

ANNOTATIONS AND KEYWORDS

Innovative education at the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot'

Kalinichenko I.A.

The article considers the information and educational environment and innovative educational space of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikot', their integration, modernization and improvement, as elements that make up the educational complex of the university and provide innovative education. At the same time, the article examines the essence of innovative education, and also offers an author's definition of this concept.

Keywords: information and educational environment, innovative educational space, integration, innovative education, student, higher education.

Modern problems of categorization of crimes depending on their severity

Kadnikov N.G.

Mission: to analyze changes in the criminal law institute of crime categorization from the point of view of the criminal law doctrine and legislative novelties. To pay attention to the discrepancy between the novelties of criminal law and the principle of system and differentiation of responsibility.

Methodology: dialectics, analysis, deduction, formal legal method, comparative legal method.

Conclusions. Categorization of crimes is one of the most important institutions of modern criminal law in the Russian Federation. It allows many institutions of the General part of criminal law to be built in strict accordance with scientific criteria. However, in recent years, there has been a noticeable trend of the legislator's departure from the use of categorization of crimes, and the addition of the criminal law with rules that are not related to the differentiation of crimes into categories depending on their severity.

The addition of article 15 of the Criminal Code of the Russian Federation (CC RF) by the sixth part, according to which taking into account the actual circumstances of the offense and the degree of its public danger, the court may in the presence of mitigation of punishment and in the absence of aggravating circumstances change the category of crimes less serious, but no more than one category of crimes under specified in the law, does not meet the Doctrine of criminal law and puts the court's decision above the position of the legislator.

The stages of changing the category of medium-gravity crimes in relation to sanctions for negligent crimes show that the novelties were adopted without proper discussion and actually equate the medium-gravity crimes with the serious ones. Changes in the criminal law institute for categorizing crimes have been made in many criminal law institutions.

The inclusion of negligent crimes in the category of serious crimes, and in some cases in the category of particularly serious crimes, violates the principle of differentiation of responsibility at the legislative level.

It should be recognized that although significant changes were made to the categorization institute, the legislative decisions adopted did not have much significance. The prevailing view among lawmakers was that tougher penalties for negligent crimes that caused death would help to reverse the situation. However, tougher penalties do not always improve the situation in countering crime.

In the General part of the Criminal Code, such changes in the institute of categorization have not yet been reflected. This applies to such important articles as article 69 of the CC RF (Sentencing for multiple offenses), article 73 of the CC RF (Suspended sentence), etc. Changes are not taken into account in the category of serious crimes in relation to articles 58 (Assignment of a kind of correctional facility to a condemned to imprisonment), 79 (Conditionally-early release from punishment) and 80 (Replacement of a more lenient punishment) of the CC RF.

Nevertheless, the institution of categorization of crimes continues to be one of the most important legal tools for building other norms and institutions of criminal law.

The most important issue that is already being discussed in the State Duma of the Russian Federation is the inclusion of such category of acts as criminal misconduct in the categorization of crimes.

Scientific and practical significance. The significance of the scientific article lies not only in determining the importance of the criminal law norms that determine the categories of crimes depending on their severity and their criminal legal significance, but also in the negative perception of ill-considered decisions to change the criminal law.

Keywords: *Criminal Code of the Russian Federation, categories of crimes depending on their severity, system of criminal law.*

Cryptocurrency Bribe Taking: Qualification Issues

Kachalov V.V.

Mission: *to analyze the possibility of recognizing cryptocurrency as a subject of bribery.*

Methodology: *historical, formal legal methods, comparative analysis, deduction.*

Conclusions. *In modern conditions, cryptocurrencies are widely used in the commission of various crimes. There is no doubt the possibility of using cryptocurrencies when giving or receiving a bribe. The current criminal law now, without any changes and additions, allows you to assign cryptocurrency to the subject of the bribe and attract people who take it or give it for receiving or giving a bribe. From the position of qualification of the subject of a bribe, cryptocurrency can be attributed to other property. Receiving a cryptocurrency as a bribe should be recognized as a completed crime from the moment when the official had a fundamental opportunity to use or dispose of this cryptocurrency at his discretion.*

Scientific and practical significance. *The proposed approach to the evaluation of cryptocurrencies as a subject of a bribe can be used in relation to the subject of other crimes. The recommendations presented can be used to improve law enforcement practice.*

Keywords: *Bitcoin, cryptocurrency, subject of a bribe, bribery, other property, property rights, digital rights.*

The value of beneficial relationships in the mechanism of counteraction criminal bankruptcies: enforcement issues and improvement of the legislation

Zhilkin M.G.,

Zemtsova A.V.

Mission: *improvement of the mechanism of criminal prosecution liability of beneficial owners of companies involved in criminal bankruptcies.*

Methodology: *dialectical method, formal logical method, methods of analysis, synthesis.*

Conclusions. *In the context of improvement of criminal law on responsibility for bankruptcy crimes the establishment of beneficial relationships and their impact on achievement of a criminal result is essential. In this regard, it is proposed to add criminal law with a statutory provision provided the possibility of exemption for an offender from criminal liability for committing a crime for the first time in the field of entrepreneurship in case if he or she helps to identify the person who actually performs managerial functions in an organization or a person in whose interests this activity is carried out, and also discloses information about their property (income), the value of which allows to ensure real compensation for the damage caused by a crime.*

Scientific and practical significance. *Conclusions and offers, set out in the article can be used both in the rulemaking, and in law enforcement with the goal of improving the criminal law mechanism of counteraction to criminal bankruptcies and other business crimes in which beneficial relationships are involved.*

Keywords: *beneficiary, criminalization, criminal bankruptcy, tax crimes, criminal exemption liability, entrepreneurship, damage.*

On the system of Forensic technology as a section of Forensic science

Chulakhov V.N.

Mission: *consider the system of forensic technology as one of the forensic science. To analyze its content from the point of view of the current state of forensic science and practice, in particular, forensic doctrine of human skills and habits.*

Methodology: *dialectics, analysis, deduction, system-structural approach, system-legal method.*

Conclusions. *The modification of crime, and with it the emergence of new means and methods of combating it, contribute to the formation of new forensic knowledge, requiring its ordering and distribution. Today, several branches have been formed in the structure of Forensic technology that are devoted to the investigation of traces of crimes resulting from a person's manifestation of his skills: writing (judicial Handwriting), written language (judicial Auto-science) and spoken language (judicial Phonoscopy). Reflections of some skills are considered in other branches of Forensic technology along with other traces, in particular, traces of gait in Traceology, criminal*

skills in Forensic registration. This system was built depending on the type and characteristics of the traces formed in the process of committing crimes, as well as the methods of their investigation, and not on the tracing properties of a person. Therefore, the mapping of different skills is studied separately, without any connection with each other. The identification and clarification of the laws governing the influence of human skills on the development of crime, the use of data about them in the investigation process can be successful only if these personality traits are identified as an independent object of research. That leads to the need for isolation, consolidation of all theoretical and factual knowledge in this area within one section of the forensic technique. This section is proposed to be called «Forensic research of human skills and their images». The systemic basis for this is that all skills, whatever they may be and in whatever type of activity they are formed, have the same psychophysiological nature, which determines the complexity of the study of these human properties together with their reflections.

Scientific and practical significance. The significance of this scientific article lies in the justification of the proposal to form the section «Forensic research of human skills and their mappings» in the system of forensic technology, combining all currently available forensic knowledge about human skills and recommendations for collecting and researching data on them in the detection and investigation of crimes. The structure of the new section is proposed.

Keywords: forensic science, general theory, forensic taxonomy, structure, forensic technology, skills, investigation, crime, backbone ties, section, industry.

Criminal law fictions in the operational-search legislation

Shkabin G.S.

Mission: to identify the norms and concepts of a criminal law nature, which have been enshrined in the operational-search legislation and the science of operational-search activity; make suggestions on eliminating existing problems and improving intersectoral relations of criminal law and operational-search activities.

Methodology: general scientific methods – system analysis and dialectic method; special scientific methods – legal comparison, formal logical, sociological. The listed methods in their unity made it possible to conduct a comprehensive analysis of criminal legal fictions in operational-search activities.

Conclusions. Operational-search legislation and the science of operational-search activity use the norms and concepts, which are criminal law in essence. However, due to the sectoral inconsistency, they do not receive implementation in law enforcement activities, and also introduce destructiveness into the nature of intersectoral relations of criminal law and operational-search activities. The analysis and the proposals that were made allow us to determine the main directions for improving these relations.

Scientific and practical significance. The theoretical significance lies in the fact that the identified problems and the proposed solutions are expanding the scope of knowledge of the two sciences; they develop ideas about the legislative technique and the doctrinal conceptual apparatus. Practical significance is expressed in the possibility of using the actual proposals in lawmaking and management activities of the internal affairs bodies.

Keywords: fiction, criminal law, investigative activities, intersectoral relations, lawful infliction of harm, circumstances precluding criminal acts, exemption from criminal liability.

Qualified types of “smuggling” crimes in the criminal legislation of the Russian Federation

Azarenkova E.A.,

Prikhodko N.Yu.

Mission: to consider and justify proposals to amend and supplement some qualifying and especially qualifying signs of “smuggling” crimes (articles 200¹, 200², 226¹, 229¹ of the Criminal Code of the Russian Federation).

Methodology: the authors used general scientific methods: analysis and synthesis, the dialectical method; special scientific methods: historical-legal method, legal comparison method.

Conclusions. In their study the authors tried to justify the proposed changes to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, establishing liability for smuggling. The following should be installed:

- 1) qualifying signs of smuggling: the commission of a crime by «a group of people by preliminary conspiracy», «by an official» or «using official position», «using violence against a person exercising customs or border control»;
- 2) a particularly qualifying attribute is the commission of smuggling an organized group.

The proposed changes and additions are based on a theoretical analysis of scientific research and judicial practice in cases of smuggling, which allows us to express the idea of the unification of domestic legislation in this area.

Scientific and practical significance. *The proposed study was aimed at studying some of the problems of qualification of crimes under Art. 200¹, 200², 226¹, 229¹ of the Criminal Code of the Russian Federation. The theoretical conclusions obtained are supported by practical examples, which allows us to eliminate some gaps in the legislation of the Russian Federation and determines the practical and scientific significance of the study. The results obtained in this work can become the basis for a new research.*

Keywords: *qualification of crimes, smuggling, official, official position, Eurasian Economic Union, group of people, preliminary conspiracy, customs control, qualifying attribute.*

On the status of employees of private military and security companies in armed conflicts

Puzyreva Yu. V.

Mission: *world events of the late XX – early XXI century have created new challenges and threats to the modern security system and significantly changed the nature of armed conflicts. The trends of privatization and hybrid warfare have determined the steady formation of a system of new actors in the form of private military and security companies (PMSCs), which have become an integral part of many military operations. Their services are diverse and, undoubtedly, extensive, ranging from technical, security and logistics, to military consultation, intelligence gathering and direct involvement in hostilities. Currently, the services of such companies are available to all states and international organizations, non-governmental associations, commercial organizations, humanitarian organizations, and even private individuals, including criminal and terrorist organizations.*

Nevertheless, with such widespread use of PMSCs in armed conflicts, the uncertainty of their international legal status and the uncontrolled use of such actors by various entities, including non-state entities, raise a number of problems that should be addressed directly by states and international organizations. The article examines the indisputable facts of the involvement of PMSCs in contemporary armed conflicts and legal conflicts related to the lack of direct regulation of their status by the current norms of International humanitarian law.

Methodology: *dialectical method, analysis, synthesis, deduction, formal legal method, system method, method of intersectoral legal research.*

Conclusions. *Currently, the tendency for the presence of PMSCs in zones of armed conflict and post-conflict peacebuilding has been clearly defined, accompanied by a lack of legal regulation of the status of such entities as general norms of International humanitarian law, and special acts regulating the issues of the activities of such organizations and determining the legitimacy of their involvement to provide a wide range of services, including the military sphere.*

With the goals of eradicating human rights violations and ensuring security in situations of large-scale and uncontrolled participation of PMSCs in armed conflicts, the implementation of the institution of individual criminal responsibility and corporate responsibility for illegal activities, as well as with the goals of regulating, monitoring and controlling the functioning of PMSCs, states need to combine as never before their efforts and achieve a compromise on the adoption of the International Convention on the Regulation of PMSCs. It is no longer possible to leave this relevant sphere of the modern world unregulated externally.

Scientific and practical significance. *A study of the international legal regulation of the activities of PMSCs in armed conflicts has revealed some legal collisions and gaps in the regulation of the status of employees of such companies in accordance with International humanitarian law. From a practical point of view, the resolution of identified legal gaps will ensure the legitimacy and proper regulation of PMSC activities.*

Keywords: *private military and security companies, armed conflicts, International humanitarian law, participants in hostilities, mercenaries, combatants, civilians, Human rights, regulation of activities.*

United Nations peacekeeping as an effective instrument for maintaining international peace and security

Mudrov N. M.

Scientific Adviser:

Puzyreva Yu. V.

Mission: *in the article current issues of international peacekeeping in modern conditions at all levels (regional, interregional and universal) are discussed. These issues are of great importance. The peacemaking process is the basis of diplomatic dialogue between states, as well as various international and political associations. The main organization engaged in peacekeeping is the United Nations (hereinafter referred to as the UN). In the 21st century the UN continues to promote the establishment of a just and reasonable international political and economic order, defining international legal criteria and legal norms for preservation and maintenance of international peace and order,*

ensuring the right path to lasting peace and global security. The formation of UN peacekeeping practice took place in the context of the implementation of military tasks to ceasefire, restore law and order in conflict zones and create conditions for the transition to peaceful means of resolving military disputes. It should be noted that in the XXI century the dynamic development of UN peacekeeping continues to evolve in the context of new reforms and perspectives. They aim to increase the effectiveness of work methods of peacekeeping missions. The contribution of the Russian Federation to the maintenance of international peace and security through participation in UN peacekeeping is important. It is expressed in the global financing of «peacekeeping projects», the annual sending of highly qualified staff to missions, as well as the constant training of candidates for participation in peacekeeping missions from foreign countries on the basis of the All-Russian Institute of Advanced Training of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

Methodology: analysis, synthesis, induction, deduction, formal legal method, systematic method, generalization.

Conclusions. The modern world dictates to the UN the need to change approaches to maintaining law and order. As a result, the participation of police officers from different countries in peacekeeping missions has become an integral component of the Organization's activities.

Scientific and practical significance. The research in this article is aimed at studying the conceptual and practical issues of international peacekeeping, the relevance of which is obvious. The concept and principles of peacemaking are described. The police component in the UN peacekeeping missions is analyzed. The role and place of police officers in the Institute of peacemaking at the present stage is defined. From a practical point of view, the importance of gender aspects, the role and contribution of women in UN peacekeeping missions are revealed. Recommendations and proposals were also considered for analysis and possible consideration in the implementation of reforms to ensure more effective deployment of international peacekeeping missions and to eliminate the growing dissonance between the expectations of the Security Council and what peacekeeping can actually achieve.

Keywords: peacekeeping, peacekeeping operations, peacekeeping mission, police, gender, conflict, role of women, legal framework, UN, international relations, political clashes, armed clashes.

The criminal law concept of «environmental pollution»: the composition of the crime, the act, the method or consequences of its commission

Dubovik O.L.

Mission: analysis of the content and meaning of the concept of “pollution” in the norms of Chapter 26 of the Criminal Code “Environmental Crimes”.

Methodology: analysis, interpretation, comparative legal method.

Conclusions. The concept of “pollution” is used in the text of the criminal law to indicate the elements of crimes that encroach on complex objects – the environment and its components, as well as to indicate the signs of the objective side – the method of committing the crime and its consequences.

Pollution is the process of emission into the environment (water bodies, atmosphere, soil) of harmful substances, materials, wastes, rendering other detrimental effects (thermal, radiative). As a result, chemicals or unnatural substances and materials may appear in air, water, soil, plants exceeding the established standards. They also may change the usual indicators of the environment components.

Scientific and practical significance. The application of the norms of articles 246–252, 261 of the Criminal Code of Russian Federation, requires understanding differences shades of meaning of the concept of «pollution»; taking into account the requirements of environmental legislation; using technically complex methods for collecting and securing evidence.

The definition of «pollution» contributes to solving the issue of competition of General and Special Criminal Law prohibitions and to improving efficiency of General Preventive Criminal Law.

Keywords: pollution, responsibility, environmental crime, damage.

International practice of criminalization of illegal migration and scope of its implementation into the Criminal Code of the Russian Federation

Konyakhin V.P.,

Knyazkina A.K.,

Gigineyshvili M.T.

Mission: development of theoretically substantiated proposals aimed at optimizing the mechanism for implementing the international experience in criminalizing illegal migration into the Criminal Code of the Russian Federation.

Methodology: general scientific dialectic, as well as private scientific methods of cognition – formal legal, comparative legal, historical legal and concrete sociological.

Conclusions: cases of inconsistency of the norms of international and Russian criminal law have been identified that establish responsibility for crimes related to illegal migration. Concrete measures have been proposed to harmonize these norms with each other due to a clearer formulation of the corresponding norms at the international level and their maximum implementation at the domestic level.

Scientific and practical significance. The obtained results deepen and concretize the theoretical concepts of the correlation of international and Russian criminal law, as well as the mechanism for the implementation of international treaties in the Criminal Code of the Russian Federation.

The applied value of the findings lies in the possibility of their use in lawmaking and law enforcement, as well as in the educational process while teaching criminal and international criminal law at law schools all over the country

Keywords: migration, illegal migration, criminalization, import of migrants, limits, implementation, the Criminal Code, international treaty, transnational crime, organized crime, migrants, refugees.

Theoretical aspects of currency crime allocation

Pechegin D.A.

Mission: to identify the separate parameters of the currency of crime.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal legal method.

Conclusions. It is concluded that the signs of currency crime include, first of all: a special subject of crimes in the form of banknotes, foreign currency and currency values, a specific object (relations arising in connection with currency regulation and control). The need to distinguish currency crime as an independent subspecies of economic crime is supported.

Scientific and practical significance. Identification of separate parameters of currency crime will allow combining heterogeneous crimes specified in Chapter 22 of the Criminal code of the Russian Federation into one group and individualize approaches to combat them.

Keywords: economic crime, currency criminality, currency crimes, criminological aspects of currency crime.

Criteria for assessing the homicide rate (homicide) in international practice

Steshich E.S.

Mission: to compare approaches to determining the murder rate in Russia and international practice.

Methodology: defined by a comprehensive approach and system analysis in conjunction with such General scientific methods of scientific knowledge as: comparison, ascent from the abstract to the concrete, modeling, historical method, analysis and synthesis, induction and deduction.

Conclusions: when calculating the number of murders, it is necessary to proceed from the provisions of the international classification of crimes for statistical purposes, where an attack with grave consequences in the form of death, which is an unlawful infliction of death, committed with the awareness of the probability of death or causing serious bodily injury, that is, to take into account the victims under article 105–108 of the criminal code, as well as those who died from other intentional attacks, belongs to deliberate (intentional) murder (first of all part 4 article 111 of the criminal code). This will ensure that the murder rate in Russia complies with accepted international standards.

Scientific and practical significance: the expediency of establishing uniform statistical standards for assessing the murder rate at the national and international level is shown.

Keywords: homicide, homicide, evaluation criteria, international standards.

Psychological and Linguistic Conditionality of Extremist Propaganda

Ovchinnikova E.O.

Mission: to investigate methods and principles of propaganda of extremist ideology within various social groups. To identify factors that make people interested in extremist activities and willing to contribute to the development of these activities.

Methodology: deduction and induction, sociological method, linguistic analysis method, analytical-synthetic method, comparison.

Conclusions. *The Age of the Internet is characterized by relative transparency and availability of data in the global information space. In addition, monitoring of the content and quality of this data is significantly reduced. On the one hand, this is due to the amount of materials, their diversity and the speed of their appearance and distribution. On the other hand, the system of state and non-state institutions responsible for such monitoring is at the stage of formation. The diffuse state of content regulation creates favorable conditions for extremist associations to carry out their agitation and propaganda work and to attract new followers. In this case, they use mechanisms for generating and distributing extremist materials that provide a pre-determined response from the recipients. However, the negative consequences of this destructive phenomenon can be reduced and/or prevented if the technical and psycho-emotional aspects of such mechanisms are properly investigated.*

Scientific and practical significance. *consists in identifying the cause-and-effect relationship of the origin of human sympathy for extreme views and the tolerance of usage of radical measures in solving socio-political and domestic issues. The threat of extremism is a challenging problem that relates to the entire society. Therefore, the article can be useful to all people who are concerned with this problem and who want to learn about the spreading of potentially extremist materials.*

Keywords: *extremism; propaganda; suggestive Linguistics; Psychology; Internet technologies; protests; recruitment; juvenile delinquency; mass media; political system; public associations; destabilization of society.*

Means of convicts' correction and their individual features: some theoretical and legal problems of interrelation

Skiba A.P.,

Rodionov A.V.,

Maloletkina N.S.

Mission: *of the article is to identify a number of problems on regulation of basic means of convicts' correction (execution of certain types of sentences is actually carried out without taking into account most of the individual characteristics of convicts, there are no measures of encouragement and punishment of convicts serving some sentences, etc.) and to focus on the problems of corrective action in relation to their individual categories (sick convicts, convicts with sexual identification disorder, etc.)*

Methodology: *deduction, formal legal method, comparative legal method.*

Conclusions. *The regulation of corrective action is fragmentary, when a significant number of convicts to various types of punishments (especially not related to isolation from society) do not provide the use of certain means of correction, as well as the need to supplement them with psychological and medical care, religious education, and in general, comprehensive regulation and application of means of convicts' correction in the context of taking into account their individual characteristics.*

Scientific and practical significance. *The study of legislative regulation of convicts' means of correction, to address the theoretical and legal problems associated with the improvement of the relevant legal norms in Penal Code of the Russian Federation.*

Keywords: *means of convicts' correction, individual features of convicts, sick convicts, convicts with sexual identification disorder.*

To the anniversary of the scientist, statesman and public figure Igor Ivanovich Rogov

Zaitsev O.A.,

Matskevich I.M.,

Lebedev M.V.

On 17 May 2020, Igor Ivanovich Rogov celebrated his 70th anniversary. I.I. Rogov is a prominent Statesman and Public Figure, Honored Worker of the Republic of Kazakhstan, a wonderful Teacher, Leader, talented Scientist, Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Social Sciences of Kazakhstan.

The article provides a brief outline of the professional and scientific path of a well-known specialist in the field of criminal law, criminology and constitutional law. The scientific and expert community warmly congratulates I.I. Rogov and notes his significant contribution to the development of world legal science and high achievements in the formation of the constitutional legitimacy of the Republic of Kazakhstan.

Keywords: *Republic of Kazakhstan, Constitution, Constitutional Council, Constitutional Forum, legal science, constitutional law, criminal law, criminology, corruption, politics.*

The Guiding principles for Criminal law: the background of the development, the prototype of the General part first Criminal code of the RSFSR, meaning (for the 100th anniversary of adoption)

**Chuchaev A.I.,
Gracheva Yu.V.,
Malikov S.V.**

Mission: the article is devoted to the analysis of the conceptual foundations of the decision of the People's Commissariat of Justice of RSFSR from December 22, 1919 «The Guiding principles on criminal law of RSFSR», the authorship of the document and its structure. The main provisions of the Guiding principles their relationship with similar provisions of the General part of the Criminal code of RSFSR of 1922 are also described and relevant criminal legal views 1917–1922 are investigated. The value of the specified resolution for the further development of Soviet criminal legislation and theory of criminal law is defined.

Methodology: analysis, synthesis, deduction, formal legal method, historical, dialectical, system methods, method of intersectoral legal research.

Conclusions. The Guiding principles were an attempt by the People's Commissariat of Justice of the RSFSR to systematize the norms of the General part of Criminal law that were developed as a result of the rulemaking process carried out during the first years of Soviet power. It was based on the class approach, which was most clearly manifested in the definition of the concept of crime and the tasks of Criminal law. The main purpose of this act was to fix criminal responsibility for crimes in order to stabilize the situation in the state and society. At that time, the development of criminal legislation was dictated by considerations not so much of a strategic criminal policy as of a tactical survival policy.

Scientific and practical significance. The authors first presented a comprehensive view of the Guiding principles, consisting in the analysis of their history, establishing a relationship between the Guiding principles and the General part of the Criminal code of the RSFSR 1922 from the perspective of the problem of continuity of the basic provisions and defined the value of the Guiding principles.

Keywords: resolution, People's Commissariat of Justice of the RSFSR, Guiding principles, structure, introduction as a special structural element, crime, guilt, punishment, social protection measures, Criminal code of the RSFSR 1922.

Ensuring of state economic security by internal affairs bodies of the Russian Federation

Skurtul A.A.

Mission: review and analyze the actual problems of ensuring state economic security by the internal affairs bodies of Russia and propose their solutions.

Methodology: dialectical method, formal-logical method, systematic method, methods of analysis, synthesis, deduction.

Conclusions. Ensuring state economic security is one of the most important tasks for all government structures. The key role in solving this problem is played by the internal affairs bodies of the Russian Federation. There are different opinions and views on the definition and contents of economic security within the scientific world. Despite the different views of scientists and practitioners, they coincide in that economic crimes are one of the key sources that create threat to the country's economic security. To ensure state economic security, it is necessary to develop an adequate modern mechanism to counter economic and tax crime. The implementation of proposed mechanism involves the development of some organizational, regulatory, organizational, structural and other solutions.

Scientific and practical significance. The developed analysis showed the presence of significant problems in the area of ensuring state economic security. The problematic aspects of countering economic crimes are identified. The presented proposals can be used by heads and employees of internal affairs bodies in practical activities to counter economic crimes.

Keywords: economic security, internal affairs bodies, branches and areas of the economy, economic crime, economic crimes.

Criminological characteristics of fraud in the sphere of computer data

Vorobyova M.S.

Mission: to characterize fraud in the sphere of computer data from a criminological angle, to suggest protection methods against it.

Methodology: analysis, deduction, empirical methods of comparison, description, interpretation, formal legal method.

Conclusions. Fraud in the sphere of computer data is a highly controversial *actus reus*. It is discussed by scholars of legal theory and by people who deal with law enforcement. This cybercrime takes many forms, but the main

element which allows to differ fraud in the sphere of computer data from other crimes is manipulation of computer information as a way to steal the property or property rights. In order to prevent fraud in the sphere of computer data we should implement policies primarily to improve computer literacy of citizens and their awareness of the methods of computer information protection. Moreover, extensive coverage of the frauds in the sphere of computer data which were successfully solved seems to be an effective way of prevention too.

Scientific and practical significance. Fraud in the sphere of computer data is a controversial issue, so analysis of different points of view and legal sources is made in this research in order to formulate the most practice-oriented approach to understanding of fraud in the sphere of computer data. Furthermore, methods of protection against fraud in the sphere of computer data which are accessible for the majority of citizens are suggested.

Keywords: fraud, cybercrime, criminology, computer data, crime, criminal, victim, information technology, preventing cybercrime, computer system.

The Explanation of Hitlerism

Antonyan Yu.M.

Mission: to show the true causes of Hitlerism (Nazism) in Germany from historical, socio-psychological, sociological, political, ideological perspectives.

Methodology: deduction, formal legal method, comparison of the facts of development of Nazism in Germany and Europe from these positions.

Conclusions.

Hitlerism (Nazism) is an inevitable phenomenon for Germany due to the ideas of the majority of the German population about the exclusive role of their country.

Hitlerism (Nazism) is an is a product of the crowd, that is considered as the most intellectually weakened, gullible part of the German people. The crowd is also inclined to the simplest decisions.

In the history of Germany there was a very important archetype of a leader, who should be obeyed unquestioningly. Ideology in Germany is quickly turned into material power.

Hitlerism (Nazism) is a regression to ancient times, to the roots of history, when national archetypes began to take shape.

Scientific and practical significance. The study of the causes of Hitlerism has a purely scientific (historical, psychological, legal, sociological), and purely practical value, since it should help to prevent such catastrophic processes in the future.

Keywords: Hitlerism, Nazism, necrophilia, archetypes, crowd, messiah, messiah, Führer, anxiety, wolf, master, cult of personality.

Topical issues on prevention of juvenile delinquency (the Round Table)

Skiba A.P.,

Nistratova I.S.,

Karkhanina L.V.

Mission: to give a substantive analysis of the practice of applying the law on the basics of crime prevention in the Russian Federation.

Methodology: a set of methodological approaches including deduction, induction, analysis, synthesis, comparative legal method, method of translation and processing of the transcript of the meeting.

Conclusions: as a result of the various points of view presented, the following conclusions are mentioned: 1) the law is designed in such a way that it is practically not applied; 2) the law is weakly correlated with other regulatory legal acts and, above all, with those that are related to the issues of convicted prisoners serving their sentences; 3) in other countries, including countries in the post-Soviet space, such laws exist and it is important to maintain interaction on the prevention of offenses; 4) some legislative constructions of the law, nevertheless, are useful and well spelled out; 5) the existing real crime is fundamentally different from the registered crime, and the law does not respond to this situation.

Scientific and practical significance. The significance of this discussion is determined above all by the general understanding of all its participants that monitoring of the enforcement of the law on the fundamentals of the prevention system should be continued.

Keywords: offense, crime, responsibility, relapse, victimology, system, prevention, law enforcement, resocialization, registration, statistics, latency.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ ДЛЯ АВТОРОВ ЖУРНАЛА «СОЮЗ КРИМИНАЛИСТОВ И КРИМИНОЛОГОВ»

I. Аннотация

Текст аннотации – от 1 500 до 3 000 знаков.

Обязательные разделы аннотации:

1. Цель.
2. Методология.
3. Выводы.
4. Научная и практическая значимость.
5. Ключевые слова.

Ключевые слова: 10–12 слов и словосочетаний (словосочетания – не более двух слов).

Автор переводит аннотацию на английский и немецкий языки самостоятельно. Редакция оставляет за собой право попросить автора улучшить представленный перевод.

Перевод названий разделов аннотации

Английский язык	Немецкий язык
Abstract	Abstrakt
Mission	Ziel
Methodology	Methodologie
Conclusions	Schlussfolgerungen
<i>Scientific and practical significance.</i>	Die wissenschaftliche und praktische Bedeutung
Keywords	Stichwörter

Перевод на дополнительный язык также возможен по желанию автора и его силами и средствами.

II. Статья

Сведения об авторе, которые необходимо указывать:

ФИО автора, должность, место работы, ученую степень и звание, электронную почту (обязательно).

Объем статьи не менее 10 страниц: шрифт – Times New Roman, высота шрифта – 14 пунктов; межстрочный интервал – полуторный; абзацный отступ – 1,25 см; поля: верхнее – 2 см, нижнее – 2 см, левое – 2,5 см, правое – 1 см. Объем не менее 27 000 знаков с аннотацией. Максимальный объем статьи – не ограничен. **Важно:** в случае, если статья превышает 20 страниц, она должна быть разбита на разделы (название и количество разделов – на усмотрение автора).

III. Ссылки

Ссылки и список литературы – даются на русском и английском языках. Переводятся автором самостоятельно.

Название раздела: «Ссылки и библиография» (Referencies).

Ссылки и список литературы размещаются в конце в хронологическом порядке. На все источники из списка литературы должны быть ссылки в тексте. При этом в тексте в квадратных скобках указывается номер источника в списке литературы и страница источника.

Пример: [5, с. 425–426].

В списке литературы указываются только монографии и научные статьи (в том числе и опубликованные в электронных источниках). В списке литературы не указывать учебники и газетные публикации. Законы, ГОСТы, инструкции, учебники, газетные публикации можно указывать только в постраничных сносках (нумерация сквозная по документу). Оформление ссылок на русском языке осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5—2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

При переводе на английский язык указывается как ее перевод, так и транслитерация, проведенная с помощью одной из принятых международных систем транслитерации (www.translit.ru, меню **Варианты**, пункт **BSI**). В переведенной ссылке лучше указывать английское название журнала (если оно есть) или его транслитерацию. Проверить наличие английского названия у журнала можно на ресурсе www.elibrary.ru

Пример оформления ссылки на английском языке:

Качалов В. В. Уголовная ответственность юридических лиц: критический анализ аргументов против // LexRussica. 2016. № 12. С. 32–38.

Kachalov V. V. (2016) The criminal liability of legal entities: a critical analysis of the arguments against [Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits: kriticheskii analiz argumentov protiv], LexRussica, No 12, pp. 32–38. (in Russian, abstract in English)